The background of the book cover is a landscape photograph. The top half shows a dark, rocky or mossy ground with two prominent, dark, vertical roots or tree trunks extending downwards. The bottom half shows a bright, hazy sky with a sunburst effect in the lower-left corner, suggesting a sunrise or sunset over a valley or plain.

Виктор Ананишнов

Реликтовая популяция

КНИГА **3**

12+

Виктор Васильевич Ананишнов

Реликтовая популяция. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66165104

SelfPub; 2021

Аннотация

Завершающая книга повествования о трансформации обитаемого мира планеты Земля в будущем, о потере человечеством своего доминирующего положения в нем, о забвении былой цивилизации и о тех, кто всё ещё обладали знаниями и достижениями предков, боролись и старались не сдаваться.

Виктор Ананишнов

Реликтовая популяция. Книга 3

УЗЕЛ ПЕРЕХОДА

РЕМАРКА

Навсегда ушли те времена, когда человечество, полное сил и надежд на будущее, ломало все представления об окружающем его мире. Науки и технологии открывали беспредельные, казалось, возможности. Макро и микро миры лишались покрова тайн и начинали служить человеку, протянувшему свои устремления всё дальше и глубже. Где-то уже маячило физическое бессмертие для желающих, расширялись границы познаваемого и усваиваемого космоса, обещалось грядущее счастье...

Но уже в самой сердцевине всего этого неудержимого как будто потока знаний, освоения и ожиданий наметились многочисленные червоточины. О них говорили, порой обсуждали и даже предупреждали, однако люди, видя вокруг мир, где они появились, таким, каков он есть, мало обращали внимания на нелепые, с их точки зрения, заботы тех, кто думал о

последующих временах.

Да и как мог считать человек, вооружённый такими знаниями, достигнутое им пределом своих возможностей или искать в своих достижениях тупики, если вся история его развития подтверждала истину – нет непреодолимых преград, есть только кажущийся процесс замедления, связанный с накоплением нового знания для последующего рывка вперёд...

Всё случилось неожиданно...

Всего пять лет понадобилось тому, что привело человечество на грань краха, а потом к самому краху. Длительный механизм развития дал непоправимый сбой, ибо наступил момент, когда земная биосфера, опустошённая и упрощённая до предела из родной матери вдруг превратилась в мачеху, а технические успехи наткнулись на ошибки неоправданного риска и спешки.

Задыхающаяся от недостатка кислорода, Земля дрогнула от падающих городов-спутников, пережив геологическую и экологическую катастрофу: моря вышли из берегов и до неузнаваемости изменили очертания материковой суши, пыль и дым на годы перекрыли доступ солнечной энергии – источнику всего живого, выхолаживая поверхность планеты. Она быстро, не в пример тысячелетнему подъёму цивилизации, покрылась руинами городов, заброшенных дорог и покинутых навсегда территорий. Вымерли многие виды растений и животных, реки потекли по новым руслам, невероятно быстро растущие горы возникли там, где их нельзя было

ожидать.

Обитаемый мир изменился неузнаваемо...

Жалкие остатки бывшей гордой расы людей, всё ещё обладающие знаниями и достижениями предков, боролись и старались не сдаваться. Они создавали города-резервации, прокладывали новые дороги... Нехватка природных ресурсов приводила к войнам, восстаниям, бунтам. Опять появлялись руины, которые либо отстраивались, либо истирались из памяти людской.

Проходили века, новые поколения людей, вкупе с другими разумными, продолжали жить, повседневно натываясь на вещественные останки прежних времён, поражаясь им, а поражённый ум пытается объяснить видимое, оттого рождаются легенды, мифы, предания, где правда уступает выдумке или откровенной неправде...

Не всё погибло в веках, утверждали некоторые из этих преданий. Где-то остались ещё не только потребители прошлого, но и творцы, думающие о будущем. На них возлагалась надежда, это они могут прийти и изменить статус человечества, вновь колыхнуть его прежнюю активность, предприимчивость, волю к созиданию.

Однако такие надежды убаюкивали сознание, ибо проще ждать, чем что-то делать самому, – так думали практически все горожане. А ждать пока что было можно. Устройства и механизмы, доставшиеся от немислимых прошлых свершений человечества, пока что бесперебойно кормили и поили

их, одевали, поправляли здоровье, защищали от скудеющей природы, обеспечивали быт и другие скромные, не чета, конечно, древним, потребности.

Но были и другие люди. Они составляли ничтожно малую часть, но они были во все времена, в том числе и в пору, описываемых в этом повествовании событий.

Жаждающие нововведений, открытия для себя мира, живущие не чаяниями на кого-то, кто придёт и сделает всё так, как мечтается, а пытающиеся что-то сделать самим. Но и они верили в приход некой мессии, которая поведёт за собой всех людей...

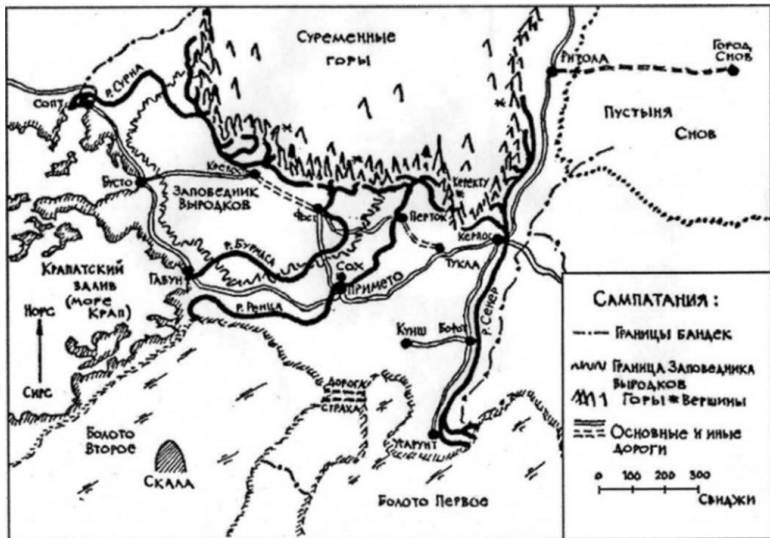
Надежды порождали молву, она будоражила умы, выкристаллизовывала не только образ Того или Тех, Кто Объединит, но и имена.

И таким именем стал Три-Бланка, воплощённый в образе Аба-Ава.

Он придёт в этот мир, его никто не узнает, а тот, кто узнает, захочет его уничтожить. Но Три-Бланку нельзя убить, его нельзя поймать. И не только его самого, но и тех, кто сплотился вокруг него, кто помогает ему стать тем, кем он должен будет стать и предстать перед обновляющимся человечеством.

И вот как будто он появился...

Но достоин ли он молвы?

Книга третья

УЗЕЛ ПЕРЕХОДА

Дорога к Скале

Глава 1

Хабулин Свима – Ертона Естифы Еменкова Естика Ермала – достоин описания.

Тем более что он с незначительными, а вернее, специфическими отклонениями был типичным для подобных жилищ и хозяйств многоимённых.

Над современным Свиму урезом поверхности улицы возведено трёхэтажное здание и, примыкающая к нему открытая, не огороженная, площадка, представляли дом Емековых и двор. Дом, выстроенный несколько сотен лет из не вечных материалов, но укреплённый мелероновыми стяжками и покрытием стен и кровли, до сих пор выглядел прилично. Во всяком случае, окружающие постройки обычных горожан – инегов и ухрупов – уступали ему и по размерам, и по прочности, и по архитектурной примечательности. То были в основном одноэтажные строения, пережившие стольких хозяев, что некоторые из этих домов погрузились под самый карниз в грунт, ожидая, когда их поднимут над старым строением или просто разрушат, а на этом месте возведут другое аналогичное жилище.

Дом – внешняя и парадная часть хабулина. В самом доме располагались залы для приёма гостей, находился домашний музей-памятник с самыми сокровенными экспонатами семьи и информационная – небольшая комната – с необходимым набором средств связи, чтобы знать распоряжения ку-гурума из первых рук. В доме также были комнаты для развлечений, приёма пищи и спальни для хозяев-многоимённых.

Еменковы никогда не славились гостеприимством. Отто-

го залы – их было три – занимали скромное место как по убранству: на стенах висело несколько древних видеокартин с незамысловатыми сюжетами из жизни семьи и чисто пейзажные, два-три стола с креслами вокруг и камин-реликт, так как никогда огонь в нём не разжигался, так и по занимаемой площади: каждый человек на двадцать.

Зато музей-памятник занимал почти весь второй этаж, потеснившись лишь для информационной комнаты. Эта комната в семейной истории Еменковых пользовалась дурной славой и, как это бывает, всегда притягивала к себе очередного потомка, чтобы навсегда оставить об информационной ещё одно негативное воспоминание.

Считалось традицией в музее-памятнике оставлять какую-нибудь памятную вещь от очередного хозяина хабулина с указанием кто, когда и почему решил сохранить именно этот предмет для будущих поколений. Свим тоже внёс свою лепту, поставив в угол двигателя веков – глаудеры, снятые с шара, управляемого Клоудой. Пусть стоят пока здесь. Кто знает, может быть, они когда-нибудь пригодятся и ему, Свиму...

Для развлечения чаще всего использовались всевозможные игры – не хитрые, не требующие умственного напряжения. Основная задача – убить время, которого у долгоживущих и не знающих, чем заняться людей было предостаточно.

Ниже уреза поверхности земли располагался дувар – подземная часть хабулина. Она-то и составляла особенную часть

каждого дома многоимённого, поскольку создавалась исторически и служила памятником затерянного в веках прошлого семьи. Дувары хранили в себе остатки древних строений – домов, их пристройки, переходы, некогда составлявшие часть улицы или дороги, а то и на всём их протяжении под городом. Чем глубже в недра уводили лестницы и аппарели, тем причудливее, прочнее и обширнее представлялись всевозможные сооружения, так как древние строили лучше, с размахом и со вкусом.

Под домом современных Еменковых на глубине почти двух канторов сохранилось здание, построенное, по всей видимости, ещё до падения города-спутника. Может быть, оно в те времена не было собственностью Еменковых, поскольку в их роду оставалось глухое предание о переселении далёких предков в Примето откуда-то из других мест. Так ли было на самом деле, но это была великолепная постройка. Как она выглядела снаружи, будучи ещё не похороненной культурным слоем было представить сейчас, конечно, трудно, однако внутри число помещений и их отделка поражали воображение. Давным-давно развеялись в прах невечные материалы и многие вещи, и всё-таки часть стен и потолка сохранили былое. Здесь, громоздясь в относительном беспорядке, располагались раритеты семьи Еменковых – осколки прежних цивилизаций, выстоявших против времени. Несколько кусков различных металлов, майолики, каменных изваяний, древнее оружие, постепенно истлевающие книги и рукописи,

образцы одежды разных эпох...

Хозяева редко заходили сюда, если только в молодости, когда в них ещё жил интерес к истории семьи или жажда знаний. Порой несколько поколений даже не заглядывали в эти помещения. Такими, как знал Свим, были его отец и дед, чьи жизни оборвались далеко до старости. У них были свои интересы, далёкие от желания копаться в древних семейных наслоениях артефактов.

В зависимости от характера хозяев и их общительности, хабулины либо кипели всевозможными разумными, либо зияли безлюдьем, что определяло роль столовых в хабулине и число вечных раздаточных автоматов.

Хабулины извека служили поставщиками пищи не только для своих нужд, но и для остального населения городов. Древние создали вечные синтезаторы, позволяющие накормить громадное число едоков, количество которых в городах постепенно уменьшалось, отчего большая часть раздаточных бездействовала, либо служила для удовлетворения широкого набора продуктов.

Еменковы обладали богатым запасом синтезаторов. И не только пищевых. На месте хабулина здесь когда-то, по-видимому, был некий центр по производству необходимых для города вещей, утвари, изделий. Семья Свима поставляла для горожан безвозмездно, в силу городских законов, некоторые виды одежды, обуви, пластинчатый мелерон, полуфабрикаты из вечной кожи и многое другое, диктуемое положени-

ем и возможностями хабулина. Таким образом, все многоимённые, как обладатели хабулинов, сообща обеспечивали людей и других разумных всем необходимым для жизни, быта и развлечений, а также для обмена между городами недостающим.

Хабулины Керпоса, например, кормили и снабжали продуктами без малого треть бандеки. Примето, в свою очередь, в таком же объёме, кроме того, напитками и бытовой утварью и поставлял одежду, особенно верхнюю. Потому-то по дорогам шли бесконечные караваны вьючных торнов, переносящих грузы из одного конца Сампатании в другой, и за её пределы.

Во все времена самодостаточность той или иной бандеки определяла и подконтрольную ей территорию. Когда выходили из строя раздаточные, а такое бывало в истории людей, разумные уходили из тех мест. Тогда, рассчитанные на постоянное использование вечные дороги, не ощущая нагрузки, начинали отмирать и зарастать чахлой растительностью. Проходили годы – обжитые районы превращались в Дикие Земли. И то, что здесь когда-то жили люди, говорили о том лишь отдельно уцелевшие строения, да и то древней постройки. Новое истиралось с лика Земли и в памяти намного быстрее...

Свим, в сопровождении своей поредевшей команды, ведомый проводником от Калеи неизвестными подземельями,

с возрастающим нетерпением поспешал к родному дому, погружённому в эти ранние часы в сон.

Наконец он с бьющимся сердцем остановился перед выходом из подземного хода, попридержал Клоуду и поблагодарил сопровождавшего их дурба. Тот молча кивнул и стал спускаться обратно вниз.

Площадь и широкая улица перед домом сейчас были пусты и тихи. Свим одним взглядом окинул строение и нашёл его в порядке. Оглянулся, но никого за собой не увидел.

Вывод и переход всех спутников Свима через площадь мог быть замечен соседями, которым, правда, мало дела до них, но уже днём в городе будут знать о внезапном появлении у дома Еменковых большого числа разумных в неурочный час. Этого не хотели ни сам хозяин хабулина, ни встретившие его в подземелье. Поэтому Свима сейчас сопровождала только Клоуда. Остальные столпились глубоко внизу у неприметной двери. Её должен был открыть Свим и впустить команду в свой дувар.

– Вот мы, Кло, и дома, – с хрипцой в голосе сказал Свим и проглотил неожиданный комок в горле.

Клоуда судорожно цеплялась за его руку, так что Свиму приходилось почти нести её.

– Я... боюсь!

– Что ты, милая... Это и твой дом, – проговорил уверенно хозяин хабулина, шаря рукой в пукеле. – Я сейчас...

Он нашёл размыкатель входной двери. Она бесшумно рас-

крылась.

– Входи, Кло, – повёл рукой Свим в сторону хорошо освещенной прихожей, приглашая её войти в дом первой.

Она, не отпуская его руки, сделала робкий шаг, задержалась на пороге, вытянула шею, чтобы заглянуть внутрь, прежде чем войти, – что её там ожидает?

Свим мягко подтолкнул её в спину и вошёл сам.

Из прихожей вверх вела широкая лестница. На ней появилась заспанная личина Х”юмы – выродка из собачьих, давнего стража входа в дом Еменковых.

– О! Хозяин! – узнал он вошедшего. – Мы ждём тебя!

– Здравствуй, Х”юма! – приветствовал стража Свим и распорядился: – Сестру не буди. Надо сейчас же открыть третью глухую дверь и впустить людей и путров. Приготовь им постели внизу. Для людей – горячий душ для мытья, открой гостевые закалочные. Одежду проверить и восстановить... Та-ак... Знакомься, это Клоуда. Она будет хозяйкой хабулина. С ней я пройду в свою спальню. Горячий душ нам тоже. Через празу на всех завтрак... Выполняй!

– Всё сделаем, хозяин, – деловито заверил Х”юма и быстро направился выполнять указания.

– Вначале всех впусти, – напомнил ему Свим. – Пошли, Кло...

Клоуда не могла вымолвить ни одного слова. В хабулине многоимённого она бывала, но сейчас она увидела кусочек того, каким образом управляется это сложное хозяйство.

Чёткие распоряжения Свима, беспрекословное им подчинение со стороны обитателей дома.

Они поднялись на второй этаж, попали в широкий коридор или просто большую комнату, лишённую какого-либо убранства, за исключением нескольких видеокартин и жутко, по мнению Клоуды, старинной люстры. опережая её, Свим широким шагом направился в сторону притемнённого алькова, открыл очередную дверь.

– Вот здесь мы с тобой будем... – он вдруг задумался, не зная как сказать, – будем обитать, пока ты не пожелаешь выбрать для себя что-нибудь подходящее... Ну, в этом Елина больше разбирается. Подскажет. А сейчас... всё это теперь твоё.

– Свим... – только и смогла произнести восхищённая Клоуда, осматривая своё будущее жильё.

Всё в этой комнате дышало многовековым уютom. Здесь мужали и старились многие и многие предки Еменковых – хозяев хабулина.

На первый взгляд Клоуды (и даже к её мимолётному разочарованию) в ней отсутствовала, казалось бы, самая необходимая утварь. Она просто была пустой. Но стоило им войти внутрь, как матово замерцали и зажглись вечные светильники, стены словно распахнулись. И проявилось, как из небытия широченное ложе, накрытое настоящим, не вечным, покрывалом, от вида которого у Клоуды защемило в груди – она вдруг только сейчас до конца поняла, что всё сказанное

Свимом правда: он многоимённый, у него родовой хабулин и она в нём отныне полноправная... До этого мгновения, хотела она того или нет, червоточиной свербело подозрение – её любимый лишь набивает себе цену, дабы поднять себя в её глазах.

Она легко и осторожно дотрагивалась рукой предметов спальни и будто чувствовала в них вековую насыщенность устоявшегося покоя, ибо они не покидали своих мест со времени оно.

За дверью раздались торопливые шаги, и в комнату влетела молодая женщина, едва прикрытая короткой ночной сорочкой, тоже, как отметила насторожённая Клоуда, из не вечного материала. Великолепные волосы вызывающе красивой и хорошо сложенной женщины свободно развевались от быстрых движений.

– Ертон! – радостно вскрикнула она и бросилась в его объятия. – Ты, наконец-то, дома!.. Как я рада!.. Ах...

– Здравствуй, дорогая моя! Я тоже рад наконец-то тебя видеть! И... Познакомься, это Клоуда. Она моя ауна... Кло...

Вид бурной встречи Свима с незнакомой женщиной, как видно, имеющей на него какое-то право, едва не вызвал шока у Клоуды. Ей даже в голову не пришло, что это могла быть сестра Свима, о которой он ей так много рассказывал. У неё вспикели совершенно другие мысли. Многоимённые могут иметь несколько жён, – вспомнила она расхожее мнение. Оттого ревность и разочарование, обида и ненависть вспыхну-

ли в её сердце и заставили его биться тягуче и больно, пока шла сцена обнимания и жарких, как ей казалось, поцелуев, хотя ни того, ни другого по сути своей не было.

Клоуда закусила губу, слёзы готовы были хлынуть из её глаз. Ах, как она обманулась! Как Свим обманул её! Что же теперь ей делать?

– ...Кло-о! – наконец расслышала она голос Свима. – Ты чего?.. Познакомься! Это Елина. Моя сестра.

Елина тут же также радостно бросилась на шею жены брата, ошеломив Клоуду этим поступком не меньше, чем своим внезапным появлением.

– Вот и хорошо! – сказала она, оставляя, наконец, Клоуду. – А то, сколько можно быть одному?

Она стала что-то быстро и непонятно говорить одновременно и Свиму, и Клоуде, пока Свим не остановил её.

– Мы не одни, – проговорил, подождав, счастливо улыбаясь, Свим, когда сестра чуть успокоится, а Клоуда придёт в себя, хотя и не избавилась от робости перед сестрой многоимённого. – Я распорядился, чтобы Х”юма открыл третью глухую дверь в дуваре и впустил бы моих друзей. Их там много. Люди и путры. Хорошо, если бы об их появлении у нас никто не знал. Позаботься, пока я тут разберусь. Да, Елина... Вот ещё что... – Свим задумчиво посмотрел на Клоуду, усмехнулся. – Мы с Клоудой прошли через Дикие Земли...

– Ах! – испуганно всплеснула руками Елина. – И она?

– И она... Поэтому, сама видишь, как она одета. А у меня

здесь, – он повёл рукой, – для неё ничего нет... Я даже не знаю ключа к синтезатору...

– Конечно, Ертончик! – она назвала его так, как называла ещё в детстве. Он её – Елинка-глинка, а она его – Ертончик. – Я всё сделаю. Ей понравится! Тебе, Клоуда, понравится! Пойдём скорее со мной!

Деятельная Елина за руку увела Клоуду за собой, а та оглядывалась на Свима.

– Иди, милая! Мы скоро встретимся.

Глава 2

– Жаль, – голос агоровца выдавал его растерянность. – Как же так произошло?

Жуперр вздохнул. Он устал и не выспался.

– Они ушли в дувары неизвестным нам проходом, а затем затопили его.

Он не оправдывался, а констатировал произошедшее. Он уже пережил свой шок от случившегося, а агоровец, по-видимому, это делал сейчас.

Общаясь с ним, с момента, когда представитель Агоры Тескома вначале пригрозил сместить его на посту руководителя Южной части организации, Жуперр постепенно стал проникаться его заботами. В нём исподволь созревало понимание необходимости проводимого мероприятия по поимке юного отпрыска всемогущих некогда Бланков. В том нема-

ловажную роль сыграла уязвлённое чувство бессилия перед поистине невероятной неуловимостью большой группы разумных, а вернее, неспособностью тескомовцев, несмотря на большие потери, уничтожить её. В конце концов, их деятельность как раз и направлена вообще на установление порядка и, в частности, для выполнения подобных данному случаю задач.

Голос с лёгким придыханием агоровца, что говорило опытному Жуперру о немалом возрасте невидимого собеседника, казался доносящимся в этот раз издалека, словно обладатель его за последние несколько прауз удалился на громадное расстояние.

– К сожалению, мы не знаем, кто скрывается под нэмом Свима Сувелина Симора.

– Даже Присмет не знает...

– Мне известно об этом. Он ещё не вернулся?

– Нет. Я думаю, он разочарован погоней.

– Это его дело... Но, может быть, он что-нибудь отметил примечательное, пока гонялся за Бланкой. Появиться, спроси. Теперь о Свиме. Есть косвенные данные его принадлежности, по крайней мере, к стоимённым. Попробуй навести справки о многоимённых, бывших до того в отлучке, а сейчас появившиеся в городе.

– Это мы сможем, – заверил Жуперр, но спохватился и поправился: – Не сразу, но сможем.

– Надеюсь. И ещё. Этот Свим... Когда только успел?.. Так

вот, он как будто увёл за собой девушку по имени Клоуда. Клоуда Кавели Ковда пилот воздушного шара Тескома. Так утверждает другой пилот. Тоже женщина. Она видела Свима, но её представления о нём не совпадают с нашими. Другое дело, что она может узнать его, если появиться такая возможность. И Свима знает Присмет.

– Естественно, знает.

– Тогда... Ищи Свима. Через него мы сможем выйти на мальчика.

– Мы сможем... Мы... – буркнул себе под нос тескомовец, удостоверившись, что связь между ним и агоровцем оборвалась или закончилась.

Впрочем, этого наверняка он никогда не знал. И, наверное, не узнает.

Он тяжело поднялся и направился не свойственной ему шаркающей походкой давать распоряжение по вышеуказанной рекомендации дальнейших действий.

Глава 3

Камрат то ли спал, то ли грезил наяву. Тело его, горячее и беспокойное, наливалось тяжестью. Мышцы разбухали, сердце билось учащённо, непрерывно ударяя мощными толчками в грудь. Постоянно мучила жажда, но бабка Калея, пробуждая его к действительности, отмеряла ведомую только ей норму еды и питья, насытиться которыми, как всё вре-

мя хотелось Камрату, было невозможно.

На все вопросы жаждущего Калея отвечала одно и то же:

– Этого достаточно. Потерпи ещё... Осталось недолго ждать.

– Чего? – не слишком настойчиво и вяло интересовался Камрат, но бабкиным словам верил.

Постоянно он ощущал прилив новых необъяснимых чувств и чего-то невнятного, но усиленного происходящего с ним.

Комната, куда его поместили после встречи и ухода Свима с большей частью команды, с каждым новым возвращением из сна, словно скачком уменьшалась в размерах, мельчали вещи, заполнявшие её.

Стол, где его кормила Калея не казался теперь той громадой, которой он представлялся ему в первые пражузы пребывания здесь. Вначале приходилось тянуться плечами до столешницы, чтобы взять руками кусочки прителя и бренды с большого подноса и бокал с питьём. Сейчас же он мог свободно облокотиться и при желании, протянув руку, коснуться противоположного края стола.

Порой сонливость и вялость всех членов его существа вдруг резко активизировались, и становилось понятным, что сил в нём прибавилось многократно.

А бабка Калея, фигуру которой он помнил с детских лет, прямо на глазах постепенно тончала, а рост её уменьшался. Однако она твердила своё:

– Потерпи ещё... Осталось недолго.

Он беспрекословно подчинился её негромкому и ласковому голосу: таким он услышал его когда-то, со времени понимания окружающего. В тональности и обертонах этого голоса заключалась необыкновенная сила убеждения, успокоения и поддержки. Они давали Камрату целеустановки, и он следовал им безоглядно. Только иногда ему как будто хотелось, если не воспротивиться, то хотя бы возразить, но тут же в нём словно включался какой-то механизм, мягко подавляющий вспыхнувшее желание сопротивляться действиям и словам Калеи.

– Потерпи ещё...

Он терпел.

Он терпел, а его сознание всё чаще и чаще блуждало по закоулкам памяти. Из них тенями всплывали странные образы и события, произошедшие, якобы, с ним самим, но почему-то преданные забвению. До того, как он попал в полуразвалившийся дом Калеи, у него, похоже, уже состоялась, забытая до этих дней, недолгая, но яркая жизнь вне города или какого-либо человеческого поселения, но люди вокруг него были. Много людей. Правда, их одежда и манера держаться отличались ото всего того, что потом он видел вокруг. Они казались ему целеустремлёнными. Лица некоторых из них, мужчин и женщины, вызывали непонятное беспокойство – он их в той жизни видел чаще других, и с ними у него были связаны как радостные, так и тревожно-настороженные

ощущения.

Вообще, образы знакомых и совершенно незнакомых ему разумных доминировали в видениях Камрата. Они заслоняли и отодвигали в сторону события, связанные с ними. Он уже привык, что кто-то всегда посещает его во сне ли, в грёзе ли.

Так продолжалось долго. Сколько, Камрат не смог бы ответить – день или месяц, а может быть, и значительно больше.

И когда вместе с Калеей объявился полный мужчина, неоднократно снившийся ему во время скитаний в команде Свима, он не обратил особого внимания на него – очередная очень яркая, но всё-таки галлюцинация, а то, что он стоит рядом с бабкой, так это было всегда. Однако голос бабки прозвучал властно и наяву:

– Бланка!.. Пора!.. Бланка!

Она смотрела на него прожигающим взглядом, а он никак не мог понять, в каком из миров его пребывания это происходит.

– Бланка! Пора в Путь! Он ждёт тебя!

Да, она обращалась именно к нему. Её голос источал требовательность, сочетание и перепады звуков безболезненными иглами вонзались в его мозг и во все клетки тела, наливая мышцы упругостью, активизируя их к действию.

– Бланка, пора!

– Я... – разжал онемевшие челюсти Камрат. – Я готов!

– Тогда вставай! – жёстко произнесла Калея.

И он встал...

И понял, что всё кажущееся случилось на самом деле.

Он не узнал окружающее его пространство. Оно сильно изменило свои контуры и соразмерности. Всё вокруг и вправду помельчало до неузнаваемости: вещи, сама комната, в которую он входил словно в большой зал, и, главное, бабка Калея. Она стояла перед ним и снизу вверх взирала на него восторженными глазами, в них стояли слёзы.

«Бабка...» – хотел сказать он, что всё закончилось, что они снова вместе и не следует ей плакать, но не узнал своего голоса. Из него изверглись рокочущие звуки сочного мужского баса. Он замолк, кашлянул.

– Что со мной?

Она, смахнув слёзы, счастливо засмеялась. Сеть глубоких морщин на её лице вдруг расправилась, и на Камрата глянула женщина, какой была Калея лет сто пятьдесят назад. Очень красивая женщина.

Мужчина, пришедший с нею и до того молча наблюдавший за пробуждением недавнего мальчика, а отныне громадного мужа с развитыми бицепсами, мощной грудью и длинными сильными ногами, тоже засмеялся и шагнул ближе к Калее.

– Не хотел бы я сейчас оказаться на его месте, – сказал он глуховатым, словно направленным в большую гулкую ёмкость, голосом.

– Наверное, – неопределённо отозвалась Каляя, и Камрату: – Ничего не случилось. Произошло то, что должно было свершиться ещё месяц назад. И хорошо, что не свершилось. Есть хочешь?

– Да! – не задумываясь, ответил Камрат и только после этого почувствовал всё поглощающий голод. – Да, да! И прямо сейчас!

– Кате! – опять засмеялась Каляя и обернулась к спутнику.

– Всё готово! – весело подхватил мужчина и, попятившись, задом открыл дверь, в которую они вошли с Калеей.

Через двери два выродка со светлыми полосами вдоль спины – из барсуков – вкатили длинный стол на колёсах, сплошь покрытый снедью. Прежний стол, за которым Камрат ел в последнее время, исчез, измельчав так, что в прошлый раз, как помнилось ему, приходилось за ним сидеть, согнувшись в три погибели.

– У-у! – вырвалось у него нечленораздельное, и через мгновение он никого не видел и не слышал – его вздутое за короткое время естество требовало существенного заполнения.

Каляя и Кате также сели за стол и не столько ели, сколько с восхищением и понимающими улыбками наблюдали за быстрой работой челюстей недавнего мальчика.

Рядом стояли выродки и, подражая людям, хныкающе хихикали – такого они ещё в этом доме не видели, хотя обширный хабулин их хозяина переполняли молодые мужчины, не

страдающие отсутствием аппетита.

Да, зрелище стоило того, чтобы удивляться.

Ольдим уныло наблюдал за необычной вольницей, шумевшей вокруг необъятного стола. Громадный зал, где трапезничали так называемые гости Кате, располагался на шестом уровне хабулина от поверхности наземного Центра Примето. Дурб чувствовал себя среди молодых – сорока, от силы восьмидесяти лет – бесшабашных и постоянно веселящихся людей, мужчин, лишним, забытым и нелепым. Сам себе он представлялся покрытой пылью неприметной вещицей музея дома Кате, засунутой в дальний угол и ставшей никчёмной за давностью лет. Оттого и каманам складывалась грустной и непонятной, будто вырванной по строчкам из самой души:

Что век назад, что век вперёд -
нет новизны, а лишь движенье тел...

Как глубоко одно упало...

Другое же – без меры кичиться своей
свободой безмятежности...

Первые два-три дня он, конечно, шокировал своим обезображенным лицом этих, мало повидавших, ещё молодцов и даже испытывал оттого самодовольство. В конце концов, никто и никогда из них не будет на него похож ни своим твор-

ческим началом, ибо ни у одного не было и проблеска сказать или придумать что-нибудь оригинальное, ни, тем более, обликом. Однако чуть позже, у него вдруг появились совершенно иные мысли, и он стал всерьёз подумывать, а не восстановить ли ему свой лик. Не первозданный, естественно, образ, а придать ему нормальные человеческие черты, а уж на кого он после этого будет похож – не столь суть важно.

Каждое утро Ольдим надеялся встретить кого-нибудь знакомого. Но ни Свим, обещавший собрать всех уже на следующий день, ни Камрат не появлялись. Да и бабка малыша куда-то запропастилась. Хотелось хоть от кого-то узнать самое необходимое: какого Края он тут сидит и чего-то ждёт?

Нет, и правда, что он тут делает среди молодёжи? Эти ребята когда-то, по-видимому, без особых трудов одолели в положенное время Круг Человечности, поскольку каждый из них был нормален лицом и без изъянов в фигуре. Что до ума, то им здесь его проявлять не было необходимости – еду подают, забав хоть отбавляй...

Но зачем их тут собралась такая прорва? Ведь семнадцать человек: здоровых, прекрасно одетых, вооружённых... Сила!

Какая сила собралась,
и кто её собрал?
Недаром люди говорят,
что ветер дует в спину,

тому, кто сделать так сумел...

На первый вопрос – зачем он здесь сидит – ответ вообще-то был: а куда и надо ли ему отсюда подаваться? К своему дому? Там пока устроишься, осмотришься... Кому он нужен там? А тут кормят, каждый день зрелища, от которых он отвык, а теперь принимает в них участие с открытой душой, истосковавшейся по такому человеческому увлечению. Вчера вот и его вытащили будто силком, а он и не сопротивлялся, показать этим неопытным, на его взгляд, дурбам кое-какие простые приёмы владения мечом. Они как замороженные сидели и дивились его мастерству, сегодня сами пытаются повторить. Но опять же вопрос: не для того же он здесь, чтобы стать учителем для них, то есть превратиться в обыкновенного дурбалета?

Ну, а о цели пребывания полутора десятка молодцов, безвылазно сидящих в подземелье, просто ничего не было известно.

Ольдим, конечно, уже несколько раз осторожно начинал расспросы, но на него смотрели без понимания, будто он интересуется очевидным, какой стороной держать в руке ложку. О Камрате и Свиме они слыхом не слыхивали, а по поводу старой Калеи реакция у всех была одна и та же – пожатие плеч. Что им, молодым, старуха?

Иногда он вслушивался в разговоры, чтобы как-то сориентироваться в происходящем, но всякий раз у него создава-

лось удручающее впечатление, что перед ним сборище любителей позубоскалить. Ничего иного они не воспроизводили. Предметом шуток могло быть что угодно – от неудачно сказанного слова, до обсуждения животрепещущего вопроса о женщинах, в которых они, якобы, очень тонко разбирались, хотя это больше походило на бахвальство, слышанное от других.

Наконец, он сделал неутешительный вывод – все эти люди сами не знают, для чего они здесь собрались, ибо, особенно в первые дни его пребывания в подземелье, они иногда словно видели друг друга впервые и знакомились, обмениваясь нэмами, явно придуманными, хотя среди них Ольдим узнавал немало знакомых фамилий. Но и только. Тем более, как он стал догадываться, большинство не являлось коренными жителями Сампатании, а пришли сюда из других бандек, порой из очень далёких от Сампатании.

К нему они относились не то, что с уважением, а видели в нём пожившего и повидавшего многое в жизни человека, но в расспросы не пускались. Он чувствовал себя лишним в их среде, оттого замыкался, сердился на себя...

И опять он подумал о том, что можно, конечно, собрать свой мешок и покинуть шумный гостеприимный хабулин. Но также, как и днями раньше, он совершенно не знал, куда ему после ухода податься. Годы, проведённые в Фундаментальной Арене, несмотря на то, что отношения у него к ней, как к серьёзной организации, страдали большой долей скеп-

тицизма, давали ему видимость занятости.

Агенты Фундарены, если даже у них не появлялось прямого задания, имели возможность проявить инициативу по сбору любой, вплоть до экзотической, информации и передавать её в Центр. Поэтому Ольдим всегда считал себя занятым, тем более что подобное занятие соответствовало его настрою и воображению. Бредя по дорогам бандеки, встречая людей и других разумных, посещая города и населённые пункты, он всегда находил что-то новое, полезное для себя, дающее пищу для размышлений и сочинения каманам.

Сейчас же, с исчезновением Фундаментальной Арены и событиями в бандеке, он впервые, наверное, в жизни не знал, чем занять себя. Встреча со Свимом немного оттянуло мучительное безделье, обрушившееся на него. И он был благодарен тому. Команда ему понравилась, её приключения пришлись по душе. Быть может, это и удерживало его от ухода?

Ведь он понимал, что, сидя в дуваре, может дожждаться продолжения неких событий, связанных со странным мальчиком Камратом и подозрений по поводу его происхождения и предназначения. Покинув хабулин, Ольдим мог добровольно вычеркнуть себя из вероятных грядущих событий.

Впрочем, была и другая причина его терпеливого сидения в подземелье, более прозаическая. Он был уверен, что просто так покинуть его невозможно. Его отсюда никуда не выпустят. Слабые и ненастойчивые попытки разведать пути выхода наверх или за пределы территории, где ему и осталь-

ным дурбам отвели место для отдыха, развлечений и еды, ни к чему не привели, как если бы таковых не существовало. Ни лестниц, ни дверей...

Ольдима такой поворот даже удовлетворял. Держат его здесь взаперти, по сути, в неволе, так что он бессилён, что-либо этому противопоставить. Понимал, что в этом была игра с собой, что это удобная позиция и... тешил себя тем, что пустил всё на самотёк – что будет, то будет.

– Ну что мне делать?

Сестерций до того был взволнован, что забывал гордо скидывать голову. Его великолепная чалма, должна снижать нагрузку на нервную несовершенную систему биоробота, явно не справлялась с бурными эмоциями, будоражившими сознание торна.

К”нзец и Ф”ент с долей отчаяния и удивления смотрели на поникшего товарища по недавним приключениям. Не прошло и нескольких дней, а Сестерций изменился до неузнаваемости: сник, потерял блеск и гордую осанку, черты носта заострились. Сестерций порой терял над собой контроль и позволял гнуться ногам и рукам, как тем заблагорассудится – в любую сторону. Аура то обволакивала его, то гасла совсем.

– Она что, не понимает противоестественности вашей связи? – К”нзец прижал ухо к голове и выгнул спину, показывая осуждение ко всему случившемуся с Сестерцием. –

Разве может между вами что-то быть? Мы все разумные, но...

– Но разные настолько, – подхватил Ф”ент, – что нельзя забывать этого ни на мгновение.

Сестерций по-человечески вздохнул, ему не хватало кислорода.

– Она говорит, что может.

– Ну, а ты? Ты-то понимаешь? – возмущённо пролаял Ф”ент.

– Я?.. Что я... Не знаю я.

– Ты веришь её словам? Да она такого наговорит... – стехар от негодования едва не потерял язык, но потом его подобрал и сделал охотничью стойку. – Женщины, кем бы они ни были, людьми или путрами, могут такого наговорить...

– Нет, нет, уважаемый стехар, – печально качнул чалмой Сестерций. – Я сам виноват. Я ей рассказал легенду нашего рода Огариев.

– Ну и что? – Ф”ент не слышал этой легенды.

– Она поверила, – уныло сказал торн и, не дав Ф”енту задать недоумённый вопрос по содержанию родового предания, разъяснил: – Я сказал, что у нас одним из предков был человек. Это была женщина.

– А-а, – протянули оба выродка.

Хотя К”нзец когда-то слушал торна, но теперь он также, как и Ф”ент готов был удивляться.

– Вот Жариста и считает, что у нас всё получится.

– Авва! – воскликнул Ф”ент. Обрубок его хвоста задёргался из стороны в сторону. – Так это правда? О предке?

– Так у нас говорили.

– Тогда попробуй.

– Что ты мелешь? – взорвался К”нзец. Передразнил: – Получится. Что получится? Да у неё обычная блажь в голове. Сам сказал, женщины такие. Ей Сестерций нужен лишь для того, чтобы потом где-нибудь похвастаться. Она же и Свима хотела отбыть у Клоуды.

– Когда это? – и торн и стехар насели на старого друга Свима.

– Да всё время, пока мы шли с нею. Ты вот за Ч”юмтой и Кокошей ничего не замечал, а я видел.

Сестерций выпрямил спину и изрёк:

– Не правда. Жариста не такая. Она не может так делать. Она хорошая.

Ф”ент от его заявления оскалился и сел на хвост, язык его опять вывалился. К”нзец мелко задрожал, его круглые глаза встретились с широко раскрытыми глазами Сестерция.

– Тогда... Чего ты от нас хочешь?

– Не знаю, – кончик носа торна загнулся, едва не касаясь полных губ, безвольно разведённых в стороны.

Разумные помолчали.

– Я бы сбежал! – внезапно заявил Ф”ент.

– Куда? – дружно спросили К”нзец и Сестерций.

– Город большой, – воодушевился от своей мысли сте-

хар. – Никто не найдёт!

– Нет, – мотнул чалмой Сестерций. – Это по отношению к ней будет нечестно.

– Так чего...

К”нзец покрутил ухом, прервал Ф”ента.

– Сюда кто-то идёт.

– Она, – уверенно сказал торн. – Жариста.

– О! – подскочил Ф”ент. – Засиделся с вами, а меня Ч”юм-та, наверное, уже ищет.

– Я тоже пойду, – неодобрительно глядя в след стехару за его бегство, степенно сказал К”нзец. – Но... Я бы тоже сбежал. Он прав.

И побрёл за Ф”ентом, невесело размышляя о сегодняшней встрече с друзьями, состоявшейся по просьбе Сестерция. У самого К”нзца с К”ньяной было то же самое. Только всё наоборот и без надежд что-либо изменить.

Свим, широко расставив сильные ноги, сидел за столом. Не спеша, ел. Ему уже стало надоедать бессмысленное, как ему казалось, сидение в родовом хабулине. Каждый день одно и то же: сон – еда, еда – сон.

Короче – вялое прозябание с утра до вечера.

Зато Клоуда, похорошевшая, красиво одетая, была рада-радешенька обрётённым спокойствием в хабулине на правах ауны стоимённого. Весь день она приятно занята. Не делами, конечно, а собой. Вьёт гнездо, по-своему переставляя

в комнатах Свима не вечную мебель, меняя цвет стен и потолков. Она даже перестала меньше обращать внимания на самого Свима, оттого тот был слегка обижен на неё, хотя порой даже был рад её заботам, которые его не касались и давали ему возможность заниматься самим собой.

– Ертончик! – вывел Свима из вязких размышлений несколько необычный голос сестры.

– Да, Елина, – поднял он голову.

Сестра подошла к нему не одна.

Рядом с нею, неуверенно переступая с ноги на ногу, стоял ещё молодой, по виду, возможно, много моложе Елины, человек с непримечательной фигурой и скуластым лицом. Свим после возвращения домой его уже неоднократно видел, но имя его узнать не удосужился. Пока он скитался по бандеке, в хабулине шёл естественный процесс – кто-то умирал, другие подрастали, приходили новые люди и путры. И Свим ещё не успел, да и не стремился к тому, чтобы разобраться во всех переменах в своём доме в его отсутствие.

Молодой человек ни на кого из знакомых Свиму не напоминал, так что он сделал вывод – он всё-таки был из новых, пришлых.

– Ертон, познакомься, – сестра волновалась. – Это Манор Моест Минта.

Названный кивнул головой, он тоже был взволнован.

Свим положил вилку, облизнул губы.

– Рад познакомиться, – сказал он и вопросительно взгля-

нул на сестру. И тут же по её румянцу на щеках и блеску глаз он вдруг, с некоторой досадой на себя, что до него так поздно всё доходит, сообразил – сестра не просто так знакомит его с этим человеком, и перед ним происходит нечто значительное, чем обычное представление. – А-а... Ну, что ж... Манор?

– Да, стоимённый.

У Манора голос оказался глуховатым и ровным.

– Я думаю... нам следует познакомиться поближе... Можно прямо сейчас... А остальное прайзы через три-четыре. Елина, предупреди Кло, а ты, Манор, останься, поговорим.

Харан тупо рассматривал узор на стене. Лиловые линии сходились и расходились в беспорядке, если брать каждую из них в отдельности, но все вместе они создавали неповторимый рисунок. На него можно было смотреть бесконечно, как на пламя костра или текущую воду, и находить что-то неожиданное и новое.

Но Харан в эти минуты не изучал игру извивов и узлов линий замысловатой стеной росписи. Перед его мысленным взором они постоянно сливались с образом Гелины – такой же непредсказуемый и бесконечно любимый.

С первого мгновения расставания он ожидал от неё хоть какой-то весточки, напоминания о себе, в конце концов. Но шёл уже второй десяток дней, Харан наморщил лоб, вспоминая, сколько же времени он сидит вот так в оцепенении, а от

Гелины ни звука, ни строчки, ни косвенного намёка, принесённого от неё кем-нибудь.

Такое впечатление – всё вымерло для него вокруг. Никогда с ним ещё такого не происходило. Всегда деятельный и уравновешенный в своих поступках, он словно споткнулся. Недели бегства по Диким Землям, схваток с людьми и выродками и, вдруг, – пустота. Оттого, наверное, застой в крови и мыслях, оттого нежелание никого видеть помимо любимой...

Впрочем, сидит он здесь, в благоустроенной комнате хабулина Свима... Да нет, не Свима, как он и подозревал с первого дня знакомства с ним, а стоимённого Ертона Естифа Еменкова... Естика Ермала... Нэм для Харана за пределами досягаемости... Вот и сидит он у него в отдельной комнате один, и его добровольное сиротство не в досуг оказалось недавним спутником. Хотя, опять же, кроме Гелины никого не хотелось видеть, ни с кем о чём-либо разговаривать.

И всё же...

Свим – ясно: давно дома не был, дел, наверное, накопилось невпроворот, Клоуду устраивает – готовит для показа Кругу Человечности. Так уж положено стоимённым и выше по нэму. Да и в кугуруме должны знать ауну, вошедшую полноправной хозяйкой в хабулин. Там должны знать нэм её, но как сделать, чтобы он не дошло до Тескома?

Итак, Свим занят. Но другие...

А что другие?

Заглянул раз К”нзец, обменялись приветствиями и ещё парой незначащих фраз, посмотрели друг на друга – ещё больше оба расстроились и разошлись, даже не пожелав один другому традиционной удачи. Да и какой удачи и в чём, спрашивается?

Жариста тут как-то с Сестерцием бесцеремонно ввалилась, долго, как глупцу какому-то, объясняла, почему это она не ушла с Гелиной и другими женщинами, а находится здесь. Её разглагольствования утомили хуже тягостных размышлений один на один с собой, а торн, словно предельно измученный недостатком энергии, молчал в течение всей встречи.

– Вы тут все раскисли! – под конец воскликнула Жариста, не находя в Харане собеседника.

После чего тряхнула прекрасными волосами и, сверкнув рядом снежно белых зубов – явно совсем недавно побывала в закалочной, демонстративно подхватила вялого Сестерция под руку и удалилась, нарочито виляя обольстительным задом.

После их ухода, Харан направился в закалочную. Заставил себя в неё пойти. Надо было поправить желудок, убрать следы ударов, порезов, падений – сколько их у него было, пока он находился вдали от городов...

Тело поправил, но тоска, неуверенность и чувство потерянности остались. Куда они денутся? Древние, страдая, быть может, ещё сильнее, так и не могли придумать ничего против душевных ран, кроме коввты, на время приглушаю-

щей боль. Других средств Харан, будучи врачом, не признавал.

Конечно, пожуй приторно-сладкий корень тимуртания и забудешь все напасти. Или съешь плод дикой яблони. Или просто пожуй её листья... Кровь вскоре загустеет, усыпит несчастного.

И то, и другое – когда-то проснёшься, а проснёшься – многое забудется, опуститься благодать успокоения.

Харан же не хотел ничего забывать.

Гонат Гурбун Гродов, родной отец Гелины, – невысокий и плотный, подарившей дочери единственное, что у него было неотразимым – это широко раскрытые и расставленные васильковые глаза, рассерженно мерил просторный зал дома короткими шажками. Словно порывался бежать, но всякий раз натыкался на стены или обстановку, и снова начинал разбег.

Так что, кто не знал Гоната, тот мог подумать что угодно о его суетливом поведении, а кто знал – удивился бы несказанно. Гит пользовался славой степенного и уравновешенного человека, способного держать себя в руках в любых обстоятельствах.

Гелина сидела на диване в пёстром домашнем невечном платье. Перед ней стоял столик с разнокалиберной мелероновой посудой для косметики. На их фоне терялась пирамидка домашнего отражателя образа, лишь серебристое ма-

рево над ним выдавало его присутствие.

За дни, проведённые в хабулине отца, Гелина отоспалась в постели, прошла закалочные, отдохнула и успокоилась. Жизнь установилась, и она вернулась к ежедневному макияжу, смене причёски и переодеванию, представляя собой полную противоположность той, разъярённой и готовой пойти на всё женщине, что с одним кинжалом в руках бросилась на громадного дурба – Свима – в далёких теперь руинах.

В той, другой женщине, со включенными волосами, в одежде, зарастающей заплатками от порезов ножей выродков и прорех от цепких ветвей кустов, с горящими и ничего невидящими от ненависти и бессилия глазами, лишь только любящее сердце Харана могло безошибочно распознать Гелину...

– Ты гита! – бегал и выкрикивал Гонат. – Гита!! А кто такой Харан? Этот ухруп?

– Мой бывший телохранитель, – спокойно отвечала Гелина, придирчиво всматриваясь в своё объёмное изображение над столиком. Отображатель образа фиксировал её надутые губки и неудовлетворённость своим обликом, представляемым в том или ином виде после возможной косметической обработки лица. – Поверенный Гамарнака.

– Какой ещё Поверенный? Ссылный?.. Вот какое слово подходит ему. Или Гамарнак выжил из ума?

Гелина осуждающе повела подведёнными бровями. Родной отец неучтиво сказал о приёмном отце, тем более что

того, может быть, уже нет в живых.

– Я не в обиду ему, – сбавил тон Гонат. – Но именно так я могу оценить твои слова о Поверенном. Он умный Правитель и не мог допустить твоей связи с каким-то ухрупом.

Гелина опять повела бровями.

Она знала родословную своей семьи. Да и сам Гонат говорил, но не чувствовал в своих словах уверенности. Так как подобные адюльтеры совершались повсеместно. В их роду таких случаев накопилось немало.

Связь между людьми разного уровня происхождения и, следовательно, нэма, особенно по женской линии, на словах не поощрялась, но все знали о значении свежей крови, вливаемой в жилы дряхлеющих многоимённых. Прабабка самого Гоната – выходец их шмыгов. Благодаря ей, квёлый, едва пропущенный Кругом Человечности прадед, стал отцом здоровых детей.

Да что там говорить?!

Но канила самого Правителя бандеки!..

И Гонат безнадёжно увещевал, приводил аргументы, страдал...

Но что он мог? Гелина была его единственным дитём, оставшимся жить, и наследницей хабулина.

Она же спокойно слушала его путаную речь, поскольку всё уже для себя решила. К тому же она ждала ребёнка от Харана. Вот почему она сейчас так много времени проводила за столом перед отражателем образа, хотя нужды в том не бы-

ло – случилось это только после встречи с любимым в руинах, да и то не сразу, так что времени с того момента прошло всего ничего.

Глава 4

Над Примето гремела гроза.

Вспышки искусственных молний на мгновение окрашивали город в мертвенно-прозрачные цвета, резко выделяя свет и тени. Накрапывал дождь. От большого дождя, после обсуждения в кугуруме, отказались по случаю мощного наводнения. Всё и все и так чувствовали избыток влаги. На пустырях появились не просыхаемые лужи, в них заводилась ненужная живность, способная повлиять на здоровье обитателей города.

Общественные закалочные едва справлялись с потоком пожелавших обезопасить себя от неприятностей. Круг Человечности браковал пятерых из шести новорожденных и не продлевал существование, оставленных первоначально жить, двух из троих.

Поздняя весна...

Что бы там когда-то не делали древние, чтобы оградить и защитить человека от нежелательных природных воздействий, а она, природа, брала своё, и людей тянуло под солнце, показать себя и посмотреть на других, ощутить запах просыпающейся к лету жизни.

Оттого-то обязательные весенние грозы для очищения атмосферного купола над городом и в силу традиций, истоки которых уводили в невероятную древность, назначались на ночное время. Любители могли пройтись по мокрым улицам, полюбоваться на разряды, вспарывающие небо прямо над головой и услышать глухое ворчание грома.

Жуперр поглядывал на вспыхивающее окно, хмурил брови и вновь возвращался к листку с коротким списком, всего в полтора десятка нэмов, людей, по донесениям его служб, появившихся в Примето за последние десять дней. Большинство нэмов ему были давно известны, а с некоторыми их носителями он даже неоднократно встречался.

Ни Свим, ни, тем более, Камрат в списке не значились.

Объявился вот Ертон Естифа Еменков. Отца и деда его знал, да и о самом Ертоне слышал. Мнение об этом Еменкове у руководителя Тескома сложилось давно и бесповоротно: ни рыба, ни мясо. Да и объявился ли он в эти именно дни? Он периодически исчезал из поля видимости служб на целые месяцы. Нелюдимый стоимённый отсиживался, поди, в своём дуваре и нос не высовывал из него. А тут, наверное, надоело ему сидеть, выглянул, и был замечен...

Пришёл и жил, не таясь, некто Лекон Ламба Ливерсин. Приют ему дал Кате Кинг Ктора, единственный в Примето инег, обладатель хабулина с дуваром, – известный далеко за пределами города своим радушием. Многие именитые хозяева предпочитают останавливаться у него. Ливерсин – дурб,

прибрёл сюда из другой бандеки. Его видели входящим в город через ворота...

Кто ещё?.. Мелочь.

Но есть всё-таки одно имя, заставившее Жуперра вздрогнуть. Когда он прочёл нэм, то долго сидел, словно поражённый громом.

В городе появилась, неизвестно, как и откуда, канила самого Гамарнака – Гелина Гоната Гродова. Канила, канувшая как будто в небытие после событий в Габуне, оказалась жива и здорова, и гостит у отца.

Впрочем, а куда ей идти? Конечно, к отцу. Но с другой стороны, если подумать, то её появление в Примето – это его, Жуперра, головная боль, с которой справиться будет не так-то просто.

Руководитель восстания в Габуне, командир столичного батлана Зиберлан, почему-то решил в первую очередь отыгаться на каниле Правителя бандеки. Говорят, даже послал бойцов и осадил её дом на окраине Габуна. Но те лишь понесли потери. Правда, непонятно от кого. Кто утверждает, что с Гелиной был целый отряд каких-то дурбов. По другим сведениям, тескомовцы разных батланов не поделили право захвата канилы между собой и устроили схватку у её дома, чем она и воспользовалась. Ей удалось каким-то образом уйти от одних, и от других. Во всяком случае, когда всё-таки ворвались в открытые настежь двери, то никого, кроме трупов, в помещениях не нашли.

Зиберлан организовал погоню, устроил несколько засад, потеряв на том ещё не менее крина.

Впрочем, может быть, Зиберлан думал использовать канилу в своих политических играх в будущем точно так же, как сейчас агоровец пытается это сделать с помощью Бланки. Если его, конечно, удастся поймать. Не хотелось, чтобы теперь Гелина стала объектом внимания кого бы то ни было. В конце концов, ловить придётся ему, Жуперру. А надо ли ему все эти неприятности?

Тескомовец нервно поднялся со стула. И тут его осенила удивительная мысль. Сложилась хотя и парадоксальная ситуация, но во всём выгодная ему, и только ему. Ведь и Бланка, и канила неожиданно оказались в Примето!

А это означает – в его власти!..

Он постоял и пытался сформулировать для себя план действий, исходя из новой точки зрения на события. Однако, чуть позже, его, было вспыхнувший оптимистический настрой, угас.

Не так, всё – не так... Неожиданно ли они появились здесь? И в его ли власти?

Наверное, правильнее будет просто зафиксировать факт: почему-то эти двое выбрали Примето, город, находящийся в сфере влияния его Тескома. И этим можно воспользоваться.

Итак, почему выбрали именно Примето?

С канилой всё ясно. Она пришла к отцу. И это разумно. Другое дело, как и кто провёл её через засады и половодье,

отвернул от погони? Это позже...

Бланка? Тут всё тайна. К кому и зачем шёл мальчик? Охранял его Свим. Кто он? Присмет ничего определённого сказать не смог. Справки в кугуруме Соха о доме Свима тоже ничего определённого не дали. Дом оказался выморочным, но якобы, давно сдан в полное владение Свиму, вернее, его матери, о которой вообще ничего неизвестно, поскольку она там не жила. Всё это оказалось тёмным и непонятным. В кугуруме разводили руками, но никаких дополнительных сведений у них для тескомовцев не находилось.

Есть одна возможность. Присмет знает Свима в лицо, но будет ли дурб настолько глуп, чтобы показываться открыто в городе. Вряд ли.

Жуперр прохаживался по своему тесноватому кабинету и размышлял. Наконец, с остервенением растёр лицо ладонями и решил всем этим заняться основательно, и не только из-за понукания со стороны агоровца, не только самому, но и по-настоящему подключить к целенаправленному поиску всех, кто у него мог этим заниматься.

И всё это не только потому, что ему это уж очень захотелось, и что он загорелся желанием выйти на этих людей, узнать, где они обитают, и кто их приютил. Размышления привели его к чувству обострённой тревоги за грядущее, готовое взорваться неприятностями, в том числе и для него самого.

Несмотря на глухое время ночи, Жуперр разбудил недо-

вольного таким насилием Сунду и приказал позвать Тлума-на и Присмета.

Камрат ел, ел, ел... И пил.

Постоянное, почти болезненное, чувство голода и жажды отодвинули другие желания и помыслы в далёкие уголки сознания. Порой они оттуда вырывались неуёмными вопросами:

– Что Харан?.. Где Ольдим?... Как Свим?...

Калея, когда бы Камрат не приходил в себя после сна и не набрасывался на еду и питьё, всегда сидела на противоположной стороне стола, подперев голову сухой рукой, следила за каждым его движением. Отвечала неторопливо и спокойно:

– Харан у Свима. Хандрит, поскольку нет вестей от Гелины. Ольдим? Ест и пьёт за троих. Погружён в сочинение стихов. Бубнит себе под нос. Свим... Давно не бывал в родовом хабулине. У него там накопилось много проблем. Весь в заботах... Съешь вот это!

– Угу, – глотал Камрат предложенный кусок какого-то пряного с кислинкой яства и тут же забывал его запах и вкус, поскольку на смену приходили другие от следующего, подсунутого бабкой, куска еды или выпитого настоя.

– А что?.. Я так всегда... – Он примерился, что бы ещё положить в рот. И положил, прожевал. – Я так всегда есть буду? – Хлебнул из большой фляги. – И пить? Больше дел

никаких не будет? Нет, да?

Бабка скупно улыбнулась.

– Дела есть... Вернее, они на подходе. А еда... Поешь ещё денька два, думаю. Потом всё придёт в норму.

Калея вздохнула. Ещё два дня и всё. Она мысленно уже просталась с мальчиком, приёмным внуком, которому отдала почти двадцать лет жизни.

Она никогда не была для Камрата бабкой в понимании прямого родства, хотя и входила в круг его фамилии. А как у воспитательницы за двести с лишним лет подобных «внуков» у неё уже накопилось не менее десятка. Правда, последний из них, Три-Бланка, не был похож ни на кого из предыдущих. Тех – она натаскивала, этого – учила. Для прежних учеников у неё с лихвой хватало опыта и сноровки, чтобы выглядеть на голову выше их. А для этого...

Для этого всё по-другому: и методы, и подходы, и, конечно, результаты.

Она смогла отдать ему всё, что знала, умела и приобрела за всю свою беспокойную жизнь. И, главное, он всё это воспринял.

Отличались и условия его подготовки, навязанные Вещи-ми... Теми, кому это было необходимо: на уровне не то шмыгов, не то инегов, в неизвестности и в полнейшей тайне от окружающих.

И она, в миру Зарима Зенда Задарак, гордая и независимая, чей нэм волновал, а порой приводил в трепет мно-

гоимённых не только в Сампатании, но и в других бандеках, превратилась в тихую, заботливую, для стороннего глаза, бабу Калею. И дел у неё никаких, кроме как опекать внука, тоже, с первого взгляда заурядного, одноимённого и беззаботного.

Вот он сидит перед ней – воплощённое чудо древних полупонятных её современникам наук, рецептов, странных рекомендаций, неожиданных утверждений, утонченных подсказок и многого чего другого. Того, что некогда, возможно, считалось нормой. Сейчас – чудом...

Вещие лелеяли вымирающий род Бланков издавна, накапливая для того из поколения в поколение крупницы знаний, почерпнутые в источниках канувшего в бездну прошлого, и воплощая их в очередном Бланке.

Наконец, их усилия не пропали втуне.

Перед ней сидит Три-Бланка во плоти, поедает специально подготовленную только для него пищу, обретает те качества, силу, мировоззрение и другое, ещё скрытое, чего добились Вещие.

Впрочем...

Она рассеянно провела ладонью по лицу, ощущая чуткими пальцами рытвины сплошных морщин, нажитых в основном как раз за эти последние два десятка лет, и подумала с грустью и горечью: – Три-Бланка – кто он по существу?.. И зачем он?..

По всему, сейчас, перед лицом воплощения своих идей,

Вещие сами не знают этого. Поэтому...

– Что Малион? – прервал её не слишком весёлые размышления Камрат, не поднимая глаз от убранства стола.

– Какой Малион?

– Малион и Невлой... Это же вы их послали нам на встречу?

Калея насторожилась и не ответила. Камрат вытер рот и досказал:

– Они на Шельме довели нас до города, а потом подсказали каким подземным ходом идти к тебе.

– Так-так, – у Калеи моментально исчезла меланхолия раздумий. – Где ты их встретил?

Камрат прожевал очередной кусок.

– Сразу... В начале половодья, когда мы уже подходили к Сажанею. Они приплыли на лодке вместе с тескомовцами, что охотились на нас.

– Ты уверен, что с тескомовцами?

– Конечно. Только одна лодка с Малионом достигла берега, где находились мы. А что? – Камрат отодвинул тарелку с остатками еды. – Что-то не так?

Калея неопределённо повела кистью руки.

– Рассказывай. Когда ты их увидел, что они говорили о себе и о нас? Как объясняли своё вмешательство в команду Свима? Что об этом говорил Свим? Всё по порядку, и не торопись.

Камрат, сыто поглядывая на расставленное перед ним

съестное, и порой вкушая её, принялся подробно делиться воспоминаниями: о переходе с островка на островок, о спасённом от монстра Малионе и появлении Невлоя, об удивительной лодке – Шельме, схватке на берегу Сажанея и последующего плавания к городу.

Калея его не перебивала, но выражение её лица постепенно менялось от удивлённо любопытствующего до рассеянно задумчивого, а потом и тревожного.

– ...вы нас встретили. – Камрат закончил затянувшийся рассказ, отправил в рот большой ломоть прителя, но, посмотрев на Калею, проглотил его без удовольствия, повторился вопросом: – Что-то не так?

– Так или не так, не в том суть. Я ещё спрашиваю наших людей, но... Мы никого не посылали вам навстречу, так как лишь приблизительно знали о вашем местонахождении. А после половодья ваши следы и вовсе затерялись. Так что ни о каком Малионе и его команде, посланной, якобы, от нас, я не знаю. Тогда спрашивается... Значит, это не ты или Свим оповестили нас о своём появлении в заброшенном и забытом подземном ходе?

– Я-то точно не подавал. Да и Свим... Я мог бы заметить. Но у него ничего такого нет, кроме кавоти для получения новостей из Фундаментальной Арены. Он, наверное, и не Свим, хотя называл свой нэм до пятого имени. Свим Сувелин Симор Свиниест Сапановус. Вот так он себя называл.

Бабка кивнула и улыбнулась одними губами.

– Ты прав. Этот нэм он выдумал сам.

– А кто он, ты не знаешь?

– Стоимённый. Ертон Естифа Еменков Естик Ермал. Но пусть для тебя он остаётся Свимом. При встречах так и называй его. Кто он такой мы только недавно узнали. Но о нём мы можем поговорить позже. Свим общался с Малионом?

– Конечно, – сказал Камрат и, сделав обиженное лицо, пожаловался: – Опять есть хочу.

– Так ешь! А я... Задал ты нам задачку с этим Малионом.

– Угу! – уже с набитым ртом согласился Камрат, и едва заметил, как Калея легко поднялась из-за стола и покинула его комнату.

Он ел...

Довольная решением сводного брата не препятствовать полноправному вхождению в дом своего избранника и возможностью поговорить в узком кругу, чего никак не удавалось сделать раньше, Елина по просьбе Свима доложила о произошедших событиях в хабулине и вокруг него, пока он отсутствовал, и о происходящих в настоящее время.

Как следовало из её рассказа, все устройства – закалочные и производственные – работали нормально и продуктивно, поэтому Елина упомянула о них вскользь. Да и Свим пропустил эти сведения мимо своего внимания. Привыкший с детских лет к тому, что эти устройства всегда находятся в исправности, он даже на миг не мог себе представить, что

с ними может что-то случится, и оттого они откажутся выполнять повседневные, по сути, и рутинные операции, начатые, может быть, тысячи лет назад. Да и отвык он от таких забот. Впрочем, он никогда к ним не привыкал. Были родители, которые этим занимались, а потом он оставил хозяйство на сестру.

Хватало в хабулине и людей, чтобы выполнять все необходимые работы. Правда, после смерти отца и матери и отсутствия хозяина, многие покинули Еменковых, не видя для себя в служении им каких-либо перспектив. К счастью, это были те, кому не сиделось на одном месте и хотелось перемен. Двое из них, Елина назвала имена инега и шмыга, похоже, стали бандитами, так как летом они, как правило, отсутствуют, а на зиму возвращаются и ищут приюта. Не смотря на это, Елина к ним никаких претензий не предъявляла, поскольку после возвращения они исправно выполняли все порученные им дела по дувару и дому.

Памятуя о разговоре с Малионом, что уходящие в оприты – активная составляющая человечества, Свим решил познакомиться с ними поближе.

– Они уже ушли? – поинтересовался он.

– Да. Вернее, уходили. Вчера один из них вернулся, – сказал Манор и оглянулся на Елину. – Я тебе говорил.

Сестра Свима кивком головы подтвердила сказанное будущим её мужем.

– Продолжай.

– Да, стоимённый. Вернулся весь избитый. Говорит, попал в половодье. Его несло водой, едва выбрался.

Свим переглянулся с Клоудой. Она ответила понимающим взглядом. Они оба подумали, что этот оприт явно участвовал в нападении на них при схватке на Сажане. Во всяком случае, вероятность такого факта могла быть очень высокой. Половодье началось уже несколько недель назад, а он вернулся только вчера.

– Где он сейчас? И как его зовут.

– Он шмыг.

– Не важно.

– Его зовут Эрком.

– Так, где он?

– Был в закалочной, стоимённый. А сейчас, наверное, занят. Я ему поручил проверить нижние этажи дуvara, нет ли там воды. Возможность такой беды есть. У Заурансов вода появилась.

Нахмутив лоб, Свим вспомнил, что Манор упомянул стоимённого соседа, с которым его отец при жизни почему-то не поддерживал никаких отношений.

– Я хочу поговорить с этим Эрком.

– Хорошо, стоимённый. Как только...

– А надо ли тебе это делать самому? – вмешалась в разговор Клоуда и намекнула: – Он мог тебя видеть.

– У него один глаз совсем опух, – не понял реплики ауны Манор.

– Тогда точно видел, – со значением сказала Клоуда, обращаясь к одному Свиму.

– Н-да, – озадачился тот и потянулся подёргать себя за бороду, позабыв, что расстался с ней в первый же день возвращения домой. Спросил Манора: – Не сказал, как долго собирается здесь оставаться?

Манор пожал узкими плечами. Он вообще не производил впечатления сильного человека. А бледное лицо и постоянное насторожённое внимание к говорящему, словно в ожидании от него какой-то неожиданной пакости, делали его заурядным. Увидишь, пройдёшь мимо и забудешь. Свим флегматично подумал: – и что в нём нашла сестра? Правда, её выбор его не волновал. Выбрала, и выбрала.

– Я его не спрашивал.

– А что он за человек?

– Сам по себе он покладистый и всегда справляется с поручениями. Он-то точно найдёт воду, где бы она ни появилась.

– Это хорошо. – Свим помолчал. – Как думаешь, Кло, кого бы на него натравить, чтобы он всё рассказал? Может быть, Ольдима?

– Ой, ты что? – испуганно воскликнула Клоуда. – Его-то он давно запомнил, если был там.

– Ну и пусть узнает. А что? – радостно потёр руки Свим, светясь круглым, ставшим от безделья добродушным, лицом. – Да он как на Ольдима глянет, так сразу всё расскажет.

Кто нападал и кому это надо. Только вот, – прищёлкнул он пальцами, – Ольдим, наверное, где-то у Камрата сейчас обитает, а связи с ним почти никакой.

– Свим, не надо!

– Кло! Ещё раз напоминаю. Здесь меня зовут Ертоном. Зови и ты меня так же. Впрочем, – дурб вздохнул, – зови Свимом. К этому имени я привык и... всё остальное.

А это всё остальное с каждым днём, с каждой праузой усиливало тягостное чувство никчёмности прозябания в родовом хабулине. Лето начинается, а он сидит под защитой стен дома и города. Ноги и руки гудят – требуют движений и разрядки, тело истомилось в медлительном течении жизни. Сейчас бы выйти за ворота, на дорогу и – до самого Габуна или Керпоса без остановки прошагал бы, наверное, без усталости.

Он живо представил себе такую возможность, от чего у него вспыхнули глаза и начал созревать поступок. И вправду подняться прямо сейчас, сей минт и прогуляться...

Елина и Манор с беспокойством посмотрели на него, да и Клоуда, уже привыкшая уже к некоторым непоследовательности поведения Свима в последние дни, отметила странность в его внезапной перемене лица.

– Что с тобой, Ертон? – осторожно спросила сестра.

– А?.. А-а... Так... Кое-что вспомнилось. – Он провёл рукой по глазам, оживился. И поменял тему разговора. – Раз уж мы сегодня собрались на семейный совет, то давайте об-

судим и решим все другие вопросы.

Елина нервно облизнула губы. Она давно уже ожидала подобного разговора. С первого дня появления в хабулине Клоуды – ауны брата. Каким теперь будет её статус? В отсутствие Ертона, она здесь считалась безраздельной хозяйкой. И вот сейчас он, настоящий хозяин хабулина и принадлежащих ему дома и дуvara, определит её истинное место. А она за годы так привыкла к своему положению.

Поэтому заявление брата об обсуждении и принятии каких-то решений взволновали её больше, чем его мнение о Маноре. Только что радость, переполнявшая Елину от такого быстрого и благосклонного отношения Ертона к её избраннику, сменилась глубокой тревогой.

Радостью она готова была делиться со всеми, потому что и любила Манора той поздней безумной любовью, которая приходит неожиданно и надолго, и была любима им. А вот тревожное чувство тронуло лишь её одну, задело её сокровенное, выношенное годами. Ведь бывали случаи, когда женщины становились полноправными владельцами родовых хабулинов.

Частые отлучки Ертона, рискованные путешествия по бандекам, почерпнутые из слов самого Ертона, когда он появлялся в доме всего на несколько дней, а потом исчезал на месяцы, со временем в ней зародили надежды, что Ертон уйдёт в очередной раз и больше никогда не вернётся. Она, естественно, не хотела его смерти даже боялась думать о таком

исходе. Но постоянно жила в зыбком мире ожидания, где всё будет хорошо, но и её мечтания сбудутся в полной мере.

А Ертон?.. Он, вдруг, может же случиться такое, найдёт себе что-то... Скажем, другую владелицу хабулина и останется там... Да мало ли что может быть?

– Нам пора оговорить некоторые стороны бытия, – витевато продолжал тем временем Свим. – Сделаем так. Я думаю, Клоуде сейчас заниматься делами хабулина не стоит. И о будущем ребёнке следует позаботиться, да и в дела хабулина пусть входит постепенно. Знакомиться с людьми, изучает дувар, привыкает. Так что тебе, Елина, придётся опять брать на себя...

– Ты куда-то собрался уходить? – вскинулась Клоуда.

– Нет, но... – его рука опять машинально потянулась к подбородку.

Клоуда почувствовала приступ дурноты, но собрала силы и встала.

– Я без тебя здесь сидеть одна не буду! Куда ты, туда пойду и я. И не думай... – Она поперхнулась, схватилась за живот. В нём, как ей показалось, кто-то пошевелился. Она испугалась. На глаза набежали слезы, сквозь которые она оглядела сидящих перед ней Емковых. – Там... – прошептала она и прислушалась. – Там...

– Вот именно, – жёстко сказал Свим, но тут же смягчился. – Ты, Кло, должна родить здорового ребёнка. И... Пока я никуда не уйду. И не собираюсь уходить. Побудь в комнате,

успокойся. Полежи, в конце концов. А мы... Елина, мы с тобой ещё всё обсудим чуть позже. А о твоём решении связать свою жизнь с Манором, я поставлю кугурум в известность.

Ольдим меланхолично переводил взгляд с одного весёлого и беззаботного лица, сидящих перед ним молодых дубров, на другое. Его неожиданные сотоварищи по безвылазному времяпрепровождению в дуваре, явно не тяготились таким своим положением. Они ещё порой отводили взгляд от его лица, но уже не с той судорожной поспешностью, с какой делали в первые дни знакомства. Его теперь пытались даже втянуть в общий бесконечно бессмысленный разговор о женщинах, о достоинствах мечей; пересказов и многочисленных вариантов, давно слышанных неоднократно, а потому уже прискучивших ему, исторических и псевдоисторических случаев из жизни людей и путров в стародавние и не очень времена.

Старше их раза в три, а то и в четыре, он не мог уже безудержно хохотать над проделками и приключениями Кавуса, перепутавшего, из-за принимаемой по утрам излишне больших доз коввты, не только свой дом, город, но и бандеку. Или восторгаться неподражаемым, по их мнению, а, по сути, посредственным стихам Теревенка, поскольку Ольдим сам испытал тяжкий труд сочинения каманам. К тому же в молодости познакомился с наследством поистине великих поэтов, поэтому и мог, и умел сравнивать.

А разговоры о женщинах его не только не увлекали, но наводили тоску, так как все его собеседники – молодые и здоровые – мало что понимали в особой стороне взаимоотношения полов. Да и откуда им, едва ли сорокалетним, о том знать по-настоящему?

И совсем стало надоедать бесконечное зубоскальство, где смешного не было ни на гран.

Обычно он сидел в стороне и практически никогда не вступал в беседу, возводя тем самым между собой и ими грань, через которую дурбы старались не переходить, а он её не устранять.

Потому-то Ольдим был чрезвычайно удивлён, когда к нему не только обратился, но и бесцеремонно тронул за его плечо тяжёлой рукой, вошедший в зал дурб своеобразного вида из-за длинной бороды и низко надвинутой на глаза мягкой невечной шапочки с лепестками наушников и кисточкой на макушке.

При его появлении молодые дурбы привстали с приветственным кивком головы. По-видимому, знали его.

– Тебя, дурб, приглашают для разговора, – негромко сказал бородатый. Он обладал чистым, далеко нестарческим голосом.

– Кто? – грубовато спросил Ольдим.

Мышцы лица исказили его лицо до безобразной маски, часто действующей на незнакомых людей с убийственной силой, приводя их к полуобморочному состоянию или к ужасу

неприятия увиденного, ибо не человек предстоял передними, а оборотень из древних сказаний.

Но на бородатого Ольдим в таком виде не произвёл ожидаемого впечатления. Он прямо посмотрел в разъехавшиеся по лицу глаза и повторил:

– Тебя, дурб, приглашают для разговора.

Ольдим, не любивший давления от кого бы то ни было, вначале хотел вспылить и вызвать бородатого на большую откровенность. Кому это он понадобился? Но тут же понял, что тот не добавит к сказанному ни слова, так как должен был передать ему именно эту фразу.

– Пошли, – буркнул он и поднялся.

Однако, встав, он вначале неспешно поправил походный пояс с саркой – питьевой флягой, пукелем и мечом, с которыми не расставался ни на миг даже здесь, сидя в дуваре, где можно было бы этого не делать.

Его постоянная полная об вооружённость для похода вызвала, как он подозревал, нездоровую заинтересованность и естественную иронию у молодых людей. Ему же было откровенно всё равно, что они о нём думают и какими эпитетами награждают его за глаза.

Вот его... приглашают для разговора.

Неплохая формулировка. Вежливая, по крайней мере, и... тёмная, по содержанию. Для разговора... Так вот, не будь на нём сейчас оснащённого пояса, он был бы вынужден пойти прежде за ним, а уж потом за посланником на разго-

вор. И всё это потому, что без меча не мыслил выходить за пределы отведённого ему помещения для жилья. Впрочем, в нём тоже...

– Сюда, – указал бородатый дурб на двери из невечного материала – дерева.

Ольдим толкнул её и вошёл в хорошо освещённую комнату.

Его встречали.

Бабка Камрата, ещё при первой встрече поразившая его гибким девичьим станом и предельно старым лицом. Плотный мужчина средних лет с улыбающимися глазами над пухловатыми щеками.

И Свим...

Глава 5

Половодье, неожиданно и обильно покрывшее обширные территории Сампатании, закрыв для движения людей, путров и диких тропинки, тропы и даже вечные дороги, так же быстро пошло на убыль. Отступающая вода оставляла на обсушенных участках вырванные бешеным потоком с корнем кряжистые деревья, завалы кустарника, в них застревали и не успевали попасть в родную стихию рыбы, моллюски, иная речная и озёрная живность. Они бились в тенётах, обессилено плескались в высыхающих лужах. А создания, заплывшие из Крапатского залива, пробивали себе дорогу

напрямую, оглашая округу рёвом и пугая диких, хлынувших сюда поживиться попавшими в ловушку речными обитателями.

Над сушей, покинутой водой, повис едкий тошнотворный запах гниющей органики. Дикие праздновали пир, наедаясь падалью до изнеможения. Следом, а, порой, опережая их, за добычей со всех сторон бандеки и из-за её пределов двинулись гурты, малаки и целые кланы. Люди же в это время старались не покидать мест, защищённых койной стен. Только она спасала от смрада, окружавшего город или поселение, и давала возможность свободно дышать.

Однако в это наступающее лето турус дорог и утоптанная земля троп не ложились под ноги жожалым, лесовикам, тескомовцам и караванам вьючных торнов не только из-за нашествия высокой воды. В бандеке наступил очередной, хотя и неожиданный, период Одиночества.

Периоды Одиночества сопутствовали истории бандек Земли с древнейших времён. Возможно, такое случилось сразу после падения городов-спутников. С этими катастрофами было связано наступившая длительная разобщённость стран и населённых людьми пунктов. Затем происходили глобальные и местные войны, страшные стихийные бедствия, наступление ледников и жаркие периоды, правительственные перевороты...

Последние считались неприятными, поскольку возникали внезапно для большинства разумных, но самыми незначи-

тельными. Они приводили к коротким периодам Одиночества.

Совсем иное происходило в этом году.

Половодье совпало с переворотом в бандеке. Дни шли за днями, а обстановка в Сампатании не стабилизировалась. Тескомовцы совершенно отстранились от выхода на дороги и выполнения своих функций. Между городами прервалась связь, и нужные товары не стали поступать в достаточном количестве из мест их производства. Выючные торны бездействовали. Примето, как и остальные города бандеки, осталось один на один само с собой...

Присмет и Тлуман – гора и мышь – скромно вошли в приёмную руководителя Тескома.

Хмуро посмотрев на Присмета, на его потускневшее лицо и поникшую фигуру, Жуперр не удержался и съехидничал:
– Бессмысленная беготня жира не прибавляет.

Присмет нелюдимо бросил на него взгляд из-под густых бровей. Не остался в долгу:

– Всё зависит, с кем бегаешь...

– Я не в обиду, – поспешил оправдаться глава Южного Тескома.

Ему не хотелось вступать в ненужные препирательства с бывшим Координатором Фундарены, тем более что тот оставался единственным, пожалуй, кто знал Свима в лицо, а, следовательно, был сейчас необходим ему, Жуперру. Да и не бы-

ло смысла ссориться, так как за Камратом бегал он и вправду не один, а с тескомовцами.

– Я тоже, – раскатисто отозвался Присмет.

Сунда, верный страж начальства, от неожиданности такого громкого ответа, а вернее, из-за того, что задремал наверху, а Присмет его разбудил, выронил из рук арбалет и долго и шумно возился в своём тесном укрытии, выскивая, а потом вытаскивая оружие из-под ног.

Приглашённые в кабинет предводителя и сам Жуперр молча переждали возню Сунды, после чего глава Тескома невозмутимо продолжил разговор.

– Сообщаю вам новость... Думаю, что это для вас будет новостью, – поправился он. – Мальчик и сопровождавшие его люди и путры в городе. Да, да. И уже давно. В ту же ночь, как вы с ними так бесславно... Я всё понимаю. Тем более что они прошли практически на наших глазах через неизвестный даже нам проход под стеной.

– А вам пройти за ними было не по силам? – с угрюмой усмешкой поинтересовался Присмет.

– Он был сразу же затоплен. До сих пор не можем в него проникнуть, хотя вода сошла, и пора бы ему обсохнуть.

– Наслышаны, – подал голос Тлуман, до того смиренно и тихо сидевший перед лицом начальства.

От сегодняшнего вызова он не ожидал для себя ничего хорошего, но самоличное признание Жуперром своего участия, о котором Тлуман уже знал, в неудачной поимке бег-

лецов, несколько успокоило его. Они там, он тут, а результат один. Значит, по сути дела, виновных нет, поскольку все виноваты.

– Я тоже кое-что слышал. И то, что кто-то при этом защищал вход, – нехотя продолжил разговор Присмет.

– Защищал... А может быть, и нет, – задумчиво сказал Жуперр. – Было темно. И я сейчас склоняюсь к мысли, что наши ребята, потеряв противника, слегка попортили шкуры друг другу. Они же ожидали худшего. Особенно после вашего сообщения о тритундах.

– Умопомрачение какое-то! – не выдержал Глуман. – Этот мальчик и все с ним будто визингами охраняются.

– Да уж, – сокрушённо выдохнул Присмет.

Он никогда ни в каких визингов, в дору, якобы, отдающей человека в полное подчинение кому-то иному, то ли злomu, то ли свихнувшемуся разумному, не верил. Но события последних дней поколебали его представления о реалиях окружающего его мира, поэтому восклицание Глумана принял без неприятия.

И потом, ему всё надоело. Всё!..

И если тескомовец пригласил, подняв с постели среди ночи, лишь для того, чтобы поговорить ни о чём, то надо бы как можно быстрее отделаться от такой ненужной ему беседы.

А руководителя Тескома подмывало выложить полученные им от агоровца сведения. Какие там визинги, коль скоро сам Камрат, то бишь, Три-Бланка, служит якобы щитом не

только для себя, но и для своего окружения?

Однако посвящать их в несколько нереальную, связанную с легендами и мистикой, ситуацию воздержался. Иначе уже завтра о необыкновенном происхождении и качествах мальчишки будут знать все. Как тогда заставить бойцов на поиск и его поимку? Да и будут ли они слушать его, если у них под боком находится чуть ли не идол, один взгляд которого может дать им больше, чем он со всей отработанной системой Тескома?

Вообще, даже трудно представить последствия поведения людей и других разумных, когда они узнают о явлении Три-Бланки в яви здесь, в Примето.

– Насчёт затмения ничего не скажу... – сказал он, но, заметив недовольную гримасу думерта и отчуждённый взгляд Присмета, тут же развил мысль: – Не затмение, а просто жуткое невезение для нас и равное везение для них. Посудите сами. – Жуперр положил руки перед собой на стол и стал внимательно их разглядывать. – Я даже не упоминаю об их беспрепятственном движении по бандеке. Но их могла задержать стража Соха, а до того поймать ты, Присмет. Их могло смыть наводнением. На них могли напасть и пожрать монстры, вышедшие из Болот. Как наших бойцов... – Тескомовец помрачнел и долго молчал. – Девять бойцов погибло в их утробах. Казалось, вы с бандитами могли эту жалкую кучку, ведомых Свимом разумных, прижать к воде и перебить... И эта лодка, на которой они от вас уплыли...

Я тут посмотрел. Такие большие лодки у древних назывались яхтами. Служили для прогулок по морям... Да... – Поскольку его собеседники лишь уныло и молча согласились со всем перечнем удач беглецов, Жуперр продолжил громче и суше: – Как бы то ни было, но они сейчас в городе. Кугурум я поставил в известность. Нам разрешено произвести опрос горожан и выставить негласные посты у некоторых хабулинов. Вот список, – достал он из стола тонкие небольшие листочки. – Ты, Тлуман, займёшься постами у перечисленных здесь хабулинов. Держи! А тебя, Присмет, попрошу наладить опрос. Ты сможешь описать Свима?

– Могу, конечно. Но он не дурак. Наверное, уже побывал в хирургической закалочной и теперь на того, прежнего, не похож. Надо начинать с поиска Ольдима. Его рожа... Он-то со своей рожей, я уверен, не расстанется

– Я об этом уже думал. Поэтому кстати, что десятка два бандитов, ушибленных вами и теми, вернулись в город. Тебе как раз и надо с ними связаться. Вот их список и место постоянного обитания.

Присмет протянул громадную руку и взял клочок плотного иссиня-чёрного листа из мелерона. Внимательно прочёл нэмы.

– Я их не знаю. Эти нэмы могут быть придуманными.

– Так оно, наверное, и есть. Тебе их покажут, а твоё дело выудить у них, что они успели увидеть и узнать после внезапного своего возвращения.

– Так они и сказали.

– А ты подумай, как их заставить выложить перед тобой всё, что тебя и нас интересует.

– Какими методами?

– Любыми, Присмет. Любыми! – жёстко сказал Жуперр и дал понять об окончании встречи.

Наверху шумно поменял позу Сунда...

Камрат вздохнул и с удивлением осмотрел стол. Сегодня он съел едва ли треть вчерашнего, и – наелся.

Чувство сытости, забытое им со времени встречи с бабкой, блаженным теплом разливалось по телу. Его не клонило в сон, а мышцы тела требовали немедленных движений.

Он легко поднялся, без усилий подхватил стол со всем содержимым на нём и переставил его подальше от своего ложа. За столом последовало кресло, скамейка, на которой обычно сидела Калея. Комната стала просторнее, в ней можно было проделать кое-какие упражнения для рук без страха зацепить что-нибудь из мебели. Не потому, что можно будет удариться, а чтобы не поломать её.

Силы в себе Камрат ощущал неограниченные. Взял бы сейчас и... перевернул весь мир...

Самый, казалось, гнусный в его жизни день начинался, как обычно – с вздохов Клоуды и её жалоб на мнимое, так ему опять же казалось, недомогание и разбитость.

Он сказал ей несколько незначащих подбадривающих слов, даже не вникая в их смысл. Да и что вникать, если каждый день, вернее, несколько раз в течение каждого дня приходилось их произносить. В конце концов, все они стали отговоркой, лишены какой бы то ни было теплоты или участия.

Не зная, чем заняться, так как ни к чему не лежала хотя бы малая искра желания, Свим без вкуса поел, лишь ковырнув поданную сестрой еду. Мягкие движения Елины, на его взгляд, отличались нарочитостью, а сияющее лицо от признания Манора полноправным членом семьи – притворством.

Сестра без умолка рассказывала о делах в хабулине, о тех мелких всплесках необычного, что иногда появлялось в стоячей воде мирка, где она провела всю свою жизнь. Отец передал ей качество незамутнённого равнодушия к окружающему родовой дом большому миру. Её не интересовали соседи, городские новости, поэтому из нескончаемого потока слов Свим не мог узнать для себя что-либо полезного. Оттого практически не слушал её сплетни – кто с кем, как и где.

Манор оказался таким же отрешённым ото всего человеком. О таких людях упоминал Малион и называл их болотом, всосавших в себя волю человечества.

Манор так и не исполнил волю Свима встретиться с опритом, прибежавшим в хабулин подлечиться, возможно, после схватки на Сажане. Но пока муж сестры тянул время, тот опять ушёл из дома, и ждать его можно было здесь не раньше

зимы. А зимой...

До зимы надо ещё дожить.

Но какая это жизнь?..

Свим вяло и невпопад кивал головой, изображая из себя внимательного слушателя. Когда Елина непосредственно обращалась к нему и говорила: – А помнишь? И называла имярека, услышанного им впервые или, может быть знакомого, но навсегда позабытого, он морщил лоб, будто вспоминая. Сестра дожидалась от него очередного угуканья и продолжала говорить, говорить, говорить...

И вот в это тягостно-гнусное начало дня ворвался свежий ветер в лицо зрителя дуvara, мажурома Нерева. Юркий, ловкий, небольшого роста, с клочком волос на круглой как шар голове и оттопыренными под разными углами ушами, Нерев неожиданно возник перед Свимом. Взволнованный и решительный.

– Хозяин, у нас появился незваный гость! – сказал он звонко. – Как он проник в дувар, а затем в сокровищницу, не знаю. Мы его поймали. Говорит, что пришёл к тебе от... – зритель дуvara споткнулся и с пренебрежением к малому нэму того, кто послал незнакомца, досказал: – От какой-то Калеи...

Реакция хозяина его потрясла не меньше, чем проникновение чужого в дувар без его, зрителя, ведома.

– Что?!. Где?!. – Свим сорвался с места и кинулся в сокровищницу.

От недавней меланхолии и невесёлых мыслей не осталось и следа. Сердце его бешено стучало. Наконец-то!..

В сокровищнице, где как в своеобразном музее были собраны раритеты семьи, он застал молодого, но серьёзного человека, дурба, с увлечением рассматривающего реликвии Еменковых. За ним неотрывно следили три пары глаз людей Нерева, поставленных на страже.

Свим взмахом руки отослал стражу и прикрыл дверь перед самым носом сунувшегося за ним зрителя дуvara. Вопросительно посмотрел на незнакомца.

– Вы, Свим?

– Да, – подтвердил своё придуманное имя Еменков.

– Меня к Вам послала... Каляя.

Свим кивком подтвердил, что знаком с ней.

– Она просит Вас прийти к ней и к... Камрату.

Имена посланцу давались с трудом, и он тщательно выговаривал их. По-видимому, до сего дня он не знал таковых.

– Когда?

– Сейчас, – на бесстрастном лице молодого человека появилась упрямая чёрточка, словно перечеркнувшая его высокий чистый лоб. – Они ждут!

– Подождут! – Свим остался верен себе, но, помедлив, уточнил: – Я быстро.

Быстро не получилось.

Он уже выходил из сокровищницы, как туда влетела Клоуда. Как ни велик был хабулин, а новости в нём распростра-

нялись куда как стремительно – несколько минут, и все обо всём знают.

– Что случилось? – спросила она, но Свима интонация, с какой она произнесла эти слова, не обманула. Она явно уже знала, кто и, возможно даже, зачем пришёл.

– Ничего, – как можно безразличнее отозвался он, закрывая собой посланца от ауны, рыскающей беглым взглядом по сокровищнице. – Калея зовёт. Сходить к ней надо.

– А я?

– Но, милая... Она зовёт только меня. Да и не надо тебе сейчас куда-либо ходить. Я схожу и вернусь. Расскажу что там и как.

Свим говорил как можно беззаботнее, но в нём уже закипала негодование на Клоуду от её непонимания, что так оно и есть: зовут только его.

– Но, Свим...

– Кло, мне надо идти. Меня и здесь и там ждут, – он попытался обойти её.

– Я пойду с тобой!

– Кло, опять? – посуровел Свим. – Зачем тебе там быть? Ты – ауна, и ждёшь ребёнка. Тебе нельзя волноваться и бегать по подземелью. Всё, Кло!

Он, наконец, обошёл её и, не оглядываясь, направился в свою комнату. Его душила досада. Всё-таки у Кло есть плохая черта. Знает, что он всё равно не возьмёт её, но будет канючить, пока на неё не прикрикнешь. Вот и сейчас испорти-

ла приподнятое настроение от предстоящего визита к Калее.

Через четверть прauзы Свим, одетый по-походному (мало ли что может там произойти, вдруг, надо будет куда-нибудь направляться вне города) был готов следовать за посланцем куда угодно, лишь бы сменить обстановку и не видеть укоризненного взгляда Клоуды.

Собираясь, он даже не подумал о возможных происках Тескома, не насторожился, поскольку все эти дни с нетерпением ожидал обещанной встречи с Калеей. Хотя не раз и не два размышлял о подобном ходе тескомовцев.

В этой организации были настоящие специалисты по таким вопросам, так что можно было ожидать от них всего. А тут, увидев посланца и приглашение к Калее, позабыл обо всём.

Да и само появление молодого дурба было окутано тайной, так перепугавшей Нерева, на зубок изучившего за долгие годы службы, доставшейся ему по наследству от отца, хабулин и его дувар со всеми ходами и выходами из него. Все они у него имели внутренние запоры, а внешние знали только он и Свим, да ещё Елина, конечно. Значит, те, пославшие за ним, обладали сведениями о защитных системах его дома, либо способами вскрывать эту систему по своему желанию и без его ведома.

Но ничего подобного о таком Свим никогда не слышал.

Хабулины имели чаще всего естественную защиту, сформировавшуюся за длинные промежутки времени. Это и ка-

питательные стены, и обвалы осадочной породы, завалившие древние улицы или проходы между домами. Там, где можно было подойти к хабулину непосредственно, были устроены вечные двери. Они всегда закрывались со стороны дуvara кодовыми замками. Их можно было открыть, лишь зная код. Но чаще всего использовались примитивные засовы, так что извне нельзя было через них проникнуть в дувар без предварительной договорённости с хозяином хабулина или смотрителем дуvara. А поскольку Еменковы жили замкнуто, то порой двери не открывались десятками лет.

Свим, как все многоимённые, свято верил, что вскрыть какую-нибудь дверь и тайно пройти в его хабулин тескомовцы не могли. Тогда кто же смог это сделать, что молодой дурб стоит вот, перед ним, хмурит лоб и терпеливо ожидает, когда человек, за которым его послали, будет готов пойти за ним?

Напрашивался вывод. Существуют, может быть, более могущественные силы, чем Теском. И эти силы стоят за Малионом, Калеей и Камратом...

«Как там этот мальчик?» – подумал Свим. – «Отмылся, отъелся, наверное, и опять занимается с бабкой хапррой?»

Впрочем, памятуя предположения Харана и то, каким перед ним предстал Камрат во время расставания, Свим мог предполагать, что с мальчиком произошли какие-то изменения.

Свим позвал за собой Нерева, дабы тот знал, где образовалась брешь в его крепости. Молодой человек с невозмути-

мым лицом выслушал решение Свима, отозвался односложно:

– Да, конечно...

И уверенно направился по переходам и лестницам древнего дуvara, вселяя в Нерева тревогу и подозрение. Кто мог описать так подробно путь этому (он его стал уже ненавидеть) посланцу? Ведь он идёт там, где мало кто ходит даже из своих, а и попади они сюда, начнут плутать. А этот... Будто каждый день тут ходит!

– Здесь, – указал молодой дурб на замаскированную под одну из аляповатых нашлапок в виде розеток дверь.

В его руке появилась тонкая пластинка. Он приложил её к стене рядом с дверью, они раскрылись настолько, чтобы в них мог протиснуться громоздкий Свим. Пластинку молча вручил ошеломлённому Нереву. Об этом входе в хабулин он знал, естественно, но в семье Еменковых считалось, что этой дверью, якобы, никто никогда не пользовался и она никуда не ведёт. А если и есть какой-нибудь выход, то только в тупик.

Также уверенно посланник вёл Свима по мрачному неухоженному подземелью, лишь кое-где освещённому вечными светильниками, да и то в полнакала. Если здесь кто-нибудь и ходил, то очень редко. Во всяком случае, в освещённых местах можно было видеть только одинокий след посланника, ведущий к хабулину Еменковых.

Свима заинтриговал этот подземный ход, но и раздражал

тем, что он впервые узнал о нём. Появилось твёрдое желание проверить все свои двери и узнать, куда от них ведут подземелья. Как только вернётся назад, решил он, так с Неревом обойдёт дувар и наведёт ревизию входов и выходов.

Шли довольно долго, едва ли не полпраузы.

Наконец, он сидел за тяжеловесным на вид невечным столом в компании приветливо встретившей его Калеи и владельца хабулина, представившийся как Кате Кинг Ктора.

Широкий в кости и жестах, Кате излучал всем постоянную улыбку знакомого человека. Он аппетитно облизывал полные губы. Его светло-голубые глаза под слегка припухлыми веками с хитринкой посматривали на Свима.

– Подождём ещё кое-кого, – предупредила Калея.

Свим терпеливо ждал и непроизвольно отвечал на улыбку Кате.

Дверь в комнату с лёгким щелчком отворилась, в неё вошёл Ольдим.

И Свим...

Ольдим не ожидал от себя такой радости при виде ухоженного и приглаженного Свима, хотя и одетого в походную одежду. Эмоции встречи полностью исказили его лицо – оно расплылось на отдельные, не связанные друг с другом, фрагменты.

– Фу, на тебя, Зинема! – надула дряблые щёки Калея. Она назвала родовое имя Ольдима, что тут же испортило ему на-

строение. А Калея не унималась. – Тебя страшно показывать даже в Заповеднике Выродков. Ты бы выбросил из головы эту блажь. Стань человеком, а не карикатурой на него!

Ольдим в душе помянул Край.

Последнее время все, вдруг, словно сговорились, стали видеть в нём не какого-то инега, а именно Зинему Зембу Зуберкана. И при том тыкают ему пальцем в лицо. Всем оно, опять же вдруг, стало неприятным и неправильным.

По поводу всех он, конечно, преувеличивал, но недавняя стычка с Малионом ещё жила в памяти и жгла самолюбие. А Калея сейчас подбросила дров в это пламя.

– Вот что... – начал он было вызывающе.

Ему хотелось высказать начистоту своё мнение о тех, кому вольно трепать его родовой нэм, где и когда попало. Тем более что он сам от него отказался и постарался позабыть навсегда. Высказать тем, кому не нравится его обличие. То есть поставить всех на место и не указывать ему, что делать.

Хотелось, но он остановился на полуслове.

Он не знал, как обращаться к этой старой посудине, имеющей, по всей видимости, самое прямое отношение ко всему тому, что окружало его, и чем он занимался в недавнее время. Не называть же её так, как называл Камрат, – бабкой Калеей или просто Калеей. Она явная многоимённая, и кто знает, насколько высок её нэм. Как бы он сам не относился к своему настоящему имени, многоимённые всё же были ему намного ближе, чем иные, ибо всегда ощущал впитанное с

детства почтение к ним.

– Так что? – спросила и улыбнулась Калея, покрываясь при этом ещё большим числом морщин.

– Свим, я рад тебя видеть! – быстро перестроился Ольдим, справедливо считая пока что не вступать с Калеей в словесную перепалку.

– Я тоже, – отозвался Свим.

– Его зовут Ертон Естифа Еменков, – заявила Калея, показав на Свима.

– А-а... – Ольдим опять потерял своё лицо.

Свим тоже хотел рассердиться на Калею, но неожиданно рассмеялся, настолько развеселило его необычное представление. Ведь их, его и Ольдима, познакомили вновь.

– Я тоже сказал «а-а...», когда услышал твой настоящий нэм. – Свим почмокал губами. – Сколько себя помню, знал всякие небылицы о Зинеме, сыне Зембы, из славного рода Зуберканов.

Разъехавшиеся по лицу глаза Ольдима с жутковатой прямоотой уставились на Свима. О Еменковых он тоже, разумеется, слышал многое, но во всех слухах и рассказах о них превалировало одно – Еменковы обжоры, нелюдимы и многожёнцы, в тайнах дуvara которых, как будто, таятся неведомые многим чудеса техники далёкой старины.

Но Свим начисто разбивал сложившийся об Еменковых стереотип. Какой же он обжора? И уж совсем не похож на нелюдима. И Клоуду он взял в качестве своей ауны по любви.

Вот тебе и Еменков!

Чуть позже, когда они обменялись незначущими репликами по поводу нового знакомства, Ольдим решительно потребовал:

– Тогда и вам, уважаемые, стоит назвать свои настоящие нэмы.

– Само собой. Я – Зарима Зенда Задарак

– О! – воскликнули дурбы и от неожиданности в знак уважения к такому нэму привстали.

Ольдим это имя впитал с молоком матери. В его молодости о Зариме говорили столько, что впору было думать, что в Сампатании и за её пределами нет больше женщин кроме неё.

А Свим знал этот нэм, так как будто бы его дед когда-то её видел и оставил о том запись в домашнем музее-памятнике. Но, пожалуй, он больше был поражён поведением Ольдима – такого уважения к Калее он от него не ожидал.

– Садитесь, – просто сказала Калейя. – Надеюсь, выйдя отсюда, вы позабудете это имя. Как оно было забыто ещё до рождения Ертона. Пусть вне этой комнаты для вас я останусь Калеей.

– Кате Кинг Ктора, – назвался мужчина, но Ольдиму показалось, что он назвал всё-таки не настоящее своё имя, а подставного хозяина хабулина – инега.

Его сомнение строилось на том, что уж очень редко инеги имели родовые хабулины с дуварами, достойными сопер-

ничать с владениями гитов. А в распоряжении Кате Кинга Кторы подземелий было, пожалуй, больше известных до того Ольдиму, а повидал он их во многих городах не только Сампатании, но и у разных многоимённых.

Как ни был Ольдим поражён именем Калеи, он, тем не менее, сказал:

– К сожалению, Ваш нэм, уважаемая, Зарима, мне ни о чём не говорит. Я услышал его впервые. К тому же, Вы, наверное, прекрасно знаете, что говорят об этой необыкновенной женщине.

Она кивнула головой, но пояснений никаких не дала.

– Нам надо с вами поговорить, посоветоваться, – сказала она. – Вас усиленно разыскивает Теском. Вы как будто знаете, почему... Да, из-за Камрата. Мы, как можем, охраняем вас. Но в город сейчас вернулись многие оприты, чтобы подлечиться, и тескомовцы, которых вы обидели, – она покривила губы в усмешке, – на Сажане. Все они видели вас и...

– У меня один такой оприт уже появился, – мрачно заметил Свим. – Но опять сбежал прежде, чем я смог с ним поговорить.

– У нас тоже. Но это наши люди. Они, не зная вас, довольно точно описали тебя, Ертон, а уж тебя, Зинема, они просто живописуют. Правда, некоторые думают, что ты чей-то ручной одур, либо вообще путр...

– Ну и что? Что нам делать? – Свим почему-то почувствовал раздражение. В конце концов, он многоимённый, и

Тескому, находясь в своём хабулине, не по зубам. В его распоряжении десятка два людей – их можно вооружить. К тому же не менее полусотни выродков. Некоторые из них, как К”нъец, например, владеют мечами и кинжалами. Да и кугурум, сложа руки, сидеть не будет. – Нам что теперь, сесть в осаду и носа из дома не высовывать?

– Почему в осаду? – удивлённо округлила глаза Калея. – Разве тебе нравится безвылазно сидеть в хабулине?

Вопрос её больно задел Свима, так как касался только его переживаний и неудовлетворённости, а она так просто говорит об этом.

Он помрачнел, наморщил лоб, но не знал, что сказать в ответ: согласиться или, наперекор самому себе, восторженно заявить, что всё время, пока бродил по бандеке, мечтал об уединении в родном доме и спокойной жизни. Она же не поверит! Она такая же, как Малион, и знает, наверное, всю его подноготную.

Второй раз, в течение короткого времени, Свим пережил чувство полной растерянности перед лицом совершенно чужих ему людей, знающих о нём больше его самого.

– Мне сидеть в хабулине не нравится. Да. Но какое дело Тескому до меня, если Камрат уже дошёл до Примето, и вы, надеюсь, хорошо спрятали мальчика. Кстати, они искали не только его, но и тебя, Калея... Зарима. И не нашли, как я вижу.

На мгновение морщины на лице женщины расправились,

и взору Свима открылся образ энергичной гордой красавицы, каковой Калея была, наверное, лет сто пятьдесят назад.

– Ты прав, – сказала она, вновь превращаясь в старуху. – Но не во всём. Ты слишком много знаешь. О нас, Гелине... Ты посвящён в тайну миссии Харана к Суремным горам. А Клоуда – пилот-тескомовец. Кроме того...

– Клоуда была пилотом, – поправил Свим.

– Теском редко прощает тем, кто без его ведома позволяет себе покинуть ряды его бойцов. Тем более, перешедших на сторону преследуемых им. А ты, взяв под опеку Камрата, навсегда останешься для Тескома преследуемым.

– Но почему? Или он и в правду Три-Бланка, как уверял меня Малион? Но даже если это так, то...

– Малион говорил тебе о Камрате, как о Три-Бланке? – Калея переглянулась с Кате Кинг Кторой. – Что именно он говорил?

Свим вначале без охоты, отчего Калеи пришлось понукать его, потом увлёкся и рассказал о разговоре с Малионом при подготовке вывода Шельмы из подземного ангара.

– Вот и всё...

Последние слова Свима оборвались молчаливой паузой. Хозяева красноречиво переглядывались.

Калея задала ещё несколько вопросов, Свим ответил машинально, не придавая своим словам и порой резким репликам Камеи значения, когда она отрицала всякую связь с Малионом, а потом поговорили о Шельме... Спросили – отве-

тил. Может быть, из-за того, что был занят другими мыслями.

– Ну, а я? – нарушил вновь возникшую тишину Ольдим. – Мне тоже угрожает Теском?.. Так он мне всегда угрожал... И что? Я вот сижу перед вами. А Теском... – Ольдим покрутил пальцами и словно поставил точку в разговоре: – Теском есть Теском!

– К сожалению, Зинема, Теском всегда видел в тебе только некую неудобную для него изгою, под которого ты себя чистил. А сейчас ты знаешь Свима. Тебе не обезличиться на его подобие. Еменковы, как ты знаешь, всегда считались людьми мало кому известными, поэтому Ертон мог бы ещё долгое время оставаться не узнанным. Ты же теперь основная улика против него. Начало цепи, первое его звено, дёрнув за которое, Теском дойдёт до последнего звена этой цепи. До Камрата.

– Меня не так-то просто дёрнуть! – с вызовом заметил Ольдим, но в глубине души был с доводами Калеи согласен. – И потом... Я могу уйти из города.

– Куда? В Сох?

– Не обязательно... Там уже сейчас Теском рыщет, если ему надо меня найти. – Калея кивнула. Ольдим помедлил, спросил: – У вас что, есть какое-то предложение?

– Есть, – с жёсткими нотками произнесла Калея. – Для того я вас с Ертоном и позвала.

Свим тяжело вздохнул. Не нравился ему разговор. Опять

кто-то, сейчас вот Калея, то бишь, Зарима Зенда Задарак, навязывала ему своё решение, придуманное и продуманное без его участия. Опять его хотят использовать в своих интересах. Опять над ним хотят установить контроль. При этом, загоняя в угол намёками, да что там намёками – в лоб об опасности со стороны Тескома, пожелавшему любыми способами достать Камрата, то есть Три-Бланку, чтобы через мальчика вершить какие-то свои, непонятные делишки. И во всём этом он оказался как бы крайним.

«Мутные звёзды!» – воскликнул он про себя. – «Думал о свободе, идя сюда, а попал...»

Он заёрзал в тяжёлом вечном кресле, простоявшем здесь, может быть, тысячелетия. Калея обожгла его взглядом. Она, наверное, как и Малион, могла проникать в мысли собеседника. Свим непроизвольно поёжился и сжал пальцы в кулаки.

– Так что вы предлагаете? – нетерпеливо спросил Ольдим, ему не понравился жёсткий тон Калеи, как если бы она уже распорядилась им, а он не имеет права что-либо сказать против её решения.

– Сейчас, – сказала она и словно к чему-то прислушалась. – Не торопись, Зинема. Нам для беседы нужен ещё один участник... Он уже на подходе.

Дверь в комнату открылась, и в неё, пригибая голову под притолокой, ввалился громадный молодой человек. Он быстро оглядел сидящих в комнате людей, залучился радост-

ной улыбкой на прекрасном, без изъянов, лице, и воскликнул:

– Свим!... Ольдим!... Наконец-то!..

– Грения, если ты ещё раз пристанешь ко мне с этим, мы рассоримся! Ну что ты нашла в этом мальчике? Он же младше тебя лет на десять... Пусть на восемь. И кто бы он там ни был, он ещё – мальчик. Совсем ещё маль-чик!

– Харан говорил...

– Он предполагал... – Гелина запнулась, грусть омрачило её лицо: «где ты, милый Харан?»

– Нет, он знает! – Грения капризно притопнула ногой.

Гелина вздохнула.

– Но, Грения. Я не знаю, где он сейчас. Я даже не знаю, где Харан. Где Свим, где Жариста, где все...

– Они же обещали... – плаксиво сказала Грения.

– Никто нам ничего не обещал. Да и если обещали, то не тебе, а мне... Сама посуди. Зачем ты им всем? Свиму, Харану, да и... Камрату?.. А что – Камрат? Он, быть может, и хотел бы с тобой и Думарой поговорить, но так же, как и ты, наверное, дальше хабулина или где там его сейчас определили, шага шагнуть не может. Пойми, пока за нами с тобой и за ним охотиться Теском, лучше отсидеться в дуварах и нигде не показываться.

Теперь от её слов вздохнула Грения.

– Так надоело здесь! Никуда не выйти, никого не видеть, –

на её глазах навернулись слёзы. – Так можно всю жизнь просидеть и никогда не иметь детей.

– Что, что?! – широко раскрыла глаза от удивления Гелина. – Каких ещё детей? Ты это... Тебе ещё всего двадцать три года... Пусть больше. А ты уже о детях!

– Тебе было всего двадцать восемь, а у тебя уже был Харан.

– Так двадцать восемь, а не двадцать три. И не будем же мы, надеюсь, тут отсиживаться пять лет.

– А если будем?

– Ну что ты, Грения! Скоро всё изменится. А не изменится, сбежим куда-нибудь, а?

– В руины! – глаза Грении засветились. – Соберём всех наших и... Нет, мы не сбежим, – закончила она грустно.

– Ещё как сбежим!

– А твой ребёнок?

– Какой ребёнок? – задохнулась Гелина.

– От Харана. Какой ещё? – надула губы младшая гита.

Гелина долго не могла прийти в себя. Что ждёт ребёнка, она сама узнала только что, а о том уже известно даже Грении.

– Откуда?... Откуда ты знаешь?

– А, все знают, – будто о безделице поведала Грения. – Да и что в этом особенного? Вы с Хараном...

– Грения!... Что тебе дался Харан?... Тебе вредно общаться с взрослыми женщинами.

– Я и без них всё знаю. Они такие же, как и ты. Только шепчутся. Вот Жариста...

– Это она тебе наговорила обо мне?

– Почему наговорила? Она вообще говорила обо всём. И ты тут ни при чём... В конце концов, должна я знать всё. Я тоже буду женщиной...

– Грения! – схватилась за грудь Гелина. – Слышал бы нас твой отец, он опять бы сказал, что мы – странное поколение... Он так говорил. Мол, последние примерно пятьдесят лет рождаются люди, не похожие на своих родителей.

– Мы-то с тобой похожи, – недоверчиво произнесла Грения. – Что они, то и мы.

– Мы не похожи на них не лицами, а в другом. В нашем поведении, в мыслях. Мы, то есть наше поколение, меньше прячемся в домах и хабулинах, а выходим чаще на улицы и даже за койну. Будто бы стало больше опритов, как себя называют бандиты, а так же бойцов Тескома, хожалых, лесовиков и изгоев... Мы вот с тобой... И Харан, и Свим, и Камрат тоже такие. Непоседы. Из странного поколения. И даже этот дурак Зиберлан... Оттого его восстание.

– Он противный, – делая гримаску на лице, веско заявила Грения. – Всем улыбался, а глаза злые-презлые. Он всех укусить хотел.

– Он меня хотел. Но чтобы я, гита...

– Ну, да, с Хараном...

– Ты, Грения, ещё не знаешь, что такое любовь. В любви

нет гит и ухрупов, а есть двое – влюблённых друг в друга.

– Я знаю, не рассказывай.

– Да что ты знаешь? – Гелина округлила глаза и следом почти шёпотом спросила: – Камрат?

– Камрат, – так же не громко подтвердила Грения и поникла головой: – Он...

– Ой, Грения!.. Мы и вправду из странного поколения. Он же на пять или больше лет тебя моложе. И ростом ниже.

– Ну и что? Через тридцать лет, когда мне будет пятьдесят, – девушка помолчала, по-видимому, представила для себя вечность этих лет, – а ему сорок пять... Какая разница?

– Смотрю, ты уже всё обдумала. Бедная девочка... А как к тому относится сам Камрат?

– Поэтому мне его и надо видеть...

Жуперр мрачно рассматривал свои руки, свободно брошенные на стол. Ноготь большого пальца на левой руке расслоился, и белый его кант резко контрастировал с гляncем всего ногтя. Это сбивало руководителя Тескома с мыслей. Они так же расслоились, разбежались, являя то одно, то другое, отнюдь не приятные ощущения.

Тёлпы людей и пугров проникли в город, оттого шёл уже десятый день усиленных поисков – и безрезультатно.

Мелькнул Еменков и снова исчез. Отец Гелины ведёт себя так, будто не его дочь была со Свимом и Камратом. Впрочем, он с самого начала не верил Присмету – мало ли что ему

могло показаться. Были ещё Ольдим и настоящий торн...

– Ольдима не найдёте, – авторитетно заявил Присмет. – Он либо затаился в такой щели, что понадобится год на поиски, либо он уже сбежал из города.

– Куда? – со слабой надеждой спросил Жуперр.

– Да хоть куда.

– В Сох?..

Если бы тескомовец знал, что всего в десятке канторов на глубине почти сотни берметов почти слово в слово повторяется разговор Камеи с Ольдимом.

– А что у тебя?

Тлуман поёжился. Жил он себе до не давнего времени, не тужил, исполняя роль правой руки Жуперра. Всегда был точен, краток и всеведущ. Любое распоряжение предводителя Тескома исполнял мгновенно, пока... Пока не началась эта дурацкая гонка за мальчишкой, а теперь не менее бессмысленный поиск его в громадном городе, изобилующим норами, подземельями, лазами и другими укромными местами, где может затеряться не только одиночка, но и целый гурт.

И вчера, и позавчера, и третьего дня он не мог порадовать Жуперра каким-либо обоснованным известием. Сегодня – тоже, если не считать одной странности, замеченной доброхотом, помогавшим тескомовцам.

– Он утверждает, что в дом Кате Кинга Кторы ночью вошло не менее двух десятков вооружённых людей. Дурбов.

– Когда?

– Недавно.

– Точнее! – потребовал Жуперр.

– Месяц назад или больше.

– Тлуман, что за игру ты устроил? Так, когда это произошло? Месяц? Или насколько больше? Что он говорит?

– Он, – Тлуман вытер губы, сознавая, что сказанное им сейчас может быть не так понято Жуперром, – плохо ориентируется во времени... У него с памятью неприятности. Не перепутал ли он, что эти люди могли прийти десять дней назад. Вот я и думаю...

– Не перепутал. В дувары Кате Кинга Кторы кто-то и вправду проник ещё до наводнения. Но вот ушли ли, не знаю.

– Уходят и приходят снова, – подал голос Присмет. – Но среди них нет тех, кого мы ищем.

– А что за люди? – Жуперр помедлил. – По твоим сведениям?

– В большинстве хожалые. Много их застряло из-за неурядицы в бандеке и половодья.

– Дворы путров тоже забиты... – добавил Тлуман.

Жуперр соединил кончики пальцев рук, покачал головой.

– И что мы имеем? – задал он вопрос и тут же на него ответил с гримасой гнева и брезгливости: – А ничего мы не имеем! Одно к одному. Город переполнен сверх меры чужими. В кугурум жалуются – системы обеспечения работают с полной нагрузкой и всё равно многого не хватает, закалоч-

ные заняты сутками, на улицах бродят целые гурты, вступа-
ют в драки с другими... – Жуперр погрузился в долгое раз-
думье. – Что ж... День-два и можно ожидать оттока, но... –
он опять задумался. – Они, естественно, все не пойдут... как
все, а полезут через лазы и койну. Поэтому, Тлуман, подго-
товь весь наличный состав наших бойцов...

– Весь? – изумился Тлуман.

– Я сказал – всех! Перекрыть все лазы, оставить для выхо-
да только одни ворота. Подумай какие. И поставить к ним не
менее крина. Направить патрули по улицам... С кугурумом
я договорился. Они там тоже сидят как в осаде. И вот ещё
что. Тебе, Присмет, пора избавиться от чувства вины и мыс-
лей о неудачах последних дней. Подойди к поиску по всем
правилам Фундаментальной Арены. – Жуперр усмехнулся. –
Вы это хорошо умели делать. Разущи своих агентов. Дай за-
дание. Пусть ищут изменников вашему делу. То есть Свима
и Ольдима.

– Изменников? – вскинул брови Присмет.

– Именно! Это они, Свим и Ольдим, выдали Тескому сво-
их товарищей. Это они...

– Стоп! – вздыбился бывший Координатор Фундамен-
тальной Арены. – Мы, к вашему сведению, дураков не дер-
жали. Да и агентура была известна узкому кругу правления
организации. Так что ни Свим, ни Ольдим ничего не могли
знать о других агентах. Кроме того...

– Что с того! – с непонятной для Присмета весёлостью в

голосе воскликнул Жуперр. – Вот именно, не дураков. Дурак-агент не смог бы проникнуть и выкрасть картотеку или что там у вас было. А эти двое, тайные осведомители Тескома... А почему бы и нет? Так вот, они сумели это сделать!

Присмет с интересом вслушивался в развитие темы и с таким же интересом изучал лицо старого тескомовца. Оно выражало вдохновение.

– Любопытная версия тому, что произошло с Фундаментальной Ареной. Однако Свим и Ольдим – это явные псевдонимы, а их имена...

– Ну и что из того? Ваши агенты знали или слышали о них именно под этими именами.

– Это так.

– Вот и попробуй! Все, конечно, не поверят, но какая-то часть кинется на их поиск с жадной отщипкой. Впрочем, пусть не увлекаются. Нам они нужны живыми. Живыми, Присмет!

– Это понятно, – с неохотой отозвался бывший фундаренец.

Ему не хотелось начинать всё сначала. Новые тревоги, лишние движения и волнения, а он устал. Ему хотелось вернуться домой, узнать о сыне, да и вообще хотя бы на время позабыть обо всём том, чем он занимался последние десять лет.

– Договорились! – прихлопнул ладонью Жуперр. – Я тебя не держу. А ты, Тлуман, останься!

Присмет тяжело поднялся, почти доставая головой ложного потолка, за которым пристроился Сунда. Он мог бы одним рывком вытащить незадачливого телохранителя Жуперра вместе с его вонючим арбалетом, запрещённым к употреблению тысячи лет назад. Однако появляются люди обличённые властью, готовые всеми правдами и неправдами шагнуть за черту недозволенного, противного разуму и традициям.

Жуперр, поди, думает сохранить роль Сунды в тайне, но о нём знают не только все тескомовцы, но и другие, кому это знать не следовало бы. Потому что, если можно Тескому, то почему нельзя вооружиться агретами бандитам, лесовикам, изгоям, хожалым?..

«С кем связался?» – горько подумал Присмет, ударом кулака открыл дверь и вышел, не заботясь – закрылась ли она за ним или так и осталась распахнутой настежь.

– Ты за ним последи, – наказал Жуперр ровным голосом Тлуману, когда тяжёлые шаги «Куска Мяса» удалились. – Не нравиться он мне... И закрой дверь!

Глава 6

Свим покидал хабулин Кате Кинг Кторы со смешанным чувством недосказанности, неуверенности и уныния. Долгое общение с Калеей, Ольдимом, с преобразившимся до неузнаваемости Камратом и хозяином дома утомили его. Не

столько сам разговор утомил, сколько его содержание. Развелись некоторые радужные и туманные надежды, питавшие Свима всё то время, пока он ожидал обещанной встречи с бабкой малыша и самим Камратом.

Свим шёл за проводником, возвращавшим его домой неизвестными переходами подземелья, думал и вспоминал. А, вспоминая, удивлялся – сколько всего было наговорено, а он словно отсутствовал при этом...

Нет малыша, истаяли и надежды. Правда, неясные самому Свиму. Но зато теперь понятно, что никогда ему, похоже, не быть свободному человеку, поскольку нет таких организаций, где свободные действия, как способ служения каким-нибудь идеям, поощрялся бы.

Так случилось и сегодня.

Не стало надежд, а есть предложение, подобное обязательству – стать одной из мелких винтиков неведомой, но крепко свинченной системы с развитой структурой, иерархией и целями...

– Стучилось так, Еменков, – безапелляционно заявила Калея, – что ты оказался по иронии судьбы... не знаю, почему... Ты же побывал у Индриса в Керпосе? И он тебе сказал, что ты скоро окажешься в центре назревающих на Земле событий. Ведь так?.. Так, Еменков. И это за тобой охотиться Теском. Ведь это ты увёл из-под его носа не только Три-Бланку, но дочь и канилу правителя бандеки – Гупака Гделина Гамарнака. Это ты устроил им побоища и другие непри-

ятности, от которых они до сих пор не могут прийти в себя. Но не только это. Ты им нужен, чтобы через тебя узнать, куда скрылись или где спрятались Три-Бланка и я.

Она чётко низала слова и не сводила с него глаз, проникающих взглядом, казалось, в мозг, сердце, в каждую клетку его естества и везде оставляла свой след, смыть которые не удавалось.

Свим хотел возмутиться тому перечислению свершённых им деяний против тескомовцев. Не он, а его, и Калея о том прекрасно знает, втянули во все эти передраги. А Индрис... так мало ли кто что говорит!

Он хотел возмутиться и... промолчал. Так как вспомнил: ото всего этого он получил незабываемое удовлетворение своей ищущей приключений натуре. Два весенних месяца по насыщенности событий и риску превзошли все когда-либо случавшиеся с ним до момента встречи с Камратом. Он нашёл Клоуду, ауну в свой хабулин.

Одно это стоит дорого!..

И даже эти два странных типа, что решили из корысти использовать лаз в стене Керпоса явились неожиданно-негаданно сразу после столкновения с Камратом при выходе из города, где обычно сторожить тайные ходы не приходило никому в голову, кроме, конечно, Тескома, если они проводили с разрешения кугурума на кого-то облаву.

Ещё больше стал смущать Свима его разговор о Малионе и Невлое. Калея поинтересовалась ими как бы мимоходом, а

когда он рассказал... Что он рассказал? – силится вспомнить Свим. Ну, да, он сказал, что Малиону было известно о ней, Калее. Она его тут же оборвала, сказав сухо:

– Мы никого к вам навстречу не посылали. Малион и Невлой нам не известны. И тритундовые мечи мы делать не умеем.

– Но как же? – он даже рот от неожиданности открыл. – Они уверяли...

– Мы их не знаем! – сказала, как отрезала, Калея.

– Тогда кто они? Добрые духи?.. Визинги?..

– Не-зна-ем... А вот о Шельме я что-то слышала. – Калея прикрыла глаза. – Да. Ещё в молодости. Сажаней тогда был посещаем горожанами. Такое тогда возникло увлечение. На острове тогда можно было увидеть остатки древнего города. Там, в поселении... Людей и путров на сто, наверное. Там бытовала легенда о Шельме, корабле, что мог плавать по воде и под водой, летать и двигаться по суше. Только надо знать заветные слова... Послушала вас и поняла, не легенда то была. И те слова, оказывается, кто-то знает и пользуется ими.

– Шельма-Шельма... – произнёс Свим и пояснил: – Надо дважды назвать её имя. Она – яхта. Так говорил Малион...

И это было ещё не всё.

Правда, Ольдим что-то ещё пытался выяснить, но Калея, в конце концов, метнула в него такой взгляд, что Ольдим перекосил своё лицо и заткнулся, словно его рот мгновенно наполнился невесть чем.

– Вы слышали от меня необходимое, чтобы принять правильное решение, – сказала она. – А оно таково. Вам надо покинуть город. И чем дальше вы от него уйдёте, тем лучше будет и для вас, и для Три-Бланки.

– Ты для того меня здесь держала? – возник Ольдим.

– Я, Зинема, ещё не всё сказала. Ты мог заметить, что ты находился в дуваре не один, а в компании семнадцати молодых дурбов.

– Ну и что мне до них?

– А то, что мы предлагаем тебе и Свиму возглавить их в поиске Скалы и взять с собой Три-Бланку.

– Я так и знал, – с досадой проговорил Ольдим, – что одной сказкой дело не кончиться. Три-Бланка, тритунды, Шельма... Ты уверена, что эта пресловутая Скала существует?

– Да!

– А я нет! И вот почему. Только на моей памяти её искали раз двадцать. Это только те, кого я знаю. И большая часть тех, кто её искал, не вернулись, а тем, кому повезло вернуться, не помогли даже закалочные, и они попадали под строгий контроль Круга Человечности. А там, сама знаешь, не церемонятся.

– Нам это известно. Но нам известно и другое. Скала существует, мы знаем даже её координаты с точностью до десяти свиджей. Кроме того...

Вот тут-то Свим не выдержал.

– О какой Скале речь? Неужели о Скале Перехода в другие миры? Вернее, об Узле Перехода?

– О ней, – подтвердила Калея.

– Вы в это верите?

– Ты что, проснулся? – вперил в него Ольдим свои разноцветные, разно великие перекошенные по лицу глаза. – Я им о том и толкую! Я тоже не верю!

До того молчаливый и словно заторможенный Кате Кинг Ктора, чьё присутствие как будто ничего не решало в переговорах между бывшими фундаренцами и Калеей, вдруг ожил. На его полноватом лице обозначился интерес к присутствующим и разговору.

– Она существует точно! – сказал он мягко, но с той непоколебимой уверенностью, которая может быть только у знающего человека. – Другое дело, как до неё добраться...

– Зачем? – вступил в разговор Камрат.

После бурной встречи с друзьями, с трудом поверившим, что перед ними не какой-то зрелый муж с полновесными мышцами и соответствующим обликом, при том почти на голову выше Свима, а недавний малыш, Камрат уступил место Калее вести переговоры.

– Я только что подумал об этом, – добавил свой голос Ольдим. – Зачем она нам?

– Отвечу, – Калея подпёрла рукой подбородок, задумалась. – Ты вот, Зинема, напомнил о предыдущих попытках. – Ольдим кивнул головой. – Но скажи, когда случилась на тво-

ей памяти первая такая попытка?

– Ничего себе вопросик! Я уже забыл, когда родился.

– И всё-таки, – настаивала Калея.

Глаза Ольдима сбежались к крыльям носа, уши поползли к макушке, а рот уравнился с подбородком, отчего нижняя челюсть куда-то пропала.

– Н-да, – наконец, сказал он. – Пожалуй, это была попытка Лисмы из Бусто. Он пошёл берегом Крапатского залива. С ним пошли семь или восемь разумных, из них ещё двое людей... Да, это был Лисма. Я его хорошо знал.

– И когда это было?

– Если Лисма, то лет сто двадцать тому назад... Дай-ка, посчитаю.

– Не надо. Лисма направился к Болоту Второму и вправду берегом залива сто четырнадцать лет назад.

– Ты знаешь?

– Знаю. Но знаю и то, что последняя такая попытка случилась восемьсот семьдесят шесть лет до Лисмы.

– Ну да? – не поверил Ольдим и повернулся к Свиму, ища поддержки, но тот не мог ничего сказать, так как всё, о чём здесь говорилось, он слышал впервые.

– Так оно и есть, – подтвердил Кате Кинг Ктора. – Ходил Зувер. Вернулся один...

– После Лисмы, по нашим сведениям, на поиск Скалы направлялись не менее шести экспедиций только Тескома, – продолжала Калея. – То есть до Лисмы почти девятьсот лет

– ни одной. И вдруг подряд семь раз, по крайней мере, официально за столетие люди искали Скалу...

– Не пойму, куда ты клонишь, – перебил её Ольдим. – Достичь Скалы – это же блажь, когда кому-то делать нечего. Тот же Лисма. Он собрался её искать, потому что ему другая жизнь надоела. Сам говорил. А мне и без Скалы этой хорошо. Сама посуди. Ну, найдём мы её, хотя я и сомневаюсь. Ну, залезем мы на неё, если, конечно, на неё можно залезть. Ну... А потом вернёмся, и – что?

– Возможно, – Калея помедлила с ответом, будто согласилась с рассуждениями Ольдима, но оказалось, что у неё осталось много чего досказать. – В последние годы Скала, этот Узел Перехода как будто активизировалась и, есть такое мнение, что ищет с нами связи... Как ищет? Об этом потом... Впрочем, её выходы на людей коснулся многих через кавоти, системы связи Тескома и кугурумов. Поэтому, если вы её найдёте, то это ещё не значит, что вы на неё влезете, как ты тут только что выразился. Это не просто скала, а, по всей вероятности, целый компактный ансамбль построек и сооружений на небольшой территории, окружённый со всех сторон непроходимым как будто болотом.

– Вот именно, что непроходимым! – решил напомнить о себе Свим.

– Я сказала как будто, – глянула на него Калея. – Само болото пройти можно. Тем более что в этом году ожидается его сильное высыхание. Наверное, больше надо будет осте-

регаться огня, чем воды. Но вот участки, подступающие к самой Скале, преодолеть сложнее. Дело в том, что древние установили барьеры. И не для охраны комплекса строений и сооружений для связи с внешними мирами, а для нечаянно-го проникновения на его территорию неподготовленных разумных и диких. Они по неведению могут стать помехой в работе Скалы или, что вернее, её жертвами.

– Так вы решили запустить нас туда в качестве кого? Жертвы?

– Зинема, твои вопросы не делают тебя умнее. Я могу в тебе разочароваться.

– Это твоё дело... Но что я или кто-то другой, – Ольдим локтем показал на Свима, – можем сделать из сказанного тобой? Мы – несведущие, неподготовленные к вторжению на Скалу, поэтому, следовательно, нас поджидает одно. Как диких каких-нибудь.

– И вправду разочаруюсь. Ты, Зинема, всегда торопишься, – невозмутимости Калеи можно было позавидовать, так как Ольдим, так и рвался перебить её и вставить своё замечание. – Я не договорила. Мы кое-что знаем и о барьерах, и о деятельности Узла Перехода. Иначе ваша экспедиция к ней и точно окончатся так же, как и все предыдущие, построенные в основном на одном желании, а не на знании. У вас же будет реальный шанс вступить в контакт со Скалой.

– Но зачем? – Камрат хотел есть и всё чаще прикладывался к питьевой фляге.

– Я тоже хотел бы знать, зачем? – подхватил Ольдим.

– По нескольким причинам. Есть возможность достичь Скалы. Такое состояние Болота Второго, как в этом году, случай в столетие. Контакт со Скалой – это само по себе событие, которое сможет всколыхнуть человечество и вырвать его из вековой спячки. – («А она ещё говорит, что не знает Малиона, а сама повторяет его слова», – машинально подумал Свим). – Это новые для нас знания древних. Что ещё? Повод уйти вам из города и не отсиживаться где-то, страдая от безделья. – Губы Калеи тронула улыбка. – Вы же обязательно во что-нибудь ввяжитесь, и опять за вами начнут охотиться. А так...

– Я где-то читал, – не дал ей закончить мысль Ольдим, – что древние утверждали: страшнее кошки и женщины нет. Кошка якобы была домашним диким, и о ней ничего сказать не могу. А вот о женщинах древние говорили правду!

У Калеи, как это бывало у неё в минуты особо крайнего удивления или гнева, исчезли морщины, и перед собеседниками явилось лицо ослепительной красоты.

Свим и Ольдим онемели.

Однако видение длилось мгновения, и вот перед дурбами опять предстала старая, пережившая самое время, женщина. Знала или нет Камея, об особенностях своего лица принимать маску давно потерянного облика? Наверное, знала, потому что, видя странное состояние мужчин, слегка улыбнулась

– Тебя ли устроили женщины, Зинема? – насмешливо спросила она. – И это говорит Зинема Земба Зуберкан, нэм которого до сих пор произносится как имя нарицательное, обозначающее неуёмность к женским прелестям. Я же помню тебя... Кто видел тебя тогда, тот знает... А твои каманамы распевали в дуварах.

– Э-э... я давно уже смотрю на женщин совершенно с другой точки зрения и...

– Зря! – резко прервала его Калея. – И хватит об этом. Еменков, ты чего молчишь?

– А о чём говорить? За нас вы уже всё решили. И, как я понимаю, у нас нет выбора?

– Правильно понимаешь. Поэтому, – Калея помедлила, – забирай с собой всю команду, приведённую тобой в Примето. Людей и путров. Не забудь торна и Жаристу. Она ещё не раз, сдаётся мне, станет нам всем поперёк дороги. Но её надо убирать из города в первую очередь... И возглавь экспедицию к Скале.

– Я? – растерялся Свим. – Да я только сейчас начинаю понимать, что она, возможно, и вправду существует. Но...

– Это пройдёт.

– Как пройдёт?! – воскликнул Свим, поражённый спокойным голосом Калеи, когда он сам был взбудоражен и предложением и пониманием неотвратимости исполнения этого предложения.

– Как любое недоверие по незнанию действительности.

И... На сегодня всё! – подвела под разговором черту Калея. – Выходите из города послезавтра. Подготовьтесь...

...Свим шагал за проводником и мучился ещё одним: что сказать Клоуде? Её с собой он брать не собирался.

– Мне обязательно надо с ними идти? – Камрат, наконец, насытился и смог рассуждать здраво.

Недавняя встреча, проведённая бабкой, со Свимом и Ольдимом, и тема разговора, внесли смутное беспокойство в его мысли. Если он был до того заложенным, то неужели лишь ради поиска пресловутого Узла Перехода, в реальном существовании которого уверена только бабка, а остальные считают это выдумкой или мифом?

– Тебе только и надо идти, – туманно сказала Камея, думая о чём-то своём.

– Почему только мне? А Свим? А остальные? Зачем тогда...

– Им нельзя оставаться в городе. И так задержались. Но надо ещё два дня, чтобы ты пришёл в норму... А Свим и остальные тебе будут нужны, так как ты один не сможешь пройти. Да и в кругу людей и знакомых тебе путров будет идти проще. Кроме того... у нас появились сведения, что не одним нам пришла в голову мысль отыскать Скалу Переходов в миры. И к ней пойдут, и это уже точно, тескомовцы. Не наши, а столичные. С использованием шаров. Среди других – жожалые разных бандек... Уточняем, кто и сколько. Их

всех надо опередить, но мы пока не знаем их маршрутов, ни времени выхода.

– Но болото сейчас под водой. Это же все знают.

– Оно будет под водой ещё месяца полтора-два.

– Тогда... – Камрат машинально положил в рот кусок самбула – нарезанный на части пласт с мясным вкусом.

– Скала не близко. Пока подойдёте, пока осмотритесь. Оно будет усыхать. И если бы тебя не искали...

– Тебя ведь тоже ищут. Они хотели тебя в Керпосе убить.

– Я знаю.

– Но послали каких-то... Ты бы их сразу уложила.

– Этого не надо было делать. Ты уйдёшь, но и мне из Примето тоже надо будет уйти.

– Мы опять расстанемся?

– Да, Бланка... Я тебе уже не нужна. Всё, что могла – передала, научила... Постепенно ты это ощутишь. Ты и так уже многое можешь. И ты уже достаточно взрослый. Это тоже скоро придёт к тебе. А у меня...

Камея разволновалась. Так с нею бывало всегда, когда очередной её выученик становился самостоятельным, а её надо было уходить от него, чтобы не мешать. Где они теперь, те ученики? Немногие достигли чего-то. Впрочем, они, возможно, и не могли этого сделать, так как в них надо было заложить ею лишь одно – уметь вступить в схватку – хапру. На то хватало от трёх до пяти лет. А сколько случалось безрезультатных затрат времени и сил. Тяжко о том вспоминать.

Сегодня же она расставалась не просто с учеником, а с Три-Бланкой, которого не только учила, наставляла и содержала последние почти двадцать лет, но и сама у него училась, так как её самого высокого ранга бойца порой не хватало, чтобы быть на равных с мальчиком. А теперь и подавно: он обрёл силу взрослого, и совсем недавние его движения, безобидные для неё, но невероятные для других учеников, обрели ту же невероятность для неё самой.

– Что делать, если мы найдём Узел Перехода? – круто переменял тему разговора Камрат.

– Скажу правду. Не знаю. Я не знаю, и Кате Кинг Кто-ра тоже не знает. Моя роль в твоём воспитании направлена была на то, чтобы сделать из тебя непревзойдённого бойца. То есть самую тяжёлую часть твоего развития, так как это связано с чисто физическими твоими данными. К сожалению, люди утеряти секрет такой подготовки непосредственно через внушение и воздействие на нервную систему без мучительной подготовки. Другое дело – знания. Там, где ты рос до передачи тебя мне... Да, ты уже должен вспоминать эпизоды той жизни... Так вот, там в тебя вложили знания. Они вскоре начнут проявляться в твоих суждениях и оценках действительности. В том числе и специальные знания. Может быть, и знания о Скале. Произведено это было в течение всего нескольких сеансов. Безболезненных и непродолжительных. Обучение, больше похожее на игру. Мне же пришлось учить тебя двадцать лет! Хотя ты помнишь из них

ничтожную часть... Да, Бланка, двадцать. С синяками, падениями, на пределе сил. И поверь, на пределе сил не только твоих.

– Я не хотел! – вырвалось у Камрата.

– Нет, хотел! – мягко, но категорически поправила его Калея. – Иначе цена моим усилиям – самая мелкая рахма. Тебе надо было хотеть победить меня, парировать мои приёмы и удары, отвечать на каждый мой выпад более изощрённым выпадом. И ты хотел. В том твоё умение, ловкость и бесстрашие в схватке.

– Неужели... Скажи... Мне что, всю жизнь придётся с кем-то драться? Кого-то убивать? Но я не хочу! – для большей убедительности Камрат приложил к груди руку.

Калея печально посмотрела ему в лицо.

– Это тоже в тебе заложено. Иначе... Ты – Три-Бланка. И этим всё сказано... Карать и щадить!

– Карать... – упавшим голосом-эхом повторил Камрат. – Карать? Кого? Людей?... Путров?.. И щадить. Где грань?.. Кто укажет?

– Ты сам... Поверь, Бланка. Я никогда не вдавалась в подробности чужих дел. Для меня всегда главным оставался результат моего обучения. Остальное... Могу только пожелать. Надейся, что тебе придётся больше щадить, чем кого бы то ни было наказывать... Тебе равных на Земле нет... Вижу, это тебя не радует.

– Нет... Не знаю. Меня сейчас больше беспокоит, когда я

перестану так много и часто есть? Ты же говорила...

– Говорила. Тебе надо есть, пока полностью не окрепнешь, пока всё в тебе не станет пропорциональным, пока тебе хочется есть, истинно, много и чаще, чем прежде.

– И когда же?

– Мне казалось, что всё завершится ещё вчера или сегодня. Но, как видно, просчиталась. Но на день, не больше.

– Но нам через день выходить из города, а вне его с едой не густо. Тоже проблема. Как нам в дорогу запастись едой. В болоте её не найти ни за какие рахмы.

– С вами будет десяток вьючных торнов. Они уже готовы.

– Так много?.. Но и нас пойдёт слишком много, чтобы выйти из города незаметно.

– Не так, Бланка. Выходить будете небольшими группами. А сойдётесь на берегу Ренцы в тридцати свиджах от Примето. Там вас будут ждать вьючные торны... Оттуда ваш путь к дороге Страха. А там... Может быть, кто-то появится, кто поможет вам.

– Малион?

– Не думаю, что именно он. Но, надеюсь. Так же как я надеялась, что у тебя найдутся спутники из Керпоса. И они у тебя появились...

– Да, Свим и К"ньюша...

– Да.

Они помолчали, глядя друг на друга.

– Когда выходить мне и с кем?

– Тебе можно дня через два. А вот с кем именно, подумаем.

Елина лёгкой походкой вошла в комнату брата, коротко глянула в заплаканное лицо Клоуды и мрачное – Ертона. Весёлое настроение Елины тут же осталось за дверью.

Всё так было хорошо в последнее время. Брат вернулся и взял на себя заботы, которых она чуралась. Разрешилось её желание взять в мужья не многоимённого – Манора, придавшего ему уверенности и преданности к хозяину хабулина. Ертон стал для него почти кумиром. Да и у неё самой появилось больше свободного времени, и она смогла заняться не только наведением порядка в хабулине и дуарах, но и сама собой. Ей хотелось нравиться мужу, больше показываться на улице, в городе.

И вот...

– Что-то случилось? – спросила она испуганно.

Свим привлёк Клоуду за плечи к себе, слегка прижал, словно старался сдержать её лишние движения.

– Я ухожу... – Клоуда дёрнулась, хотела отстраниться, но Свим удержал её. – Я ухожу. Возможно надолго. Поэтому оставляю Кло на твоё попечение. Родиться ребёнок... Свяжись с Кругом Человечности. Ты знаешь... Обычным порядком.

– Свим... Ертон... Я боюсь... – слёзы навернулись у Клоуды, её била мелкая дрожь. – Я так боюсь...

– Я обязательно вернусь до зимы. Ничего не бойся и... Елина тебе в том будет порукой. Ей самой предстоит такое же. Елина, это так?

Сестра вспыхнула, потупилась.

– Так, Ертончик.

– Вот и будьте друг другу опорой. А с Манором я поговорю отдельно. Позови его!

Харан хмуро выслушал Свима. На его чистом открытом лице появились морщины от усиленных размышлений.

...От Гелины никаких вестей не было. Как её встретил родной отец, узнал ли он о её связи со своим бывшим врачом и телохранителем, какова была реакция многоимённого, и чем закончился их разговор, если он состоялся, – ничего о том Харан не знал и находился в удручённом состоянии. А предложение Свима, уйти из города неизвестно на какое время, могло полностью оборвать все связи с Гелиной. Но и сидеть вот так в хабулине Еменкова, строя всевозможные планы для ухода из него, бессмысленно. К сожалению, все они разбивались о нехитрые будто бы вопросы: куда после этого податься и чем заняться?..

Примето для него – незнакомый город. Возвращаться в Габун он не хотел. Конечно, лучше остаться в Примето, ближе к Гелине, но надежды, связанные с нею, таяли даже не по дням, а по минтам. Правда, порой, когда он вспоминал, каков характер у Гелины, её неукротимость и бесстрашие в до-

стижении цели, он воспарял духом, и надежда с новой силой загоралась в нём. Но как сказал кто-то из древних: надежды глухи к страждущим...

– Я не против, – облизнул Харан губы. – Но только... – он замялся.

– Гелина? – Свим давно догадался, что мучит собеседника.

Впрочем, не догадался, конечно. А знал. Но помочь Харану ничем не мог. Связи с Гелиной не было ни у кого, в том числе и у Жаристы. Гелина ушла, и её словно отрезали ото всех.

– Да, Гелина... Не думай, Свим, что я гонюсь за гитой, как таковой. Как за призрачной удачей. Многие так думают обо мне. Но мы с ней родственны душами. Когда мы вместе, нам даже не надо говорить, чтобы понять друг друга... Я вот всё время чувствую её, тревоги, которые её посещают...

– Тогда и она должна чувствовать... – сказал Свим, а сам подумал, что он не мог так сказать о своих отношениях с Клоудой.

– Должна... Но наши ощущения из-за разлуки... Наши пересылки чувств слабеют. Не видя её, я теряюсь и... – Харан помедлил: – одиночество.

Он глубоко вздохнул, шумно выдохнул, поник головой.

– Но, дорогой. Так же нельзя. Ты сам себя загоняешь в одиночество. Я ведь тоже ухожу, скрипя сердцем. Клоуда ждёт ребёнка.

– Гелина тоже... Я врач, знаю, хотя она от меня это скрывала... А сейчас... Я подумаю над твоим предложением.

– Нам следует поспешить.

– Дай мне праузу... Ну, полпраузы.

– Что ты, дорогой. Думай. Мы выходим не вдруг.

Ф"ент сидел на хвосте и снизу вверх поглядывал на Свима глазами-бусинками. И – недоумевал.

О чём говорит человек? Зачем ему, стехару, опять бросаться в жизнь, полную невзгод и лишений, если здесь, в хабулине, так хорошо, спокойно и, главное, сытно? Только у не разумного может появиться мысль вот так всё бросить и опять: бандиты, Теском, гурты и драки, драки, драки... Авво!

Он готов был заскулить, нет – завывать, подняв нос кверху. И что скажет Ч"юмта и... а вдруг будут щенки? Что они спросят о нём, когда появятся?.. К своему недоумению, Ф"ент никак не мог добиться от Ч"юмты – будет у них потомство или нет?

Но что бормочет эта кошка?

– Я, Свим, конечно, пойду, – К"ньец повёл ухом. – Мне надоело сидеть взаперти. Хочу на свежий воздух, на природу... Там – свобода!

«Какая свобода?» – с отчаянием хотел воскликнуть Ф"ент. – «Свобода – это когда еды столько, что начинает лосниться шерсть, когда ты наслаждаешься покоем с любимой

подругой, когда...»

Ф"ент рождал в голове новые вопросительные и восклицательные знаки, а сам уже горел с нетерпением, когда же Свим попросит его, а он, слегка поломавшись и поторговавшись, будто нехотя согласиться. Ведь он тоже, как эта кошка, вопреки всему, мечтает вырваться их хабулина и жить той жизнью, к какой он привык за последние годы: рисковать, хитрить, убегать, прятаться и... нападать!

Но... что скажет Ч"юмта щенкам, если они появятся, и спросят о своём отце?

– Я знал, К"нюша, что ты меня не оставишь. Ну, а ты, стехар?

– Я то? – твякнул Ф"ент, вывалил и вновь спрятал язык.

Он с замиранием сердца ожидал от самого себя: что он сейчас скажет в ответ?

– Ты, ты, собака! – подхлестнут его хопс неприязненно.

Он недавно опять не сошёлся во взглядах с Ф"ентом на некоторые вопросы бытия: собака предлагала чудовищные методы, с точки зрения К"нъца, воздействия на К"ньяну, дабы она относилась к хопсу лояльнее. В общем, К"нъец хотя и возмутился, но вот уже целый день он обдумывал, как воспользоваться советами Ф"ента, и, в то же самое время, за подсказку не прощал ему.

– Тут такое дело. Пойти, конечно, можно. А то и нужно... – пустился в объяснения стехар, принимая облик размышляющего разумного, обременённого важными заботами. – Но я

тут, в хабулине, тоже нужен. На мне теперь лежат кое-какие обязанности, и я только что приступил к их исполнению.

– Какие ещё обязанности? – возмутился К”нзец. – Да ты ходишь уже разучился. Посмотри на себя. Пузо скоро до земли достанет, а на спине можно уже тарелки ставить.

Свим от хитрого Ф”ента ожидал всего, поэтому, улыбаясь от удовольствия поиграть с ним, осведомился:

– Тебя уже кто-то принял в мажуромы?

– Да, – напыщенно и столь же нагло заявил Ф”ент, и тут же с ним стали происходить более чем странные перевоплощения.

Только что, при выражении утвердительного ответа, он был как никогда горд и величествен, но мгновением позже на его широкой спине вздыбилась шерсть, язык вывалился, зубы оскалились, а сам он словно стал в два раза ниже. И было отчего. Он вдруг вспомнил, что хозяин хабулина – Свим, и только он мог посвятить, принять или разрешить вхождение кого-то, тем более путра, в мажуромы.

К”нзец презрительно фыркнул, усы его стали торчком.

– Собака, как всегда врёт... Кому врешь, собака?

Стехар скулил и повизгивал, он не был так несчастен и унижен со времён его нахождения в банде Кемеша. Но тогда он терпел презрение и неуважение от людей. Сейчас же он наказал себя сам. И перед кем? Перед этой кошкой... Оттого ему было ещё горше.

– Я не против принять тебя в мажуромы, – сказал Свим,

когда сцена позора Ф"ента достигла кульминации. – Обратись к Елине или Клоуде. Они определяют тебе в хабулине постоянное место жизни с Ч"юмтой и найдут тебе обязанности... – сказал и отвернулся от него. – Пошли, К"ньюша. Нам надо готовиться в дорогу.

Ф"ент упал головой на передние лапины и застонал от горестных раздумий.

Что у него за жизнь? Казалось бы, настал устойчивый период – постоянное место, неголодное существование. Рядом любимая Ч"юмта. Скоро он, может быть, станет отцом. Никто им не помыкает, не гонит, не заставляет делать того, что ему не по нутру. И рядом друзья... Даже эта кошка...

И вдруг – раз!.. Авво!

Беспокойство, друзья поворачиваются спиной, словно его перед ними нет... Но кто виноват? Да он сам приложил к тому свой язык! Откусить бы его и бросить через койну на растерзание диким!..

Всё так. А, если посмотреть с другой стороны. То он же намекал как-то Елине стать мажуромом.

Вот именно – намекал. А что ляпнул Свиму этим своим паршивым языком? Укоротить бы его наполовину, а обрубок бросить в утилизатор – всё польза...

Кто-то коснулся его холки. Ф"ент отмахнулся: откуда здесь, в хабулине, мухи?

– Хватит лежать – неожиданно раздавшийся голос Ч"юмты подбросил его на ноги.

Ч”юмта, отяжелевшая животом, стояла перед ним.

– Лежать, лежать! – пролаял Ф”ент. – Тут такие дела... Не только лежать, ходить не хочется. Я тут...

– Я всё слышала. К”нзец прав. Зачем врать?

– А-а...

– Тебе надо идти со Свимом!

– И-и...

– Я им буду о тебе рассказывать. Какой ты у них смелый, выносливый, умный. Что без тебя Свим не мог бы уйти, тем более вернуться без потерь. Они тебя будут знать и встречать, как Великого Барбоса... Иди, стехар! Мы тебя будем ждать!

От патетических слов Ч”юмты Ф”ент почувствовал: закрик его вздыбился, а обрубок хвоста воинственно поднялся.

– Дорогая! – только и мог проскулить он в знак благодарности от её поддержки.

– Жаль, что нет с нами Кокоши. Она бы пошла с тобой...

– Да, Кокоша.

– Но с тобой пойдёт Х”вюся. Она поможет тебе...

– Какая... Х”вюся? – Ф”ент едва не потерял язык от неожиданного заявления подруги.

– Сейчас увидишь... Х”вюся! – Ч”юмта выглянула в дверь и позвала кого-то. – Он тебя ждёт.

В комнату влетела подвижное существо, и уселось напротив Ф”ента с восхищённым взглядом на него чёрных глаз.

То, что это была потомок собак не вызывало сомнения, но впервые виденное стехаром в таком обличье. У неё даже личина не сформировалась как у всех путров, а оставалась вытянутой. Уши торчком, окрас, словно атласно лоснящееся полотно изжелта-красного цвета, беспокойная стойка, будто ей надо куда-то сорваться и немедленно бежать...

И она из всех собак-путров, когда-либо виденных Ф"ентом, была самой страшной на вид. Такой она показалась ему при этой первой встрече.

– Х"вюся, – тем не менее, без торопливости и вежливо представилась она.

Ф"ент ничего не понимал.

– Она тебе заменит меня, – сказала Ч"юмта.

– Она!?. Но, дорогая...

– Да, стехар. Тебе она будет нужна. Ты же опять будешь впереди всех, и тебе будет нужен кто-то, кто принесёт Свиму известие... А Х"вюся умеет быстро бегать. И она знает о тебе от меня столько хорошего, что готова быть с тобой. Она в восторге от тебя!

– Но, дорогая...

– Так надо, дорогой! Она поможет тебе везде, так же как помогала тебе я.

– Авво! – только и мог выдавить из себя Ф"ент, так как был уверен, что откажись он сейчас от избранницы Ч"юмты, Х"вюся всё равно окажется в команде Свима и не отвяжется от него, как бы он там не старался её замечать или общаться.

Если бы Свим впервые встретил Сестерция, то мог бы подумать: этот торн либо не слышит, либо не понимает того, что ему говорят. Но они повстречались и прошли с ним непростые преграды, где эмоции порой внешне отражались даже у него, у биоробота. Поэтому по тому, как торн чуть вскинул комп, поправил на поясе складку рубахи, а потом перевязи, и повёл глазами, Свим понял: Сестерций весь внимание, и лишь присутствие Жаристы сдерживает его, чтобы высказаться более определённо.

– Это любопытно, – сухо сказал он и надолго замолчал.

Зато не молчала Жариста:

– Да, нам пора развеется. А то Сесик уже загрустил. – Свим от неожиданности приподнял брови, вспомнив новое имя торна, он о нём уже позабыл, а сам Сесик опять вздёрнул комп и выставил вперёд подбородок, отчего чалма его слегка сползла набок. А Жариста: – Сесик привык к простору, а здесь негде развернуться, – она повела рукой, показывая как здесь ей тесно, хотя комната, где они обитали, была большой. – Мы с удовольствием пойдём с вами. Да, мой милый? – она ухватила за руку Сестерция, демонстрируя к нему любовь и преданность.

Торн на пылкую речь Жаристы не отозвался, и Свим решил сам поставить многоимённую на место. Тем более что его нэм был выше её. Она могла стать в новом отряде яблоком раздора, где подобрались практически одни мужчины.

Вначале он сослался на свою личную не заинтересованность, пойдёт она или нет, а затем сказал:

– К сожалению, уважаемая Жариста, мы можем взять с собой только Сестерция.

– Это почему же? – только что её елейный голосок огрубел до неузнаваемости, а глаза заледенели.

«Калея права», – ежась под её взглядом, подумал Свим. – «Эта многоимённая, если её здесь оставить, натворит бед... Но и нам от неё добра нечего ждать».

– Видишь ли, у нас в команде будут одни мужчины... Но если ты настаиваешь...

– Когда мы выходим? – без сантиментов и раздумий спросила она. – И какие только мужчины? Думаю, Гелина будет с девочками. Да и другим нет смысла здесь оставаться.

– Завтра, – уныло сообщил Свим: отделаться от Жаристы не удалось, а он так надеялся.

– Мы будем готовы! Да, Сесик?

– Сестерций, ты-то чего молчишь?

– Мы будем готовы, – подражая Жаристе даже в интонации, отвечивал торн.

– Та-ак, – только и мог выговорить Свим.

Глава 7

Камрат проснулся от какой-то толкотни на его широкой груди. К своим новым габаритам он ещё не привык, и по-

этому осматривал буграми выпирающие мускулы под блестящей упругой кожей с удивлением и недоверием – он ли это или он видит кого-то другого? Так было при каждом его пробуждении, когда он словно опять в мгновения переходил от мальчика к взрослому мужчине.

Сегодня он увидел на себе странное создание не более четверти бермета, никак не находящего удобной позы, чтобы устроиться на груди человека.

Большеглазый с круглыми ушами зверёк, покрытый рыжеватой шерстью, по-детски хныкал. Его маленькие человеческие ручки и точно такие же ножки или вторая пара рук слегка пощипывали кожу Камрата, полусонно наблюдающего за ним. Кто это и откуда он появился, оставалось для Камрата загадкой.

Человек пошевелился, зверёк на мгновение замер, ещё через мгновение раскрыл неправдоподобно большой рот и заорал так, как словно у него звук вырывался через три горла.

– Одур! – полностью оправился ото сна Камрат.

В дверь влетела Калея.

– Фу! – увидев одура, успокоилась она. – Чего он?

– Откуда он? – вопросом на вопрос ответил Камрат, но голос его потонул в крике малютки одура.

Калея по движению губ и мимике лица поняла воспитанника, и когда одур сбавил крик, оповестила с некоторым удивлением:

– Ты же его сам принёс!

– А, – вспомнил Камрат, вдруг окончательно постигая всю пропасть перемен, случившихся с ним.

Совсем недавно он был мальчик, но для него, настоящего, вся его прежняя жизнь осталась в давным-давно прошедшем времени. Все его поступки всего месячной давности потускнели подобно выцветшим картинам древних: что-то там было на них запечатлено, в них ещё просматривались движения, некие зафиксированные эпизоды прошедшего тысячи лет назад, овалы лиц и контуры фигур, но они не волновали взгляд современного зрителя – было и поросло забвением времени...

– Камра, успокойся!.. Я его назвала Камрой. Пусть он тебе напоминает, кем ты так долго был, – пояснила Калея, поглаживая ладонью голову одура, притихшего от её ласки. – Успокойся! Он тебя не обидит... Бланка, дай ему руку. Он уже признал тебя хозяином, но и ты должен дать ему знать о том же. Ты так сильно изменился, вот почему надо повторить контакт признательности.

Камрат протянул руку, одур ухватился своими маленькими ручками за его большой палец и опять захныкал.

– Есть хочет, – со знанием поведения одура сказала Калея. – А ты Бланка?

Камрат прислушался к себе, с удовлетворением отмечая отсутствие всё поглощающего голода, мучивший его после сна в последнее время.

– Не очень, – тем не менее, с сомнением ответил он.

Зато Калея восприняла его признание с воодушевлением.

– Прекрасно, Бланка! Но помни, ещё несколько дней на тебя будет накатываться потребность съесть много. Но ты не увлекайся. Это скоро пройдёт. А сейчас... Сегодня Ертон... хорошо, пусть Свим... выведет первую партию из города. Не хотела пока тебе говорить, но всё равно надо знать, что не сегодня, так завтра одновременно с вами из города должна выйти семья Гродова. И канила Гелина, и Грения. Они прижмут к вам. Теском напал на их след. Нам уже пришлось выводить их в безопасное место. А с ними всех, кто сопровождал их сюда.

– И Грения!

– И она, – Калея пытливо глянула на Камрата. – А что?

Камрат не ответил, заулыбался.

– Бланка, у тебя долгий путь в этой жизни, – наставительно сказала Калея. Помолчала и повторилась: – Да, долгий...

Полусутками раньше, поздно вечером отец Гелины вошёл в комнату дочери. Она не успела что-либо сказать, так как Гродов резко, с фальцетом, выкрикнул:

– Через праузу здесь будет Теском! Через полпраузы тебе и тем, кого ты сюда привела, надо перейти... Я не знаю, дочь, куда...

– Откуда?... Кто?.. – проговорила вначале Гелина, поражённая суетливым поведением отца.

Весь долгий день её томило тревожное чувство – должно что-то произойти. Но такое с нею случалось постоянно, с первых минут разлуки с Хараном.

– С каких пор Теском смеет входить в хабулин многоимённого? – наконец, членораздельно задала она вопрос отцу. – И кто принёс тебе это известие?

– В Примето с разрешения кугурума Теском может войти к нам. А кугурум уже разрешил ему осмотреть мой хабулин. А кто принёс... Тут твой Харан.

– Харан!.. Здесь?!

Она задохнулась от вскрика. Позабыв о Тескоме и об отце, отпрянувшего в сторону, Гелина резко соскочила с постели, уже разобранной для сна, и бросилась на выход из комнаты. И сразу за дверь попала в объятия Харана.

Гонат Гурбун Гродов всегда вёл размеренный образ жизни. Преимущества многоимённого и гита давали ему значительные возможности, однако пользовался он ими только в силу социального статуса. Потребности его всегда были скромными, желания – на уровне бытовых. Он за долгую жизнь, а имел уже более чем полутора столетний возраст, поменял несколько хабулинов в различных городах, во всяком случае, в Примето это был шестой по счёту обмен. При нём никогда не было многочисленной мажуромы, оттого приобретённые и оставленные жилища с дуварами всегда были запущенными, а порой не до конца обжитыми. Впрочем, те, кто предпочитал обмениваться хабулинами, мало чем отли-

чались от Гродова. В хабулине для таких, как он, главное: наличие закалочной, раздаточных и какое-нибудь производство. А до остального у них не доходили руки, да и желания не было, чем-либо заниматься вообще.

Гонат Гурбун Гродов не был женоненавистником, но жена у него была одна – мать Гелины. Она страдала какой-то болезнью, пропущенной в своё время Кругом Человечности, и ни какие закалочные ей не помогали. Она умерла, когда Гелине исполнилось всего пять лет. С тех пор Гродов не жил, а существовал. Выбор его дочери в канилы Правителя бандеки как будто взбодрил его. Но ненадолго. Да и очередной обмен хабулинами не принёс радости...

Он только-только ожил после возвращения дочери с девочками и женщинами, среди которых его взгляд всё чаще стал останавливаться на одной из них. Она тоже была не прочь войти хозяйкой в хабулин.

И вот всё вдруг стало рушиться.

А жаркие объятия Гелины с Хараном находились в противоречии с его представлениями об отношениях мужчины и женщины.

Молодые, будто услышав неудовольствие отца, отпрянули друг от друга.

– Милая, нам надо срочно уходить! – наконец, мог сказать Харан.

– Но почему... Ну, почему? – у Гелины закружилась голова от близости любимого ею человека.

Её вопрос не относился к необходимости срочно покинуть хабулин отца. Это был отчаянный бунт женщины против всего, что не давало ей счастья находиться рядом с Хараном в спокойной обстановке, когда можно не отсчитывать мгновения, не страшиться, что кто-то или что-то вторгнется в маленький – лишь для них двоих, и только двоих – мирок и разрушит его.

Грениа, подросшая почти на пядь за дни, проведённые в затворничестве, и приземистая Думара уже облачились в походные одежды, тогда как Гелина никак не могла собраться не только с одеянием, но и с мыслями. Руки её дрожали, обувь выпадала из рук. Она перебирала вечные походные сапожки и никак не находила подходящих: то неудобные, то грубые, то не по ноге. А девочки, крутились вокруг неё, и не столько помогали, сколько мешали, пока Харан, презрев все правила поведения в хабулине гитов, не вошёл в комнату Гелины.

Грении и Думаре он приказал помолчать, а Гелину заставил надеть грубые, но высокие в голенищах сапоги на низком каблуке. Сам выбрал ей куртку и пояс с пукелем и ножнами для кинжала, повесил на неё питьевую флягу, а в её заплечный мешок отобрал из груды вещей и снеси только необходимое в дорогу.

Ещё минт потратил, чтобы осмотреть Гелину со всех сторон, кое-что поправить, после чего крепко взял её за руку.

– Пора уходить!

– А мои...

– Все твои подруги уже в сборе.

– Куда вы сейчас? – бледный отец Гелины за время сборов не проронил ни слова, но дочь уходила, а он до сих пор не определился: напутствовать её в дорогу или удержать в доме, с надеждой обмануть Теском.

– Пока из города... К зиме видно будет, – мимоходом отозвался Харан, так как сам не знал, куда их поведут, и когда можно будет надеяться на возвращение. Впрочем, его заботило иное. – Наведите здесь порядок, чтобы ничто не напоминало...

Он не стал уточнять, что именно и о ком не должно напоминать, в конце концов, Гродов сам должен догадаться.

Ещё не стихли шаги женщин и путров, покидающих хабулин вместе с Хараном, как один из мажуромов доложил:

– Шейн! У входа в дом тескомовцы. Требуют впустить.

Говорят, по разрешению кугурума.

– А? Да... – очнулся хозяин хабулина. – Я встречу. А здесь навести порядок!

Ужимки Ольдима на его изуродованном лице не ужасали, а придавали группе разумных, встретивших Свима в подземном переходе, куда его ввёл присланный от Калеи дурб, облик разрозненности и неуверенности – вот собрались незнакомцы, оставаясь в неведении: зачем, по какому поводу?

Дурб от Калеи нэма своего не назвал. Он без слов невоз-

мутимо осмотрел всех, удостоверился – все в сборе, и махнул рукой: следуйте за мной!

Появление Свима вызвало в группе некоторое оживление, но только Ольдим подошёл к нему и пошёл рядом с ним, явно отмечая для остальных своё близкое знакомство с назначенным предводителем.

Подземный ход изобиловал поворотами и переходами с уровня на уровень. Порой под ногами открывалась материковая скала. Это означало, что отряд опускался буквально на тысячелетия в прошлое, когда на этом месте не было ещё никакого города с потерянным за временем первоначальным его названием, а простиралось холмогорье с величественной Ренцей, если она, естественно, тогда протекала здесь, и тоже с забытым давним названием. Но и был короткий коридор, сквозь пролом кровли которого проглянули капли звёздного неба над городом.

– Он нас что, решил познакомить со всеми подземельями Примето? – уже через блеск говорил Ольдим, а спустя праязу, возмутился и возвысил голос так, чтобы слышал проводник: – Мы что решили всю бандеку обойти под землёй?

Дурб-поводырь, мерно вышагивающий впереди группы, на вопрос Ольдима сразу не отозвался, и лишь спустя некоторое время, бесстрастно поведал:

– Осталось ещё примерно пять свиджей.

– Ого! – выразил своё возмущение Ольдим.

У него уже от долгой ходьбы, словно по кругу, сложилась

каманама:

Идём толпою, но куда ведут нас?
Везде, попробуй оглянуться,
Одни и те же стены. Нет впереди
Просвета...

Свим на недовольные восклицания Ольдима отвлекаться не стал, но ему тоже надоело брести по узким проходам, отирая плечами осклизлые стены, ступать в лужи по колени и слышать, как о капюшон стучают тяжёлые капли, падающие со свода подземелья. Одежда едва справлялась с грязью и водой и постепенно тяжелела. Ей нужен был хотя бы небольшой ток воздуха, чтобы очищаться, но здесь он застыл в вековом безмолвии.

«Вот так же, наверное» – размышлял Свим, ощущая усталость, – «протянулся туннель от дома, где обитала банда Кемеша, до самых Суременных гор...»

Как бы чего ни было много, и как бы долго не тянулось время, но всё сущее на Земле обитает в конечном мире.

Закончился и нудный переход.

Разумные выходили из-под низкого навеса входа заурядной, на вид, пещеры, изобилующих на крутом склоне высокого холма естественного происхождения... Или рукотворного?... Кто знает древних? Они всё могли! Поворачивать реки, сдвигать горы, перемещать моря...

На дне лощины у подножия холма поблескивал небольшой водоём. На его пологом берегу уже толпилось не менее трёх десятков разумных. Среди них выделялась мощная фигура Камрата, с радостью взиравшего на вновь прибывших, где люди составляли большую часть.

Рядом с ним, слегка испуганная, но довольная перипетиями ночного бегства их хабулина Гоната Гурбун Гродова, оказалась Грения. Глядя на него и не узнавая в нём недавнего малыша, она капризно надула губки, демонстративно отворачиваясь от назойливых глаз молодого человека, рассматривающего её с ног до головы. Не то, чтобы ей это было неприятно, но она ещё не привыкла к таким откровенным взглядам со стороны незнакомцев, не видящей в ней гиту, а лишь представительницу противоположного пола. Камрату же, а это был он, любопытно было наблюдать, как его недавняя мучительница не узнаёт его или делает вид, что не узнаёт.

А вокруг толкались, перекликались знакомые,

Свим с невзрачным человеком, явно не дурбом, но данным в проводники, уточнял маршрут по старой, а поэтому, наверняка не точной, карте на большом листе вечной бумаги.

Ольдим пугал своим видом не знавших его, а счастливая Гелина не выпускала руки Харана.

Особняком стояли Сестерций и Жариста, словно они с первого момента их появления среди участников похода к Скале решили поставить между собой и остальными некую

границу, за которую незачем заглядывать и выяснять, что и как там за ней в подробностях их взаимоотношений.

Так же кучно держались молодые дурбы из хабулина Кате Кинг Кторы, хотя некоторые уже с удивлением посматривали в сторону немногочисленных женщин.

К”нзец и Ф”ент отслеживали каждый шаг Свима, считая своим долгом стать непременно частью окружения предводителя команды. Пока что им это удавалось, так как никто из людей и путров, тоже пока, не претендовал на занятие их места. И если хопс давно выполнял эту роль при Свиме и научился только изображать его тень, то Ф”ент был весь на виду и вскоре стал даже влаивать на, как ему казалось, слишком непонятливых спутников, чьи действия не совпадали или направлены были вопреки воле Свима.

Х”вюся, к не удовольствию стехара, тоже принимала деятельное участие в общей суматохе и не отставала от него ни на бермет.

К”нзец, выслушав стехара о «подарке» Ч”юмты, отнёсся лояльно к её появлению в команде, тем самым, успокоив Ф”ента хотя бы в том, что кошка не будет подтрунивать над ним.

Одур закопошился и выглянул из-за распахнутой на груди Камрата куртки, и уставился круглыми безумными и печальными одновременно глазами на Грению. Она вскрикнула от неожиданности и отступила за спину Харана. Бывший врач и телохранитель засмеялся, улыбнулся и Камрат, кладя

большую свою ладонь на голову одура.

– Камра, успокойся!

– Не бойся, – сказал Харан, поворачиваясь к Грении. – Это одур Камрата. Как видишь он взял его с собой.

– Кам... – Грениа куснула губки. – Камрата?.. Это он?.. Камрат?... Ты... Думара!

Сцена узнавания в могучем дурбе недавнего мальчика смазалась сигналом Свима начать движение.

Вёл команду в качестве проводника, как уже упоминалось, невысокий щуплый человек – лесовик с унылым блеклым лицом, но подвижным телом. Он немногословно поведал Свиму о себе – звали его Наваном – и предупредил:

– За Дорогу Смерти не пойду. Как подойдем к ней, там разбирайтесь с маршрутом сами.

Свим о роли Навана знал от Калеи, поэтому ограничился короткой фразой:

– Вот и веди!... – Оглянулся на молодых дурбов, хохотавших над какой-то очередной шуткой кого-то из них не то в собственный адрес, не то в кого-то из новичков для них, крикнул: – Выходим!

– Шейн! – обратился Тлуман к сидящему неподвижно и изучающему противоположную стену комнаты Жуперру. – Сегодня из города вышла большая группа разумных.

– Куда? – глава Тескома медленно перевёл взгляд на думерта.

– Куда, не знаю. Их заметили лесовики.

– Кто?

– Секталь и Румман.

– Знаю их. Что они видели?.. Говори, не мнись! Что-нибудь для нас интересное?

– Там были люди и путры. В основном мужчины. Дурбы. Но и женщины. И якобы среди них две девочки.

Жуперр поднял брови.

– Дурбы имею право. Девочки... – он задумался. – Странно, конечно. Что ещё?

– Они видели настоящего торна и человека в страшной маске.

– В маске?.. Это ещё зачем?.. Ольдим! Вот кого они видели!

– И я так думаю, шейн.

– А мальчика не видели.

– Спрашивал. Говорят, нет. А вот дурбы в основном молодые, хорошо вооружены, походные мешки забиты полностью.

Жуперр, думая, постучал пальцами по столешнице.

– Не те ли, что входили месяц назад? К Кате Кинг Кторе?

– Выясняю. Но у Кате Кинг Кторы всегда столько толчётся народу...

– Но дурбы! В таком количестве?.. – Жуперр задал вопрос самому себе и неожиданно почувствовал некое наитие, охватившее его.

«И, правда, почему? И откуда сразу столько?»

Тлуман с удивлением посмотрел на руководителя Тескома, так как его волнения не понял.

...События в Сампатании назревали давно, недаром тот же Жуперр мотался по южным районам бандеки и ему, думерту, не давал покоя, объединяя батлан: переговоры с думертами, кринеиторами, а порой даже с отдельными бойцами. Бессчётные встречи с представителями кугурума. Всё это не оставалось тайной. Наступающая весна подтолкнула было хожалых в дорогу, но передрыга в бандеке заставила многих из них переждать, а другие, добравшись до первого города, так же оседали в них. Лишь лесовики да подавшиеся в банды проскользнули как всегда за койну, поскольку неурядицы в Тескоме только им на руку – на время позабудут о них. Но потом кое-кто из хожалых тоже решил высунуться из города. Так было, так будет. А кто там – Ольдим или женщины какие-то, так пусть, лишь бы не оскверняли дороги разбоем.

А у Жуперра колыхнулись какие-то догадки и размылись. Он сидел и думал совсем о другом, а вернее, у него отпало всякое желание думать и вообще что-либо предпринимать. Тут уже пора выводить патрули на дороги, а не ломать голову над кучкой разумных, решивших покинуть город не через ворота. Даже Ольдим. Он, конечно, что-то знает о мальчике, но не скажет. Во всяком случае, мальчика не видели, значит, он ещё где-то в городе. А, пусть всё идёт, как идёт...

Поинтересовался, прежде чем поблагодарить и отпустить думерта:

– Где они их видели?

– В районе гор Мусора.

– Вот даже как!... Куда же они направляются... Неужели и эти к Болотам?... Конечно, к Болотам. Второе, говорят, должно в это лето высохнуть...

– Скала? – понимающе кивнул Тлуман.

– Она... Интересно там будем в этом году. Есть сведения, что многие к ней собираются.

– Слышал. И вправду, интересно. И Скала и то, какая там кутерьма начнётся. Кто кого обгонит, кто на кого насядет.

Жуперр прищурился и с хитрецей спросил:

– Интересно, говоришь?... А не хочешь ли ты сам сходить, посмотреть? Я думаю, туда потянутся не только любители пощекотать нервы, но и банды, и гурты. И случиться не кутерьма, а начнутся кровавые стычки и драчки. А это наша территория... Нет, Тлуман, и правда! Заодно за Ольдимом присмотришь... И... – Жуперр вновь сузил глаза, – Присмета с собой позови. Что ему тут летом делать?

Тлуман от неожиданного приглашения, больше похожего на приказ, только и мог, что беззвучно открывать и закрывать рот, будто рыба. Ему после отлучки на Сажаней дел в городе было невпроворот, а теперь всё надо бросать до зимы. Что тут будет без него?

– Но, шейн...

– Знаю и ценю. Но и ты посуди сам. Кому я могу доверить бойцов? Застой в нашем Тескоме породил в последние годы фундаренцев, независимых дурбов и хожалых. Я уже не говорю о бандитах... Кто у нас сейчас в кринеиторах? Тоже сам знаешь. Пусть лучше дороги пасут, на большее у них ума не хватает. Вот пусть и пасут, а не отсиживаются в городе. А при походе к Скале... Надо же! – Жуперр задумался. – В молодости я о ней даже не слышал. Лишь став думертом, кое-что узнал, да и то, как слух. А сейчас каждый изгой о ней знает и стремиться её найти... Так что там сейчас, вокруг болота, надо быть такому, как ты... Поверь, Тлуман, если бы мог бы, я сам пошёл бы...

– Но, шейн...

– ...будь мне лет на сто меньше. А что? Мне это, – глава Южного Тескома ткнул пальцем на стол, за которым сидел, – надоело уже до оскомины!

Они молча глянули друг на друга.

Тлуман впервые видел своего начальника, проработав с ним уже лет пятьдесят, в такой горячности и откровенности. Всегда уравновешенный, спокойных, уверенный и без лишних сантиментов, Жуперр вдруг раскрылся перед ним с другой, совершенно неизвестной для него, стороны. И он подумал, что ничего, по сути, не знает о жизни руководителя, хотя денно и ночью будто был при нём столько лет.

А Жуперр думал о неизбежности завтра или даже сегодня изъясняться с незнакомцем, представителем Агоры, о ре-

зультатах поиска мальчишки. Как было бы хорошо всё бросить и возглавить небольшую группу отчаянных и понимающих его с полуслова тескомовцев, лишь по случайности попавших в Теском, а не к бандитам.

Однажды – Жуперр ощутил сладость воспоминания – у него уже подобное случалось. Давно, правда, но было же! Он и ещё десяток таких же смелых и уверенных в себе бойцов шли по следам главы опритов Кумары Капса Капрора. Против них, горстки тескомовцев, казалось, ополчился весь мир. Но они, походя, громили гурты и малаки, базы банд, а чтобы никто не мог им помешать, таились даже от других отрядов Тескома. Они устраивали засады, и банды численностью в десятки раз больше их, получали по заслугам... И он лично зарубил Кумара в честной схватке – без меленрая, с одним мечом. Правда, Капрор был вдвое старше его...

Но было же, было!..

– Подбери бойцов сам, – нахмурясь, сказал он уже в приказном порядке. – Немного. Может быть, крин. Превратитесь в искателей приключений... Хожалых... Смени экипировку. Вы – не Теском. Предупреди Присмета. И... позовёшь меня, когда всё подготовишь. Поговорю с вами. Всё, Тлуман!..

Присмет исподлобья угрюмо оглядел Тлумана, вошедшего в его комнату на правах хозяина.

– Если пришёл с тем же, то с тем же и уйдёшь, – громых-

нул бывший фундаренец, видя, как не прощенный думерт бесцеремонно усаживается за стол, заваленный едой, и придвинул к себе блюдо с шариками гамбо, намеченные Присметом на десерт.

Тлуман положил в рот сразу два шарика и прикрыл глаза, ощутив приятную кислинку.

– Может быть, что-то промелькнуло в словах твоих недавних агентов, какие-то намёки? – спросил он, прожевав. – Могут же они проговориться, кто есть на самом деле.

– Какие там намёки? – грубо парировал Присмет. – Кому они были нужны? В Фундаментальную Арену принимали не из-за нэма, а по убеждению... Да, да, по убеждению! Чему ты удивляешься? У вас ведь то же самое... Мы с тобой тому пример, если уж на то пошло... – Присмет отметил, что Тлуману намёк на его низкий нэм не понравился. – Так вот приходит такой здоровый человек и говорит: – «Я – Свим Сувелин Симор». И – точка! Нас его настоящий нэм не волновал. Инег он или даже швых, многоимённый или изгой, а то и обычный горожанин. Для Фундаренцы все равны. Основная информация об агенте – его доклады.

– Но Ольдим?

– Ха! Ольдим! – Присмет протянул свою громадную пятерню и сгрёб все оставшиеся шарики гамбо, всю пригоршню сразу отправил за крупные зубы рта, раздавил шарики и даже не поморщился.

У Тлумана рот наполнился кислой слюной только от од-

ной мысли, что сейчас может испытывать Гора Мяса. Его даже передёрнуло.

– Да, Ольдим.

– Ольдим был всегда на виду. Сыпал каманамами направо и налево, нажив на том рожу, от которой шарахаются даже тронутые изменением.

– Ну, уж, – не поверил думерт. – Тронутые не могут...

– Сам видел... Ольдима, до прихода к нам, знали многие, оттого кое-что просочилось о его прошлом, хотя, повторяю, нам этого не нужно было. А Свим... Я с ним однажды ходил в Сопт. Больше месяца с ним общался. Умён. Явно не похож на инега... Такие, как он, у нас преобладали... Если он в городе, то, думаю, у кого-нибудь в хабулине прячется. Так же как и Ольдим.

– Ольдим покинул город.

Присмет озадаченно глянул на Тлумана.

– Один?

– Если бы, – Тлуман рыскнул по столу быстрыми глазами, до сих пор не проходяще удивляясь прожорливости Куска Мяса. – С целой толпой дурбов и...

– Дурбы толпой не ходят, – поморщился фундаренец от необходимости напоминать непреложную истину.

– Оказывается, ходят

– Ну и...

– Ольдим с ними. Похоже, – Тлуман помолчал, соображая, что и как сказать, ведь поход к Скале чистое предпо-

ложение Жуперра; но решил говорить о том же: – направляются искать подходы к Скале... К Узлу Перехода... Знаешь о таком?... И не только они идут к ней, но и другие. Нам с тобой тоже придётся идти... за ними, дабы обеспечить порядок.

Присмет буркнул что-то нечленораздельное, а потом сказал:

– Мы знали. Болото Второе в этом году должно высохнуть основательно.

– Да.

Присмет подумал: – «Тлуман, поди, считает, отказываться буду. Не буду! Подальше от Свимов и Камратов. Пусть Теском за ними сам побегает... А ведь думерт тоже, наверное, решил сбежать... Скала... Забавно всё-таки. А ведь чем Край не шутит! Вдруг, дойдём... Об обеспечении порядка – это Тлуман для красного словца сказал. Теском просто так людей не пошлёт. Значит, есть какая-то надежда её найти, раз сразу две, по крайней мере, организации ощутили такую возможность... Впрочем, Фундаментальная Арена из соревнования с тескомовцами вышла»

Тлуман уже подготовил подобающую жёсткую по содержанию формулировку, если Гора Мяса откажется, оттого вопрос того почти застал его врасплох:

– Когда выходим?

То, что за ними следом идёт какая-то вооружённая группа людей, Свим узнал на четвёртый день после выхода из Примето.

Френт, принёсший эту новость, сбил ноги и лапины, покрывая почти суточное отставание от команды Свима. Он был послан проверить тылы, и вот прибежал, чтобы поведать: за ними увязалась не такие уж незнакомцы, как можно было подумать, глядя на них.

Стехар скулил и взлаивал, зализывая ранки, и отрывисто рассказывал:

– Их двадцать четыре... Одеты хожалыми. Мешки тяжёлые. Собрались далеко идти... Люди разные... Но среди них громадный человек. Почти как Камрат теперь. Я его видел на острове, когда на нас напали у Шельмы...

– Присмет! – ахнул Свим и оглянулся: не слышал ли кто его почти испуганное восклицание?

Его отряд отдыхал.

Ещё с первого привала сформировалось крепнущее выделение трёх, по крайней мере, неравных по численности групп. Первую составляли молодые дурбы, сдружившиеся за время месячного сидения в дуварах Кате Кинг Кторы – всего семнадцать человек. Во вторую группу слились бывшие спутники Свима – Харан с торном, женщины – шестеро и путры – тоже шестеро, а в третьей оказались Камрат с Гренией и Думарой. Порой к третьей группе примыкал Харан с

Гелиной, да и Жариста всегда была при Сестерции, и получалось так, что Свима оставляли одного среди женщин, смущавших его своей откровенностью после разлуки с Клоудой.

Дурбов возглавлял хорошо сложенный, но низкорослый, что не мешало ему выказывать своё превосходство, многоимённый, нэм которого был достаточно высоким, и он не скрывал его – Зливан Залом Зальцер. Однако, либо наставленный Калеей, шепнувшей ему, с кем придётся иметь дело, либо он сам догадался, но перед Свимом Зливан не подчёркивал своего происхождения.

Зато с Ольдимом у него отношения не сложились. И виноват был, если, конечно, искать виновного, отнюдь не молодой дурб, а Ольдим. По мысли последнего, Зливан нарушил один из древнейших кодексов – многоимённый, становясь дурбом, должен поменять свой нэм на иной, придуманный и такой, который мог быть только ниже официального, обычно в рамках инегов.

С первого дня всем стала известна его злая каманама, начинающаяся со слов: «Вознёсся высоко хожалый и бандит...» И хотя направленность её можно было отнести к любому дурбу, даже к самому Ольдиму, но в ней просматривался явный укол предводителю молодых дурбов.

Свим высказал бывшему сотоварищу по Фундарене: негоже, де, в самом начале пути, когда разумные и люди в отряде ещё не притёрлись и не стали единым целым, обижать кого бы то ни было, тем более официально, по сути, облечённого

властью. Кто знает, что их ещё ждёт впереди, тем более что сама экспедиция к Скале авантюрно, по всему, не предсказуема, да и по содержанию – тоже.

Ольдим, играя диким лицом, смиренно заверил, что больше «не будет», вызвав у Свима гомерический хохот – такого ответа он не ожидал, напротив, предполагал от дурба присутствующего ему нахального отклика. А тут: «не буду...» Впрочем, смех Свима случился не столько от слов Ольдима, сколько от разрядки напряжённости.

Сам автор каманамы, возможно, тоже смеялся вместе с ним, но внешне этого нельзя было определить.

Молодой дурб хорошо понял поэтические намёки Ольдима, и старался не иметь с ним близких встреч, обходя стороной, поэтому Свиму даже приходилось по делам отряда общаться с ними порой порознь. Но сообщение, принесённое Ф"ентом, о преследователях, в кругу которых мог находиться Присмет, не терпело промедления. Свим собрал на совет своих прежних спутников, и несколько молодых дурбов, а также К"ньца и Ф"ента.

Пока собирались, К"ньец хлопотал вокруг Ф"ента.

– Ты, собака, бегать не умеешь, – наставительно говорил он, однако в его голосе не было упрёка, а лишь заботливые нотки. – Все лапы стоптал. Надо было дорогу выбирать...

– Он такой... – суетилась рядом Х"вюся.

– А ты, – слабо защищался стехар, – помесь неизвестно кого с лошадыю, вообще бы не добежал. И какие здесь доро-

ги, кошка?

– И шерсть всю ободрал до мяса, – продолжал хопс. – Зализывай, зализывай!.. Вот здесь тоже! Х”выюся, не мешай! Лучше помоги ему!

Люди говорили о другом. Свим коротко ввёл собравшихся в курс событий. О Присмете и о его участии в преследовании команды не знал только Зливан, но достаточным оказалось нескольких слов, чтобы он мог оценить тревогу остальных. Хотя не до конца.

Для дурбов Камрат был представлен как обыкновенный спутник команды Свима, точно так же, как Гелина, Грения и Думара. Женщины, кроме Жаристы, также шли не под своими настоящими нэмами. Поэтому, если для Ольдима предметом язвительных высказываний являлись молодые дурбы, то Камрат стал для них отдушиной, на которой можно было отыгаться. Он представлялся им увальнем, носящим сразу два меча только чтобы покрасоваться, но, главное, их заделало полное невнимание к ним со стороны Грени и Думары, увлечённых одним Камратом. Да, они ещё девочки, но всё равно обидно, когда к ним, молодым, весёлым и настоящим, по сравнению с Камратом, дурбам, демонстрируется такое пренебрежение.

Впрочем, Думара порой позволяла себе иногда перекинуться репликами с дурбами и даже к концу дня помогать ей идти, порой даже нести на руках. Но в целом, эта троица, казалось, никого не замечала...

– Напасть на них, – выслушав Свима, тут же предложил Зливан. – И...

– Тескомовцев не так-то просто взять, – недовольно заметил Ольдим. – Каждый из них стоит наших троих. И, если вяжемся в драку, до Скалы ли нам будет? Половина из твоих ребят погибнет, а другая – будет раны залечивать.

– Почему только мои? – возразил Зливан. – Если хорошо подготовить засаду, то можно обойтись и без потерь, – не сдавался он.

– Зачем? Чтобы только подраться? Да там один Присмет пятерых твоих дурбов стоит... – мрачно сказал Свим. – И Ольдим прав, после драки до Скалы мы не дойдём. К тому же с нами женщины и дети.

– Вот-вот! – подхватил Ольдим, но теперь в адрес Сви-ма. – Опять ты во главе непонятно кого. И чего я за тобой таскаюсь, имею дело вот с этими болтунами, переживаю до головной боли?

– Была бы голова, – буркнул Зливан, отворачиваясь от Ольдима.

А у того от наглости молодого дурба глаза начали своё удивительное движение по лицу – один вверх, другой вниз.

– Если говорить о голове с безголовым, то... – начал высоким голосом Ольдим.

Его одёрнул Свим.

– Мы не для того собрались!.. Здесь, думаю, для нас возможно одно из двух. Либо идти, как шли, имея за собой тес-

комовцев, либо попытаться сбить их с нашего следа. Первое – проще. Второе требует подготовки и выдумки, зато после можно будет не заботиться о них.

– Не выйдет, – подал голос Камрат, он у него прозвучал басовито и спокойно. – Второе не выйдет. Они могут знать наш маршрут, так как идут за нами от самого Примето. Или, если даже не знают, то могут иметь целью ту же самую Скалу. А что Болото будет проходимее именно со стороны Дороги Страха, они знают не хуже нашего. Они нам пока не угрожают, то и пусть себе идут следом. Скрестить мечи всегда сумеем... – Камрат не обратил внимания на презрительную усмешку Зливана. – И вот что я ещё скажу. Мы не знаем, как всё сложится в будущем при подходе к Скале. Тескомовцы для нас могут стать не врагами, а... единомышленниками.

– Ха! Единомышленниками? – удивился Ольдим. – Как на Сажане. Да Присмет своего не упустит!

– Да, Присмет, – сказал Свим. – Но я согласен с Камратом. А вот с тескомовцев придётся не спускать глаз.

– Для путров самое дело, – оживился Зливан. – Я могу им помочь организовать нечто вроде эстафеты, чтобы они не доводили себя до такого состояния, как этот, – небрежно двинул он рукой в сторону стехара.

– Ф”ентом меня зовут! – неожиданно вскинулся тот, хотя мгновением до того выглядел, ну, совсем умирающим. А тут вскочил на ноги, встряхнулся. – И стехар я! А не этот!

Х”вьюся, глядя на Ф”ента, тоже приняла стойку.

Молодой дурб никак не ожидал, по-видимому, такого отпора со стороны путра. Он оторопело уставился на него непонимающим взглядом. Выглядел он при этом забавно. Отчего Свим и Камрат, знающие Ф"ента, расхохотались, а на лице Ольдима отразилось нечто бесподобное.

– Ты, дурб, – воинственно мяукнул К"ннец, – если так будешь относиться к нам, то ничего не организуешь! И мы лучше тебя знаем, как обеспечить слежку. Да, стехар?

– Да уж, – важно поддержал его Ф"ент, но на всякий случай поджал обрубок хвоста под себя.

– Итак, – подвёл итог разговора Свим, – идём с разведкой и впереди, и позади.

– Может быть, ускорим движение? – Зливан не хотел, чтобы кто-то подумал о нём превратно, мол, он заткнулся, стоило только на него прикрикнуть, даже со стороны путров.

Но в душе он был собой недоволен. Когда Калея и Кате Кинг Ктора объясняли ему его задачу, они чётко оговорили его место в отряде – формальное руководство дурбами, как передаточное звено от Свима, дабы тому не надо было вести переговоры или давать какие-то распоряжения каждым из них в отдельности. Конечно, бессловесным исполнителем его быть не заставляли, но и навязывать своё мнение – тоже.

Но и молчать, когда за ним половина отряда, к тому же самой подготовленной для похода, как ему казалось, он не собирался. Что тот же Свим без его дурбов?

– Надо было идти берегом болота, – глядя мимо Тлумана, озабоченно хмурился Поликан.

– Почему это? – Тлуман тоже не смотрел на него, а оценивающим взглядом осматривал место предстоящего ночлега.

И только после того, как удовлетворился, с недоумением перевёл взгляд на кринеётора, своего ближайшего помощника. Поликан отвечал за хозяйство их небольшого отряда.

Поликан оглянулся и, понизив голос, проговорил:

– Чтобы лодки с едой тащить.

Тлуман не понял.

– Какие лодки?

– С едой, говорю. Гора Мяса скоро всё съест...

– А-а, – Тлуман поморщился.

Проблема обеспечения Присмета едой существовала. Аппетит его рос по мере продвижения вглубь Диких Земель. Создавалось впечатление – фундаренец что-то жуёт всегда: в пути, на привалах и даже во сне. И всё это с угрюмым выражением на лице, молча, ни на кого не глядя. Он словно был погружён в мир, где идёт постоянная борьба, победителем из которой выходит только жующий.

Правда, свою еду Присмет нёс сам, но содержимое его мешка уже уменьшилось наполовину, а поход ещё, по сути дела, только-только начался – шёл девятый день, как они вышли из Примето, и до выючных торнов, посланных вперёд к Дороге Страха надо было идти ещё долго...

Вокруг простиралась, слегка испорченная редкими ува-

лами, равнина. Неясно было, что могло здесь располагаться во времена древних, но местные Дикие Земли славились отсутствием каких-либо дорог, руин и, вообще, следов пребывания здесь когда-либо человека. Единственное объяснение тому, бытующее издавна, – равнина когда-то представляла собой дно моря. Но против такого предположения выступала Дорога Смерти или Мёртвых или Страха, соединившая Болота Первое и Второе.

Сам думерт у Дороги никогда не бывал, хотя она территориально как будто относилась к сфере влияния Южного Тескома. Но знал о ней кое-что, поскольку, выходя из города, ознакомился с некоторыми данными из Хранилища знаний Тескома и рассказами, тоже записанными в разные времена, побывавших рядом и видевших её.

Сведения, скудные и противоречивые, излагаемые разными источниками, совпадали в одном: строительство или какое-то иное появление Дороги Страха относилось задолго до эры Падения. Якобы она первой стала вечной дорогой, но и в забвение по каким-то причинам попала тоже первой, отчего совсем не пострадала во время войн Проклятых Веков. Вот почему могла служить образцом для сравнения с другими дорогами обитаемого мира, пострадавшими так, что до сих пор исковерканы выбоинами и пока не могли восстановиться полностью.

– В полотно её можно смотреться как в зеркало, – утверждал один из очевидцев.

– Она как будто покрыта слоем чистого синего льда, – вторил другой. – Даже веет холодком.

– Это подобно застывшей реке в тихую погоду, – свидетельствовал третий...

Но что любопытно – никто из них не решился ступить на неё, памятуя название, данное ей в незапамятные времена.

– Нет... Постоял, постоял... И ушёл от неё подальше, – высказался один из свидетелей. – Рядом с ней стоять – мороз по коже...

«Пройдут те, пройдем и мы», – успокаивал себя Тлуман.

А *те*, команда Свима, шли уверенно. Каждый день отмеряли двадцать пять свиджей – не торопились, но темп держали. Тескомовцы, не привыкшие к такой повседневной гонке, к вечеру уставали. А у *тех* будто есть женщины и дети, а идут только с одним привалом в середине дня.

– Удобно тебе? – Камрат нёс Грению, а для всех – Рению, не ощущая её веса.

Дочь бывшего правителя Сампатании уютно устроилась на согнутой и упёртой в бедро Камрата руке, словно в своеобразном кресле, спиной по ходу движения. Руки её лежали на широком плече Камрата, поверх которого она могла видеть и разговаривать с Думарой, вернее, с Марой, пересаживаемую с шутками с руки одного молодого дурба к другому. Из-за пазухи Камрата выглядывал любопытный одур и время от времени стучал кулачком в бок Грении, тогда она гла-

дила его голову, и он успокаивался.

Женщинам, кроме Жаристы, также помогали: несли их заплечные мешки, поддерживали под руки. Как бы ни был труден путь, команда Свима порой гляделась вышедшей на прогулку большой компании. Но к ночлегу крайняя усталость проступала на лицах у большинства спутников, особенно молодых дурбов.

Ничто, казалось, не утомляло лишь Камрата, Сестерция и Ольдима. Свим тоже держался, но на нём всё-таки было возложено руководство, а это его изматывало больше, чем ходьба.

К вечеру отряд догоняли путры с сообщением о движении тескомовцев. Из их докладов следовало, что темп движения, навязанный Свимом и поддержанный всеми, приносил плоды – тескомовцы постепенно отставали, и, наконец, остановились на дневку.

Доклады путров действовали успокаивающе, а остановка, вообще, дала повод к злословию в адрес тескомовцев. Два дня назад был отпущен в Примето проводник, данный Калей. От него ничего нового Свим почерпнуть не мог, а сам Наван держал себя незаметно и практически в маршрут движения команды не вмешивался. Порой Свим подозревал, что проводник сам не знает: верно ли они идут или нет. Так что казалось, всё идёт правильно – ещё полпути и они у Дороги Страха.

Но ранним утром следующего дня прибежал взмыленный

Ф”ент с известием: у тескомовцев появился воздушный шар, и уже сегодня, можно будет ожидать его появления над отрядом.

Выслушав Ф”ента, Свим почувствовал дрожь в теле – произвольное воспоминание о путях липучки. Он повёл плечами, стряхивая наваждение, и обратился к собранной команде:

– Всё! Идём без спешки. Нам от них не убежать, чтобы затеряться здесь где-нибудь. Но будьте готовы ко всяким пакостям тескомовцев, прилетевших на шаре. Они могут что-нибудь сбросить сверху на голову или окутать липучкой. Поэтому держитесь кучнее и... как можно ближе к Камрату.

О Камрате он не хотел упоминать, но подтолкнула его к тому мысль, высказанная Малионом, о Камрате-защитнике.

– К Камрату ближе всех Рения, – подал кто-то голос из молодых дурбов, вызвав смешки.

– И правильно делает... – и опять смех.

– Мы, может быть, тоже остановимся на день? – предложил Харан. – Пора всем отдохнуть. И я бы осмотрел тех, кто нуждается.

Нуждались самые прыткие из молодых дурбов. Не имея опыта дальних переходов, они уставали и за ночь не восстанавливались в полной мере. Харан уже им рекомендовал не злоупотреблять стимуляторами, но некоторые из них по утрам уже не могли без боли шевелить руками или ногами. И хотя молодые организмы быстро использовали подпитку,

однако с каждым разом требовалась усиленная порция. Назревал кризис.

– Что, так серьёзно? – негромко спросил обескураженный Свим, переводя взгляд с Харана на Зливана.

Оба кивнули.

– Тогда... Дневка?

Против никто не высказался.

– Но не здесь, – выждав паузу, сказал Ольдим. – Надо где-то укрыться так, чтобы нас не могли заметить сверху.

– Где же здесь спрячешься? – разом воскликнули почти все.

– И, точно. Где? Ты что-нибудь придумал? – Свим облизнул губы.

Он и сам подумывал сделать то же самое, но здесь, на открытом месте, от тескомовцев на шаре таким большим отрядом не укрыться. Куда ни глянь – они будут у них как на ладони.

– Я предлагаю сделать днёвку завтра, – Ольдим не обратил внимания на разочарованные вздохи. – А сегодня сделать рывок не вперёд, а к берегу болота. Там мы сможем найти укрытие от тех, кто полетит на шаре. И хотя бы на первое время собьём тескомовцев со следа. А потом подумаем, как идти дальше.

Свим в задумчивости осмотрел розовый край полотна неба на востоке. Стало уже светло, и можно было хорошо разобрать мимику лиц, собравшихся на совет.

Скоро взойдёт солнце. Надо решать: принять предложение Ольдима и тогда тут же сниматься с места ночлега, совершив предельно быстрый бросок к побережью болота, или остаться здесь на отдых?

Бежать к болоту, это бежать в неизвестность, так как они могли только предполагать, что там есть заросли кустарника или даже деревьев, под которыми можно укрыться. Впрочем, проводник неоднократно говаривал о существовании довольно широкой полосы разнообразной растительности, окаймляющей болото. Хотелось в это верить и надеяться на укрытие. А вот остаться на месте – явно подставить себя под ежеминутное ожидание нападения тескомовцев на шаре.

«Липучка!..» – в который уже раз вздрогнул Свим.

Сбросят сверху липучку и вздёргнут жертву. Ни отбить её, ни ухватить. Не обвязываться же всем одной верёвкой для страховки... Но если связаться, то сразу всех не утащат, да и сами тескомовцы окажутся в незавидном положении: тоже будут привязаны...

Но подойдут их основные силы...

– До болота свиджей тридцать, если не больше, – сказал Зливан, не выдержав тишины, возникшей на время принятия решения Свимом.

– Тридцать два, – уточнил Харан, взглядываясь в карту, выданную Калеей Свиму.

Свим её сразу после ухода Навана уступил Харану, как более его сведущему в таких делах.

– Это же... весь день бегом! – в отчаянии воскликнула одна из женщин и осмотрелась, ища поддержки сочувствующих.

Однако решать приходилось Свиму.

«Опять мне!» – почти с раздражением подумал он.

Сколько раз за весенние месяцы со дня выхода из Керпоса, ему приходил так раздражаться, становясь последней инстанцией в разрешении вопроса: что делать?

– Я за план Ольдима, – первым высказался Камрат. – До времени появления шара мы уйдём хотя бы на праузу-другую из поля его видимости. А проверку окраины Болота тескомовцы могут оставить напоследок, когда мы уже будем там.

Зливан отвернулся, он отвергал предложение Ольдима. У него побаливали ноги от непривычки дальних переходов, да ещё в таком темпе. Хотелось отдыха – отлежаться, отоспаться. Но стал подозревать, что сегодня тому не быть, поэтому в пререкания вступать не стал.

Когда Кате Кинг Ктора предложил ему возглавить отряд молодых дурбов, он согласился сразу. Его прельстил само путешествие и, естественно, руководство другими. Но пока что он ощущал нарастающую усталость и изнуряющее постоянство и однообразие гонки по Диким Землям.

Прогулки, обещанной Кате Кинг Кторой, не получилось.

– Некоторым из нас придётся принять бренду, – сказал Харан. – Иначе мы растянемся на два-три свиджа, а иные,

вообще, не дойдут.

– Я не буду! – тут же отказался Свим и посмотрел на Гелину, стоящую рядом с Хараном.

Канила отвела глаза и слегка повела головой – тоже нет. За ней высказали свой отказ немногие.

– Кому ты предлагаешь? – спросил Свим Харана. – И не тяни! Нам надо уходить. Поторопись!

Харан окинул взглядом спутников и стал быстро перечислять тех, кому, по его мнению, следовало подкрепить свои силы брендой. Назвал он и Зливана вкупе с половиной молодых дурбов, вызвав у них и у других, отмеченных и неотмеченных Хараном, неоднозначную реакцию. Одни решили, что их обдели, подчеркнув слабость, назначив бренду, а другие – ими пренебрегли и не хотят поддержать, а у них силы на исходе.

Свим не дал разгореться спорам, и неожиданно для команды прикрикнул:

– Есть будут все! Харан, приступай!.. Вначале женщинам!

Чуть позже во главе с Гелиной женщины скорым шагом направились по ориентирам к болоту, а мужчины стали принимать кусочки бренды из рук Харана. Большинство из них пробовали сильный стимулятор впервые, поэтому порция – чуть больше ногтя мизинца – вызывала недоумение: мало. Однако не все, взяв бренду, её съели, считая себя выше унижительной подпитки.

Как бы они не торопились, а время шло. Совсем рассве-

ло, и канувшие, будто в полусумрак, женщины, стали видны в рассеянной дымке атмосферы. Ушли они, как не торопились, не далеко, и, глядя им вслед, Свим с тоской подумал о тяжёлом наступающем дне.

Однако праузы через три темп движения ускорился. Мужчины догнали женщин и, как могли, стали им помогать.

Мутное утреннее солнце нехотя вставало за спиной бегущих, укорачивались их тени, что размытыми контурами терялись плотной завесой впереди; и вот уже можно чётко увидеть и вычленить из общей массы взмах собственной руки или поворот головы. Даль очистилась и там, на пределе видимости прорезалась тонкая ниточка береговых зарослей. Она толстела, наливалась подробностями, приближалась, придавая людям уверенности – они до неё добегут.

Но гонка сказывалась: люди стали уставать.

Нет, они ещё как будто совсем не тяжело бежали, но то один, то другой, вдруг, начинал оступаться, одежда едва успевала высушить пот, и у многих в руках появились питьевые фляги.

Особенно страдали молодые дурбы. Опять следует сказать, что непривычка и долгое сидение в дуварях Кате Кинг Кторы лишком расслабили выносливость их мышц и духа. А те, кто отказался от бренды, стали задыхаться от постоянного усилия заставлять себя бежать.

– Не надо так много пить воды! – пытался напоминать Харан, но безрезультатно.

Первым упал и с трудом поднялся на четвереньки Рувон, здоровый на вид дурб, начавший бег легко и непринуждённо. Он долгое время был вперед всех, и его несколько раз приостанавливал окрик Свима, чтобы тот не слишком увлеклся и не растягивал отряд – кучно бежать легче.

Харан, тяжело переводя дыхание, склонился над упавшим дурбом.

– Нога, – расцепил Рувон сведённые от боли зубы. – Светло судорогой...

– Понятно, – проговорил Харан и провёл рукой по бёдрам дурба. Покачал головой. – Зря решил отказаться от бренды. Теперь тебе поможет только она. Да и то...

Харан вздохнул и опять осуждающе покачал головой. Молодой дурб, собираясь в дальнюю дорогу, оделся, словно на прогулку в городе: его одежда почти полностью была лишена тех необходимых качеств, которые поддерживают в организме человека тонус и стимулируют быстрое его восстановление.

Оказалось, что Рувон был не одинок. Ещё двое из молодых дурбов пренебрегли своим одеянием. На одном из них была надета даже не вечная куртка. Она, конечно, легка и удобна, тем не менее, в ней отсутствуют многие свойства, направленные на охрану здоровья одетого в неё человека. К тому же её надо стирать, она не обладает само очисткой, она не заживляет мелкие раны и царапины.

Харан поделился неприятностями со Свимом. Тот ругнул-

ся и решительно заявил:

– Отошлю их назад! Как только Калея их выпустила?

– Не нянька она им. Дурбы же...

– Это да. Но им надо было послушать её... Мутные звёзды!.. Нет, и, правда, отошлю назад! Иначе они нам преподнесут немало хлопот. Надо нам это?

– Тебе решать...

– Опять? А ты на что?

Улыбка тронула губы Харана.

– Сам не знаю. И зачем мне это Болото? Нет, правда, Свим. Всё время думаю-гадаю. Теском на нас насел, и нам скучно сидеть стало в дуварах – это так. Но почему мы опять оказались вместе? И не просто вышли побродить в Диких Землях, а идём к Болоту искать Скалу... – Харан отдышался, попевая за Свимом. – Года два назад, будучи в Габуне и слывя чудачком из-за веры во многие мифы, я такого разумного назвал бы безумцем. Искать Скалу... Идти к Скале... Это же как раз признак безумия. Мало того...

– Иди-ка ты со своими думами к обитателям Края! – не дослушал его Свим. – Ты думаешь, я знаю? Сам не понимаю, а иду. А тут ещё этих навязали! Куда Калея смотрела?

– Может быть, так и должно быть?

– Почему это? – Свим оглянулся. – Давай сбавим темп. – Их тут же стали обгонять дурбы. Свим потянулся к сарке, но одёрнул руку. – Пить всё время хочу... Так почему так должно быть?

– Эти дурбы, как я заметил, народ случайный. Они друг о друге узнали совсем недавно. А у Калеи, по-видимому, с ними связаны какие-то планы.

– То есть, ты хочешь сказать, она им таким вот образом устроила проверку?

– Не уверен, но похоже на то.

Свим опять в сердцах помянул обитателей Края.

– А я, значит, решай, что с ними делать? Хорошенькое дело.

– А, может быть, тоже проверка?

– Ну, уж-ж, – Свим хотел подёргать себя за несуществующую бородку, но лишь скользнул рукой по щекам. – Зачем меня-то?

– Зачем, не знаю. Но вот меня она будто не заметила, так же как и остальных. А ты у неё оказался на примете.

Свим насупился. Их уже обогнали все, даже стали оборачиваться: чего это они стали отставать?

– Это Индрис знал, – наконец, буркнул Свим. – Пойдём быстрее...

– Кто знал? – ускоряя шаг, спросил Харан.

– Как-нибудь расскажу. А сейчас... – Свим оглянулся, стал. – Как будто Ф"ент бежит.

Харан тоже остановился и посмотрел назад.

– Он... Что-то опять случилось.

– Всё может быть... – насторожился Свим.

Ф"ент добежал до них. Язык его вывалился почти до зем-

ли, он тяжело дышал. Свим и Харан терпеливо ожидали, хотя отряд стремительно удалялся от них, и чтобы его догнать, придётся приложить немало сил. Впрочем, из отряда выделилась группа путров и направилась к ним. Впереди мчалась Х”вьяся. Возможно, её кто-то послал выяснить, что тут у них происходит?

Подбегали и те двое путров, что находились с Ф”ентом в разведке. Они так же, как и стехар, подбежав, упали в изнеможении наземь.

– Будет збун, – наконец, сообщил Ф”ент принесённую новость. – Мы все чувствуем.

Путры подтвердили неприятную весть Ф”ента.

– Когда?

– Мы решили, через четверть праузы.

– Мутные звёзды!.. – всполошился Свим. – Надо предупредить наших. За мной! А вы вперёд! – послал он более быстрых, по сравнению с людьми, путров.

Он потрусил, увлекая за собой Харана и выроdkов-разведчиков.

Вскоре ему удалось докричаться до тех, кто замыкал отряд. Но те уже знали причину его крика и передавали команду остановиться по цепочке идущим впереди.

– Идёт збун!.. Одеть копольцы!.. Всем встать в круг!.. Прикрыть путров!.. – отрывисто распорядился Свим.

Вокруг уже проявлялись приметы накатывающегося збуна.

В этот раз он был не фронтальным, когда его наступление идёт полосой, а верховой. Муть над головой разумных редела, становилось светлее и, наконец, наступил момент безраздельной власти солнечных лучей. Они беспрепятственно достигли поверхности Земли, вжигаясь в каждую её пядь. Не прошло и десятка минут, как вокруг плотной кучки отряда Свима закурились столбики дыма от вспыхнувшей пересохшей травы.

Огонь быстро распространялся.

Стало трудно дышать. Люди и путры теснее жались друг к другу, пытаясь составить сплошной навес из копольцев. Однако солнце заглядывало и под них.

Некоторые путры, во всяком случае, Ф"ент и К"нзец копольцы имели. Вся беда заключалась в их отсутствии у четверти молодых дурбов и у половины женщин. Свим поминал обитателей Края и взывал к мутным звёздам, но его отчаянная ругань в адрес недотёп, идущих в Дикие Земли без соответствующей экипировки, не могла спасти положение. Копольцы, сдвинутые вместе, не могли всё-таки надёжно прикрыть всех. Оттого в круге происходило постоянное движение, так как каждый, не защищённый копольцем, старался избежать прямых лучей солнца. Эта перегруппировка рвала сплошное покрытие.

Задымилась шерстка у двух путров. Они крутились, пытаясь поменять место или лизнуть прогоревшее место. Но когда загорелась не вечная куртка на молодом дурбе, то ему

пришлось её с себя сорвать и с помощью других выбросить за пределы круга, где она и сгорела.

Пожар стал заволакивать округу дымом, ослабившим ярость солнца, но сам збун продолжался долго. И хотя необходимость тесного пребывания людей и путров в группе отпала, она длительное время не распадалась.

Дышалось с трудом. Вода, выплеснутая из сарок на полу или воротник одежды, которыми люди прикрывали лица, высыхала сразу...

Глава 9

Совсем недавно высохшая, но всё-таки местами, зеленеющая округа, превратилось в чёрное полотно. Кое-где ещё догорали кусты, чьи теневые листья не выдержали атаки збуна. Но уже появились из нор встревоженные мордочки диких крыс; они принюхивались, шевеля длинными усами. Хищники, они уже предвкушали найти и наброситься на всё живое, что обожжённое и ослабевшее не сможет себя защитить от них.

А таковых оказалось много. То ли эти дикие не почувствовали приближения збуна, упавшего с зенита, то ли они попали в разряд «лишних» на этой не очень-то обильной земле. Можно было видеть полу поджаренных змей. В вялых конвульсиях недалеко от команды Свима с кроваво-коричневой спиной лежал и ещё всхлипывал барсук. Билась павшая пти-

ца без перьев...

Люди и путры выглядели жалко. Шёрстка на большинстве выродков оказалась в обширных пропалинах, когда ещё там нарастёт новая, да и нарастёт ли? Молодые дурбы крайне растеряны и подавлены, с ожогами. Да, обещанной прогулки не получилось

У Свима уже не хватало слов, чтобы, наконец, высказаться по поводу печального исхода збуна для доверенного ему отряда. Он пытался и бубнил, но это ни на йоту не приближало его к принятию хоть какого-нибудь решения: что делать с пострадавшими людьми? Тем более что в будущем подобные наплывы прозрачной из убийственных лучей солнца атмосферы могут повториться, и тогда их положение может усугубиться до трагического исхода.

Отправить их одних в Примето – для них это смерти подобно. Оставить при себе – тот же итог...

– Та-ак... – только и повторял он, бессмысленно топчась вокруг стонущих дурбов.

Харан бегло осматривал их, переходя от одного к другому. Дольше всех он задержался у Сулона, дурба, годами, похоже, старше всех, собранных Калеей для похода к Скале.

Наконец, тщательно вытирая пальцы о куртку, Харан подошёл к Свиму, сообщил:

– Ничего страшного. День-два, и у них всё пройдёт. А вот с Сулоном – плохо. Он может потерять зрение. И у него сильно повреждена шея. Не знаю уж, как такое могло случиться.

Если только он решил глянуть на солнце?

– И что теперь?

– Ему нужна закалочная и полусумрак...

– Да уж, – уныло произнёс Свим и посмотрел вдаль, ставшей привычно мутной, играющей призрачными тенями тока воздуха.

Только что чёрная от пепла степь уже серела от ростков, спешащих занять освободившееся место под небом.

«Какая тут закалочная? Какой полусумрак?.. Ну, полусумрак, скажем, создать можно – завязать ему глаза... А закалочная... И вокруг ни одного поселения, где можно было бы оставить Сулона. Но и таскать его за собой... И это тогда, когда вот-вот над головой повиснет шар тескомовцев!»

От мысли о шаре, его передёрнуло: воспоминание о липучке преследовало его с утра.

Впрочем, чем лучше та ситуация, в которой они оказались после збуна? С пострадавшими на руках?

Свим задыхался, внутри его всё кипело, он не мог найти выхода. А Харан стоял и ждал его решения. И молодые дурбы исподлобья поглядывали на него, а во взглядах требование – решай, коль скоро ты у нас предводитель! На своего командира – Зливана – они никаких надежд не возлагали: он один из них.

Подошёл Камрат. За ним, не отступая ни на шаг, – Грения. Глаза в пол лица, смеющиеся и счастливые. Прильнула к Камрату головой и плечом и с жалостливым недоумением

смотрела на Сулона, словно осуждала его: как можно быть в таком плачевном состоянии, если вокруг всё так хорошо и... Камрат рядом?

...Ей только двадцать лет. Отрочество. К Камрату она испытывала непонятное для себя чувство. Восторг от его силы и красоты, тепло отеческой заботы о ней с его стороны, дружеское отношение. Да, всё это. Но во всём этом нашло приют ещё что-то, чего она ещё не знала, а лишь слышала от женщин, а потому не могла назвать и, значит, осмыслить охватывающее волнение всякий раз, когда Камрат разговаривал с нею, обращал своё внимание к ней или касался её. Сердце замирало от его близости...

Свим, мрачный от обуреваемых его нерадостных размышлений, вскинул глаза на Камрата, ища в нём поддержки. Он свято верил в него. Догадка, когда-то подсказанная Малионом, а, может быть, и утверждение о роли Камрата в неуязвимости людей и иных разумных, находящихся с ним рядом, пропитала дух Свима. Нет, он, конечно, не надеялся, что Камрат сейчас скажет некие слова и после этого всё образуется, и в то же самое время ожидал какого-то невероятного выхода из тупика. Во всяком случае, из тупика, возникшем в его голове.

Харан, по-видимому, тоже подумал о том же, что и Свим. Он сухо передал Камрату свои выводы о состоянии дурбов.

– Мне тебя не учить, – нагнув голову к Харану, сказал Камрат. – Глаза ему завязать...

– Об этом мы со Свимом уже решили. У него шея вся в язвах.

– А шею обмотаем моей курткой. И понесём...

Свим вздохнул. Всё, что сказал Камрат, было явным с самого начала. Куртку вот предложил свою. И – только.

– Здоровый он. Тяжёлый.

– Но стоять нельзя, – возразил Камрат на реплику Зливанна. – На берегу болота, в зарослях, подумаем, что с ним делать.

– Это – да.

Свим, Харан и Камрат переглянулись.

– Надо идти, – решительно сказал Свим. – Зливан, Сулона будем нести по очереди. Распорядись среди своих.

С пострадавшими от збуна отряд двигался медленно, но и шар тескомовцев также медлил их нагонять.

Появление шара тескомовцы отметили радостными восклицаниями. Но появление из его гондолы кроме пилота, ещё четверых наблюдателей, поубавила их радость. Шар имел полный экипаж, и возможность воспользоваться для уменьшения тяжести перехода на десяток-другой свиджей для подавляющего числа наземных тескомовцев отпадала. Может быть, поднимется кто-то один, да и то вернее всего, думерт...

Мерсьек хмурил густые брови. С памятной Тлуману весенней встречи на Сажанее, командир воздушных тескомов-

цев сильно похудел, у губ и крыльев носа обозначились старящие его складки. И весь вид его был крайне утомленным. Из гондолы он не выпрыгнул, как это делал всегда, а вышел, устало переставляя ноги. Улыбка от встречи со знакомцем едва тронула его впалые щёки, да прищур глаз обозначил отраду встречи.

– Что, опять погоня? И за теми же?

Тлуман развёл руки, улыбнулся, но тоже сдержанно.

– Ты прав. Возможно, за теми же... Не пролетело и четверти года, как всё повторяется.

– Да уж... И Присмет, вижу, опять при тебе

– А что ему ещё делать?

– А вот здесь ты прав.

Присмету намёки тескомовцев в его адрес не понравились. Он окинул их тяжёлым взглядом, перевёл взгляд на шар, на гондолу – из неё экипаж пока что не сходил, собираясь, по-видимому, вылететь на разведку тут же.

«Как был я для них чужим, так и остался», – подумал Присмет безрадостно с жёсткой мыслью о завершённости поиска своего места среди сотрудников Тескома. Они смотрели на него и терпели его как инородное тело, неудобное, но пока что терпимое лишь в силу необходимости. Всплеск восхищения им во время переправы с острова на остров в виду монстра, прошёл быстро и бесследно. Он превратился для них в мишень заглазных шуток, не всегда безобидных, на которые ещё год назад он мог бы ответить так, что шутникам

надолго запомнились бы его руки, приложенным к их ухмыляющимся рожам.

Но не только это раздражало Присмета. А общее внимание к тому, как, что и сколько он ест. Но поскольку он есть хотел всегда и старался утолить голод при любой возможности, то постоянно ощущал явно не сочувствующие взгляды спутников к его неодолимой потребности, а, вернее, потребности его большого сильного тела в еде.

Думерт и Мерсьек уже позабыли о нём и оживлённо обсуждали план первой воздушной разведки, а Присмет всё ещё ворочал в голове каменной тяжести, но пустые по содержанию, невысказанные тескомовцам слова обиды.

– Опережают нас свиджей на двадцать. Идут по направлению ... – Тлуман безмолвно пошевелил губами, словно предварительно осмысливал подготовленное высказывание. – По всему, туда, где Дорога Страха входит в Болото Первое.

– Я, догоняя вас, подумал о том же. Справа от вас, вдоль берега Болота идёт ещё одна большая группа. Вода уже отступила, но они держатся зарослей старого берега. К тому же за вами, след в след, идёт ещё одна группа. Небольшая, правда.

Тлуман криво усмехнулся.

– Спешат... Всем не терпится. Бросились все, кому не лень. А эти, что вдоль берега, – люди?

– Мы летели утром. Они только-только просыпались. Но мне показалось, что людей там немного. Впрочем, сверху не

так просто отличить человека от выродка.

– А те, что за нами?

– Тоже плохо рассмотрели. Сегодня, когда будем к вам возвращаться, посмотрю. Вы – за нами?

– У нас сегодня днёвка. Устали. Они будто бегут, и мы за ними. С вами нам будет проще. Не надо без конца уточнять, куда они свернули, и где устроили остановку на день. Да и уточнить надо, кто идёт там. Может быть, и Свим. Камрата не видели, но вдруг. Недаром там затесался Ольдим. И женщины опять при них... И даже девочки. На Сажанее, помнишь, ведь был тот же набор. – Тлуман качнул головой. – Безумство какое-то!

– Сейчас во всей бандеке безумство! – с сердцем обобщил Мерсьек. – Впечатление такое, что все неожиданно проснулись и, едва протерев глаза, бросились кто куда. Мы летели через Заповедник Выродков и Дикие Земли, так кого только не видели. Гурты, банды, хожалые, тронутые... Как мураши. Но там точно, кто куда. А здесь, за Примето, все тянутся в одну сторону.

– Быть дракам... И нам того не избежать, – подвёл неутешительный итог Тлуман серьёзному разговору, так как тут же переменял тон: – Приглашаю поесть, и... можете полетать.

– Мы вам кое-что привезли. Ваши мешки, смотрю, тощают. Жуперр просил.

– Вот за это спасибо. У нас впереди несколько выючных

торнов, но пока мы до них дойдём. А у нас, – думерт понизил голос, – некоторые едят сверх меры.

– Сочувствую, – со смешком отозвался Мерсьек.

От его делового настроения после приземления шара, не осталось и следа.

Завтракали долго. Тескомовцы Тлумана отдыхали и никуда не торопились. Они лениво жевали, лениво перебрасывались репликами, посмеивались. Экипаж воздушного шара тоже не жаждал подниматься в небо – интересно поговорить с новыми людьми, посплетничать. Ну, а те, кто бредёт по пустынной равнине впереди, сбоку и сзади, сделай они свидж влево или вправо, для наблюдателей сверху не помеха – определяют, кто где, да и попугают, мол, вот вы у нас, как на столе.

Мерсьек поведал Тлуману о продолжающейся неразберихе в столице Сампатании.

– Власти настоящей нет. Одноимённые проникают в центр Габуна, заполняют без разрешения дувары многоимённых, а то и присваивают их.

– А наши куда смотрят?

– Туда и смотрят! Тоже что-то делят, – зло сказал Мерсьек. – Мне вот с Жуперром общаться легче, чем... – Он хмуро осмотрел недоеденный пакет, как бы ища в нём продолжения недосказанного. – Трудные времена. У всех проснулся свой бзик. Ждут прихода Бланки, нашествия неких Инеистых с Суреманных гор или полчищ неведомых

ещё выроdkов... Даже якобы в пустыне Снов oживление...

– Кому там oживляться? – выпучил глаза Поликан. – Пустыня же. Там говорят...

– Кто говорит? – дёрнул бровями Мерсьек. – Туда ни хожалые, ни лесовики носа не суют. А то, что достигаёт Кerpоса из Фитолы, нуждается в многократной проверке.

– Слетали бы и посмотрели, – сказал Тлуман.

– Слетали бы... Хорошо говорить. А я в этом году потерял несколько шаров. Три из них на твоей совести.

– Даже так? – обиделся Тлуман. – Вы плохо летаете, а я, оказывается, виноват?

– Я не сказал, что ты виноват. Но гоняясь за этим мальчишкой... С тобой.

– У нас тоже из-за него потери. Оттого и бегаю за ним, чтобы наказать за всё.

– Долго бегаешь, – жуя, сказал Мерсьек. – Да не обижайся ты! Я себя тоже имею в виду... Ладно, мы слетаем, посмотрим, а там... – Он вдруг прислушался, повёл носом, насторожился. – Вы ничего не чувствуете? – oглядел он взглядом думерта и кринейтора.

Поликан перестал смаковать очередной пакет, недоумённо уставился на Мерсьека серыми, на выкате, глазами.

– «Что можно чувствовать во время еды?» – спрашивали древние. И отвечали: «Только вкус еды!».

– А ты сам что чувствуешь? – Тлуман тоже ощутил перемену: ползущий по спине озноб, возникшей неясно от че-

го, то ли от неожиданной перемены настроения Мерсьека, то ли от зарождающейся опасности, подступающей откуда-то извне.

– Если я правильно думаю... Лопсис! – оглянулся Мерсьек и позвал одного из прилетевших с ним тескомовцев

– Будет збун, шейн, – тут же отозвался Лопсис.

Экипаж уже поднимался и собирал остатки еды.

Тлуман помянул обитателей Края. Отдохнули, ни чего не скажешь.

– Идёт збун! Приготовиться! – подал он команду своим тескомовцам. И спросил Мерсьека: – Шар выдержит?

– Будем надеяться. Он старый... Не рискнул взять другой. И один, хотя Жуперр, как будто, просил не менее трёх.

Экипаж шара хлопотал у гондолы, но все их действия походили на пустую суету. Шар, открытый небу, нависал над ними горой, и защитить его люди не могли. Мерсьек достал из гондолы копольц и в позе скучающего бездельника опёрся о борт, с меланхоличной усмешкой наблюдая за подготовкой тескомовцев из Примето к збуну.

Его спокойствие закрыло от окружающих подступающее беспокойство за судьбу шара, а ведь он мог взорваться или дать течь. И в том, и в другом неблагоприятном исходе таилась опасность экипажу застрять здесь надолго. Шар, даже пустой, не бросишь, значит, надо сидеть при нём, пытаться привести его в порядок собственными силами – заклеить дыру, накачать. Или, в худшем случае, ждать, когда из Бусто

прилетят, по крайней мере, три шара, чтобы забрать экипаж, гондолу, оболочку...

Парк воздушных шаров износился и таял на глазах. Случалось, что порой пилоты отказывались в одиночку улетать далеко от базы, не надеясь вернуться назад. Связь – из рук вон плохая: иногда проходят дни, прежде чем удаётся дать о себе знать и надеяться на помощь.

К Мерсьеку подошёл Лопсис. Его крупное лицо покрылось капельками пота, копылец надвинут по самые уши, куртка застёгнута на все ухватки.

– Шейн, сейчас начнётся, – сказал он. – Надо отойти от шара. Не хочу даже думать о плохом, но збун, по-видимому, будет недолгим, но яростным. Надо стать рядом с приметовцами.

Мерсьек кивнул, с прерывистым вздохом сказал, отрываясь от гондолы:

– Пойдём...

Збун обрушился сверху и обжигающей волной накрыл затерянную в безводном пространстве жалкую кучку людей, укрытую лишь от стихии копыльцами, сверкающими отражёнными лучами. Жар опалял не только землю, но и раскалял воздух. Остатки весенней влаги в верхнем пласте почвы нагрелись, поднимаясь ввысь белёсыми потоками. Трава на глазах жухла, стебли её скручивались, редко разбросанные там и здесь кусты выбросили теневые листья; под ними жалась небогатая живность Диких Земель и торопилась зако-

паться как можно глубже.

Словно гигантское солнце опустилось на Землю – шар засеребрился, отражая огненные лучи.

– Выдержит! – с плохо скрываемым волнением сказал Мерсьек. – Он выдержит!

Лопсис нахмурил брови, прищурившись, осмотрел шар и не поддержал оптимизма командира. О возможностях этого шара он знал больше Мерсьека. Шар предельно старый, сработанный позабытыми теперь технологиями. А они создавали вечные вещи. Однако когда он был изготовлен, о збунах, если и знали, то они тогда такими свирепыми и продолжительными не были. Вон как полыхает!..

Басовитый звук оповестил, что шар не выдержал: в нём появилась течь. Но Лопсис радостно передохнул, так как шар остался цел, а течь – дело поправимое, хотя и хлопотное. По крайней мере, придётся потратить не один день на восстановление и на накачку.

– Только дыра, шейн.

– Понял, – буркнул Мерсьек на сообщение Лопсиса. – Могло быть и хуже. Будем отсиживаться... День на заплатку и день... два не меньше, на заполнение, – неохотно пояснил он Тлуману. – Шар старый...

Сфера шара теряла округлость, медленно съёживалась и опадала, прикрывая гондолу, его сверкающая поверхность заиграла радужными лучами, больно бьющими в глаза. И, наконец, источник звука – истечение газа – словно мигнул,

а в округе стало темнеть – вернулась дымка, прикрывающая даль.

Тлуман внешне посочувствовал заботам Мерсьека.

– Ну, а мы пойдём, – сказал. – Днёвки не получилось, а они идут быстро. Нам далёко от них отставать не следует.

– Знают о вашей погоне?

– Не уверен... Если бы знали о нас, так бы не следили. И постоянно идут в одном направлении. Думаю к восточной окраине Болота. К дороге Смерти... Страха.

Мерсьек покачал головой.

– Ясно. Ведь, говорят, она прямо ведёт к Скале.

– Кто знает, куда она ведёт? Никто. Но все почему-то уверены – к Скале.

– Ты там, у дороги когда-нибудь бывал?

– Нет. Лет пятьдесят назад подходил к ней близко, но не дошёл. А те бойцы, что тогда опередили нас, видели её. Говорили, что дорога как дорога, только сохранилась прекрасно. А ты?.. Ты же летал...

– Летал, да не над ней, – подумав, отозвался Мерсьек. – И сейчас бы не совался. Сколько вокруг неё шаров исчезло. Сколько бойцов. Почитаешь анналы – дрожь берёт... Вот почему и прилетел на одном, к тому же старом, шаре. Случись что, не так жалко его потерять...

Они помолчали, потом перекинулись ещё парой незначащих фраз.

– Что ж... Мы пошли. – Тлуман оглянулся к своим людям,

оценил их готовность к выходу. Спросил: – Да, тебе помощь наша нужна?

– Нет. Сами справимся. Время не сожмёшь, а у нас всё дело как раз в нём. Заплатку поставить не долго, а вот заполнение, да ещё после збуна... Выгорело всё. Пока натечёт нужное со стороны... Ладно, взлетим, дам знать... Думаю, послезавтра утром.

– Ждём!

Мерсьек вглядывался вдаль до тех пор, пока крин во главе с Тлуманом не стушевался с мутным горизонтом.

Едва отойдя от места встречи с Мерсьеком, думерт понял: збун практически полностью уничтожил следы преследуемых ими людей и путров. Правда, он был к такому повороту событий готов, но полагал, что всё-таки что-то должно остаться после прохождения такой большой ватаги людей и путров. Но лишь свиджей через десять удалось удостовериться в правильности выбора направления движения. Здесь, в неширокой серповидной ложбине, несмотря на полное выгорание старой травы и щетины новой ярко зелёной поросли, явно кто-то устраивал стоянку, свидетельством тому были не только каблуками сапог взрытая земля, но и пепел от истлевших упаковок тескомовских пакетов.

– Осмотреть, выяснить, куда они отправились отсюда, – распорядился Тлуман. – Да не топчитесь так! Потом только себя будем видеть... Что у тебя?

– Вот, шейн, нашёл, – тескомовец протянул думерту за-

копчённый кружок в ногу величиной.

– Что это?

– Обменная рахма, шейн.

Тлуман потёр в пальцах кружок, освобождая от гари.

– Да, рахма. Но... Надо же! – воскликнул он с удивлением. – Это же рахма времён Войны Выродков. Они тогда их изготавливали для себя. Видишь знак?.. Как же они у них назывались?

Тескомовец, молодой ещё человек, не знал. Он по-настоящему не знал и того, что какие-то знаки показывают на современных рахмах, так как тескомовцы ими не пользовались, а уж об упомянутом Тлуманом знаке – и подавно.

А Тлуман вспоминал, чтобы понять: если этот раритет оставил кто-то из догоняемой группы, то в ней могут находиться многоимённые, поскольку только у них могла сохраниться такая древность, взятая в дорогу из-за отсутствия современных, или в спешке. Но у них, как можно было предполагать из сообщений хожалых, многоимённых не должно было быть.

Но вдруг есть? Тогда... Что тогда? Появляется вариант, что это не те, за кем они идут от самого Примето. А если те, то рахма совершенно меняет значимость его погони, так как может служить правильности посещающего ему предположения: где Ольдим, то где-то там, впереди, и Свим. И кто знает, кого он ведёт за собой в этот раз? Весной у него также были женщины и дети...

Но, может быть, всё куда проще. Эта рахма пролежала здесь века, и только случай вывел крин к месту её утери в далёкие времена.

– Где ты её нашёл? Покажи!

– Вот тут она лежала, – подвёл тескомовец Тлумана к невысокой кочке, где до збуна, по всей видимости, оставался с прошлых лет клочок травы, а теперь сторевший. Тескомовец нагнулся. – Вот... отметина.

Так откровенно на поверхности рахма не могла пролежать долгие годы. Значит, потеряна недавно, до збуна, оттого и закопчилась.

Думерт в задумчивости перебросил кружок из ладони в ладонь. Сказал:

– Молодец! Пусть она пока побудет у меня, – и отвернувшись от тескомовца, крикнул остальным бойцам: – Что-нибудь нашли?

– Нет, шейн. Если что и было, то... Пепел... – Подошедший кринейтор, по-видимому, смахивал со лба пот и оставил на нём жирную чёрную полосу.

– Что ж... Собери крин. Пойдём в том же направлении, как шли. Но пусть поглядывают под ноги, вдруг что-нибудь увидят.

Присмет со скучным лицом всё это время простоял в стороне и всем своим видом показывал – я тут человек случайный, хотя вам без меня нельзя.

Глава 10

Ближе к берегу болота следы буйства недавнего збуна стали ослабевать. Верховой збун тем и отличался от фронтального, что возникал на ограниченной территории, правда, иногда охватывающий громадные площади.

Под ногами людей и путров команды Свима стали появляться островки невыгоревшей прошлогодней травы, воздух очистился от гари, стало легче дышать, что прибавило сил беглецам.

Однако оживление длилось не долго. Постепенно компактная группа разумных растянулась, разбившись на пары, тройки. Всё-таки молодые дурбы гонки не выдержали. К тому же им, ослабевшим, приходилось время от времени нести своего товарища, пострадавшего от збуна, и каждый раз принимать его под свою опеку им становилось всё труднее. Женщины, хотя их не нагружали лишней ношей, тоже выдохлись. Так что Свиму и Камрату, да и Сестерцию, всё чаще перепала очередь брать переноску Сулона на себя.

А до желанной цели – укрыться в береговых зарослях – оставалось ещё не меньше трёх-четырёх свиджей, и, несмотря на все усилия беглецов, она словно не приближалась, а постоянно маячила в отдалении.

– Надо остановиться! – догнал Свима Харан. – Лучше потерять полпраузы, чем сегодня вообще не дойти до берега.

Свим сам уже подумывал о привале, но, стиснув зубы, в

каком-то безудержном упрямстве двигался вперёд и увлекал за собой остальных. И сейчас он нёс тескомовца. Поэтому Харан как бы дал сигнал: всё, дальше издеваться, по сути, над собой, нет смысла.

– Да, – выдохнул Свим, с облегчением ставя Сулона на ноги. – Пстой!

– Стою, – неуверенно проговорил пострадавший и даже потоптался на месте, однако с завязанными глазами начал сбиваться в сторону и едва не упал, оступившись в небольшую рытвину.

Харан взял его за руку.

– А ну-ка попробуй идти со мной... Хорошо... Поднимай повыше ноги... Так, так... Дальше пойдёшь сам, а я поведу тебя. Теперь посиди. – Харан усадил Сулона и сказал Свиму: – Он может идти. Не быстро, конечно. Но мы сейчас все идём в таком темпе... Я его поведу.

– Хорошо бы, – удовлетворился Свим. К этому времени команда подтянулась к ним, и Свим мог распорядиться: – Полпраузы на отдых! К”нюша!.. Как ты?

– Ногу ударил. Даже не знаю обо что... – пожаловался хопс, но тут же поторопился пояснить: – Но идти не мешает. А что?

– Надо бы...

– Я уже думал, – хопс с полуслова понял человека. – Я пойду. Только давай выделим какой-нибудь ориентир.

Они вгляделись вдаль.

– Вон там, – неуверенно сказал Свим, – наверное, какое-то большое дерево или возвышенность на берегу... Видишь?

– Вижу... Это дерево! – К”нзец видел лучше, оттого был уверен в сказанном.

– Вот и давай к нему... Но отдохни!

– Сяду, хуже будет. Я пойду сейчас... – повернулся хопс и упёрся в Сестерция. – Чего стал?

Торн дёрнул головой, посмотрел на Жаристу, стоящую рядом с ним.

– Люди!

– Какие люди? Я – хик. Свим, скажи ему, чтобы не мешал!

Свим и сам озадаченно осмотрел торна, окутанного голубоватой аурой, и повторил вопрос хопса:

– Ты чего это встал на дороге? К”ньюша пойдёт вперёд, посмотрит. Мало ли что...

– Ему одному идти нельзя! – заявил торн и опять посмотрел на Жаристу, так ответила ему утвердительным кивком.

– Это почему же? – отступил от них К”нзец.

– Мы пойдём с тобой вместе.

– С Жаристой?

– Мы с тобой. Ты и я.

– Фу на тебя, Сестерций! И на тебя, Жариста, тоже! – перевёл дыхание Свим, подумавший уже невесть что о поведении этой невероятной парочки. – Иди, конечно. К”ньюше веселее будет.

– Да он же мне житъя не даст, наставляя, что и как надо делать! – будто бы возмутился хопс, но было видно: он не против идти с напарником.

– Ничего с тобой не будет. Идите!

Жариста помахала вслед уходящим, торну и хопсу, рукой и направилась к женщинам. А Свим, наконец, смог присесть на землю, как все члены его команды, и отдохнуть.

В дорогу поднимались нехотя. Медленно побрели за Свимом.

Сулон, ведомый Хараном за руку, крепился, но все понимали: ну, свидж, ну, другой, но нести его придётся опять...

Женщины сплотились вокруг Камрата, даже те, кто нашёл поклонников среди молодых дурбов. Но дурбы оказались ненадёжными опорами – сами едва передвигали ноги, а не то, чтобы кому-то ещё помогать.

А желанная цель достижения словно глумилась над ними: идут, идут, а она как остановилась вдалеке, так и не приближается. Во всяком случае, так виделось утомившимся людям. На самом деле, спустя пражузу, уже можно было явственно различать не только отдельно стоящие деревья, но и кустарниковые заросли и даже прорехи, почему-либо ими не освоенные.

К”нзец словно вынырнул из жухлой травы. Его личина из-за отсутствия уха и той новости, которую он нёс команде, неузнаваемо перекосилась, усы брызгами взлетали под самые его глаза.

– Свим, – в изнеможении от быстрого бега, мяукнул он. – Там люди... путры... гурт собак... оприты... много. Почти весь берег занят ими. Становятся на ночёвку.

Помянув Край, Свим оглянулся на вновь растянувшуюся в длинную цепь команду, крикнул:

– Всем пригнуться!.. Присесть!.. Не двигаться!.. – и сам припал к земле. – Сестерций?

– Он смотрит... Он сказал...

– Ну, К”ньюша, не тяни!

– Надо ждать ночи, он сказал. Он придёт и скажет, где нам лучше остановиться... Да, Свим, воды нет!

– То есть?

– Болото высохло.

– А?.. А-а... Та-ак.

Пригибаясь к траве, к Свиму подошёл Харан, следом за ним Камрат за руку с Гренией. Зливан заметил передвижку и тоже присоединился к предводителю команды. Свим и К”нмец познакомили их с возникшей у них обстановкой. Выслушав, все дружно посмотрели и оценили положение солнца на небосклоне – даже до сумерек ещё праузы две. А вокруг: травяной кочкарник, небольшие бугорки; сидя за ними, конечно, можно, спрятаться, но не видел ли кто их подхода к берегу болота?

Обменявшись междометиями, люди надолго замолчали. Да и о чём говорить? Оказались как в ловушке: то ли кто нагрянет от берега, то ли появятся над головой тескомовцы?

А в это время Сестерций неслышной тенью, как ему казалось и придавало ему гордости быть не слышным и не видимым, проскакивая от куста к кусту или таясь за деревьями, выискивал место, куда могла бы перебраться команда Свима без опаски столкнуться с кем-либо. И, наконец, ему показалось, что он нашёл такой укром, вполне подходящий для этих целей.

Небольшая банда опритов беззаботно расположилась на самой кромке недавнего берега отступивших вод болота в полусвидже от найденной Сестерцием опушки среди кустарника. Такая же малочисленная малака выроdkов, почему-то определённая К”ньцем как состоящая из псовых, заняла место невдалеке от опритов и, похоже, не собиралась исследовать округу, так как добрались сюда недавно после длительного перехода и теперь отдыхали. Севернее стоянку устроил большой отряд разумных, в нём преобладали люди, к тому же среди них много было дурбов. Они уже выставили охранение, но вблизи от стоянки, и явно готовились к ночлегу.

А здесь оказалась почти замкнутая со всех сторон кустами незанятая никем площадка. Сестерций обошёл её. Определил по солнцу время его захода и решил, что через праузу можно будет вернуться к команде, чтобы потом привести её сюда. Он даже наметил, где сегодня расположиться с Жаристой на ночь.

Оставалось только подождать, купаясь в заходящих лучах солнца, и... он прекрасно справился с заданием Свима!

Как вдруг...

Из-за ближайшего к Сестерцию куста, едва раскрывшего листья и оттого просматриваемого насквозь, раздался негромкий, но властный голос:

– Сестерций, стой!

Торн вспыхнул огненной аурой, его, недавно гармоничное и целиком подвластное ему естество, взбудораженное от несогласованности составляющих его систем, дрогнуло от внезапной смены ситуации, и Сестерций едва не упал.

– Расслабься, Сестерций! Это я!

Из-за куста вышел Малион, а с противоположного края поляны послышалось уханье Невлоя.

Пылающая аура торна пожелтела, истончилась, однако его трясло, он никак не мог восстановить согласие мыслей и движений. Его система согласования справлялась, но в ней всё-таки что-то осталось, заставляя Сестерция чувствовать незнакомый ему дискомфорт. Он возник от неожиданности, и от сознания несовершенства чувств, приведшей его к этой неожиданности. Ведь он всегда был уверен – они никогда его не подведут. Но тогда как он мог пройти и не заметить, не определить присутствия Малиона и Невлоя? Не могли же эти люди возникнуть из воздуха, а, наверное, следили за его ухищрениями оставаться незаметным постороннему глазу...

«Люди!...»

А он-то считал себя, чуть ли не бесплотной тенью, скользкой незримо по округе!

– Малион, – наконец, выдал он имя недавнего спутника, а, в действительности, руководителя команды Свима по достижению и проникновению в Примето.

– Это я, Сестерций, я! – успокоительно, словно, чтобы не вспугнуть, говорил Малион, подходя к торну. – А вот и Невлой!.. Ну, как дошли?.. Где все остальные?... Как Камрат?

Торн, чуть сбиваясь вначале, рассказал, как шли, кто за ними гонится, о появлении шара тескомовцев.

– Сейчас все в свидже отсюда, – закончил он повествование и, даже неожиданно для себя гордо вскинул свой комп, увенчанный тюрбаном и гордо заключил: – А я ищу место для ночлега команды!

– Нашёл?

– Да... Здесь.

– Что ж, можно и здесь, – окинул опушку взглядом Малион. – Невлой, как думаешь?

– Только ночлег! – быстро отозвался двейрин.

– Согласен... Сестерций, зови команду!

– Нельзя! Ещё светло. Всё видно. А тут рядом...

– Сегодня ещё не страшно, – помедлив, сказал Малион. – Зови!

Непредвиденная встреча с Малионом и Невлоем поразила знавших их по Сажанею. Она и обрадовала, и насторожила.

Малион мог знать многое из того, что оставалось неизвестным команде Свима, идущей на деле вслепую: до Дороги Страха, а там – видно будет. А Малиону, возможно, ведомы иные пути достижения Скалы – более надёжные или хотя бы безопасные.

Однако новое их появление могло грозить всей сменой устоявшихся отношений между людьми и путрами. Это одно. Другое – это серьёзное понимание самих событий после ухода из Примето. Преамбула похода к Скале с гонкой, преследованием тескомовцами, страданиями от збуна, рывком к болоту – закончилась. Пока что успешно: без потерь, стычек с кем-либо. И вот явно наступал очередной период странствия, непосредственного движения к Скале.

Лично Свим к последнему относил ещё и возможность снять себя если не всё, то часть бремени принятия решений в самой сложной части их экспедиции.

Узнав от Сестерция о Малионе, Свим вдруг подумал, что это его не удивило, так как безотчётно подозревал о подобной встрече. Раз Камрата, а с ним тех, кто был выведен с ним из-под угрозы нападения тескомовцев и бандитов на Сажане, взяли под опеку и без труда ввели в Примето, то кто-то должен появиться на их пути, чтобы опять же взять на себя заботу о Камрате и, естественно, обо всей команде.

И вот этот кто-то появился в лице Малиона. Но так и должно было быть, поскольку не надо долго знакомиться, выяснять отношения, присматриваться, ибо время не терпит,

Ни Малион, ни Невлой не выказали удивления новому внешнему виду Камрата. Лишь двейрин, обойдя вокруг бывшего мальчика, туманно высказался:

– А он получился ещё лучше, чем думалось.

Зато появление в команде дурбов, да ещё в таком количестве, явно озадачило Малиона. Он критически осмотрел людей и путров, приведённых Свимом. Вид их был плачевным. А вынужденная отсидка, полная тревоги и неопределённости, не пошла впрок: расслабились, раскисли, потеряли настроение.

Особенно это сказалось на молодых дурбах. Весёлые и жизнерадостные в дуваре Кате Кинг Кторы и по выходу из Примето, сейчас они переживали кризис, полное переосмысление дела, за которое взялись с лёгкой душой. На их лицах, недавно светившихся романтическим задором, ничего, кроме усталости и раздражения, усилившееся от нелюбимых шуток и высказываний без обиняков, обрушившихся в их адрес от Невлоя. Выведенный из себя Зливан даже пригрозил ему неприятностями, если он от них не отстанет. Но угроза, правда, отодвигалась до той поры, когда они отдохнут, поедят и придут в норму.

– Хо-хо-хо! – было ему ответом.

– Оставь их, – попросил Харан.

Он переходил от дурба к дурбу, выяснял их состояние. Всё-таки это были молодые люди, так что обещание Зливана отдохнуть, поесть, а потом стать дееспособными, могло

вполне произойти. Кроме Сулона, над дурбамми довлела элементарная усталость. Усталость не привыкших далеко и долго ходить людей, и не только ходить, а практически постоянно передвигаться беглым шагом.

Невлой сопровождал его, но от лежавшего на земле пластом Сулона, он оттеснил Харана.

– Займись пока другими. А я – этим...

– Ему нужна закалочная... И глаза...

– Разберусь! Не мешай!

Харан лишь пожал плечами, в спор вступать не оставалось сил. Но что-то в предыдущей встрече на Сажане Невлой никакого лечения над кем-либо не производил и в заботы Харана не вмешивался. А тут вдруг занялся самым проблемным дурбом. Впрочем, пусть крутится с одним, больше времени останется для других. Харан устал, подобно всем, но вида не подавал. Но вскоре отметил, что Сулон сел, а чуть позже Невлой снял с его глаз повязку.

А вот с женщинами возникали сложности. И не только из-за изнеможения, как у всех, но и внезапно возникшей между ними распри. И виной здесь выступали те же дурбы. Кого-то из них не поделили. Увещевания Гелины остались втуне. Что женщинам её слова, если с ней рядом Харан. Вон, даже Грению пристроила! Оттого женщины сидели врозь, дулись друг на друга и порой выкрикивали слабеющими головами какой-нибудь упрёк недавней подруге. Заводилой у них оказалась Иолада. Похоже, приключение на Сажане ей не

пошло впрок. Она и здесь откровенно присматривалась ко всем мужчинам, порой перебивая налаживающиеся отношения подруг.

Харан безрезультатно потоптался около них, словно в пустоту сделал несколько наставлений, как расположиться, чтобы тело отдыхало правильно, сбросить с себя остатки дневной напряжённости. На его советы они не реагировали.

К Малиону, послушать, что он скажет, подтянулись Свим и Камрат с Ольдимом. Зливана не позвали.

– Болото усохло сильно, – начал Малион.

– Всё равно его напрямую не пройти, – тут же своё мнение вставил Ольдим.

– Почему же? – выражая недоумение, спросил Малион.

– Болото оно и есть болото!

– А, ты вот о чём... Я не знаю, почему и Первый и Второй заливы моря Крапа названы болотами. Но они отнюдь не болота. Поэтому по обсышке можно пройти. Правда, не везде посуху, но пакостей обычных болот... я имею в виду трясины, нет.

– Э?.. Мы что, пойдём... напрямую? – обеспокоено оглядывая собеседников, спросил Свим.

– Будет и прямо. Но до того... – Малион помедлил. – Сейчас к Скале идут все, кому не сидится на месте.

– Знаем, – сказал Свим, а остальные подтвердили кивкам.

– Наверное, знаете. Но, думаю, не всё. Вы же шли к Дороге Страха?.. В Дикие Земли никто не пошёл...

– За нами шли тескомовцы, – напомнил Свим. – Оттого мы и свернули сюда, к болоту. У них появился шар. Здесь можно от него спрятаться.

– Не уверен... Свернув сюда, к бывшему берегу болота, вы вклинились в самую гущу охотников достичь Скалы. Идут, даже не зная, зачем это им надо и что их может ожидать в случае достижения цели. И все настроены агрессивно, все мешают друг другу, соперничают. Сколько уже схваток произошло, не счесть. Тем не менее, постепенно идёт укрупнение всех этих разрозненных ватаг, объединяются банды, хожалые, гурты и превращаются в грозную силу.

– Не пугай, – вставил Ольдим.

– Я не пугаю, – метнул Малион в его сторону укоризненный взгляд. – Я не пугаю. Но завтра сюда подойдёт такой объединённый отряд. В нём две сотни разумных. Люди составляют девять десятых. Возглавляет их некто Кемеш. Он совсем недавно...

– Кемеш!? – воскликнул Свим.

– Знаком?

– Знакомы. Правда, заочно. Кемеш вождь банды. Особенно хорошо его знает Ф"ент. Он на своей шкуре это знание испытал. Кемеш якобы связан с Тескомом.

– Не связан. Впрочем, Теском знает всех вождей и иногда с ними консолидируется для каких-то целей...

– Как на Сажане?

– Вот именно. Другое дело, что Теском иногда использует

вождей, в том числе и Кемеша, без их ведома. Но суть не в том. В его... Не буду называть, что в банде. Оприты в ней есть, но к ним примкнуло много тех, кого ведёт простой интерес, а не отнюдь вольница... Так вот, с ним идут... скажем так, Знающие. Они знают некоторые подходы к Скале. Поэтому...

– Постой, Малион! Откуда знающие? Из анналов каких-нибудь? Так Теском давно бы добрался до Скалы... Много таких знающих...

Высказываясь, Свим хотел хоть на время отвлечься от слов Малиона и подумать, надо ли его дальше слушать, а не пора ли заняться обустройством ночлега, а потом уж послушать, что Малион подготовил им новенького.

– Знающие знакомы с другими анналами, Тескому не доступными.

– Скажешь ещё... – Ольдим запнулся, но всё-таки договорил: – Скажи ещё, что это Знающие, о которых сказки рассказывают.

– Скажу... Но не сейчас. Свим прав, надо вам устроиться на ночь. Завтра придётся сняться до зари и очистить это место. Уйти, чтобы обогнать Кемеша.

– Темнишь, Малион, – заиграл гримасами Ольдим. – Наговорил тут, даже в голове шум.

– Это как слушать... Ладно, устраивайтесь, а мне надо поговорить с Камратом. Пойдём, Камрат, прогуляемся.

Камрат посмотрел на Свима, тот в ответ слегка пожал пле-

чами.

Совсем недавно Камрат обижался на то, что его называли малышом. Теперь его сбивало с толку обращение к нему как к взрослому. И он был не готов к таким вот взрослым разговорам. Будучи малышом, он каждой сказанной фразой утверждал себя, а, став взрослым, не находил своего места в возрастной иерархии и порой ощущал себя Камратом трёхмесячной давности и порывался высказать мнение того времени, но успевал останавливать себя: он уже не тот, а совершенно иной человек – взрослый, а взрослые...

Он никак не становился взрослым, и это видели другие. Особенно злословили молодые дурбы, мол, увалень на голову выше всех, а зачем его взяли в команду, не понятно.

Но с каждым днём Камрат замечал в себе перемены, пока необременительные, однако наполнявшие его какими-то, словно позабытыми, а теперь возвращающимися знаниями, стимулами к поступкам и размышлениям, желаниями...

– Да-а, темнишь, – последнее слово осталось за Ольдимом, однако как ворчание.

Оно прозвучало уже в спину Малиону, уводящего Камрата к кромке опушки. Они шли молча, пока Малион не сказал несколько витиевато:

– Поздравляю тебя с возвращением в естественное твоё состояние.

– Спасибо, – произнёс Камрат, словно в задумчивости. – Но я не знаю, а у бабки не спросил, кто и зачем меня ввели

в это... неестественное состояние?

Малион улыбнулся.

– Хороший, как говорят, вопрос. Но я оставлю его без ответа. И не потому, что я не знаю. Впрочем, знаю, да не всё. А ты об этом уже знаешь лучше меня, а, может быть, вот-вот узнаешь.

– Я не знаю, – растерянно сказал Камрат.

– Значит, узнаешь... У меня с тобой как раз о том разговор. Чего ты как будто не знаешь, но будешь знать.

Теперь непроизвольно улыбнулся Камрат.

– Темнишь, Малион.

– Нет, Камрат. В тебе заложено столько, что я могу только предполагать о твоих знаниях и возможностях... Но мне надо сказать тебе... напомнить тебе об одном из направлений этих знаний. Запомни, Камрат! Что бы ни случилось, но ты должен дойти до Скалы.

– Э-э, Малион... Что означает это: что бы ни случилось? – спросил Камрат и непроизвольно оглянулся на оставленную команду, как если бы между ним и ею возникла неодолимая стена.

Малион, по-видимому, ожидал от него подобной реакции.

– То, что ты подумал, не обязательно, – сказал он. – Но подходы к Скале могут преподнести нам такие неожиданности, о которых мы можем лишь подозревать... Во всяком случае, предварительно рассчитывать или что-либо навряд ли возможно. Тем не менее, Камрат... Калея тебя называла

Три-Бланкой?.. Вот и оставайся пока им, поскольку с этим именем связаны надежды нынешних поколений людей. Ты должен дойти до Скалы, иначе уникальная возможность этого года может отодвинуться на сотни или тысячи лет. И может быть последней. Так как будет ли тогда для кого-то вообще необходимость в Скале Перехода? Так-то, Камрат, – закончил Малион печальным голосом.

– Я... – Камрат помедлил, соображая, как и что сказать, – постараюсь... Лучше со всей командой. Но ведь дойти до неё, это не всё. Что я должен сделать на Скале? Зачем я на ней? Ради чего?.. Бабка сказала, что я буду знать. От тебя?

– Нет, Камрат. К сожалению, нет. Это знаешь ты и только ты один. И зачем, и ради чего.

– Но я не знаю! – воскликнул Камрат.

Утверждения Малиона о его всезнании стало приводить в отчаяние, поскольку он, по истине, не знал того, о чём ему говорил Малион, и чем ему следует руководствоваться в будущем.

– Ты будешь знать! И я сказал тебе всё... Правда, мне смутно, но известно, как пройти пол пути до Скалы. И это знают Знающие, что идут с Кемешем. Вот почему их надо опередить... О Знающих как-нибудь расскажу. Не сейчас.

– А что собой вообще представляет Скала, ты знаешь? – спросил Камрат в надежде хоть что-то выведать у Малиона. – О ней я столько наслушался в последнее время, что порой думаю, а надо ли нам к ней идти? А наш поход превратить

в очередную прогулку команды по Диким Землям. Посмотреть на Дорогу Смерти или Страха. Развеяться после сидения в дураках... Я вот с удовольствием...

– Ну и хорошо, что с удовольствием, – с улыбкой сказал Малион. – Но, увы, Камрат, это не прогулка. Недаром твоя бабка... Да-а... Никогда не думал, что блестящую Зариму будут называть бабкой... Это она придала вам целый отряд дурбов?

– Она. Сегодня у нас был тяжёлый день. Они выдохлись. Завтра им будет нелегко подняться и опережать Знающих.

– Не страшно. Невлой всем им к утру вернёт силы и бодрость.

– Невлой?

– Да, он! Все двойрины обладают такой способностью изначально. Возможно, это их прямое предназначение – заменять людям закалочные, и после общения с ними восстанавливаться... А теперь о Скале... О ней и вправду ходят многочисленные версии предназначения. Но с большой вероятностью на ней расположен узел связи и управления колониями землян вне Земли.

– Людьми?

– А вот об этом нет никаких сведений. Поэтому я и говорю о землянах. А кто они: люди, путры или биороботы – неизвестно. Ведь при создании колоний, а они создавались на основе немногочисленных групп переселенцев, в них входили разумные разных видов. Прошли тысячелетия. Кто выжил в

этих колониях? Вопрос, как видишь, остаётся открытым.

– Интересно... Мы, когда шли по Заповеднику Выродков, встретили кравелей. Кролики... Они убежали... Ну да, убежали от дороги Страх. На них там напали громадные птицы с вертикальным хвостом... Самаберсы. Лунные птицы. Эти птицы, говорят, прилетают к нам с других планет. Прожорливые...

– Такое мнение бытует. Но они чисто земного происхождения и живут где-то за Болотами. Бывают периоды, когда они залетают в Сампатанию и не только.

– Интересно... Земля большая. А кто на ней живёт, достоверно знают мало. Но почему?

– Добавлю. Не то что мало, а вообще ничего не знают. За пределами койны для большинства ничего нет. И знать не хотят! Люди, к сожалению, из века в век мельчают. И не только ростом, но и содержимым здесь, – Малион коснулся пальцем виска. – Оттого и забывают... Всё забывают... Давай, не будем об этом.

– Интересно... – машинально повторился Камрат.

К ним медленно приближалась Грения. Она как будто не стремилась к ним, а переходила с места на место, но каждый её шаг сокращал расстояние до Камрат. Как она не ухищрялась, Малион заметил её намерения и сказал:

– Пожалуй всё готово к ночлегу... Поговорю ещё с Хараном и Невлоем. – Напомнил: – Завтра поднимемся рано.

Стоило ему только отвернуться, как Грения оказалась ря-

дом с Камратом, ухватила за его руку, требуя внимания. Но в этот момент Камрат увидел как к их временному лагерю, едва волоча ночи от усталости, подходит Ф”ент. Язык у него вывалился, личина заострилась.

– Ф”ент пришёл... Грения!

– А?... Да, стехар.

– Что-то принёс новое... Я к нему!

– Там Свим... Он всё узнае-ет... – певуче проговорила

Грения. – Здесь так хорошо-о...

– Да. Пока хорошо, – не понял её настроения Камрат.

– Ну и пусть с ним Свим говорит! А мы...

– Грения!

Камрат с удивлением посмотрел на девушку сверху вниз и неожиданно вспомнил поведение Клоуды, когда Свиму приходилось вот так же выказывать свою досаду. И в тоне Камрата она прозвучала подобно тому, как это говорил Свим.

Глава 11

Ф”ент добрался до опушки, где расположилась команда, по её следу. Но первым, кого он увидел, оказался Малион. Вначале он его не узнал, вернее, отметил присутствие чужого человека. Запах от него стехару ничего не говорил – он так нанюхался гари за день, что до сих пор не мог восстановить свой чуткий орган, позволяющий ему безошибочно определяться в любой обстановке. Оттого, увидев Малиона,

он остановился, поджал под себя обрубок хвоста и попятился обратно в кусты, тоскливо размышляя, куда бы шмыгнуть с глаз долой человека. Он устал и нёс важную весть, а тут...

Помог Малион.

– Это я, Ф”ент... Малион. – И, зная, самолюбие выродка, проникновенно проговорил: – Мы ждём тебя. Надеемся на тебя.

– А-а?.. Малион! Ждали?! Ну, тогда...

Преображение стехара вызвало у человека если не восхищение, то уж мысль иметь бы самому такую способность. А Ф”ент словно подрост, хотя ноги у него дрожали от долгой гонки. Тощий хвост занял нормальное, горизонтальное положение, язык спрятался, и весь его вид преисполнился значительности.

– Ждали, стехар, ждали.

– Ждали? Да... Мне к Свиму! – Ф”енту хотелось сказать это деловито, но его подвёл голос, сорвавшись на скулёж.

Тем не менее, бодрясь, он направился к Свиму. Но тот уже спешил ему навстречу. Позади Ф”ента следовал Малион. Харан и Гелина тоже торопились узнать новости. К нему, как к некому притягательному центру, потянулись Ольдим, Зливан, Сестерций, сопровождаемый Жаристой. А вот и Камрат...

Как он был нужен всем им! И не кому-то там, а людям! Пусть видят все, каков он – стехар и непревзойдённый разведчик!

Каждый шаг, каждое новое движение вливали в него бодрость. Вот он каков, стехар Ф"ент из клана капов!

– Ну, выкладывай! – вырвал его Свим из погружения в заоблачную грёзу, где всё во имя его, всё вращается вокруг него, где ничего не делается без него.

Язык выпал – не удержать. Хвост дёрнулся вниз. Ноги перестали держать, Ф"ент припал к траве.

Взлаивая и скуля, он всё-таки подробно поведал обступившим его людям, что тескомовцы явно потеряли их след и продолжают двигаться по прежнему направлению, а шар упал на землю.

– Как он может упасть? – спросил Сестерций и, со знанием дела, добавил: – Если бы он мог падать, мы со Свимом... Он может только летать, а не падать!

– Збун! – задав несколько наводящих вопросов стехару, предположил Малион. – Получил пробоину, спустил... Это нам на руку.

– Если спустил, то может ещё подняться, – сказал Ольдим.

– Наверное. Но день у нас будет свободен от риска нападения сверху. А тескомовцы вскоре поймут, что идут не туда, и повернут к берегу. На это тоже уйдёт время. Так что будет возможность... – Малион умолчал, что он понимал под этой возможностью, а заговорил о другом: – Свим, перед сном собери команду и назначь тех или того, кто завтра может уйти вперёд. Им предстоит серьёзная задача...

– Пойдут Ф"ент и Сестерций! – тут же определил Свим,

решивший до поры не говорить Ф"енту о Кемеше и услать его вперёд подальше от бывшего хозяина.

Малион, да и остальные удивились поспешности предводителя команды в выборе разведчиков. А потрясённый Ф"ент лишь сдавленно тьякнул: – Я? после чего совсем ослабел, распластался брюхом по земле, вытянул шею, голову положил на лапины и прикрыл глаза, всем своим видом показывая: сил у него не осталось, и рассчитывать на него безнадёжно.

– Хорошо, – сказал Малион. – Наверное, стехару это удастся сделать лучше всех.

– Собака почти сдохла, – заметил К"ннец, до глубины души уязвлённый выбором Свима. – Куда ей ещё бежать?.. Не может Ф"ент быть везде. Набегался сегодня... Вы только посмотрите на него.

– Дело поправимое, – сказал Малион. – Невлой! – позвал он напарника, занятого в этот момент недомоганиями у женщин. – Подойди к нам!.. Завтра стехар уйдёт в поиск... Да, он. Надо его подготовить... Думаю, на весь день с полной отдачей.

– Ага! – Невлой наклонился и за загривок приподнял Ф"ента, безвольной тряпкой повисшей в его руке. – Он сильно устал... Да уж... Я сделаю.

– Теперь поговорим о тылах. Там задача несколько проще. Впрочем, всё зависит не только от нас, и неизвестно как всё сложится и там. Свим, кто? – продолжил выяснять Малион.

– К”ньюша и кто-нибудь из путров для связи.

Малион кивнул в знак согласия.

– Да, для связи... У Ф”ента что-либо сообщать нам времени не будет, а Сестерций, извини... для целей связи с командой не подходит. Слишком заметен, а впереди у нас много глаз... Я поговорю о том с самим Ф”ентом. Итак, К”нзец. Ты пойдёшь почти сразу за командой. Максимум отставания – свидж... Четверть праузы... Не более того. Смотреть, не нагоняет ли кто нас. Особенно из отряда Кемеша... Вот, пожалуй, и вся задача. Но ты должен завтра к полудню догнать нас и дальше идти с нами, пока... Впрочем, завтра видно будет. А сейчас подбери себе, кто будет от тебя с командой на связи.

К”нзец, всё ещё обиженный решением Свима, без охоты воспринял распоряжение Малиона о подборе связника, так как ни с кем не хотел иметь дело. Однако желание – одно, а кого-то на связи с командой надо иметь. Не бегать же самому туда-сюда. Да и что увидишь при такой беготне?

Он направился к небольшому кружку путров. Конечно, передраги прошедшего дня сказались и на них: кто-то сбил ноги, у кого-то сторела шёрстка, но по сравнению с людьми выродки выглядели куда свежее.

Хопс без интереса осмотрел их, но никого не видел в своих напарниках. Разве что Х”вьюся? Она только что вернулась от Ф”ента, прогнанная от него Невлоем. Х”вьюся первой обратила на него внимание.

– Ты чего, кошка, бродишь как потерянный?

– К тебе пришёл, собака, – не остался в долгу К”нзец, возмущаясь такой фамильярностью со стороны новой спутницы: уже нахваталась от Ф”ента грубостей, а вначале притворялась такой... собачкой.

– Ко мне?

– К тебе, собака... Завтра я буду прикрывать тылы команды, когда она двинется дальше, – чуть повышенным голосом и с чувством собственной значимости сказал хопс. Выждал паузу, чтобы до всех дошло, в том числе и до этой собаки, какая честь ему доверена. – Мне нужен кто-то для связи с командой, чтобы Свиму знать о происходящем позади команды... Ты, собака, можешь...

– А Ф”ент? – с беспокойством спросила Х”вюся.

Они оба непроизвольно посмотрели туда, где Ф”ент, едва держась на ногах и раскачиваясь из стороны в сторону, стоял перед Невлоем, сидящим перед ним на земле.

– У него своя задача на завтра, – с долей пренебрежения сказал К”нзец. – Сама видишь, какой он... Ещё неизвестно...

– Да, – проскулила Х”вюся. – Ему сегодня досталось. Свиджей сорок пробежал.

– Наверное...

К”нзecu вдруг стало жалко стехара. Ведь столько сил он отдал, чтобы принести благоприятную для команды новость. Бежал по гари... Таился, выслеживая... Да. Но и он с Се-

стерцием тоже не дремали: и бегали, и таились, и нужные сведения приносили... Да что говорить, сегодня всем было нелегко.

– Когда выходим, – решительно спросила Х”вьюся.

– Мы не выходим пока. Мы вначале остаёмся здесь, после того, как уйдёт команда.

Хопс повторял наставления Малиона, всё время подчёркивая, что Х”вьюсе отводится только роль вестницы между ним и командой в лице Свима и Малиона.

Заботами Невлоя и Харана молодые дурбы почувствовали себя бодрее. Не все, но большая часть их оживилась, слышался смех, оттого воспряли и женщины, началась игра в переглядки. С Сулона сняли повязку, и Харан нашёл улучшение в его состоянии, а сам дурб стал даже утверждать, что уже неплохо видит.

Ужин ещё больше укрепил силы людей.

А к наступлению темноты Ф”ент без помощи двейрина сам подошёл к Малиону.

– Молодец, стехар. Но с тобой мы побеседуем чуть позже. Вначале я поговорю с командой.

Свиму пришлось потратить много времени, пока вокруг небольшого костра собралась, наконец, вся команда. Но в ней не ощущалась общность, так как у каждого находилось что-то своё, не связанное со всеми.

Камрат словно не замечал времен и суеты, развернувшейся вокруг него. Он не чувствовал усталости. А руководить

командой и принимать решения в его задачу не входило. Ему было хорошо с Гренией и Думарой. Мимо него скользили замечания Гелины о ненужности их громкого смеха, и ревнивые взгляды женщин. Лишь разговор с Малионом и появление Ф"ента отвлекли его на некоторое время.

Уверенность Малиона в заложенных в нём знаниях, которые проявятся, когда это будет надо, вселяли надежду, что намёки того же Малиона о возможном выходе к Скале ему одному, так и останутся намёками, и вся команда в целости войдёт или взойдёт на Скалу вместе с ним.

Впрочем, видя смеющиеся лица девушек, Камрат нет-нет на мгновение цепенел, словно они вдруг исчезали, и вокруг появлялась пустота...

У Ольдима зрела новая каманама, однако, кроме первых двух-трёх строк, да и тех, чему не радовался бывший фунда- ренец: «Бежим, сидим, а проку нет...» дело не продвигалось. Он сидел на отшибе ото всех и тоскливо повторял про себя это пресловутое начало каманамы: «Бежим, сидим...»

Появление Малиона, знавшего невесть откуда всю его подноготную, в том числе и настоящий нэм, не то что ему не пришлось по душе, поскольку тот обладал нужными для команды сведениями, но как бы умалял престиж его, Ольдима перед молодыми дурбами. В их среде своей выносливостью к тяготам дороги и ядовитыми замечаниями в их адрес, он, в конце концов, завоевал, какой ни есть, а авторитет. Малион же мог одной только фразой внести недоверие к нему. И эта

фраза могла вырваться у Малиона, пожалуй, лишь по вине его самого, если ему вдумается наставлять молодых дурбов или говорить о себе в превосходной степени.

– Бежим, сидим...

Для молодых дурбов Малион оказался непонятной личностью, вокруг которой вдруг стали совершаться какие-то действия со стороны Свима, Харана и Ольдима. Зато Невлоей, всем своим видом источавший силу, знающий как помочь им, несмотря на въедливые высказывания, был воспринят безоговорочно. И поскольку Свим, похоже, не собирался о чём-либо говорить, а предоставлял это сделать Малиону, то молодые дурбы без охоты собрались вокруг костра.

Малион вначале был краток.

– Если мы хотим опередить всех, а впереди и позади нас идут туда же, куда и мы, то... – он окинул взглядом команду, будто удостовераясь, слышат ли его, – завтра ранний подъём. Идём быстро! Ни с кем в контакт не вступать! Тем более в стычки.

– А что плохого? – слышалось со стороны молодых дурбов. – Разомнёмся.

– Да уж, – поддержали сказавшего. – А то бежим и бежим.

– Это нас может задержать. А задерживаться нам нельзя, – терпеливо пояснил Малион и собирался ещё что-то сказать, но молодые дурбы, приведённые Невлоем в боевое настроение, не дали ему договорить.

– Да он сам-то без меча, – слышался насмешливый го-

лос. – Вот и решил, что бы кто его не обидел.

– Он чистит нас под себя! – выкрикнул дурб, сидящий в центре группы. – Боится!

– Ха-ха!

– Ты бы, Припа, помолчал бы! – сухо бросил Малион и тем оборвал смех.

Никто не ожидал, во всяком случае, молодые дурбы, что Малион знал имя одного из них. Они с удивлением переглянулись. А те, кто уже общался с Малионом, лишь насторожились, ожидая продолжения перепалки. Свим недовольно засопел, соображая, надо ли ему вмешаться? Хотя ему было не до того.

– Это почему же? – вскинулся Припа. – Сам бы молчал!

– Потому что знаю, как ты можешь говорить и как вести себя в схватке... Болтун!

– Ну, ты, полегче! – возмутился дурб и стал привставать, рука его опустилась на рукоятку меча.

– Или ты забыл Синту?

– Что? – Припа, как подрубленный, вновь оказался на земле.

– А то! Не можешь, так помолчи! – прикрикнул Малион с несвойственной для него резкостью.

Ольдим отвернулся: Малион знал всю подноготную не только его, а, наверное, каждого из этих дурбов. Отвернулся, чтобы не видеть возбуждённых лиц молодых людей, задетых Малионом за живое и готовых вступить за честь своего то-

варища. То-то ещё будет! Не только бежим, сидим...

– Ты... Как там тебя? – поднялся дурб, сидевший рядом с Припой. – Мы не привыкли, когда нас кто-то...

– Ты бы, Сатрех... Ты же так назвался?.. Так вот ты тоже мог бы помолчать, чтобы я тебе не напомнил Ингу. Или забыл его?.. Здесь, среди дурбов по-настоящему только три бойца. Это Свим, Ольдим и Камрат. Вернее, по умению, в обратном порядке. То есть Камрат, Ольдим, Свим. Вы же пока – ученики. А впереди и позади нас могут быть опытные бойцы. И если кто-то из вас влезет в драку, мы можем вам не успеть прийти на помощь.

Пока говорил Малион, Сатрех наливался гневом.

– Да кто ты такой? – выкрикнул он. – Что бы нас, дурбов, учить? Сам бы мог...

– Помолчи!.. Знал бы твой дед, что потомок его так будет принимать советы старших, как это делаешь ты, он бы подумал, нужен ли ты ему?

– Ты моего деда не трогай! Мой дед не тебе чета! Он...

– Назвать его нэм?.. Нэм твоего деда? Чтобы ты помолчал?

Сатрех воровато огляделся.

– Н-не надо... Но мой дед... Он умер двести уже... сорок лет назад, – растерянно проговорил дурб, но вскинув голову, посмотрел на Малиона вызывающе. – Двести сорок лет, а ты... Вспомнил моего деда! Нашёл кого вспомнить! Ты ещё вспомни...

– Да... Наверное, уже... Он был моим учеником... – Малион поперхнулся, словно сказал лишнее.

Его оговорка или намеренное воспоминание подействовало на дурбов ошеломляюще. С их лиц исчезло насмешливое настроение, и замерли негодующие голоса. Сатрех как открыл широко глаза, так и стоял в онемении, не моргая.

Ольдим, сам недавно попавший со своими притязаниями к Малиону в такую же ситуацию, только гримасничал и качал головой.

Возможно, лишь Свим, занятый мыслями о предстоящем по утру раннем подъёме команды и необходимости сразу сниматься смета, да Камрат, стиснутый с двух сторон Гренией и Думарой, без видимых треволнений отозвались на стычку Малиона с молодыми дурбами и финальной её части.

Харан, прикинув к уху Гелины, сказал:

– Чем больше я наблюдаю за Малионом и слушаю его, тем больше убеждаюсь, что он не из нашего мира.

– А откуда? – повернула к нему удивлённое лицо канила. – Разве есть другие миры?

Харан открыто улыбнулся.

– На Земле, думаю, много мест, к нашему миру не имеющих отношения... Я имею в виду тот мир, к которому мы с тобой привыкли, в котором живём и знаем его. Но вот, например, Пустыня Снов или Суремные горы... А что располагается за Болотами? Мрак для нас...

– И Малион откуда-то оттуда?

– Быть может... И он называет себя Проводником. Слышала о таких?

– Да... Но это же в сказках говорят о Проводниках.

– Ой, Гелина! В этом году я насмотрелся на все эти сказочные персонажи. Один Камрат чего стоит... А Шельма? Или вот Невлой. И идём мы ни куда-нибудь, а к Скале Перехода.

– Ты прав, милый. Я тоже иногда думаю, что попала в сказку... С тобой...

– Сдаётся мне, мы ещё не в сказке, а в присказке. Что-то ещё будет. И мы с тобой, по всему, играем какую-то роль в будущих событиях, также как и все здесь, собранные в команду Свима...

– Ещё раз повторяю! – повысил голос Малион, предварительно махнув рукой Сатреху, чтобы он сел. – Никого не трогать, ни с кем не вступать в контакт! Наша цель до полудня пройти почти двадцать свиджей... если не больше. И вот ещё что... – Малион выждал паузу, насторожив тех, кто слушал его наставления в пол уха. – Я знаю, что кое-кто из вас, – он обращался к молодым дурбам, – разочаровались и достижение Скалы считает делом несбыточным...

– И откуда он всё знает? – раздался возмущённый голос, но подавший его, тут же стушевался, как только в его сторону Малион бросил, казалось, всё пронзающий взгляд.

– Кто так думает, тому лучше уйти из команды, чтобы не мешать ей и освободить себя от обузы находиться в ней...

Свим, я сказал всё.

– Мне сказать нечего, – проговорил Свим.

Что ни думай, а неожиданное, хотя и предполагаемое, появление Малиона до сих пор повергало Свима в растерянность. Ну что он может добавить к его словам? Только, может быть, распорядиться, мол, пора спать, чтобы завтра быть готовыми следовать за Малионом? Но и это тоже будет повторением уже сказанного.

Малион же кивнул и поманил к себе Ф”ента.

– Пойдём, стехар, поговорим.

Ф”ент поражался самому себе. Ведь ещё праузу тому назад он готов был «отбросить хвост», как говорили в его клане капов, «упасть к подножью Талисмана», чтобы стать его Хранителем, пока к нему на смену не придёт другой кап из мира живых, чтобы освободить его. Но вот он трусит за Малионом, словно не было у него сегодня за спиной десятков свиджей пробежки, и какой! Через дым и гарь, таясь и замечая следы...

Однако призыв Малиона не радовал Ф”ента. Конечно, без него команда обойтись не может. Это непреложный факт, и он наполнял стехара возвышенными чувствами к своей особе, придавал силы. Но впереди опять десятки свиджей, одолеть которые опять же придётся в спешке, так же таясь и замечая следы.

Малион остановился у окраины опушки. Быстро темнело, и глаза Ф”ента засветились как угольки в погасшем костре.

– Разговор у нас с тобой, стехар, будет серьёзный. Успех команды во многом будет зависеть от тебя.

– Авво! – невольно проскулил Ф”ент, ещё больше раздираемый двояким чувством: вот он каков, без него команда лишнего шага сделать не может, но – опять ответственность за порученное дело, дело на истощение всех сил.

– Итак... Говорю тебе о том, чего никто ещё не знает. Где-то впереди к Дороге Страха, если следовать по берегу Болота, есть... вернее когда-то была другая дорога, ведущая к Скале.

– Авво! – Ф”ент уже стал догадываться, о чём его будет просить сделать Малион, и готовил контраргументы.

– Да, стехар. До сего времени эта дорога пребывала под водой, и о ней за многими годами позабыли. Предали забвению. Но вот Болото высыхает, отступив от своего естественного берега в этой его части уже на многие свиджи...

– Как отступило? Куда отступил? – всполошился Ф”ент. – А мы тогда где?

– А-а... Ты ещё не видел. Дно Болота осушилось, так что там, – Малион махнул рукой, показав на обрамлявшие недавний берег кусты, – голое пространство. Вода ушла далеко. Так вот, где-то в пятнадцати а, может быть, двадцати свиджах от нас впереди находится, и сейчас показалась из воды эта всеми забытая дорога. Тебе надо её найти!

– Но... Мы же можем её найти все вместе. Это надёжнее, чем, если я буду её искать один. Я же даже не представляю,

как она выглядит.

– Возможно. Эта дорога, конечно, могла покрыться илом и зарости.

– Я и говорю!

– Не торопись, стехар. Твоя задача не только найти дорогу, но проверить подступы к ней.

– Зачем? Если найду.

– Сам сообрази. Если команда свернёт на дорогу, то оставит следы. Мы будем стараться, чтобы как-то их замести, но нас много. А по нашему следу могут пойти другие. Раз кто-то прошёл, то почему не пойти и им?

– А что я могу?

– О том и речь. Тебе надо найти подходы к этой дороге и проверить окольный путь выхода на неё. А точнее, надо, во-первых, обеспечить возможность не оставлять видимых следов. Лучше по сохранённым ещё под водой местам. Во-вторых, найти, где повернуть в сторону от берега, чтобы не поворачивать на самой дороге. И, в-третьих, посмотреть, где можно выйти на дорогу в свиджах двух-трёх от её начала на берегу. Вот почему и разговор с тобой. Сам понимаешь, искать всей командой, только истоптать весь берег.

– Авво! Всё по воде?

– Хотелось бы, стехар. Но не по грязи. На ней следы слишком заметны. И как она выглядит? Дорогу, наверное, заметить трудно. Но её можно будет определить по неглубокой ложбинке, прямолинейно уходящей в сторону Болота. Наде-

юсь на твой острый взгляд... Что ещё?

– Связь с вами?

– Да, связь. Воспользуемся маячком Сестерция. Он у него не очень надёжен, но работает. А к тому же от тебя отстанем не намного. Ты должен быть впереди один.

– Можно взять Х”вьюсю. Она быстро бегает.

– Нет, стехар. Она будет обеспечивать связь с тыла. – Малион помолчал, раздумывая, надо ли сказать Ф”енту о Кемеше? Но, так же как и Свим, решил – не стоит. – Ты ещё пообщайся с Невлоем. Он поговорит с тобой, лучше подготовит. У тебя, стехар, завтра трудный день... Да?

– Если маяк Сестерция ненадёжен, я его брать не буду. Да и пока он будет объяснять, как им пользоваться, у него времени много займёт. Я лучше посплю.

– М-да... Связь... Хорошо, если бы ты просто встретил нас...

– Тогда знак какой-нибудь выставить?

– Какой?

– Палками. У нас в клане иногда помечали, куда свернуть при перекочёвке.

– Ладно. На крайний случай.

Они договорились о виде знака. К ним подошёл Невлой. На безмолвный вопрос Малиона отозвался приглушённым голосом:

– Пожалуй, трое уйдут из команды точно. Подговаривают других.

– Вот и хорошо. Их – в дору! И пусть уходят сейчас. Потом займись ещё стехаром.

Мало кто из команды видел, как в наступившей темноте три расплывчатые фигуры дурбов скользнули в кустарник и направились в Дикие Земли. Завтра они придут в себя, осознают своё положение, и будут искать выход – куда им податься? А сейчас они спешно удалялись от берега Болота. Но чуть позже за ними последовала ещё одна тень...

Ф”ент лежал напротив Х”вюси. Он уже знал, что она пойдёт с К”ньшецем. Вначале Х”вюся оправдывалась, мол, не знала, сможет ли стехар завтра даже только осилить дорогу от сегодняшней усталости. Но Ф”ент одобрил выбор хопса.

– Кошка не раз бывал в разведке, знает в том толк, поэтому недаром выбрал тебя. Ты справишься... Мы все справимся.

– А как же ты?

– Пойду впереди...

– Ах! Как я благодарна Ч”юмте! Она познакомила меня с тобой! Бесстрашным и таким... милым.

– Спи, Х”вюся!..

Они лежали и советовали друг другу спать, но ещё долго то он, то она отзывались на звуки постепенно затихающего лагеря команды.

Камрат дремал в обнимку с Гренией и Думарой. И грезил наяву.

Грёзы донимали его. В них вспыхивали какие-то образы,

события, в них как будто участвовал и он, наставления неизвестно от кого, что делать и как поступить в той или иной ситуации, но совершенно не связанные между собой, а оттого непонятные. А когда он открывал глаза и видел себя в кругу людей и путров, всё это не забывалось, а словно бы укладывалось в сознании в некоторый перечень нужных знаний и сведений. Они не мешали Камрату, однако, нет-нет, что-то подсказывало ему: здесь надо поступить именно так, а не иначе. Вот почему его кажущаяся беззаботность так поражала спутников, особенно молодых дурбов. А он знал: так он и должен вести себя до поры до времени, хотя где и когда наступит эта пора, оставалась для него в неведении.

Вот и в эту ночь...

Завал каких-то ломаных конструкций, их не обойти. Но надо... И как можно быстрее, ибо что-то угрожает. Не ему, а тем, кто с ним. Но если... Да, пройти можно, если...

Камрат вздрогнул, Грения поменяла позу, что-то буркнула во сне.

Завал... Но пройти можно. Только всем ли, кто с ним или?.. Он один... нет, с кем-то протискивается в узкую щель, поднимается вверх, цепляясь за переплетение балок, перетяжек, штырей. И как это делать, показывает тот, кто идёт с ним... Спуск. Впереди тёмный, сжатый уходящими в небо стенами, коридор, в конце его – свет дня... За ним идут все, но ему надо вернуться. Зачем?...

Опять переплетение конструкций... Металл... Но пра-

вильно ли он идёт?..

Где-то стукнуло, раздались голоса, Камрат из-за полу прикрытых век посмотрел вокруг.

И – всё сначала...

Невлой раз за разом обходил опушку, занятую под ночлеги командой Свима. Его стараниями завтра люди смогут выдержать нелёгкую дорогу, предсказанную Малионом. К сожалению ни он, ни сам Невлой не могли всё знать. Всё знает лишь Камрат, но знания его ещё не открылись в нём. Успеют ли?..

Х”вьюся негромко тьякнула, и Невлой насторожился. Кто-то через кусты выходил на опушку. И кто-то знакомый. Пока двейрин последовательно искал в памяти признаки, характерные позднему гостю, разбуженная Р”япра уже знала кто это.

Вот так же случилось на Сажанее. Они слышали характерный перестук частых шагов. Это же – К”ньяна!

– К”ньяна! – позвала она и услышала в ответ радостное мяуканье.

Соплеменница К”ньянца уже не чаяла найти команду. Она почти сразу вышла из Примето за нею, но уже через день потеряла их следы, сбитая тескомовцами, гуртами и малаками, наводнившими округу. Потеряв ориентировку, вышла к берегу Болота и по ночам кралась вдоль него, чтобы не вступать в контакт с теми, кто так же, как и она, шли к дороге Страха. А то, что Свим повёл команду как раз к этой дороге, она знала и надеялась где-то там встретиться с нею.

Сегодня вечером, притаившись в густом обрамлении кустов, ей показалось, что ветер волнами доносит до неё волнующе знакомые запахи. Она уже так давно надеялась на нечто подобное, оттого вначале не поверила своему чутью – всё могло лишь только показаться, мало ли запахов витает вокруг. Но раз за разом её обострённого обоняния касались, хотя и слабые, зато устойчивые запахи.

И она не ошиблась.

Путры её накормили и ввели в курс событий. Подошедший Невлой бегло осмотрел, в каком она состоянии, и, несмотря на некоторую истощённость, нашёл её способной выдержать завтрашний бросок команды к цели, поставленной Малионом.

В лагере установилась тишина. Догорали костры.

– Завтра многое решится, – сказал Малион Невлою и вздохнул. – Но встреча состоялась вовремя. Это обнадеживает, да и Камрат... пусть он будет для нас Камратом. Привык уже. Он, по-моему, готов.

– Да, – глухо отозвался двейрин. – Но я чувствую недостающее звено. В команде есть ещё лишние, но и кого-то не хватает. Появление К”ньяны убавило недостающее, но не намного.

– Но кто? Я ведь тоже чувствую недобор, и основательный.

– Да.

Невлой тихо подошёл к Ф”енту и положил свою широкую

ладонь на его голову.

– Пора, стехар, – мягко произнёс он. – Ты готов.

Ф”ент едва ли ни минтом проснувшийся до того, от прикосновения двейрина почувствовал блаженство вскипающей в нём энергии, требующей выброса. Он поднялся и, пританцовывая от нетерпения броситься в бег, сказал лающе:

– Авво!.. Я готов!

– Подойди к Малиону.

Ф”ент подбежал к Проводнику. Свим сидел рядом. Он не выспался, ночь ещё длилась, так что Ф”ента он заметил в тусклом свете угасающего костра лишь, когда Малион сказал:

– Ты, стехар можешь! Отправляйся в дорогу! Не забудь взять еду.

– Авво! – Ф”ент забыл о еде.

– Мы надеемся на тебя, – невнятно проговорил Свим.

Задание Малиона стехару Свим считал трудновыполнимым, а вернее, невыполнимым, если учесть не только древность дороги и её скрытость, но и поиск обходных путей к ней.

– Я постараюсь! Я побежал!

– Иди, стехар! – напутствовал его Малион, и Свиму: – Поднимай команду! Через полпраузы надо выходить.

– Да, да, – стал тяжело подниматься Свим...

Ф”ент бежал, не ощущая усталости бывшим берегом Болота Второго. Слева тянулись с небольшими прорехами за-

росли кустарника. В них и за ними порой доносились в виде запахов, а то и звуков или как огоньки костров знаки присутствия разумных – людей и выроdkов. В одном месте сквозь листву просвечивалось пламя большого костра, и доносился гвалт выясняющих между собой отношения большого скопления людей.

Перепрыгнув через очередной неширокий бочаг, оставшийся от ушедших вод, Ф”ент наткнулся на трупы путра из оленей и совершенно голого человека, рядом с которыми копошились любители полакомиться неожиданным подарком не то от людей, не то от выроdkов, а, может быть, от тех и других сразу. Куснув одного из них, ставшего на пути, стехар помчался дальше.

Светлело. Кусты из тёмного сплошного контура превращались в зеленеющие и обособленные друг от друга образования. Ушедшая вода открывала слегка увалистое дно Болота, слившееся с мутным небом на горизонте. Лужи, бочаги, узкие протоки стекающей воды блёстками покрывали всё видимое пространство. В них билась живность, не успевшая вслед за усыхающим Болотом.

Стехар бежал. Впереди оставалось ещё не меньше двух третей пути...

Глава 12

К”нзец, проведший ночь вблизи Свима, направился к ме-

сту, где расположились путры, и обомлел, увидев К”ньяну. Его похудевшая и асимметричная из-за отрубленного уха личина вдруг округлилась, усы встопорщились, глаза сузились, хвост приподнялся. Он уже не надеялся когда-либо увидеть соплеменницу. Судьба изменчива. Живя с людьми, он уяснил эту проверенную веками истину, тем более что ему не сиделось на месте ни в родном клане, ни где-нибудь в городе при хабулине многоимённого.

А зыбкость настроения молодых дурбов, обсуждавших между собой во всеуслышание предпринятый ими поход к Скале, не осталась секретом для путров, в том числе и К”ньюца, во всяком случае, при вырождаках они не стеснялись выражать свои мысли.

Конечно, он, как и Свим, считал такие разговоры неизбежными. Дурбы – есть дурбы. Они вольны в своих суждениях. А тут, с появлением Малиона, наставление: иди, ни к кому не приставай, тем более не вступай в стычки. Но тогда зачем дурбу меч? Чтобы лишь, красуясь, висеть в ножнах, а не для прямого его употребления? Сколько им Кате Кинг Ктора, позвав, наговорил о превратностях дороги к Скале! Кровь играла! И вот теперь придётся где-то бесславно сложить голову, не показав себя, не обнажив меча против тех, кто стоит у них на дороге к цели, а от збуна, нападения шаров тескомовцев, да мало ли что может ожидать их в Диких Землях, на дороге Страха, на самой Скале!

Да, разговоры неизбежны, и к ним можно не прислуши-

ваться и не примерять их на себя. Однако поиск Скалы всегда оканчивался для искателей, и о том все знали, плачевно: коль скоро один из пятидесяти смельчаков возвращался целым и невредимым, это уже почиталось чудом.

Вот отчего К”нзец, уйдя с командой, исподволь простился со всеми теми, кого знал, в том числе и с К”ньяной, и о встрече с ней не помышлял, считая её потерянной для себя навсегда. А тут такой подарок!

Впрочем, подарок ему, К”нзецу, а кто он опять ей будет: лишь соплеменником или просто товарищем по команде?

Но сегодня, наверное, для К”нзеца начинался необычный день.

К”ньяна, встала, мурлыча, подошла к нему, неподвижному и безвольному, приложила голову к его шее и сказала:

– Как я рада, что нашла тебя!

Сказать, что эти мгновения для К”нзеца стали самыми лучшими, счастливыми в его жизни – ничего не сказать. Кровь в его жилах замедлила свой бег, сердце как будто расплавилось в ожидании сладостных импульсов от каждой клетки его существа. Он замурлыкал, и не удивился тому, хотя уже думал, что забыл, как это делается. Зато мышцы обретали упругость, и если бы сейчас кто-то, да пусть сам тотем клана хиков, посмел бы прикоснуться к К”ньяне, ему не поздоровилось бы. Он готов был защищать её ото всего мира...

– К”нзец! – наконец, пробился к нему из далёкого далека

лающий голос Х"вюси. – Они уходят! Тебя зовёт Свим!

К"ньяна отпрянула от него.

– Я горжусь тобой! – сказала она.

Хопс с силой тряхнул головой: нет, это не может быть!

Но это случилось!

Свим сам направился к К"ньяцу. Он только что узнал об уходе части молодых дурбов из команды, был взвинчен с утра и решил прикрикнуть на хопса за его невнимательность. Но, подойдя ближе, увидел К"ньяну и, зная непростые отношения между хиками, смягчился, кивнул ей.

– Прости, К"ньяна, но у К"ньяуши серьёзное задание. Он и Х"вюся...

– Я уже знаю, Свим. Он справится! Ты же знаешь его! Он всё сможет...

У Свима от взволнованных слов К"ньяны удивлённо поднялись брови, уж очень они не были похожи на те, что он слышал от неё до того. Да и вообще, как он помнил, К"ньяна не отличалась ни многословием, ни теплотой в голосе.

– Я рад, что ты так хорошо думаешь о нём, – сказал он, не до конца, правда, ещё понимая, только что произошедшее здесь. – Но... Ты идёшь с нами?

– Она идёт со всеми, – поспешил ответить за подругу К"ньяец.

– Тогда... К"ньяна, у меня с ним разговор, а ты иди, присоединяйся к остальным.

К"ньяна махнула лапиной, К"ньяец подался за ней, вдруг

позабыв обо всём. Свиму с трудом удержал его на месте.

– Женщины и путры идут ближе к Болоту! – распоряжался Свим. – Впереди Малион. Передним в берметах ста Р”япра. Со стороны кустов пойду я. За мной Ольдим и Сестерций. Замыкают – Камрат и Невлой. Зливан, ты расположи своих дурбов цепочкой между теми, кого я назвал... Харан, ты в центре! Гелина и вы, уважаемые, в толпу не сбиваться. Идите друг за другом. То же касается путров... Малион, выходим?

– Пора. Пока темно, протяните руки, чтобы не растягиваться в дороге и не потерять впереди идущего. И, прошу, идите молча! Выходим к берегу, там чуть светлее. Невлой, пройдишь здесь...

– Нужно сделано, – отозвался из темноты двейрин, – остальное – после вас.

– Выходим!

Спотыкаясь и натываясь друг на друга, люди и путры выбрались через кусты на открытое пространство, недавно бывшего берега отступившего Болота. Светлее, вопреки мнению Малиона, не стало, но здесь под ногами не путалась трава, не мешали сучки, не торчали корни растений и пеньки, а в виде пляжа скопился приборный песок, так что можно было идти по относительно ровному пути. Правда, очень уж узкому. По нему в иных местах идти двоим плечо к плечу и то тесно. А чуть в сторону – либо кусты, либо лужи, ямы и промоины с водой.

– Свим, – Зливан догнал и тронул за руку предводителя команды. – У меня...

– Что?

– У нас потери. Нет троих моих...

– Знаю уже. Сбежали! Кто?

– Да, сбежали... Сатрех, Припа и Туркен.

– А-а, болтуны, эти двое... – Третьего Свим не припомнил, не успел со всеми молодыми дурбами познакомиться накоротке. – Малион предполагал... Но это их дело, лишь бы они... Да уж... Разнесут о нас, когда придут в себя... Край с ними, Зливан! Не переживай! Так, наверное, и должно быть.

Не успел Свим отбросить мысли о дезертирах, как его догнал Харан с известием:

– Где-то потерялась Иолада.

– Мутные звёзды! Мало, что сами сбежали, так и её прихватил. И это хуже.

– Кто... прихватили?

Свим сказал ему о беглецах. Харан только хмыкнул с досады.

Но о дурбах, как знал Свим, Невлой озаботился. А вот Иолада, прошедшая с ними весной от руин до Сажанея и Примето, могла стать свидетельницей о команде перед тем же Кемешем или тескомовцами, да перед кем угодно. Она знала многое и о нём самом, и о Камрате с Гелиной и Гренией, да и о Малионе с Невлоем.

Малион, не сбавляя скорости хода, выслушал опасения

Свима.

– Если она ушла с дурбами, то от неё нам никакого вреда. Ни с Кемешем, ни с тескомовцами, что шли по вашим следам, они не встретятся. Появиться Х”вьюся, передай К”ньшецу, пусть посмотрит. Она могла просто заблудиться и случайно отстать. Темно всё-таки. И... Костёр! Видишь, прямо на берегу... Передай, пусть подтянутся... А женщины помолчат. Никак не угомонятся!

Ближе стало видно, что горел один костёр, но вокруг тлели угли ещё нескольких. И миновать их можно было, только значительно отступив в береговые заросли, где команда могла растеряться в темноте и к тому же сильно на шуметь, а податься вглубь дна недавнего болота мешала широкая бухта или озеро, отсвечивающей в пламени костра воды.

Ситуация, как на Сажанее, когда пришлось ползти, чтобы не разбудить опритов.

– Идём ближе к воде, – оглянувшись на Свима, отрывисто сказал Малион.

Здесь спали путры, но многие из них уже проснулись, да и доставшийся инстинкт от диких предков дал им знать – кто-то идёт и не один.

Какой-то потомок бараньих замешкался подняться и лёжа пытался рассмотреть подходящих к нему людей, так что Малиону пришлось его перешагнуть.

– Ты чего тут? – гнусаво проблеял со сна путр. – Дороги мало?

Сказал и остался лежать, бурча на каждого, кому приходилось его перешагивать. Дурбам это показалось смешным. И один из них зацепил выродка ногой, и тут же был сбит с ног другим выродком, из кабаньих. И этим ударом как бы подал команду: путры словно бы из-под земли вылезли на её поверхность. Конечная часть команды Свима потерялась среди всполошённых неурочным пробуждением выродков.

Подброшенная в костры сухая трава, вспыхнула и осветила округу. И хотя большая часть команды вышла за пределы малаки, Камрат и Невлой с тремя дурбами оказались в самой гуще толчеи, устроенной вокруг них. Устрашающе замелькали мечи и кинжалы.

Невлой испустил звук, когда-то на Сажане выведший К”ньца из вменяемости. Здесь на выродков малаки крик, издаваемый гаранами, атакующими жертву, также подействовал, однако, как оказалось, не на всех. В малаке собрались путры, чьи дикие когда-то предки относились к различным видам животных, и для кого-то из них появление гаран было смерти подобно, но для иных изданный Невлоем крик послужил сигналом вступить в схватку на уничтожение этой пакости. И те, что попадали в конвульсиях на землю, и другие, что обрели стимул дать бой ненавистному врагу, ещё больше усилили сумятицу вокруг людей.

Кабан, сбивший дурба, со вставшими на его холке грубыми волосами кидался вовсе стороны и случайно зацепил ещё одного дурба. Он выбил из его рук меч и поддел рудимен-

тарными клыками так, что Камрату пришлось перехватывать дурба в полёте.

– Хо-хо-хо! – издал клич-хохот Невлой и упёрся рукой в лоб путра-кабана. – Ну-ка, полегче!

Камрат поставил ошеломлённого нападением выроodka дурба на ноги, поднял и вернул ему меч.

– Спрячь и – вперёд отсюда!

Сам Камрат и Невлой мечей своих не вынимали, пока что, отбиваясь ногами и руками, а где и просто избегая бессмысленно машущих оружием выроdkов.

Молодым дурбам поступить так не удавалось, они схватились за мечи и ввязались в настоящую схватку. Но их бой в неровном свете костров и мелькающих выроdkов был похож на бой с тенями. Возможно, они кого-то зацепили и поранили, но вскрики раненных и ушибленных в общем гвалте терялись. Камрату и Невлою пришлось несколько раз прикрикнуть на дурбов, чтобы они продвигались вперёд, а не крутились на месте в поисках врагов.

На помощь им в освещённый круг ворвался Ольдим и, нанося ощутимый урон малаке, прорубил широкий проход для людей.

– Зачем ты их так? – посетовал Камрат Ольдиму, когда всё ещё вспугнутая и гомонящая малака осталась позади.

– А что? – не понял бывший фундаренец печали Камрата.

– Могли бы пройти без крови.

– А-а... Но-о... – Ольдим долго не мог сказать что-либо

вразумительного на замечание Камрата. – Что ж это? Они же с мечами, а мы...

– И мы тоже... Конечно, они с мечами и мы должны отбиваться... Пришлось и, наверное ещё придётся. Но если только нападут.

– Так они же напали... А эти-то, что лишь на словах будто бы дурбы и драться умеют, а стоят и машут мечами, будто за мухами охотятся.

– Ладно тебе осуждать! Помоги вот лучше, – Камрат передал поддерживаемого им дурба Ольдиму. – Пусть Харан посмотрит, что с ним. А мы с Невлоем...

– А где он?

– Невлой! – оглянулся и позвал Камрат.

– Иду я... Веду я... – отозвался двейрин.

– Кого ты ведёшь? Наши все должны были пройти.

– Хо!.. Т"евара веду... И он... идёт!

Выродка с таким именем в команде Свима не было. К тому же самцами были только К"нзец и Ф"ент.

– Нужен он нам? – спросил Ольдим.

– Посмотрим... – неопределённо сказал Камрат.

– На что смотреть-то?

Невлой в темноте находился где-то рядом, но рассмотреть, кого он привёл, не было возможности.

– Камрат! – издалека позвал Сестерций. – Мы вас ждём!

– Мы сейчас!.. Нас ждут, идёте! Посмотрим позже.

В бледном свете изжелта-розовой ауры биоробота появи-

лась возможность разглядеть, какого такого Т"евара ведёт Невлой. Им оказался тот путр из кабаньих, что доставил столько неприятностей молодым дурбам.

Наконец, команда сгрудилась, выяснилось – прошли малаку без потерь, даже с приобретением. На вопрос, зачем нам этот Т"евара, Невлой отделался просто:

– Сам с нами пошёл. Так пусть идёт.

Через праузу в утренних сумерках утра сделали небольшой привал. Знакомились с Т"еварой, с угрюмым существом, облик которого мало претерпел изменений от своих предков. Впрочем, он относился к хопперсуксам с незначительными добавлениями функционального назначения к основному виду. Так передние конечности Т"евары имели трёхпалые кисти вместо копыт. Но остальное: расплющенный нос, маленькие глазки, клыки и чёрный окрас волос, – осталось прежним. Оттого ни у кого их разумных команды язык не поворачивался назвать его красивым созданием, да и, глядя на него, не приходило в голову сравнивать его с кем-либо.

Короткий, минтов на десять, отдых придал сил и людям и путрам, и команда быстро продолжила движение вдоль берега. Однако вскоре, впереди бегущая Р"япра вернулась с неприятной новостью – впереди просыпается огромный стан людей и выроdkов, и обойти его стороной, пожалуй, не удастся.

После сумбурной недавней схватки с малакой у половины

молодых дурбов прыти поубавилось, хотя не принимавшие в ней участие ещё хорохорились и даже давали советы тем, кого сбил Т"евара, как надо было поступить, будь они на их месте. Наставляемые в сердцах отмахивались, но чувствовали себя подавленно: может быть, они и вправду не показали себя бойцами и теперь выглядят в глазах остальной части дурбов как неумёхи какие-то?

Так что слова Малиона о необходимости миновать новую опасность без задержки, молодые дурбы встретили с пониманием, во всяком случае, на сей раз не возникали вопросы, почему это Малион опять наставляет их? Но вот расстановка людей в команде и роль каждого из них, предложенная Малионом, вызвало недоумение и всплеск эмоций.

– Пойдём в порядке, как при встрече с бандами на Сажане. Объясню для тех, кто этого не знает. Я впереди, затем Камрат, замыкает Невлой. Это внешняя от возможного нападения на нас линия. Никому эту линию не переступать! Вторую линию составят Ольдим, Свим и Сестерций. Зливан, а ты своих дурбов расставь тройками, пусть они составят третью линию защиты женщин и путров. Желание вступить в бой не показывать!

Если бы Малион на этом остановился, то дурбы, наверное, поёрничали, но приняли бы его план прохода через препятствие. Но Малион добавил:

– Думаю, мы втроем в первой линии, если случится нужда, справимся со всеми сами.

Вот эта-то добавка и возмутила дурбов.

– Кто это справиться со всеми? – раздались голоса. – Ты и этот красавчик-увалень?

– Ему один-то меч лишний, а он их нацепил два! Для красоты, что ли?

– Пусть с женщинами идёт!

– Ха-ха!

– А сам-то, сам... Пнут и развалиться.

– Зливан! – позвал Малион. – Пусть помолчат!.. Хорошо.

У кого есть желание идти в первой линии?

Дурбы замешкались. Судить – легко, самим исполнять – страшно. Ведь если впереди не менее сотни, а то и больше, как утверждает путр-разведчица, вооружённых людей и ещё большее количество выродков, то среди них наверняка есть дурбы, а схватка с ними в первом эшелоне чревата в лучшем случае ранением, а то и явной смертью.

Смельчаки нашлись, но как бы подневольные. Взгляд Малиона останавливался на самых бойких, правда, пока на словах, дурбах. И те, дабы доказать свою правоту, а, возможно, под влиянием внушения со стороны Малиона, вынужденно поднимали руку: «Я желаю!»

Таковых оказалось шестеро.

Малин придирчиво их осмотрел. Напомнил:

– Я – впереди. Мечей не вынимать! Только, если нас не поймут... Двинулись! Зливан, распорядись!

Первая линия образовалась, но на линию вряд ли была

похожа. Только один дурб затерялся между Малионом и Камратом, остальные подались к Невлою – он внушал силу и доверие.

К”нзец насторожился, Х”вюся тоже встрепенулась.

– Идут, – сказала она. – Их много.

– Смотри, нет ли у них кого впереди?

– Я знаю. Ф”ент говорил.

– Да, он знает, – охотно подтвердил К”нзец, тем самым, заполняя напряжённую паузу перед моментом, когда им надо будет покинуть место ночлега команды. – Отходим за кусты. И смотри... И нюхай, как Ф”ент.

– Я уже... – сделала стойку Х”вюся. – Впереди кто-то... из куниц?

– Направление?

– Прямо на нас... Ветер...

– За мной! В сторону! Туда...

Потомков куниц, этих вертлявых и лживых путров, К”нзец относил к потомкам собак, но и ощущал какое-то с ними родство, так как в них многое было от кошек. Правду сказать, он к классу собачьих относил большую часть вырожденков, тем или иным образом когда-то насолившим ему или из-за обыкновенной предвзятости.

К”нзец и Х”вюся только-только притаились, как из щепочки кустов, опоясывающих опушку, высунулся гибкий и беззвучный в движениях путр из куньих. Прильнув к земле,

он помедлил, а потом выпрыгнул на открытое пространство, демонстрируя красоту тела и прекрасный, достойный зависти, хвост. Наскоро обследовал следы, оставленные разумными. Постоял, словно в задумчивости, и быстро побежал назад, уже не боясь создавать шума. Такое поведение разведчика говорило о полной уверенности идущих за ним людей и путров. А посылка в разведку кого-то для них – просто дань традиции, лишь посмотреть, что там впереди.

Но это упрощало задачу, поставленную перед К”ньцем.

– Понёс Кемешу весточку... А мы с тобой пока побудем здесь. Они вот-вот появятся. Вот мы и посмотрим.

И тут же, будто услышав его слова, через кусты на поляну неторопливо выступил многочисленный отряд, состоящий сплошь из людей, только куница, забежав вперёд, словно как бы приглашал осмотреть результаты его разведки.

В отряде, с первого взгляда, следующего неорганизованной толпой, выделялась небольшая группа, к которой и обращался выродок из куньих. Они остановились, слушая его и осматривая опушку. За ними остановились и другие. Чуть позже на поляну по одному, по два, а то и стайкой стали выходить выродки, в основном потомки хищников: тигров, медведей, все вооружены и с большими мешками на загривках. Их, по-видимому, использовали как носильщиков. Но вот показались и вьючные торны.

– Да-а, – только и мог сказать К”ньец. – Кемеш основательно подготовился к походу к Скале. Недаром Малион так

беспокоился.

А тем временем невысокий плотный человек дал отмашку рукой, и отряд двинулся дальше вдоль берега бывшего Болота.

Возможно, подумалось К”нъцу, сигнал начать движение, подал сам Кемеш. Когда они останавливались в его, он не обратил внимания на портрет вождя банды, потому не знал его в лицо.

Отряд замыкали выючные торны под руководством двух дурбов, что вразвалочку проследовали невдалеке от места наблюдения за ними К”нъца и Х”выюси.

Кемеш, а это был и вправду он, махнув рукой, сказал, обращаясь к одному из двух людей, странных на вид: узкие в плечах, длиннорукие, с плоскими, даже вогнутыми внутрь черепа лысынами, и длинными вислыми усами:

– Ничего подозрительного, оген.

– Вот и плохо, – недовольно отозвался названный огенном. – Либо мы уже проскочили мимо них, либо, что вероятнее и хуже, они уже нас опередили и ушли далеко.

– Всё возможно, оген. Но есть и третий вариант. Тех, о ком вы говорите, просто нет на нашем пути... Впрочем, они могут где-то идти параллельно нам. По Диким Землям. Но всё равно пересекутся с нами. Не здесь, так у той дороги, о которой выговорите. А то и у Дороги Страха.

– Хотелось бы так думать, – буркнул оген и обратился к

своему напарнику: – Ей-Фей, ты ничего не ощущаешь?

Ей-Фей, второй странный человек, ладонью постучал по правому уху, после чего чихнул, вспушив усы.

– Что-то есть, оген. Но большое скопление людей всегда создаёт поле целеустремлённости, поэтому...

– Знаю! – отрезал оген. – Настройся! – И уже Кемешу сказал: – Ещё день, может быть, два... Мы идём не быстро.

– Быстрее не получится, – ответил Кемеш, но оген уже отвернулся от него к Ей-Фею.

– Что?

– Поле целеустремлённости неизвестного происхождения. Вернее, поле потенциальной устремлённости.

– То есть?

– Знание как, но пока что не знание когда, где и каким образом.

– Направленность поля?

– Нет его. Скручено, как клубок...

– Так размотай его!

– Дня не хватит.

– Так вот и занимайся этим!.. Я тоже нечто подобное ощущаю, но проблесками. Кемеш!

– Да, оген.

– Надо узнать, что за люди идут перед нами.

– Что именно? Численность?

– Не только. Хотя бы беглое описание.

– Это... важно, оген?

– Возможно. Мы с Ей-Феем восприняли третье неизвестное нам поле цели. Надо разобраться. Иначе оно как раз и может не только опередить нас, но и заступить нам дорогу.

– Ничего себе! – крикнул Кемеш озадаченно. – Эй, Лакой! Всех пугров ко мне!.. Да, да, всех!

Тлуман вёл тескомовцев к Болоту.

Глава 13

Ф”ент стал уставать и всё чаще задаваться вопросом: когда же, наконец, появится обещанная Малионом дорога?

Очередную лужу с водой он решил не обегать, а перепрыгнуть, однако не рассчитал силы и плюхнулся брюхом в воду. Ощутил блаженную прохладу и решил немного отдохнуть. Но не успел расслабиться, как тут же взвыл от пронзительной боли в хвосте.

Выскочив на сушу, он оглянулся и увидел страшную морду существа, впившуюся в его пятую конечность, такую чувствительную, незащищённую и... неудачную.

– Отцепись! – с болью пролаял он

Но неведомая тварь Болота только тарасила на него круглые, вылезшие из орбит, глаза и отпускать его хвост не собиравалась. Да и не могла, если даже захотела бы. Её зубы, загнутые вовнутрь, служили только для проталкивания жертвы во чрево. Оттого резкие движения Ф”ента всё глубже погружа-

ли его хвост в пасть создания.

Он завыл от бессилия, пока не догадался воспользоваться кинжалом. Но стоило большого труда вначале срезать костистую верхнюю часть головы твари и отсечь её длинное гибкое тело, а потом, скуля и взлаивая, отодрать нижнюю челюсть, после чего заняться острыми зубами, застрявшими в хвосте занозами. Кровь и ранки зализывал. Как ему не хватало Ч”юмты или хотя бы Х”вьюси, они помог ли бы ему...

Пошло не менее праузы, как стехар мог продолжить поиск дороги. Он не бежал, а уже трусил, изнемогая от усталости и боли. Но, видимо, Хранители Талисмана капов сжалились над ним, и через сотни две берметов от места покушения на его хвост он наткнулся на искомое.

Прямая как стрела ложбинка, чуть прикрытая ещё не стёкшей водой, уходила вглубь Болота и упиралась в туманную даль, а там громоздилось то ли какое-то большое строение, то ли возвышенность, а, может быть, всё это только Ф”енту мерещилось. Здесь, в начале дороги, берег делал крутой поворот на восток.

– Авво! – радостно взвизгнул он, отчего у него даже боли в хвосте утихли.

Однако в тот же самый момент его радость пошла на убыль, а боли на усиление. Найти дорогу – полдела, надо искать подходы к ней где-то в стороне и лучше по воде, а в этой воде... не только без хвоста можно остаться, а запросто быть полностью проглоченным каким-нибудь болотным

монстром. Даже следов его не найдут!

Френт сел, поднял голову к высоко уже взошедшему солнцу и самозабвенно завыл, выплёскивая в небо утомление, боль, трудности предстоящего поиска и страх перед неизвестностью.

Повыл, и, как всегда, полегчало.

В кустах вырезал по лапине дубинку, пугать обитателей вод и направился назад.

После наставлений от огена путры отряда Кемеша бросились вперёд, чтобы как можно быстрее нагнать людей, недавно ушедших с прибрежной поляны после ночлега. Они дружно бежали, ничто им не мешало выполнить задание, но неожиданно на их пути появилась малака.

Выродки малаки только-только оправились от внезапного нападения, в них ещё играла кровь и душила обида, оттого наскок со стороны незнакомой группы путров был встречен малакой далеко не любезно. Конечно, путры Кемеша обладали лучшей выучкой ведения боя и все вооружены мечами, но против них стоял десяток против одного, так что вскоре лишь уцелевших в схватке пятеро из двадцати отступили к подходящему отряду людей.

Люди не церемонились, изрубив половину малаки, а другую рассеяли окрест. Но для выяснения причин такого её поведения и необходимости узнать о догоняемых людей, Кемеш приказал поймать и привести к нему пару выродков.

Один из них, явно ведущий свой род от белок, оказался откровенно невменяемым, и Кемеш отпустил его, предварительно отобрав кинжал. А второй выродок, из псовых, заикаясь и приседая на хвост от страха перед грозным человеком, поведал:

– На нас напали люди и гараны. Многие из нас потеряли сознание, а другие обзелились. И когда набежали ваши разумные и стали кричать, чтобы им дали дорогу и не задерживали... и стали угрожать...

– Понятно. Но с каких это пор люди подружились с гаранами? Чушь какая-то! Ты сам-то видел гаранов?

– Нет. Только слышал, как они кричали. Тут же разумные стали падать, а мы нападать.

– А что люди?

– Отбивались... И ушли.

– Много?.. Много людей было?

Выродок задумался.

– Трое... или пять их было.

Этого свидетеля Кемеш тоже, обезоружив, отпустил.

– Что-то, оген не вяжется. Люди и гараны никогда не находили общих дел. Но люди были... И крики гаранов были.

– Да, с гаранами никто не может дружить. Но, возможно, это была имитация крика гаранов?

Кемеш с сомнением пожал плечами.

– От имитации мог упасть один, но не половина же малаки... Да-а, – озабоченно вздохнул Кемеш. – Ещё одна такая

стычка, и я лишусь всех путров. А что считает Ей-Фей?

Ей-Фей распушил усы.

– Всё потеряно. Здесь затаилось поле злобы и отчаяния. Оно уничтожило другие поля... – как всегда несколько непонятно для Кемеша, отозвался Ей-Фей.

– Ищи! – приказал оген.

Кемеш познакомился с Ей-Феем уже как года три.

Вначале думал, что подобрал несчастного человека, неведомо как попавшего под обвалы наступающего Края Суремных гор. Толку от него для нужд банды не предвиделось: слаб и для схваток, и для переноски тяжестей. Предполагал вывести его к людям и отпустить.

Однако вскоре явились некоторые подробности. Оказывается, Ей-Фей давно искал контакта с его бандой, промышлявшей в районе Фоста и Пертока, и порой скрывающейся среди многочисленных потоков, низвергающихся со стен Края гор. Как знаток местности он стал исподволь подсказывать Кемешу, что можно предпринять и где потеряться, чтобы оставаться неуязвимым для Тескома и других разумных, имеющих претензии к банде. Это он показал подземные ходы, давшие в руки Кемеша и его людей прекрасную возможность исчезать, поистине, как провалившись под землю.

А потом выяснилось к немалому удивлению Кемеша: Ей-Фей вообще из-за Края, и пришёл не сам, а был послан выяснить обстановку в мире разумных, в частности, Сампатании,

как ближайшей к Суремным горам. Он попросил принять в банду ещё одного человека из-за Края. Так у Кемеша стал появляться оген. Имени своего он не назвал, сославшись на какой-то запрет.

Долгое время оба странных на вид человека воспринимались Кемешем, повидавшим на своём веку всякого, по натуре реалистом и во многие мифы не верящим, тем более о жителях за Краем Суремных гор, как казус, как игру воображения этих людей. Они не мешали, а вот польза от них была реальной...

Но год назад...

Кемеш иногда с содроганием, а иной раз с иронией к самому себе вспоминал день, когда оген пригласил его сходить за Край и познакомиться со Знающими, якобы соплеменниками огена и Ей-Фея. Посмеиваясь, он легко согласился. И не пожалел, хотя со временем, всё его путешествие становилось похожим больше на сон, чем на явь, так как не вписывалось в его представления об окружающем мире.

Подземным переходом его вывели к неприметной тропе, ведущей вверх, к Краю. Дорога оказалась не из лёгких, порой Кемеш подумывал вернуться и не карабкаться по влажным или обледенелым уступам, с которых можно было сорваться вниз в любой момент. Поддерживали Знающие. Для них этот путь не представлял труда.

Поднялись на Край к позднему вечеру, потратив на подъём почти весь день. Внизу – марево, закрывшее поверхность

земли, а вверху – звёздное небо, захватившее своим видом дух Кемеша. Ничего похожего он никогда не видел в жизни.

У Края их поджидала какая-то машина, названная огнем уйдой. Она походила на большую сосульку. Зато в ней можно было удобно разместиться в креслах, а стены её исчезли, давая возможность видеть всё за её пределами. Быстрая езда на уйде развлекла Кемеша и запомнилась более всего.

Поселение Знающих располагалось в расщелине между двумя крутыми горными кряжами, и отстояло от Края почти в пятистах свиджах. Впрочем, поселением, которое они называли кургой, это место обитания людей можно назвать с натяжкой. Снаружи оно представляло собой небольшой холм, изъеденный глубокими кавернами – входами в него. Внутри – клетушки, в них ютились Знающие. И хотя в этих тесных комнатах человек был обеспечен всем, жить в них Кемеш никогда бы не согласился. Они ему не понравились не только малыми размерами, но и той навязчивой предупредительностью, когда не то что слово, но и любая мысль или возникший каприз какого-то пожелания тут же неукоснительно исполнялась, и точно та, что созрела подспудно.

Не понравились ему и нудные разговоры на темы, его не волнующие, и о знаниях, запредельных для его понимания.

Однако это были поверхностные впечатления. В конце концов, что он там повидал? Лишь только то, что ему удосужились показать, не более того... Зато само наличие такого поселения, конечно, поразило его.

В памяти осталась и страсть Знающих чуть ли не ежечасно менять свой облик, не только благодаря одежде, но вплоть до конфигурации головы, длины конечностей, цвета глаз и волос на голове. Порой Кемеш терялся – с кем это он разговаривает? Со знакомым уже ему человеком или к беседе присоединился новый собеседник.

Прошёл год, но Кемеш до сих пор не разобрался: нужно ли ему состоявшееся знакомство с мифологическими Знающими? Да, они, конечно, знали многое, но для него и его банды совершенно бесполезное.

Впрочем, они знали, что через год Болото Второе высохнет, и можно будет добраться до Скалы Перехода. Они просили Кемеша помочь им достичь её.

И он опять же легко согласился.

Но ни в какую такую Скалу, как подавляющая часть его современников, не верил. Даже знакомство со Знающими, так же отнесённых за пределами веры в их существование, не поколебали его скептицизм по отношению к Скале.

Однако с весны заговорили о высыхании Болота не только Знающие. И вот теперь он воочию видел – Болото ужимается, оголяя для ходьбы, и, чем Край не шутит, можно и вправду пойти и найти эту пресловутую Скалу Перехода.

Его отношение к Знающим изменилось. Он стал прислушиваться к их высказываниям, хотя часто не понимал, о чём они говорят не только между собой, но и при обращении к нему. Если это была просьба, он её выполнял, не вдаваясь

в её тонкости, если же возникал обычный обмен мнениями, то ему приходилось иногда долго вникать в суть вопроса, решаемый Знающими...

Вот и сейчас Ей-Фей заговорил о каком-то поле, которое якобы уничтожило другие какие-то поля.

Все эти разговоры о полях Кемеша не волновали, куда больше его заботила потеря двух третей путров. Они в его банде подбирались им самолично, и оставлялись обладатели определённых навыков или врождённых качеств: сообразительность, способность к обучению, повиновение любому его слову.

В разогнанной малаке таковых не нашлось, хотя, конечно, на отбор претендентов не было времени, да и поздно уже – все разбежались. А путры – это всё-таки надёжные глаза, нюх и уши отряда людей, идущего среди опасностей.

Поэтому посылать вперёд оставшихся выродков он не собирался. Пусть вот Л”юок будет опережать их на сотню берметов и достаточно: и голос подаст, и отступить ему к отряду успеется, если опять появиться какая-либо угроза.

А Ей-Фей стоит рядом и бубнит:

– Мне казалось, я размотал много... Даже появился кто-то другой... А тут брызнуло и стёрло...

– Ищи! – вновь строго приказал оген. – И забудь, что видел здесь!.. Пора идти... Кемеш!

– Сейчас... Лакой, передай, чтобы не растягивались. И по-

шли к Пилоте опритов. Не хватало нам ещё потерять и вычуженных торнов.

– Я уже троих послал.

– Добавь им ещё! – Кемеш махнул рукой. – Пошли!

Х”вюся нагнала команду, когда она уже перестроилась по плану Малиона, оттого её сообщение о составе отряда Кемеша приняли пока что к сведению и только. Отправляя её назад, дали задание для К”нъца. Вначале проследить, чем закончилась встреча между Кемешем и недавно пройденной малакой. А потом и с многочисленным объединением людей и путров, к которому сейчас приближалась команда.

– Будь осторожной, Х”вюся, – отправляя в тыл, напутствовал её Свим.

– Подожди К”нъца после становища малаки. Думаю, Кемеш уже прошёл через него, – добавил Малион.

Тем временем светлело.

Малион ещё раз осмотрел готовность построения команды, и двинуться за ним дальше.

От места расположения увиденного Р”япррой скопления людей и выродков, по мере приближения к нему, всё слышнее доносилась громкая перебранка в чём-то не сошедшихся разумных. Похоже, там даже в ход шли мечи для установления порядка, а, может быть, и установления своей точки зрения по какому-то вопросу. Можно было надеяться, что занятые своими проблемами, они пропустят команду без за-

держки на выяснение отношений, а то и не заметить её прохода.

Так бы, возможно, и произошло, но здесь береговая полоса на большом расстоянии поросла мелкотравьем и приютила с десятков тонкоствольных низкорослых деревьев. А разумные, перессорившись, разбились на большие группы и заняли не только прибрежную кромку, но и вторглись на осушенную часть дна Болота, а также выплеснулась далеко за пределы береговой зоны в сторону Диких Земель.

Так что команде, даже при желании, обойти это громадное становище навряд ли удалось бы. И надо было пройти, разрезая группировки, а между группами на возникших между ними своеобразных пограничных территориях здесь и там лежали убитые люди и путры.

Малион остановил движение. Такого он не ожидал увидеть, оттого надлежало менять расстановку людей в команде.

– Свим, забирай дурбов из первой линии и переведи их. А сам встань впереди по правую сторону. Ольдим и Сестерций, вы с ними. Передайте Невлою, пусть замкнёт общий тыл. Зливан, своих поставь ближе к женщинам и путрам. Мечей не вынимать!

Последнее распоряжение относилось к некоторым дурбам, перед лицом большой толпы вооружённой, хотя и разрозненной, уже оголивших мечи и готовых к схватке.

А эта толпа, при виде нового участника, желающего, как и её разумные, а иных здесь и не могло быть, достичь Скалу

Перехода, вдруг умолкла. Следом промежутки между враждующими группами стали сужаться и, мгновения спустя, исчезли совсем.

Перед командой Свима появилась единая сплочённая сила.

Возникший здесь конфликт требовал разрядки, и, неожиданно вторгшаяся в их распри команда, как бы дала повод разрешить все неурядицы, отыгравшись на ней.

В наступившей тишине раздался негромкий, но всколыхнувший толпу, голос Малиона, наступающего на стенку из разумных, столпившихся перед ним:

– Нам надо пройти!

И вслед из толпы донёсся крик:

– Это они! Не трогайте их! Я говорил... Не трогайте!

Кто это был? Может быть, он уже видел на Сажане бойню, устроенную бандитам Малионом, Камратом и Невлоем? Но крик предупреждения затерялся на фоне ропота возмущённой толпы. Самые прыткие люди и выродки из неё бросились в бой...

На миг Камрат себя увидел и пережил картину боя на Сажане.

Будто внезапно появившийся меч в руке Малиона одним взмахом скошил первую шеренгу напавших на него.

Только что сплочённая стена, видя эффект первого наскока, стала размываться, чтобы дать дорогу Малиону, зато с боков на команду набросились жаждущие отмщения.

Два меча Камрата прошлись по их рядам, доставая даже тех, до кого, казалось бы, дотянуться одному человеку не было возможности. И вот – завал трупов. За Камратом Невлой выдавил громоподобное: «Хо-хо!» и тоже не дал никому к себе и команде приблизиться.

А впереди вновь раздалось сакраментальное:

– Нам надо пройти!

Новая атака повторилась с тем же результатом.

С правой стороны команды, где находилась всего одна группа, вытесненная в осушенное дно Болота, действия протекали не так стремительно, но все попытки разумных из этой группы смять эту линию обороны не удалось. И там, наверное, решающую роль сыграл фактор Ольдима: его ужасный вид отбивал у любого охоту с ним связываться, тем более что он показал отличную выучку владения мечом.

Молодые дурбы, не имеющие возможность пока что поучаствовать в схватке, были потрясены её ходом не меньше противников.

Когда на Камрата бросился многочисленный скоп вооружённых мечами и чигирами, Зливан дал команду к бою, но на их глазах этот баловень и красавчик, неизвестно почему и за что обожаемый и восхваляемый Малионом, не дрогнул, а будто играя сразу двумя мечами, в мгновение ока покончил с нападавшими на команду.

Так и получилось, что вокруг дурбов шла кровавая рубка, а никто из них, за исключением тех, кто шёл в первой линии

справа, даже не взмахнули мечами.

Малион новым взмахом разомкнул стенку, а, оказавшиеся позади неё разумные, в панике разбежались, давая дорогу команде.

– Я же говорил вам! – надрывался в крике неизвестный. – Не трогайте их!

Последняя попытка нападения, не такая дружная, как первые, была предпринята вдогонку команде, но Невлой охладил её участников навсегда.

Команда, наконец, оторвалась от становища и втиснулась в густые прибрежные кусты, так как дно Болота здесь изобиловало озерцами и бочагами воды. Приходилось буквально продирааться сквозь дебри ветвей, корневищ и сухостоя.

Пройдя не менее свиджа, пока не появились прогалины в зарослях, команда остановилась на короткий отдых.

Взволнованный до злости Зливан подошёл к Малиону и Свиму и сообщил о потере в зарослях пятерых дурбов. Новость возмутила Свима, но Малион сказал:

– Так и должно было быть.

– Что должно? – Свим и Зливан были единомышленны в своём вопросе.

– Не все дойдут. Так, наверное, вас наставляла Калея?

– Да... – растерянно сказал Свим. – Но зачем тогда они? И так много? Чтобы убежать?

– Их было много, чтобы остались те, кто нужен нам, твоей команде. А сейчас, Зливан, я скажу твоим дурбам кое-что...

Но до того... Невлой! Подойди к нам! У Зливана потери.

– Я видел их. Пятеро?

– Да, пять дурбов. Ты их проводил?

– Всё в порядке. – Невлой искоса посмотрел на непонимающих Свима и Зливана. – Пусть здесь пока побродят.

– Та-ак... – наконец, решил напомнить о себе Свим. – Видел и отпустил? Надо же было...

– А зачем их держать? – спросил Малион.

Свим дёрнулся, осел и покорно сказал:

– Ну да.

– Пора дать право выбора и оставшимся с нами дурбам. Пусть решают: либо идти с нами дальше или отстать, – сказал, поднимаясь, Малион. – Пойдём, Свим к ним, поговорим. Наступило, пожалуй, время отбросить ненужное.

Свим нехотя встал на ноги. Ему претил предстоящий разговор. Они же разбегаются. А он уже привык к тому, что его команда постоянно умножается, а тут вдруг сократилась на девять человек. Ему не хотелось видеть тех, кто сейчас откажется от его команды и покинет её. Однако понимал – Малион тоже прав: отбросить ненужное... Такое, наверное, и вправду предвидела Калея. Молодые дурбы подверглись испытанию. Идёт отбраковка лишнего, ненужного...

Ненужного, но для чего?.. Или Малион так выразился для образности?

Дурбы, ожидая неприятного для них разговора, подошедших к ним Малиона и Свима встретили настороженно. Они

уже обсудили между собой двойной побег из их среды. Правда, одни осудили, другие – промолчали, но возвращаться к теме ни тем, ни другим не хотелось, тем более слышать упрёки со стороны руководителей команды. Поэтому обращение к ним Малиона несколько их обескуражило:

– Те, кто покинул нас, были по-своему правы, – сказал он. – Дурбы поступают так, как им подсказывают обстоятельства. При этом по своей воле, каждый раз выбирая чему или кому следовать. Конечно, надо бы предупредить о своём выборе... Чтобы не оставлять о себе... скажем так, неприятного впечатления, я предлагаю вам сейчас определиться. Того, кто желает прекратить поиск Скалы, мы удерживать не будем, да и не имеем права. Тем более что вы, как мне кажется, уже готовы к окончательному решению... Мы сейчас уходим и... и приглашаем вас идти с нами. – Малион кивнул, поблагодарив дурбов за внимание. – Свим поднимай команду!

Малион ухватил за руку опешившего от его речи Свима и заставил отойти от дурбов.

– Они же все... А если Теском?.. Всё расскажут. И о Камрате... и обо мне!

– Не расскажут! Невлой всех беглецов погрузил в дору. Если кто сейчас отстанет от нас, он с ними поступит также. Придут в себя через день. А через день... мы будем далеко от них. Поднимай команду Свим и не оглядывайся...

Исследовать обходные пути к дороге можно было с той

лужи, где покусились на его хвост, но, памятуя о том, Ф"ент несколько раз ударил дубинкой по поверхности воды, надеясь разогнать притаившуюся в ней нечисть. Брызги полетели во все стороны. После чего постоял, подождал, не выглянет ли какое страшилище.

Не выглянуло. Однако здесь стехар в воду не полез, а нашёл подобный бочаг, проверил его ударами дубинки и двинулся вглубь осушенного дна отступившего Болота.

Расплывчатый шар солнца подвигался к зениту.

Глава 14

Т"евара единственным авторитетом для себя среди людей считал Невлоя. Они даже чем-то походили друг на друга: с виду – увальни, но реакция стремительная, оба не стеснялись себя издаваемыми утробными звуками, вместе замыкали команду. А когда стали просматриваться следы Ф"ента, Невлой выдернул целый разлапистый куст и заставил Т"евару тащить его за собой, заметая тропу, пробитую командой на податливом и не топтаном кем-либо берегу. Люди и путры шли вереницей. Естественно, что борозда от веток бросалась в глаза, но кто вышедший на неё мог видеть только глубокие вмятины копыт, оставляемые Т"еварой.

Где было можно, Малион выбирал извилистый путь по водным остаткам Болота, и тогда след исчезал на несколько канторов, к тому он мог появиться не только на пляже быв-

шего берега, но и в глубине осушенной части дна. Зато следы, оставленные лапинами Ф"ента, большей частью тянулись по берегу и были заметны, так что могли служить ориентиром для К"нъца и Х"вюси.

Свим всё чаще оглядывался. И те только, чтобы вновь и вновь пересчитать молодых дурбов, не покинувших команду, но и посмотреть, не догоняет ли их К"нъец. Солнце уже поднялось высоко, но ни Х"вюся с известиями, ни сам К"нъец не появлялись. А пора бы.

– Опять поле боли, гнева и... восторга, – сказал Ей-Фей.

– Однако, – буркнул Кемеш. – Гнева и восторга. Что бы это означало, оген?

– Впереди у нас что-то произошло. Поля соприкоснулись. Кому-то гнев, кому-то восторг.

Кемеш хмыкнул, с иронией подумал: «Мудрецы!», но подзвал Л"юока.

– Посмотри, что у нас впереди! И не зарывайся! Берметов на двести, не больше! Туда и обратно!

Потомок куниц едва ли не в бермете проскочил мимо затаившихся за кустом К"нъца и Х"вюси. Возможно, он их и заметил, но у него было задание от вождя банды. К тому же выродки из разогнанной Кемешем малаки разбрелись вдоль всего берега и шарахались и затаивались от каждого шороха, и не представляли для Л"юока опасности.

– Кемеш близко, – сказал К"нъец. – Нам пора догонять

наших. Но куница побежала не зря. Мы – следом... Нет-нет, не здесь, левее. Нам придётся пройти через многих. А уже светло, нас могут увидеть.

– Их там так много, что я открыто прошла мимо них, – завершила Х”вьюся. – Нас тоже не заметят.

Гнались они за разведчиком Кемеша недолго и почти вместе с ним выскочили на открытое пространство заполненное разумными. Они столпились перед длинной полосой убитых людей и выродков. Рядом с трупами копали ямы для их захоронения по человеческому обычаю, кто руками и лапинами, кто мечами и кинжалами, явно для того не предназначенными.

Л”юок быстро осмотрелся и пустился назад к Кемешу с донесением. А Х”вьюся едва не завывала, глядя на итог бойни, недавно произошедшей здесь. Ведь всего две праузы назад здесь ругались, обвиняя друг друга в чём-то, но если и были убитые, она их не видела.

– Зачем они столько убили?.. А теперь все вместе хоронят?

– Это не они убили. Здесь проходила наша команда, а они напали на неё, вот и...

– Авво! Значит, среди убитых есть и наши. А, может быть, и все...

– Наших здесь нет! – твёрдо заявил К”нзец, но в душе уверенности в своём утверждении не ощутил. – Так уже было. Весной. На нас бросились бандиты... Но все, кто напал бы-

ли убиты Малионом, Камратом и Невлоем. Они втроём всех убили... Думаю, и тут они опять только втроём справились со всеми.

– Авво! А что же другие... наши?

– Малион, как на Сажанее весной, наверное, приказал другим мечей не вынимать.

– Но... – Х”вюся села на хвост. – Так бывает только в сказках, когда один убивает всех врагов.

– Я эту сказку, как ты говоришь, видел сам. Теперь увидели все эти люди и путры... Да-а... Сюда скоро подойдёт Кемеш. Что-то будет... И нам надо выбираться, а то попадём между этими и теми.

– Когда Ч”юмта рассказывала, как она с Ф”ентом и тобой совершала подвиги, я так хотела ей верить! Ведь рассказы всегда о не полной правде. А теперь я верю! Это так красиво!

К”нъец, польщённый её дифирамбом, всё-таки скептически посмотрел на неё.

– Что ты имеешь в виду?

– Совершать подвиги в разведке! Я тоже теперь всем буду рассказывать! Как я... с тобой...

– До того ещё дожить надо, – охладил её запальчивость хопс. – Чувствуешь? Они на подходе.

– Да. Но и... – Х”вюся вскочила, приняла стойку, ноздри её задёргались, уши задвигались. – Там... Оттуда, – она показала лапиной в противоположную сторону от берега, – тоже идут!

К поляне подходили тескомовцы...

По мере приближения, видя перед собой скопление разумных, тескомовцы замедляли ход. Тлуман распорядился подготовиться к возможному бою. Отдав команду кринейтору, он покрутил головой, оглядывая небо, проверяя, не появился ли шар.

Присмет, услышав голос думерта, механически достал пакет с порцией еды, нервно разорвал его зубами, застрявший кусочек оболочки выплюнул и съел содержимое пакета в три глотка. Глотал и угрюмо размышлял: удастся ли и вправду связаться в драку и развеять накопившуюся злость на всех и вся?

Заметив тескомовцев, толпа колыхнулась и обернулась к новым пришельцам, ожидая от них новой напасти, поэтому никто не схватился за оружие. Если эти такие же, что и утренние, которым они не уступили дорогу и за то поплатились, то пусть себе идут своей дорогой.

Однако одновременно к поляне подступил отряд Кемеша.

К"нзец и Х"вюся, не долго думая, смешались с толпой обескураженных разумных, не знающих, что предпринять в сложившейся ситуации. Общее руководство в этом случайном объединении не сложилось, да и до прохода команды Свима представляло собой сборище враждующих между собой ватаг, на свой страх и риск пустившихся искать Скалу Перехода. Вначале общая идея их как будто объединила, но очень уж различными оказались представления и амбиции

вожаков, вот и начались склоки, приведшие к кровавым разборкам. Так что сейчас, когда с двух сторон к ним подступали неизвестные отряды, принимать какие-либо решения не было кому. Люди и путры стояли и ждали непонятно для них самих чего.

Кемеша обеспокоила масса трупов, о которой ему донёс Л'юок. Поэтому, подойдя к поляне, он остановил отряд и осмотрел место недавнего побоища. Разведчик не приукрасил увиденного: перед ним вповалку лежали длинной полосой убитые. И только после этого обратил внимание на столпившихся перед ним разумных. Отметил, что они повёрнуты лицами не только к его людям, но и к другим, на подходе медленно сокращающим расстояние до них.

Кемеш настороженно оглядел подходящих людей, одетых как хожалые, и к своему удивлению в идущем впереди них узнал Тлумана.

Тескомовцы!

Не хватало ещё схлестнуться с тескомовцами! Но – Тлуман! Вездесущий Тлуман! Дружок Лесмы...

Кемешу захотелось плакать и смеяться. Надо было срочно обдумать, как войти с думертом в контакт, чтобы Тлуман его бы тоже узнал, но не в образе вождя банды, а некого лесовика или хожалого, с тем, чтобы для остальных тескомовцев он именно таковым и представился.

А тут вдруг Ей-Фей, словно ничего и ни кого не видевший вокруг себя, во всеуслышание заявил:

– Здесь прошёл заложённый!

– Заложённый!? Ты, говоришь, заложённый? – всполошился оген. – Кемеш! Мы можем опоздать!

– О чём ты? – огрызнулся Кемеш. – Не опоздали, а как раз во время пришли. Раз здесь Теском, значит пришли во время.

– Но Ей-Фей ощутил заложённого.

– Так ищите его среди этих! А я попробую вступить в переговоры с тескомовцами. Лакой, передай всем, пусть отдыхают и не высовываются без надобности.

Оген же распоряжение Кемеша понял по-своему и растерянно спросил:

– Ты его тоже ощущаешь? Здесь?

– Ничего я не ощущаю! Это вы... – Кемеш начинал злиться на знающих. – Ей-Фей, он здесь?

– Я только ощутил его поле.

– Вот и ищите!

Кемеш отвернулся от них, не вникая, о чём они говорят.

– Начнём искать здесь, – сказал оген. – Как ты думаешь, в какой он стадии заложённости? Это важно.

– Пока не могу определить...

А Тлуман тоже узнал Кемеша, но особой радости от встречи не испытал, уж слишком часто Кемеш подводил его, издавна не соблюдая договорённостей. Так было как во времена их общих дел, когда они ходили в опридах, так и после, когда Тлуман обжился в Тескоме. Одно успокаивало, Кемеш

в драку не полезет. А при случае даже и помощь от него получить можно в противостоянии с, на вид безмолвной, массой разумных. Как раз при стычке вот с такой рыхлой как будто толпой случаются неприятности – необузданная вольница подталкивает к действиям, когда Тескому приходится не наводить порядок, а элементарно защищаться.

Кемеш, изображая нерешительность, один направился навстречу с тескомовцами. Не доходя шагов пять, остановился, учтиво поздоровался, назвал себя Тулоном, вызвав искреннюю усмешку у Тлумана, но он тоже назвал своё одноимённое имя без упоминания принадлежности к Тескому.

– Рад познакомиться, Тлуман – сказал Кемеш. – Миролоубиво спросил: – Тоже к Скале направляетесь?

– Направляемся, – односложно отозвался Тлуман. – Что тут у вас произошло?

– Не у нас, а у них. Кто-то с боем прошёлся через них. Десятки убитых. Вот они, думаю, и присмирели при виде вас, ожидая такого же с вашей стороны.

– И с вашей тоже, – не удержался Тлуман.

Хотя отряд Кемеша на поляну полностью не вышел, а осел за кустами, его многочисленность виделась явственно.

– И нашего, – охотно согласился Кемеш. – Можете посмотреть.

– Посмотрим. Показывай! Присмет! – позвал Тлуман. – Хочешь посмотреть?

– Без меня! – У Присмета занемели кулаки от жажды

подраться.

Кемеш с удивлением глянул на бывшего кумира его детства, на представления которого он бегал смотреть лет, наверное, сто назад. Оказывается, Присмет – тескомовец? А говорили... Впрочем, Тлуман теперь вот тоже в Тескоме. Может быть, и он сам сглупил когда-то и не пошёл в эту организацию. И был бы сейчас если не думертом, как Тлуман, то кринейтором – уж точно.

– Поликан! – обернулся к кринейтору Тлуман. – Будь на чеку! А я пойду с... ну да, с Тулоном, посмотрю.

– Шейн! Один с ним?

– Вот и будь готов ко всему! Он тоже один.

– Я с тобой, – глянув исподлобья, буркнул Присмет.

– Хорошо. Что ж, Тулон, веди!

Пока они якобы знакомились, переговаривались, кое-кто из пострадавшего объединения узнал Тлумана, поскольку нашлись выходцы из Примето, а некоторые подались в толпу подальше от его глаз. Поэтому, когда Тлуман в сопровождении Кемеша и Присмета решительно направился к толпе, она расступилась, пропуская к останкам погибших и не докопанных ям.

– Да-а, – оглядел Тлуман место побоища. – Такое я видел только весной на Сажане. И здесь, и там тритундовые мечи. Похоже...

– Тритундовые? – спросил Кемеш. – Откуда?

– Знать бы. Только ими можно так рассечь человека. Пол-

ностью. Вот я и думаю... – Тлуман посмотрел на Присмета. – А тебе не кажется, что здесь прошёл Свим? А с ним и Камрат?

Присмет, прежде чем ответить долго осматривался, словно искал поддержки со стороны.

– Камрат... Камрат? – вспомнил Кемеш. – Это вы за ним бегали по всем Диким Землям? И Свим при нём.

– Всё-то ты знаешь, – недовольно проговорил Тлуман, но неохотно добавил: – За ним.

– Мальчик.

– Мальчик?... Этот мальчик стоил нам... Мальчик... Кто скажет, как это произошло? – обратился к безмолвствующим разумным Тлуман. – Кто на вас напал?

Всё-таки, несмотря на многочисленность, все эти люди и выродки случайно оказались вместе и большинство из них покинули пределы койны только этим летом. Оттого всё, что здесь с ними произошло, стало для них неожиданной очевидностью, о которой они, возможно, слышали, но сами столкнулись впервые. А появление тескомовцев добавило опасения новых неприятностей. Но деловой вопрос Тлумана словно пробудил их. Все наперебой стали рассказывать своё, отчего поднялся гвалт, утопивший какой-либо смысл высказываний.

– Стоп, стоп! – пересилил шум Тлуман. – Давайте, по одному. Начнём с кого-то одного...

– Тут кто-то кричал, что видел уже их, и кричал, что их

надо лучше пропустить, – сказал хожалый, стоящий напротив думерта, и с сожалением вздохнул. – Его не послушали.

– Так. Кто ещё слышал, чтобы их не трогали?

– Все слышали, – раздались голоса.

– Так кто кричал? Где он?

Толпа пришла в движение и вскоре вытолкнула невысокого человека средних лет. Он покраснелся от попытки избавиться встречи с тескомовцем.

– Отстаньте! – наконец, вырвался он из удерживающих его рук и оказался лицом к лицу с Тлуманом.

– Ты кричал?

– Ну, я, – с вызовом ответил человек.

– Где их видел?

– Там, где и ты!

– Ага... Так где?

– На Пятке Дураков.

– На Следе Босого Великана, значит. Как туда попал?

Человек поджал губы, насупился.

– Половодье началось... – выдавил он. – Вот и попал.

– Возможно... Однако ни на хожалого, ни на лесовика ты не похож, – сказал Тлуман.

– Бандит он! – прогудел Присмет. – Не пытай его. Ты... скажи, мальчик среди них был?

– Мальчик был там, на Пятке.

– А здесь?

– Нет. Но все остальные те же. Я хорошо запомнил. Пер-

вый, что там, что здесь говорил и повторил, что им надо пройти. Тощий такой. А как выхватил меч, так... Вон они...

– Кто ещё?

– Один у них... страшный такой был. Но он шёл с той стороны и только отбивался. А этих все только трое убили.

– Трое?

– Да. Вторым шёл здоровый такой молодой дурб. Оберучь. Мечи в руках, что молнии... Красивый дурб.

– Всё?

– Женщины были. Они и на Пятке были. Только не знаю, те ли... Правда, одна, что к нам приходила, была. И девочка... Здесь как будто одна была. Выродки... Да, настоящий торн. Я его запомнил.

– Мальчика, значит, здесь не было, – разочаровался Присмет. – Вместо него, значит, дурб-красавец...

– А этот мальчик, не заложенный ли? – спросил Кемеш, но тут же поправился: – Может быть, такие водятся и вправду.

Тлуман пытливо посмотрел на него.

– Возможно. А зачем тебе это знать?

– У меня... в отряде есть Знающие... Слышали о них?

– Басни, – отмахнулся Присмет.

Привыкший, будучи Координатором Фундаментальной Арены, анализировать все сообщения агентов, Присмет бытующие в головах разумных представления о мифологических существах, а также любые упоминания об их якобы появлении где-то, сразу же подвергал сомнению. И, как ему

казалось, никогда не ошибся. Самому ему никогда не пришлось увидеть нечто, что могло бы поколебать его неверие.

Тлуман был другого мнения.

– Говори! – поторопил он Кемеша.

– Так вот они почувствовали здесь, как они говорят, поле заложенного.

– Ага! Не спрашиваю, как они к тебе попали. Где они?

– Я их сейчас... Оген!.. Да, да, и Ей-Фей тоже, подойдите к нам! Вот они, длинноусые.

– Забавно... э-э... Тул, – с неподдельным восхищением сказал Тлуман. – Надо же! Никогда не думал... Но... сейчас надо всё-таки закопать убитых.

На призыв думерта откликнулись многие, а Поликан получил указание помочь им.

Знающие неторопливо подошли к Кемешу. Меланхолично осмотрели присутствующих. Присмет с высоты своего роста скептически глянул на щуплых Знающих и пришёл к окончательному выводу:

– Тоже бандиты, как все здесь.

– Э, нет! – возразил Кемеш. – Я у них побывал. Видел.

– Где же это? – подозрительно поинтересовался Присмет.

Кемеш едва погасил усмешку, представляя, как собеседники удивятся его ответу.

– В их курге. Городок у них там, в Суременных горах. Далеко от Края.

– М-да, – буркнул Присмет неодобрительно.

Вот так и рождаются небылицы. Один что-то придумал, другой поверил, третий принял за истину и... пошло гулять по головам.

– Бывает и такое, – спокойно согласился Кемеш. – Но тут не тот случай. Так оно и было.

– Они у тебя давно? – спросил Тлуман.

О Знающих в Тескоме имели представление, но как о потерянной где-то, может быть, и Краем изолированной колонии людей, выживших после падения города-спутника. Это как будто были потомки землян древнего поселения, обрвавших все связи с разумными и даже им противостоящих. Был якобы у них небольшой выселок в Пустыне Снов, о чём рассказывали жожалые из Ритолы и посетившие этот город и его окрестности. Теском неоднократно прочёсывал Пустыню Снов на шарах, организовывал и наземные поиски. Но все такие попытки окончились ничем – ни в руинах Города Снов, ни за его пределами никаких поселений не оказалось. А вот сами Знающие не часто, но выходили на Теском Сампатании, однако, что придавало интриге значимость, чем оканчивались такие встречи, анналами умалчивалось. Оттого сложилось устойчивое представление, что Знающие – чуть ли не помесь людей и выродков, приспособленных жить в суровых условиях за Краем в Суременных горах.

– С Ей-Феем познакомился лет уж пять как. А с огеном – в прошлом году, – сказ Кемеш, поочерёдно показывая на Знающих. – В прошлом же году я побывал у них в курге.

Там они предложили мне пойти к Скале. Они уже знали, что Болото Второе усохнет.

– Ладно. Знакомь нас!

– Я его знаю, – вдруг выдал оген. – Сейчас он носит имя Тлуман. Думерт Тескома.

Тлуман даже закашлялся от неожиданного заявления Знающего. Неровен час, начнёт сейчас перечислять все его имена и то, чем ему приходилось заниматься в долгой жизни.

– У меня вопрос, – поторопился он перевести разговор. – Вы тут нашли следы заложенного. Так вот, два... чуть больше двух месяцев назад некто Камрат, возможно заложенный, был только мальчиком. Мог он за эти месяцы созреть?

Оген посмотрел на Ей-Фея. Усы у них поднялись с переломом на уровне ушей, щёки надулись.

– Только если этот мальчик мог готов уже войти в свой возраст. Но и тогда, когда он войдёт в свой возраст, должен пройти долгий путь, во времени тоже, под воздействием поля Сведущего для обретения телесной устойчивости и знаний. Для этого два месяца мало.

– Значит это не Камрат, – уныло произнёс Присмет и подумал уже отойти ото всех и перекусить.

– Как вёл себя тот, кого вы подозреваете в созревшем заложенном?

– Мы сами его не видели. Но по рассказам других, он был вооружён двумя мечами, так же, как и прошедший здесь недавно молодой дурб, и противостоял десятерым разум-

ным, нападавшим на него.

Знающие опять обменялись взглядами, может быть, как подумалось Тлуману, обмениваются мыслями немом?

– Простой заложённый не может. Но... – оген вдруг замер, постоял, поводя отсутствующим взглядом, потом качнулся из стороны в сторону и, будто в забытии, сказал: – Так может только Предвестник.

– Да, – эхом подключился Ей-Фей.

– Чего?.. Чего Предвестник?

– Если это он, – оген словно не услышал вопроса Тлумана, заданного требовательным голосом, – то мы, либо должны нагнать тех, либо мы уже опоздали.

– Что за Предвестник? Три-Бланка?

– Как ни назови... Надо догнать. – Усы у Знающих опали. – Мы знали... Но не сейчас...

– Кемеш, – назвал Тлуман старого знакомого настоящим именем вождя банды, – как думаешь, на сколько мы опоздали?

– По всему, на полторы или две праузы.

– То есть... свиджей на пять... Там женщины... До Дороги Страхы ещё далеко. Можем догнать. К тому же...

Тлуман хотел сказать о шаре, но Кемеш перебил его:

– Есть другая дорога. И до неё свиджей пятнадцать. Так, оген?

– Наверно, так. Но не меньше.

– Вот что, Кемеш. Отбери у себя самых выносливых...

бойцов. Я найду у себя. И бегом вослед ушедшим. Остальные спехом за нами. У тебя есть путры-разведчики?

– Остались.

– Пусти их по следу. Скоро должен появиться наш воздушный шар. Минт – и вдогонку! Не мешкай, Кемеш!

Х”вьюся, изображая наивное любопытство, продвинулась к людям так близко, что слышала весь их разговор и после распоряжений Тлумана кинулась искать К”нъца, спрятавшегося в толпе от Присмета. Помнил он его или нет, но лучше не попадаться ему на глаза, так рассудил хопс, как только увидел бывшего Координатора. Пока Х”вьюся его искала, Л”юок вкупе с двумя путрами уже бросился по следу команды Свима. Да и люди Тлумана и Кемеша, наспех отобранные для погони, уже сгруппировались и готовы были пуститься в путь.

К”нъец мяукнул от известия напарницы.

Выбраться из толпы было не трудно, однако от неё до зарослей кустарника зияло вытопанное голое пространство и, внезапный бег двух путров по которому, мог привлечь внимание людей

– Пусть люди идут... – Мы за ними... – К”нъец от нетерпения топал копытцами.

– А я пойду... Не сразу, – сказала Х”вьюся и, демонстративно прихрамывая, побрела наискосок по полю.

– Осторожно там! – успел наставить её хопс.

И в этот момент люди, человек пятьдесят, побежали вдоль

берега. Вьючные торны, освобождённые от ноши, несли Знающих.

К”нзец зигзагами одолел открытое пространство и помчался вперёд, но лишь едва обгоняя людей.

Глава 15

Молотя пред собой по воде дубинкой и разгоняя в ней, во всяком случае, он надеялся на это, нежелательных ему обитателей, куда подальше от себя, Ф”ент довольно быстро нашёл обходной путь к дороге. Впрочем, углубиться ему по дну усыхающего Болота пришлось, по крайней мере, свиджа на два, зато дальше просматривался участок, который можно было, по всему, одолеть без помех.

Постояв, обозревая округу, стехар вынужден был дальше не идти. Поджимало время, и пора уже было возвращаться и встречать команду. Это он воспринимал, так сказать, на уровне сознания.

Однако не только это остановило его. В конце концов, десяток канторов, а то и полсвиджа пробежать недолго. Но внезапно ему показалось, ступи он ещё несколько шагов вперёд, и случиться что-то страшное. У него даже шерсть поднималась от одной мысли двинуться к ближайшей луже, матово отсвечивающей прямо перед ним. Что там его ожидало: какое-нибудь существо, готовое на него напасть, или что-то иное, он не стал уточнять и повернул назад.

Выбираться назад оказалось сложнее. Мало того, что в горку, так и из-за водных растений. Уходящая вода, да и сам Ф"ент, не помышляя о том, вытянули стебли в одну сторону, вглубь Болота, и теперь противостояли движению стехара. Ноги путались в них, а порой словно прилипали и тянулись за Ф"ентом тяжкими оковами. Стехару приходилось отсекать их кинжалом. Правда, имелась и положительная сторона обратного возвращения – слегка взбаламученная им же вода до половины пути помогала Ф"енту ориентироваться в правильности направления, а потом уже стал просматриваться и сам берег Болота. На него он выбрался, встряхнулся, но не успел отдышаться, как к нему подлетела Р"япра, радостно приветствуя его, так как уже отчаялась его найти.

– Где наши?

– Скоро, скоро будут! – заверила Р"япра. – А как ты? Ты всё нашёл?

– Всё в порядке, – солидно и с расстановкой отвечал Ф"ент, ощущая, как усталость отступает, и вливаются силы от чувства собственной значимости, раз уж даже Р"япра с восхищением поглядывает на него.

– А вон и наши!

Команда почти бежала.

Праузой раньше до того Малиона догнал Невлой с неприятным сообщением: он почуял преследование большого скопа разумных, нагоняющих команду..

Малион, не прерывая и не сбавляя хода, позвал Свима и

Зливан, сообщил о предостережении Невлоя.

– Помогите женщинам... Да и подстегните путров! – сказал Малион. – Свим, пошли кого-нибудь из них вперёд, чтобы мы в спешке не потеряли след Ф"ента!.. Ускоряем шаг! Зливан, скажи своим дурбам, чтобы Невлою не приходилось бы их подгонять.

– Эти не подведут! – заверил Зливан.

И он мог так сказать. Из семнадцати молодых дурбов, отобранных и собранных Кате Кинг Кторой и одобренных Калеей, в команде осталось только шестеро, в том числе и Сулон, стараниями Невлоя и Харана восстановивший зрение и свою физическую силу.

Перебросившись с ними репликами, Зливан нашёл в них родственные ему души. Всем им, как и ему, нравились перипетии их участия похода к Скале: целенаправленность, отношения в команде, пережитый збун, неожиданное, почти невероятное для них появление Малиона и Невлоя... А недавний бой, где только они и, высмеиваемый ими до того увалень Камрат, для которого, казалось, не существовало ничего и никого, кроме Рении и безмозглого одура, втроём справились с несколькими десятками напавших на команду разумных, дал понять молодым дурбам, что то, чем они грезили, становясь дурбами, воплощается в реальности: их окружает неизвестность, помогают могущественные силы и берегут их жизни для грядущих каких-то свершений.

Все они жаждали продолжения...

Ф"ент, по прибытии команды, сполна был вознаграждён за проведённую им разведку.

– Мы надеялись на тебя, стехар!.. Ты не подвёл!.. Это восхитительно!.. – сыпалось на него со всех сторон, заставляя его забыть пожаловаться на боли в хвосте.

Но радость встречи и проверенного обхода к дороге, ведущей к Скале, омрачало отсутствие К"нъца и Х"вюси. Правда, К"нъец мог задержаться, наблюдая за теми, кто идёт в погоне за командой, а вот Х"вюся, как связная, должна была догнать с сообщениями от него, по крайней мере, уже раза три, но она появилась лишь однажды.

Удалившись от берега на полсвиджа, команда остановилась. После объяснений Ф"ентом дальнейшего обходного пути к дороге, решили его послать назад для встречи К"нъца и Х"вюси. А в напарники ему, по рекомендации Невлоя, определили Т"евара.

Ф"ент вначале даже отпрянул, увидев его.

– Не бойся, стехар, – сказал двейрин. – Он выполнит любой твой наказ и будет хорошим помощником. Кто знает, как там у вас может сложиться при ожидании появления К"нъца...

Т"евара же, недолго думая, предложил Ф"енту взобраться к нему на закорки.

– Ты устал, а так мы быстрее дойдём! – хрюкнул он, и явно подражая Невлою, сказал: – Не бойся!

Невлой отметил его высказывание своим громоподобным

смехом: Хо-хо!

Вот так Ф”ент впервые в жизни устроился и поехал на горбе другого выродка. И это ему понравилось. Чуть позже, он даже стал помыкать им, а Т”евара, словно в охотку, выполнять его прихоти.

Проводив их, команда двинулась дальше. Но вскоре люди стали ощущать нарастающую тревогу, переходящую в страх.

Грения, пожалуй, первая пожаловалась Камрату на свои ощущения, всё больше беспокоящие её. Слышавшие между ними разговор Гелина и Думара тоже подтвердили, что им становится страшно, будто впереди их ожидает нечто ужасное, отчего у них мороз по коже и нет желания идти дальше. А следом за ними о том же поделились женщины и, смущаясь, дурбы.

Малион обменялся мнением с Невлоем, но двейрин ничего определённого сказать не мог, хотя, подобно всем, чувствовал нарастающую тревогу.

– Здесь мы с тобой, наверное, уже бессильны, – задумчиво проговорил он. – Полагаю, начинается время Камрата... Дорога, знаемая им и только им.

– Возможно, ты прав, – меланхолично отозвался Малион и молча зашагал, пересекая небольшую перемычку между соседними бочажками мутной воды с зеленоватыми прожилками водорослей.

А Камрат, как только ступил в первую от берега лужу и двинулся по извилистому пути за Ф”ентом, словно как по-

грузился в иной мир, где ему открывались бездны каких-то знаний – новых и непонятных, потому что он ещё не знал, зачем они ему? К чему он их может приложить?

Но когда заговорили об опасении, поджидающей команду по мере их углубления в пределы бывшего Болота, он вдруг отчетливо представил, почему так происходит, хотя сам никакого страха не испытывал. Напротив, стал понимать, что так должно было быть и ему пора вмещаться в действия Малиона и Свима.

Он подошёл к ним, уже остановившим команду, поскольку никто не мог по своей охоте идти за ними, и сказал:

– Дальше окольным путём идти нельзя. Надо выходить на дорогу!

– Почему ты так думаешь?

– Я это знаю, – чётко проговорил Камрат.

Он не заметил, как одобряюще, почти торжествующе переглянулись Малион и Невлой, как на лице Малиона появилась улыбка, как расширились глаза Невлоя, как Свим озадаченно посмотрел на Проводника. Но Малион не ответил на его взгляд, и Свим понял – решают без него. Но не обиделся, а тоже будто бы нашёл своё место во вновь создающейся в команде субординации. Спросил:

– Как пойдём?

– Пока никак, – сказал Камрат. – Надо подождать К”нюшу и стехара и тех, кто с ними. Они нам все нужны... Давай-те-ка здесь и подождём, – показал он на небольшой обсох-

ший пригорок, а может быть, и недавний островок.

– К”ньяна! – окликнул Свим хику, повернувшей назад по направлению к берегу. – Ты куда?

– Встречать К”ньяца.

– Не держи её, – сказал Харан, усаживаясь рядом с Гелиной.

– Как я её понимаю, – многозначительно проговорила Жариста, опираясь на локоть Сестерция, вывернутый в другую сторону..

Вынужденной задержке, а, значит, отдыху, покорились с охотой. И то. До середины дня покрыли значительное расстояние, да ещё и с препятствиями, о которых вспоминали без желания что-либо о них говорить. А ходьба по воде утяжелила одежду, а на пригорке она могла избавиться от неё. Появилась возможность спокойно поесть.

Харан, а затем и Невлой неторопливо обошли всех людей и помогли тем, у кого возникли какие-либо проблемы: где-то чем-то ударился, поцарапался, продираясь через кусты, да мало ли что могло произойти с человеком при такой гонке. Больше всего внимания они уделили дурбам, оставшимся в команде, но те в основном были озабочены мокрой одеждой – не привыкли они ходить по лужам.

Не прошло и четверти праузы, как утомлённые лица посветлели. Люди и путры наперебой заговорили, спеша выговориться. При беглом шаге каждая реплика давалась с трудом.

– Если бы я знал, чем всё это кончится, то расстался бы с тобой уже в Сохе, – монотонно, словно давно придуманное, проговорил Ольдим, подсев к Свиму.

– Что тебе помешало сбежать от нас по дороге? – безучастно спросил Свим, помогая сапогам быстрее очиститься от грязи. – Вон, дурбы захотели – и... нет их. К тому же, всё это не кончилось, а, сдаётся мне, только начинается.

– Наверное, – кивнул Ольдим. – И Камрат... Он теперь ведёт команду. И знаешь, я заметил, что Малион как будто ждал этого.

– Всё так и должно быть. О том же нам говорила Калея. Да и пора уже. Малиону это тоже, по всему, не под силу, не говоря уж обо мне. До поры, до времени я водил команду. Когда знал – куда. А теперь – куда? Недаром Калея намекала, мол, помогут нам разобраться и с этим. – Свим отбросил кусочек грязи, вытер пальцы о куртку. Усмехнулся. – Так чего не сбежал?

– Тебя одного боялся оставить, – неправильные черты лица Ольдима исказились. – Это я так... Сам понимаешь, сомнения были. Были, пока не увидел оголённое дно Болота. И этого всезнайку Малиона! И правда, откуда он всё знает? Как ходячая архива!.. Нормальный человек не может столько знать!

– Если он человек... Впрочем, общаясь в эту весну с Идрисом, Камратом, Калеей и с этими двумя, о которых Калея якобы ничего не знает, я тут подумал и попытался заглянуть

в себя глубже.

– Ого! И что увидел?

– А, ничего! Но мысль осталась. Вот мы с тобой, да и все здесь с нами, нормальные люди?

– Я-то нормальный.

– Это, когда в зеркало не глядишь... Не сердись. Я не о том. Ну, хорошо, если Малион и Камрат – это некие непростые люди. Однако недаром, что именно мы при них, а? В команде кто-то появляется и уходит, но остались мы, пройдя через Дикие Земли, Заповедник Выродков, сражения, Сажаней и сидение врозь в Примето. Так кто мы?

– Ну, Еменков!

– Что ну, Зинема?

Они посмотрели друг на друга и засмеялись, хотя так хотелось думать Свиму. Он-то смеялся точно, но лишь звуки, издаваемые Ольдимом, могли подтвердить, что он, наверное, тоже смеялся...

Грения, прильнув к Камрату, испуганно прислушивалась к тому, что обуревало Камрата и частично передавалось ей. И то, что открывалось Камрату из освобождённых тайников его сознания, для Грениии мнилось вспышками. Вот громадный зал и озабоченные люди вглядываются в неё, что-то говорят, но лица их смазанные, словно пролетающие мимо... Звёздное небо чистое от мути, до каждой звезды можно, кажется, дотянуться рукой... Боль в висках от только что направленных на них узких лучей света... Руки... Не её ру-

ки, а миниатюрные, детско-нежные, они касаются кончиками пальчиков, будто хлопают в ладоши...

А Камрату тоже открылись лица, мужские и женские, преимущественно старые, каждое из них приближалось к нему, пристально рассматривало, а губы у всех складывались в короткую фразу: – Это он!.. Смеющееся лицо молодой женщины, тут же сменившееся на печальное и залитое слезами... И череда дней, а, может быть, месяцев, проведённых в мрачных и тесных, а то и в светлых просторных помещениях... Опять лицо молодой женщины, но уже не над ним, а напротив, и в слезах... И тут же следом – сосредоточенные на какой-то идее люди, иные уже знакомые по предыдущим видениям, и новые, и их общий вердикт: – Он сможет! Но надо теперь ждать... Должны прийти другие...

Другие... Камрат даже хмыкнул от неожиданного понимания, кто они – эти другие. Вскинул глаза на Харана с Гелиной, что плечо к плечу молча сидели невдалеке от него. Ведь они – кольцо, по которому пульсирует один из ключей для вскрытия Скалы Перехода... И Жариста с Сестерцием... И ещё кто-то... Без них нельзя запускать системы перехода, иначе... Дурбы – составляют единую цепь последовательных действий, выполняемых только вкупе всеми шестерыми. Именно они образуют ту импровизированную лестницу или нечто подобное, позволяющую ему и всей команде ступить на Скалу, а затем войти с ней в контакт... Вот это да-а... И Ольдим в паре... надо же!.. с Р”япррой. Только с их помо-

щью можно будет вывести все системы из многотысячелетней спячки...

Всё это внезапно возникало и мелькало в мыслях Камрата, как разлетающиеся брызги разбивающейся о камень воды, оттого без уяснения пока что кто, когда и каким образом проявит своё предназначение для оживления систем Скалы.

А в это время в трёх свиджах от команды, на берегу происходили свои драматические события, меняющиеся каждый миг.

Ещё сегодня утром, выбегая в первый раз впереди отряда Кемеша, Л"юок почувствовал некий знакомый запах. Он растворялся во множестве других, исходящих от людей и выродков, но что-то напоминал такое, отчего потомок куницы никак не мог отделаться: его он не только тревожил, но и наталкивал на мысль: – такого быть не может!

Когда Кемеш послал его в разведку после встречи с тескомовцами, Л"юок наткнулся на след, оставленный совсем недавно. Принюхиваясь к нему, он, наконец, вспомнил, кому он принадлежит – Ф"енту.

Ф"енту! Этой неумной ценимой Кемешем собаке, любившего, чтобы его называли ни кем-то, а именно стехаром. Вождь банды всегда прислушивался к его рассуждениям и иногда соглашался с ними. Однако, боясь потерять его, порой, покидая базу банды, сажал стехара в клетку или приковывал его к стенке. И всё-таки этот проныра сбежал, опеча-

лив Кемеша. И вот он – здесь!

Л”юок дал команду двум другим рослым, из тигров, выродкам идти по следу дальше, а сам вернулся к Кемешу, чтобы сказать ему о находке.

– Ф”ент? Ты уверен?.. Неужели всё-таки Ф”ент! – воскликнул Кемеш и сказал Тлуману, бегущему рядом с ним: – Тогда становиться многое понятным. Вот кто побывал у меня на базе весной. Кстати, там был мальчик. – Он вкратце описал произошедшее нападение неизвестных на базу в его отсутствие. – Этот Ф”ент провёл их через долину вупертоков. Потом я слышал, что его самого и всех, кто с ним был, в том числе и мальчика, съела эта безмозглая саранча. Так?

– Было такое, – подтвердил Тлуман.

Но его удивил сам факт, что словно вдруг, сконцентрировалось на одном и том же месте и в то же самое время: Камрат, те же самые люди и даже выродки. Это с одной стороны. А, с другой, – он и Присмет, в том числе. Теском и банды Лесмы, Монжора и даже Кемеша. Неспроста всё это.

– Не кажется ли тебе, – сделав передышку, сказал Тлуман, – что ещё прауза, ну, быть может, две, как мы окажемся на грани... Как бы это сказать?..

– Не надо! Я тоже так думаю. Даже вот здесь, – Кемеш коснулся рукой левой половины груди, – щекочет. Как некое предчувствие... Правда, не знаю чего. Никогда у меня такого не было. Бегу вот, а знаю, только для того, чтобы стать свидетелем чего-то... Успеть бы!

– Даже так?... – спросил Тлуман, но чуть позже подтвердил: – А впрочем, наверное, должно быть так.

Как ни таился К”нъец, а его и Х”вюси дорога пересеклась с дорогой Л”юока и его подручных.

К”нъец слишком поздно сообразил и оттого был недоволен собой, ведь когда вдруг куница решил вернуться к бегущим людям, он мог бы встретить его из засады и поразить его мечом, а не ломать себе голову, чего это разведчик решил о чём-то поведать преследователям команды Свима?

Он и Х”вюся бежали параллельно с разведчиками людей. Кусты надёжно скрывали их. Но так долго продолжаться не могло: и те и другие мало, что имели одну и ту же цель, но вскоре выскочили на открытое пространство.

На стороне Л”юока была сила, и он пошёл на сближение.

Сам куница для К”нъца мог не представлять особых хлопот по отражению его нападения, но с ним находились два выродка – потомки тигров.

– Беги, Х”вюся, скажи нашим о Кемеше и тескомовцам. И что они бегут следом, – распорядился К”нъец. – А я попробую этих задержать хотя бы на минт, чтобы тебя не догнали.

– Один?

– Вот и предупреди, что один. Они поймут.

– Я горжусь тобой! – крикнула Х”вюся и устремилась вперёд.

А К”нъец бросился наперерез разведчикам.

Те, по-видимому, такого решительного манёвра от него не ожидали, к тому же они были вооружены только кинжалами. Так что краткое их замешательство от безумного, на их взгляд, набега хопперсукса, а потом возникший в его лапинах меч, дали возможность К”нъцу с наскока ранить одного из тигриных и вывести его из строя потенциальных противников. А вот сразу же дотянуться мечом до куницы не удалось.

Разведчики оправились от наскока хопса, стали с двух сторон и одновременно напали на него. К”нъц только чудом увернулся от жала клинка, направляемого Л”юоком, решил, что пора отступать, а вернее пуститься наутёк.

Выродок из тигриных, массивный и разучившийся долго бежать, постепенно стал отставать, а куница почти наступал на пятки К”нъца. Раза три К”нъц прекращал бег, встречал и пытался вступить с ним в схватку, но Л”юок, видя превосходство, тут же отступал, прыгал из стороны в стороны, изворачивался, пока не набегал тигр.

К”нъц стал выдыхаться, что не говори, но бежать, нападать и отбиваться, и всё на пределе сил, тоже сказывалось на нём. А вот куница, похоже, не знал усталости: нагонял, отступал, а когда заметил, что хопс стал слабеть, всё ближе подбирался к нему.

Х”вьюсе пришлось пробежать не менее полутора свидажей, прежде чем она наткнулась на поджидавших её и К”нъца путров. Ф”ент, услышав о Кемеше, подскочил на

месте, преодолевая боль, поджал под себя хвост. Не скажи Х”вюся следом о какой-то кунице и тиграх, где-то тут рядом задерживаемых К”ньцем в одиночку, он, наверное, забыв обо всём, был готов броситься в бега. Куда? Да хоть куда, лишь бы дальше от Кемеша.

– Я знаю эту куницу, – определил стехар. – Это Л”юок! Т”евара, за мной!

К”ньец остановился на пути куницы, дальше он бежать не мог. А всего в канторе от них уже пыхтел и медленно, но неотвратимо надвигался тигр. Хопс бессильно мяукнул, ощерился, готовый дорого продать свою жизнь.

Но тут всё переменялось. Куница, только что намеренный напасть на него, вдруг замер, оглянулся на тигра и попятился. К”ньец стал тоже отступать от него, но топот, нарастающий сзади, заставил его обречено обернуться к новому противнику, так как никто не мог так бежать к нему на помощь. Мимо него пролетел Ф”ент и туша странного на вид выродка.

– Ф”ент! – взвыл Л”юок. – Я знал, что ты здесь! Кемеш тебе...

Он не успел высказать угрозу, так как тут же был растоптан кабаном.

– Уходим отсюда! – крикнул стехар.

Тигр остановился в отдалении, не рискуя подвергнуться участи куницы. А вдали, в мареве мутного воздуха уже можно было различить большую группу бегущих людей.

Т”евара с помощью Ф”ента взвалил на себя К”ньца.

– Ну, кошка! Один против всех! – только и выговаривал Ф”ент, придерживая хопса, чтобы тот не свалился на землю от быстрого и неровного бега кабана.

Единственное, что понял Кемеш из сбивчивых рассказов раненого и оставшегося в живых выродков, так это подтверждение – здесь был Ф”ент. А остальное – какой-то бред: хопперсукс не то из кошек, не то из козлов, один напал на троих. Затем появление Ф”ента с выродком-кабаном, который якобы тут же напавшим на Л”юока и затоптавшим его копытами, после чего посадил на себя хопперсукса и ускакал, а за ним – и Ф”ент.

Всё это похоже на фрагмент из сказания о Великой Войне Выродков. Так Кемеш и сказал Тлуману.

– Из сказаний или нет, но... скоро, скоро... – Тлуман поперхнулся, надсадно прокашлялся. – Давай сбавим ход. Всё произойдёт где-то здесь.

– Думаешь, прибежали?

– Думаю...

Появление путров с К”ньцем на Т”еваре оживило команду, отдохнувшую и готовую двинуться дальше.

К”ньец, было, стал говорить о слиянии банды Кемеша и тескомовцев Тлумана, но Камрат остановил его.

– Не надо, К”ньюша! Это уже не важно. Они так и должны были поступить и прийти вовремя, чтобы дополнить нашу

команду недостающими разумными.

Хопс теперь не Свиму, а Камрату посетовал:

– Ну, зачем они нам? Нас и так... толпа.

Невлой не преминул хохотнуть на его ропот.

– Поймёшь, К”ньюша, потом. А сейчас, – Камрат посмотрел на солнце, – время пришло. Всем встать! Идём кучно. Впереди Малион. Никто не должен обгонять его и меня, но и отставать от нас не более десяти берметов... Ко мне ближе! И... время! За Малионом!

До просматриваемой уже дороги осталось пройти всего кантор, как даль за отхлынувшими водами Болота стала быстро проясняться.

– Збун идёт! – заволновались люди.

– Нет! – прикрикнул Камрат. – Нас заметили! Малион, твоё время! Все к нам ближе! Быстрее! Ближе!!

И тут же команда ступила на дорогу. Вода, будто стеклянистая лента её ещё заполнявшая, как бы от давления ног разумных, волной умчалась вдаль, а навстречу ей веером брызнули разноцветные лучи, накрыв команду радужным куполом.

– Всё! – облегчённо сказал Камрат. – Дорога нам открыта. Но пройти её будет нелегко.

– Нас догоняют! – перебил его испуганный голос Жаристы.

Камрат оглянулся, через головы посмотрел на бегущих по направлению к ним людей, кричащих и размахивающих ме-

чами.

– Не страшно, – спокойно сказал Камрат. – Они не пройдут, кроме тех, кто нам нужен.

...Объединённый отряд людей Кемеша и тескомовцев наскочил на дорогу, которая, как подсказали Знающие, напрямую ведёт к Скале. И не мешкая, бросились по ней, вспенивая воду, собранную в узкой ложбине дороги.

Вскоре они заметили команду, ведомую Камратом, подходящую к дороге со стороны. Их разделяла четверть свиджа. Ещё десять минут и... Руки, словно сами, потянулись к мечам, а из глоток вырвался торжествующий клик.

Но вдруг в глаза бегущим ударили огненные лучи и зашторили дорогу мерцающей стеной.

– Не подходите к ней! – закричали в два голоса оген и Ей-Фей. – Опасно!

Однако азарт погони многих захватил целиком, и они пренебрегли предостережением Знающих. И тут же поплатились... Яркие вспышки, и пятерых преследователей не стало, лишь хлопья чёрной гари медленно осели на землю.

Люди отпрянули от зловещего барьера, ставшего на их пути. Кемеш, едва с ходу не сунувшийся в него, испытал неуживчивую дрожь.

– Ещё шаг... – заикаясь, сказал он Тлуману. – И всё бы...

Думерт сам переживал подобное. А ведь опережал Кемеша, но в берметах десяти он как будто услышал внутренний голос, крикнувший ему: – Стоп! Но вернее всего, он услы-

шал Знающих и поверил им.

А Знающие слезли с выючных торнов, протолкались через ругающихся почём зря тескомовцев и бандитов, и приблизились к завесе.

– Они чего это задумали? Снимут барьер? – с надеждой спросил Туман Кемеша.

– Сейчас узнаем. Оген, мы можем пройти?

Оген чуть повернул голову к нему.

– Вы – нет! А нас зовут!

– Кто вас может звать? – наливаясь гневом, бросил Кемеш. – Вы нас завели! Чтобы бросить?.. Уничтожить?.. Вы!

Но Знающие его не слышали. Они взялись за руки и обречённо, как можно было судить по их опущенным плечам и осторожности, двинулись на завесу.

Кемеш в ярости выхватил кинжал и метнул его в спину огена. Но стремительный полёт клинка оборвался бледной искрой, как только он коснулся мерцающего разноцветного полога, сомкнувшегося за Знающими.

Не успел он пережить бессмысленной потери кинжала, послужившим ему лет сто и ценимый им, поскольку тот был из настоящего металла и вечным, как кто-то из его опритов, грубо оттолкнул его, как стоящего на дороге, и бросился на барьер...

И... оказался по ту его сторону. Возникший общий вскрик из десятка глоток вслед безумцу, сменился возгласами удивления.

Оприт оглянулся, и Кемеш узнал в нём Орея, подвязавшегося в банде уж лет двадцать. А Орей, оторопело глядя перед собой, постоял и шагнул назад, покинув зону защиты.

– А-а! – закричали ободрённые его успехом бандиты и тескомовцы, и не менее десятка кинулись к радужной завесе.

Вспышки... И только чёрная пыль ссыпалась на землю.

– Ты!.. Что наделал? – Кемеш с кулаками набросился на Орея.

– А я что? – в отчаянии воскликнул Орей и под натиском вождя банды отступил и опять оказался за гранью, только что спалившей в прах людей.

Кемеш отскочил назад в бессильной злобе невозможности достать оприта, забегал туда-сюда. А Орей, широко раскрыв от недопонимания ещё того, что он сделал, следил за его судорожными метаниями с той стороны барьера. Вдруг он оглянулся, словно на окрик, нерешительно потоптался на месте и, наконец, неуверенно ступая, как по скользкому льду, стал без оглядки уходить по дороге за Знающими.

– Я тебя ещё достану!.. Ты у меня ещё пожалеешь!..

Вождь опритов охрип, выкрикивая проклятия, наконец, взгляд его упёрся в Ий-Соя.

Ий-Сой тоже был Знающим, но у него никакого контакта с ушедшими за барьер не существовало. Они его будто не замечали, а он не навязывался к тесному с ними общению. Да и в банде, к которой прибился лет пять назад, он держался как обыкновенный оприт без каких-либо замашек Знающего.

– А ты, какого Края, тут стоишь? – закричал на него Кемеш. – Тоже показать себя хочешь? Как же...

– Мне здесь не пройти, – попытался объяснить Ий-Сой и благоразумно отступил от него за спины опритов, но Кемеш, похоже, его не слышал и даже тут же позабыл о нём.

А Тлуман тем временем философски констатировал: он же знал о таком окончании их вполнощённого бега в попытке догнать не догоняемое. Камрата или кого там по-настоящему нэму не могли догнать как заложенного в образе мальчика, а ныне, когда он изменился, это, наверное, не подвластно никому.

Люди позади Тлумана неожиданно притихли, подняв головы вверх: к ним опускался воздушный шар.

Мерсьек выскочил из гондолы, завидел Тлумана.

– Не пострадали? Это же убивает!

– Знаком, что ли? – грубо спросил Кемеш, всё ещё не успокоенный предательством Знающих и Орея.

– Знаком... А-а, старый знакомый!

– Тулоном его зовут, – поспешил подсказать Тлуман, и тут же без передыха: – Мои пятеро сгорели... в прах.

– А эти... сволочи прошли! – выкрикнул Кемеш.

– Кто?

– Знающие, – ответил Тлуман. – Их якобы позвали, и они прошли. Во-он они. Парочка... А за ними...

– Я ему бы... Им бы с шара камень на голову сбросить!.. Да я бы сверху сам спрыгнул и придавил бы их! – продолжал

неистовствовать Кемеш.

Мерсьек покачал головой.

– Мы тогда тоже так думали... Ни от кого даже дыма не осталось. Лишь нам с Капуром повезло... Повезло не сгореть. Мы во время выпрыгнули из гондолы. Я упал в яму с водой, а он... – голов Мерсьека дрогнул, – насмерть о землю.

Тлуману показалось, что в глазах Мерсьека даже блеснули слёзы. Наверное, показалось, так как Мерсьек деловито сообщил о большой группе людей, подходящих сюда вдоль берега.

– Это наши.

– Тебе лучше знать... Прошлый раз это возникало при каждом подлёте... Знавал и тех, кто хотел доплыть до Скалы на лодках и даже под водой. Но их ожидала та же участь: дым столбом вверх и – всё!

– И что теперь? – задумался Тлуман. – Возвращаться ни с чем восвояси?

– Ну, уж нет! – в запальчивости выкрикнул Кемеш. – Пойду к Дороге Страха! Не здесь, так там! Помолчал и уже спокойно сказал: – И посмотрю, что это за чудо такое – Дорога Страха. Сюда, думаю, никогда больше не приду. А отсюда до неё всего дня два пути, наверное, не больше.

– Там будет то же самое, – заметил Мерсьек.

– А, может, и нет! – живо возразил Кемеш. – Здесь пропустило этих, а там пропустит нас.

Мерсьек хмыкнул и посмотрел на Тлумана.

– И такое может быть, – сказал думерт. – В конце концов, мы не знаем, чем руководствовались древние, ставая барьер.

– Наверное, – уже без интереса отозвался Мерсьек. – Но я... мы улетаем. Могу прихватить тебя до Примето. А бойцов пусть ведёт кринейтор. Его дело.

– Заманчиво, конечно, – Тлуман помедлил, – но я не привык... Вернусь со всеми. Да и роль моя следить за порядком в нашей части бандеки.

– Одобряю. Тогда, что ж... До встречи! А тебе... Тулон, как тебя назвал Тлуман, желаю удачи!

– Удача ищет того, кто ищет сам! – кинул Кемеш. – До встречи!

– Что-то наши встречи зачастили. Ты не находишь? – провожая Мерсьека к гондоле, спросил Тлуман. И чуть тише: – И с вождями тоже?

– Тут ты прав... Лопсис, взлетаем!

– Невлой, ты видишь?... Это же... Знающие! – Малион впал в возбуждение, такого за ним никто не знал. – Камрат! Они всё-таки нас догнали! Это они шли с Кемешем! Я теперь не знаю...

– Знаешь, Малион. Всё знаешь, – мягко, словно обращаясь к тяжело больному человеку, сказал Камрат. – Подумай, напрягись и... вспомни... Ну-ну, Малион!.. Недостающие звенья...

– А? – задохнулся от догадки Малион. – Посланцы Снеж-

ных?.. Но... зачем?

– Да, они. Так же как и вы с Невлоем.

– Мы?.. И Невлой?.. Невлой, слышишь... и ты...

Невлой болванчиком покивал головой, глаза его расширились, как если бы он увидел нечто невероятное.

– Вы, Малион, вы... Напрягись и вспомни! Ты же их знаешь. Ой-Мой и Ей-Фей... Вы же неоднократно встречались. Вы – звенья Идеального Проводника. Вы – наше прикрытие от воздействия систем защиты Скалы... Вспомни!

Люди и путры команды слышали необычные наставления Камрата Малиону, но и с замиранием сердца, когда, кажется, сейчас откроется правда всего пережитого ими, замороженно поджидали медленно подходящих к ним рука об руку Знающих. И у каждого назревала своя истина, чтобы вот-вот прорваться, однако она явно была связана с другими членами команды, ибо без них она теряла какой-либо смысл.

Как бы ни отличались Знающие внешним видом, одеждой и растительностью на лицах от людей, ждущих, когда они подойдут к ним, но они тоже были люди, и в их осторожных шагах и во взглядах читалась робость от встречи, назначенной, как оказалось, не ими. Ведь до последнего момента им казалось, что всё должно было произойти не так. Ибо они мнили себя ключевыми фигурами в грядущих событиях. Всё в их подчинении, всё вращается вокруг них. Но, оказалось, – это совсем не так. И где-то здесь, впереди, среди поджидающих разумных, находился тот, кто позвал их. И их ощущение

ния его восприятия сливались воедино. Здесь был тот, о ком они знали всегда, и это воспоминание крепло в них. Это тот, кто найдёт для них место среди подобных им разумных по назначению ...

Но кто? Поле его присутствия затопило округу, окутало всех и вся, сжало до пределов пространство.

– Это же... Проводники, – прошептал Ей-Фей.

– Они, – как эхо отозвался оген, Ой-Мой. – Мы теперь вместе.

Наконец, Знающие, не размыкая рук, подошли к команде.

– Кто нас позвал? – смиренно спросил Ой-Мой, обегая быстрым взглядом людей.

– Я, – просто сказал Камра. – Отбросьте сомнения! Присоединяйтесь к нам. И... вот ещё один на подходе...

Орей, готовый ко всему, нерешительно стоял, не дойдя до команды шагов двадцать. Он всё ещё находился под впечатлением своего нечаянного поступка. Он же видел, к барьеру подходить опасно, но его будто бы кто в спину толкнул. Он даже не ощутил перехода. А потом его опять же какая-то неведомая сила заставила идти сюда.

Камрат же при его появлении ощутил смутную тревогу: новичок как ему показалось, был лишним довеском команде. Если Знающие сразу стали понятны как ожидаемые недостающие звенья, то человеку, что пришёл от барьера вслед за ними, а теперь стоящему в отдалении и нерешительно переступающему с ноги на ногу, не находилось нужного места

в предвидениях Камрата. Это было инородное дополнение к, как будто уже полностью сформировавшейся замкнутой группе тесно связанных между собой разумных, её составляющих.

Но что теперь предпринять, Камрат не знал. Спрашивать кого-либо или советоваться с кем-нибудь из команды по такому поводу не было смысла: не знал он – не знает никто. А этот человек может стать одним из нужных дополнений, но, может стать, не только обузой, но и разрушителем усилий идущих к Скале, препятствием её достижения.

Обдумать до конца возникшее сомнение не было времени. Надо будет ещё присмотреться к этому человеку, на вид совершенно безопасному и, похоже, потрясённому своими необычными поступками.

– Присоединяйся к нам, – не подав вида озабоченности, позвал его Камрат. – Как тебя зовут?

– Орей Опистель Оплон.

К”нзец наклонился к К”ньяне, прошептал:

– У нас в команде всегда так было. Посоветуемся со Свимом, присмотримся и приглашаем кого-нибудь к себе в спутники... И знаешь, Камрат был первым.

– Посоветуетесь, говоришь? – гавкнул Ф”ент, пришедший в себя от дневной беготни. – Ты же всегда ворчал и говорил, зачем он нам нужен? По тебе, так никого в команде кроме вас двоих до сих пор не было бы.

– Я, собака, тоже до сих пор тебя считаю лишним в ко-

манде. Зря взяли!

– Тебя не спросили, кошка. Чтоб ты делал без меня?

Сестерций скосил глаза на пугров.

– Помолчите вы! – сказал строго: – Камрат говорит!

– Подходи, Орей Опибель Оплон. Здесь твои друзья. –

Камрат повёл рукой вдоль нестройной шеренги команды. – И так, – повысил он голос, – раз мы все в сборе, я всем теперь должен сказать... И обо всех. Так как каждый из нас – необходимая частица нашей команды, при отсутствии хотя бы одной из них, наша миссия выхода к Скале Перехода и пробуждения её невозможна.

– И без меня? – вдруг спросила, обычно молчаливая, Думара и застеснялась своего голоса в наступившей тишине и самого вопроса.

– Тем более что без тебя, Думара! Так же как без Ф”ента и Сестерция, без Сулона и Иляны, как без Ольдима и Ой-Моя, как без каждого из нас...

И тут прокричал одур.

До того он спокойно спал под защитой куртки Камрата, но неожиданно высунулся, показав лысую ушастую голову, схожую с искажённой человеческой. Оглядел всех и, проворно цепляясь руками и ногами за воротник куртки, взобрался на плечо Камрата и прокричал.

Крик его, естественно, не был похож на ухающие, замораживающие кровь звуки, издаваемые взрослыми одурами. Но он прокричал, выкатив круглые глаза из орбит. Это был

его первый крик, оповещающий о своём праве состоять в команде.

Вызов агоровца как всегда прозвучал некстати, хотя какие-либо дела у Жуперра к этому времени отсутствовали. Он отсиживался за столом, разглядывая ногти рук, и пытался ни о чём не думать, тем более что тем для размышлений практически не осталось. После весенней активности и посылки Тлумана вдогонку Ольдиму, а, может быть, и пресловутому Свиму, всё в подчинённой Южному Тескому территории затихло, затаилось. О том, что твориться у Болота – Жуперр выбросил из головы. А в остальном тескомовцы как бы лишились привычных занятий. Дороги между городами словно вымерли, даже банды куда-то подевались: то ли между собой где-то сводят счёты, то ли подались ближе к столице, где до сих пор кипят страсти и распри.

Пора бы уже пойти к себе, поесть и завалиться спать. Вот и Сунда уже, зная его распорядок, завозился над головой.

И вдруг агоровцу вздумалось его позвать. А ведь, думалось, уж позабыл о нём.

– Да-а, Жуперр, как мы с тобой, а? – удивляя Жуперра, начал агоровец странной фразой разговор. – Ну, и хорошо, что так случилось! Не находишь?.. Да и не могло быть иного. Но ведь кто знал?.. – («Заговаривается», – подумал Жуперр. – «Или коввды выпил не в меру»). – А мы-то, мы!.. Бегали по всей бандеке... Что молчишь? Или не догадался о

чём я говорю?.. Напрягись, Жуперр! И поймёшь, что ловили и охотились за ветром в Пустыне Снов.

– Три-Бланка? – спросил тескомовец.

– Он такой же Три-Бланка, как мы с тобой закрайники. Он – Предвестник, он же Аба-Ава, он же Объединитель, он же... плод тысячелетнего отбора!.. – похоже агоровец задохнулся, перечисляя все известные ему имена Грядущего или Спасителя Человечества.

Жуперр со своей стороны мог бы добавить ещё пяток броских имён того, на кого намекал агоровец, хотя всё это существовало, как он предполагал, да и знал, опираясь на жизненный опыт, за пределами реальности, и его собеседник по ту сторону связи и вправду что-то перехватил лишнего и теперь несёт несусветную чепуху.

– Вижу, не веришь! А зря, Жуперр. Камрат... Да, этот бывший мальчик, и есть именно тот, о ком я сказал. И он уже ввёл своих Предначертанных за пределы барьера защиты Скалы Перехода. Так-то, Жуперр!

Тескомовец даже поморщился от маниакального утверждения агоровца, но сердце дрогнуло. А, вдруг, всё так и есть на самом деле? И кто-то, неважно кто, Камрат или кто другой, сейчас на пути к мифической Скале? К творению древних, окутанному столькими домыслами и мистическими образами, что впору при трезвом размышлении отбросить все сомнения и воскликнуть: Всё это выдумка! Выдумка, пущенная когда-то в обиход, чтобы хоть как-то оживить,

взбодрить, в конце концов, и заставить пробудиться и ещё во что-то поверить и тем самым повернуть историю умирающего человечества если не вспять, то и не допустить дальнейшей его деградации.

– И что теперь? – спросил Жуперр, заведомо зная ответ.

– А ничего!.. Мы выбыли из игры, затеянной давным-давно Снежными и иже с ними.

– Ждать?

– Вот именно.

– Чего?

Жуперру показалось, что его собеседник смеётся в кулак где-то там, у себя от наивности его вопроса.

И, наверное, прав...

«Но тогда, наверное, правда и в ней, – посмотрел Жуперр на запретную нишу. – Неужели сбудется?»

Глава 16

Не все люди, обитатели города-спутника, погибли при его падении на Землю, чего нельзя сказать о тех населённых местах на поверхности планеты, куда этот спутник упал – здесь и далеко за пределами этого падения, жизнь практически исчезла.

А в самом городе-спутнике системы обеспечения жизнедеятельности оказались столь надёжными, что дали возможность тем, кто успел воспользоваться специальными каме-

рами, остаться в живых. Правда, опять же – это кому как повезло. Они не попали в зоны взрывов, первичных ударов, вечного замуравывания в обломках и в недрах земной коры. К тому же по большей части своей – это были обыватели по роду своих занятий, не имеющих отношения ни к научной, ни к управленческой деятельности внеземного города.

Многие годы потребовались на консолидацию разрозненных групп и одиночек, если они доживали до того, в некоторые общности людей. Так в зоне разрастающихся Суремных гор на осколках спутника появилось несколько поселений, на столетия изолированных друг от друга и от окружающего мира, поскольку были немногочисленны, не имели доступа к средствам связи, и все силы их уходило на выживание. Но если они вдруг узнавали о соседях, то не всегда шли на сближение, чаще всего это оканчивалось забвением связей и новой изоляцией ото всех. К тому подвигало их не только скудость ресурсов, а непонимание нравов и традиций, установленных в замкнутых мирках, опасение попасть в подчинение, а то и в уничтожение со стороны чужих им поселян.

Но, естественно, что даже в таких ограничительных условиях появлялись бунтари и изгои. Однако большинство из них ушли в небытие, не оставив по себе памяти: бунтарей обуздывали, изгои погибали. Но, также естественно, не все.

Кто-то из них достигал Края гор, спускался вниз и, миновав Дикие Земли, выходил к людям, порой будоража своим необычным видом, поведением и рассказами о жизни за

Краем, отчего Край обрёл значение некоего входа не то в преисподнюю, не то в сказочный мир: красивый, добрый, желанный. Впрочем, первое представление преобладало.

Были и те, кто случайно набредал на отсеки бывшего города-спутника, не тронутые временем и людьми. В них они доживали свой век в одиночестве, если им удавалось что-то наладить для своего существования из омертвевших систем жизнеобеспечения, а если не удавалось... удел их понятен без слов.

Несмотря на долгую продолжительность жизни обитателей оазисов, в суровых условиях сменилось не одно поколение. В иных местах цепочки обрывались и уходили в забвение, неизвестные никем ни во времени их обитания, ни тем более их кончины. Но проходили, быть может, столетия, их места обитания бывали случайно найденными другими людьми и вновь оживали на века...

История поселений Знающих и Инистых теряются в веках, а вот Снежных возникло недавно, относительно, конечно.

Биосфера Земли, несмотря на радикальное изменение, переживала периоды потепления, что касалось и Суремных гор. Вытаивали ледники, очищались обширные плато. Вероятно, в одном из таких периодов несколько, а, может быть, и многочисленная группа изгоев или просто активных людей невдалеке от крутых склонов самой высокой горы – Керекту – наткнулись на остатки множества функционально

связанных между собой отсеков города-спутника. По сути своей, это оказался целый остров нетронутых систем, обеспечивающих жизнь, связь и возможность проникнуться идеями и научными достижениями древних людей.

Ушли годы и годы на освоение доставшегося наследия от некогда достигнутых вершин науки и техники человечества. Возможности, казалось, были неисчерпаемые, тем более что население нового место обитания людей оставалось скромным. Но зато все они отличались долгожительством, что позволило изучить и обрести опыт использования многих достижений предков, раздвинуть границы освоения ойкумены не только в рамках Суременных гор, но и в сопредельных бандеках.

Поселенцы сами себя не называли каким-либо словом, однако, проникая в людские массы за Краем, вскоре получили имя – Снежные.

Снежные, тем не менее, не стремились к тесному сближению с обитателями гор и тех, кто проживал за Краем, но исподволь изучали, а порой использовали их в своих целях.

Сведения о нахождении где-то за Краем некоего узла, сооружения, устройства, в конце концов, позволяющего не только вступать в связь с землянами, где бы они не находились на поверхности планеты, так и с переселенцами на другие планеты Солнечной системы и за её пределами, но и телепортировать материальные объекты вплоть до живых организмов, включая человека, до поры до времени мало ин-

тересовали Снежных. До того надо было ещё «дорости», как в понятийном освоении, так и в осознании необходимости использования этого сооружения.

И это время и пора, наконец, наступили.

Поиск местонахождения Скалы (термин «Скала» вошёл в обиход из того представления, что сооружения узла располагаются на возвышенности почти с отвесными берегами посередине тогда ещё Крапатского залива, будущего Болота Второго) не составил труда. Пришлось только разобраться с изменением рельефа местности вокруг Скалы за прошедшие тысячелетия.

Однако достичь и оживить системы узла с ходу не удалось. Вначале из-за транспорта.

Те скудные средства передвижения, что остались после его падения со спутником, можно было использовать только в недрах оставшихся отсеков. Правда, с небольшими доделками они могли служить для небольших переходов в горах. Но преодолевать большие расстояния и водные преграды они не могли. А сконструированные с большим трудом летательные аппараты вместе с людьми были уничтожены энергетическим барьером, принцип действия, структуру и, вообще, природу которого долго не могли понять, а значит, и преодолеть.

Новые изыскания, размышления и расшифровка древних данных привели Снежных к парадоксальному выводу: достичь и «разбудить» Скалу может только специально подго-

товленная группа людей.

Начались периодические попытки преодоления барьера. Но безуспешно и с новыми потерями людей и техники.

Опять продолжительные поиски, высказанные гипотезы, скрупулёзные исследования...

Нужны не просто специально подготовленные люди, и не только люди, но и другие разумные, а также дикие животные, с врождёнными к тому данными. И они могут появиться на свет везде, где угодно на Земле, кроме того, им необходимо некое объединяющее звено. Это должен быть человек, собирающий вокруг себя нужных особей, обладающих долями возможностей, а в целом способные не только пройти к Скале, но и привести системы узла в действие.

Таким образом, появились две задачи: нахождение объединяющего звена и тех, кого оно объединяет. И тут сразу появились сложности в решении поставленных задач.

Объединитель, его называли Аба-Ава, исходя из первых букв алфавита Снежных, или Предвестник – это уже в чисто разговорном понимании, должен был обладать помимо основной функции – объединять – многими другими качествами. Как-то: неуязвимостью в беспокойном мире разумных, населяющих земли, через которые лежит путь к Скале; внешней и душевной привлекательностью с точки зрения и людей и иных разумных, особенно тех, кого он должен объединить; даром защитника складывающейся вокруг него и не вдруг общности единомышленников: способностью не под-

вергаться ни психическим, ни каким-либо другим влияниям со стороны, а так же, что немаловажно – родиться вовремя.

Именно родиться и достичь зрелости и нужных ему качеств именно тогда, когда родятся и будут готовы другие участники сойтись с ним и сплотиться в необходимую группу. Чтобы исполнить его волю и подключить вложенные в них знания и врождённые возможности довести Аба-Аву до Скалы, минуя все барьеры, ловушки и трудности, а затем и – разбудить узел к работе.

Но мало того. Должны появиться благоприятные условия, в том числе и высыхание Крапатского залива и оставшегося за перемычкой связанного с ним обширного водного пространства, постепенно превращающее в болото.

За последний более чем тысячелетний период при направленной наследственности появлялись, по крайней мере, два претендента называться Аба-Авой с небольшими изъянами – преимущественно со слабой уживчивостью: один к выродам, а другой, вообще, страдал отсутствием толерантности.

Тем не менее, в принципе, они вполне могли стать объединителями. Однако ни одному из них не удалось выполнить свою миссию. И в том была не их вина. К сожалению, ко времени их взросления и концентрации в них необходимых знаний и навыков, не вышло создать полноценную команду, необходимую для уверенного покорения Скалы. Камнем преткновения в том и другом случаях послужило отсутствие очень важной «детали» команды – особи, способной одолеть

первый внешний барьер в виде некой энергозавесы, словно колпаком накрывающей Скалу и подходы к ней. Это должен был быть разумный, создающий окно в барьере для прохода всей команды.

Впрочем, команды в обоих случаях формировались с надеждой одолеть барьер самим Аба-Авой и, тем самым, дать возможность пройти его всеми, кто входил в команду.

Как и можно было ожидать, обе эти экспедиции не удались.

Зато, несмотря на кажущуюся келейность подготовки команд, сведения о предполагаемом походе к Скале распространились по всей округе и втянули в себя большое количество разумных, никакого отношения к единомышленникам Аба-Авы не имеющие. И естественно все они были обречены, в лучшем случае, вернуться ни с чем, а в большинстве своём – погибнуть, и не только от систем защиты Скалы...

Неожиданно, но закономерно, как это бывает при широком настойчивом поиске, в течение пятидесяти лет открылись врождённые способности не только пройти защиту самим, но и провести команду сразу у двух, ничем не примечательных людей. Их назвали Проводниками. Это название вскоре стало известно среди разумных, но ему придавали иной, полу мистический образ. Оттого появились лжепроводники, предлагавшие невероятные маршруты следования, по которым они предлагали провести любого, кто согласиться с ними идти. Находились любители, но обман вскоре

открывался и порой с печальным концом для назвавшегося проводником.

Но ко времени появления настоящих Проводников, отсутствовал Аба-Ава. Шли годы, а он не появлялся...

Проводники, несмотря на заботу о них, всё-таки старели, а возможные спутники Объединителя, обладатели того или иного нужного для команды дара, уходили в вечность, не испытав радости (Радости ли?.. Кто знает?) его использования на деле. К счастью, на их место появлялись молодые особи, кроме Аба-Авы – Предвестника.

И вот, наконец, тридцать лет назад до первого года двадцать пятого тысячелетия по календарю древних, в двести восемьдесят седьмой год двадцать третьего тысячелетия со времени падения города-спутника, в тысяча сто семнадцатый год со дня начала работы по созданию команды для достижения Скалы Перехода, он, обладающий всеми необходимыми качествами идеального Аба-Авы, появился на свет...

Мать новорожденного радовалась и печалилась, ибо с первого дня, по сути, была лишена общения с ним. О том её предупредили ещё на стадии зачатия, но после появления сына она не могла совладать с собой – постоянно рыдала над ним и порой отказывалась возвращать его после кормления в руки (грубые, ненавистные ей руки) учителей, наставников, психологов и иных наблюдателей и корректировщиков развития младенца.

Впрочем, следует напомнить, кого и когда трогали слёзы

и переживания матери перед лицом эпохальных событий?

Никогда!..

Будущего Аба-Аву в скором времени изъяли из-под её скромной опеки и сделали так, что она навсегда позабыла о нём.

Началась скрупулёзная работа по подготовке мальчика к будущим деяниям, включающая в себя всё то, чем должен обладать Аба-Ава кроме своих врождённых свойств.

Лет до пяти укреплялись его физические и умственные данные. До десяти – закачивали знания, после чего перевели в заложенность.

Заложенность – приостановление возрастных изменений в малолетнем возрасте – известна людям была давно. Другое дело, что специалисты по заложенности сохранились только в пределах Суремных гор.

Но кто знает, кто знает? Ведь появлялись заложённые и вне Края, хотя, конечно, к тому могли приложить руку и выходцы с гор.

Сама идея заложённости возникла якобы из гуманных соображений – продлить человеку детство. Увеличение продолжительности жизни к полу тысячелетию оставляло детству, несмотря на позднее созревание организма людей к взрослой жизни, ничтожную долю бытия. А детство...

Ах, детство!

Наивное, весёлое, всё дозволенное, беспечное, прекрасное...

Ребёнок, введённый в заложенность, не замечал своих лет, но всё его существо готовилось в конце срока в короткий промежуток времени стать взрослым.

Заложили будущего Аба-Аву почти на двадцать лет, кои слились в его сознании не более чем в полтора-два года. Но эти два десятилетия отводились не только, чтобы дать ему радость детства, но и подготовить его к жизни среди разумных вне Края, научить владеть оружием, воспитать в нём дружелюбие и умение отличать извечное: добро и зло...

В мире новый, третий по счёту Аба-Ава получил скромный однословный нэм – Камрат. Учителей и наставников подбирали ему тщательно во многих городах не только в Сампатании. Но как заложённый Камрат к окончанию срока своего пребывания в заложности знал только бабушку Калею и помнил обитание с нею в отмирающей окраине Керпоса.

Шла последняя стадия подбора спутников и помощников Аба-Авы. Неурядицы, вспыхнувшие в бандеке, и слухи о появлении Три-Бланки едва не сорвали планы Снежных. Команда, почти сплочённая вокруг Камрата, вынуждена была избегать проторенных дорог, пробираться Дикими Землями, через заповедник Выродков, опоздать до наводнения в Примето и попасть в водоворот событий на Сажанее. Подготовленные в команду разумные до того, как попадали под защиту Аба-Авы, погибали, либо не могли к нему пробиться, а иные от потрясений теряли свой врождённый дар. Благо, это не коснулось Проводников...

Консолидация команды Аба-Авы началась с момента ночной встречи Камрата со Свимом и К”ньцем при выходе из Керпоса...

Глава 17

– Поистине, наша команда, наконец, в сборе. – Камрат встал, одур, едва не потеряв равновесие, вцепился в костёр кудрей приютившего его человека. Камрат на улыбки людей поморщился от рывка за волосы и снял его с плеча, водворив на место – за пазуху. – Мы прошли с вами к Скале Перехода лишь часть пути. И благодаря Проводникам, Малиону и огену Ой-Мою, мы удачно миновали внешнюю защиту подступов к Скале. И это тоже только начало тех препятствий, что предстоит нам преодолеть. Мне, к сожалению, неизвестны те преграды и помехи, ещё поджидающие нас впереди. Но надеюсь, что каждый раз кто-то из нашей команды найдётся для того, чтобы очистить дорогу. Так что... – Камрат замолк, обвёл взглядом соратников и сказал-выдохнул: – В путь!

Турус древней дороги сохранил ровность, ил болота на него не оседал, растения не могли пробиться сквозь него, так что идти было легко, хотя и по щиколотку в воде. Попервоначально создавалось впечатление, что вода просто не успевает отступать, так как команда продвигалась слишком быстро. Плеск и брызги даже развлекали людей, но вскоре стали

надоедать. Обувь, конечно, справлялась, и ноги у всех оставались сухими. Правда, не у всех.

Всё-таки молодые дурбы экипировались как на прогулку. И у одного из оставшихся в команде, Лептока, молчаливого, словно постоянного углублённого в свои какие-то мрачные мысли, сапоги оказались не из вечного материала. И к тому же с короткими голенищами, вошедшими недавно в моду, так что идти ему становилось всё тяжелее, сапоги впитывали воду как губки. Он останавливался то один, то другой сапог, выливал воду, а потом, громко шлёпая, догонял команду, вызывая усмешки друзей.

– Может быть, немного переждём? – предложил Харан, нагнав Камрата. – Пусть воду сгонит. За нами почти сухо. Правда, вот по бокам...

А по бокам дороги вода стояла выше почти на треть бермета, но вниз не скатывалась, создавая своеобразный коридор.

– Вижу. Я же уже замедлял шаги, но слой воды на дороге не уменьшается. Так что думаю, это не от нас зависит.

– Значит, predeterminedено?.. Но зачем?.. И кем?.. – уныло задал вопросы Харан, больше адресованные к самому себе, чем Камрату.

Как только появились Знающие, Харан тут же узнал в них людей, что напали на него и его спутников, когда они пытались подняться к Краю Суремных гор. Это они вначале не пустили, а затем лишили его памяти и подтолкнули к логову

арнахов, чтобы он там, находясь то ли в доре, то ли в беспмятстве вообще, дождался прихода Свима с Камратом.

От скупых недавних размышлений Камрата и не столь уж долгих своих размышлений, Харан пришёл к выводу о предопределении. И это его уязвило до глубины души. Ведь если это так, то вся его жизнь, все его поступки и то, чего он достиг, поднявшись из низов кастовой системы, и что он отводил только своим способностям, оказывается на самом деле лишь предопределение.

Предопределено кем-то вне его, без его ведома!..

А как же он сам? Его дерзания, поиски, скитания, любовь самой канилы Правителя бандеки, обретение друзей, в том числе и в команде Свима, – всё, на поверку, к нему самому не имеет отношения, всё это предопределено в нём.

Трудно сознавать себя пустышкой, никчемностью, заполненной и выпестованной внешними силами до того состояния и положения, которое он занял в жизни не только своей, но и других людей и разумных, появившихся на его пути, как было теперь понятно, не по воле случая, а по повелению... Да-да, именно повелению со стороны. И эти другие, по всему, тоже шли на контакт с ним не в силу своих симпатий или антипатий к нему, но действовали только и только по подсказке ведущих их сил...

Неужели среди них и Гелина?..

Её любовь к нему... а его к ней?..

В это не верилось. Но все они в команде подневольные,

все predetermined и взаимосвязанные этой predetermined-ностью как совокупность мелких деталей сложного механизма. Они вне его – ничто, но и он без них – лишь груда деталей до сборки, некая потенция, не более того.

Думал ли кто так, как думает он, Харан не знал. Но, наверное, кое-кого подобные мысли посещали. Об этом можно было судить по репликам молодых дурбов, всё чаще вспоминающих отпавших по дороге товарищей, по примолкнувшим и впавшим в думы женщинам, по репликам между Сестерцием и Жаристой, по высказанным в том же духе словам Гелины:

– Как мы все здесь оказались связанными...

Камрат же на его вопросы, отозвался, совершенно по иному толкуя его мысли:

– Не только кем-то, как ты, вижу, предполагаешь. Но и мы внесли в это predetermined свое, и не только как избранные, но и как способные к тому. А это главное. Не только принять predetermined, но и выполнить её предназначение. И эта способность у каждого из нас неповторима и индивидуальна.

– Это понятно. Но как подумаю...

– Забудь, Харан! Легче не станет. Зачем терзать себя? Мы всё прошли и теперь здесь... по predetermined.

– Это так, – согласился Харан, слегка удивлённый открытием: даже Камрата посещают мысли, возникающие у него самого, и тоже, наверное, наводят бывшего заложённого на

какие-то не совсем приятные выводы. Поэтому он решил изменить тему разговора. – Я как-то в кабинете Гамарнака видел карту Сампатании. И на ней... Знал бы тогда, что понадобится, рассмотрел бы получше... Так на ней Скала Перехода располагалась почти в центре Болота Второго. А это довольно далеко от берега.

– Примерно?.. Я этого не знаю, – ухватился Камрата неожиданную подсказку, так как даже не мог предполагать предстоящих расстояний и времени, потраченного на их преодоления.

– Да, только примерно. Говорю, знать бы... И не в свиджах. Вот если будем идти так же, как весной по Диким Землям, то, наверное, дней на пятнадцать пути, а то и чуть больше.

Камрат покачал головой.

– Далеко и долго... Весной мы шли, конечно, не быстро, но свиджей по тридцать порой покрывали. Тогда... – с интонациями Свима, произнёс Камрат. – Это свиджей четыреста. Н-да... Надо оценить наши припасы. Хорошо, что мы запаслись, но... Четыреста. Это много.

– Мне бы раньше вспомнить, – сокрушённо сказал Харан. – Но из головы вылетело.

Камрат с улыбкой глянул сверху вниз на Харана.

– Не твоё ли это предназначение? Знать, сколько нам предстоит идти? А?

– Если только это, то... мне впору повернуть назад, чтобы

не путаться у вас под ногами.

– Это я так, к слову. Думаю, твоё знание расстояния до Скалы случайное. Побочное... Но мы вот уже прошли свидетелей пять и не встретили ничего неожиданного. Пора и вправду сделать передышку.

– Я и говорю – пора. Только здесь присесть даже не на что.

– Если предопределённость, – усмехнулся Камрат, – то вскоре должно появиться нечто, чтобы присесть.

– С едой и ночлегом, – подхватил игру Харан.

– Размечтались, – раздался сзади насмешливый голос Ольдима. – Посмотрите, что это там? Или что?

Слева на паучьих ногах двигалось странное создание почти параллельно дороге. Оно обгоняло команду и, можно было предположить – пути их где-то впереди пересекутся.

– Давно?... Оно?

– Минтов пять, как появилось. Мы не замечали, так как оно нас нагнало.

Камрат остановился, люди и путры сгрудились.

– Та-ак, – проговорил Свим. – Я уже где-то такое видел... Точно! Когда шёл с Присметом в Габун. По дороге в небольшом посёлке... Сейчас вспомню...

– В Толдуне?

– Да-а... – Свим обернулся в Ольдиму. – Ты тоже видел? Значит, я не ошибся. Присмет ещё сказал, ... так... Он сказал, что это древняя скульптура. Это когда люди уже не знали, что ещё можно придумать, вот и создавали нелепицы.

– Скульптуры не бегают, – возразил Ольдим.

– Да, уж, – согласился Камрат.

Ольдим продолжил:

– Это мавша. Помните; «Мавша оградит нас и слева и справа...»

– Неужели мавша? – воскликнул Харан.

О мавшах он слышал, когда бродил из бандеки в бандеку. И где-то ему даже показывали останки одного из них, приспособленных для каких-то нужд поселения людей.

Казалось, о мавше знали только он и Ольдим. Знающие развели руками, мол, им неизвестны такие существа. Кое-что о них мог сказать Орей, но он пока что не нашёл своего места в команде, где ему не понравилось всё: и сдержанность людей и путров, входящих в неё, а он привык к вольнице, царящей в банде; и авторитет лишь одного человека – Камрата; и отношение к нему самому, все словно чурались его, Знающие, особенно Ей-Фей, как будто никогда его до сего дня не видели, хотя промышляли с ним совместно в банде Кемеша не один год. Зато подошедшие Малион и Невлой подтвердили мнение Ольдима.

– Как он только здесь сохранился? – спросил Малион, задав вопрос, по сути, самому себе. – На дне Болота?

– Хорошо, хорошо! Но что это такое? Мавша? – вклинился в переговоры Камрат, присоединяясь к любопытствующим, к тем, кто не ведал о мавши ничего..

– Робот-воитель, – ответил Харан.

Тем временем мавша, хитроумно переставляя длинные суставчатые ноги с резкими подёргиваниями, как если бы они обжигались при каждом прикосновении к земле, убежала вперёд, стушевавшись с маревом.

– Когда-то они охраняли границы бандек, – пустился в объяснения Ольдим, привлекая к себе общее внимание. – Чужих они не пропускали....

– Своих они тоже не жаловали, – вдруг напомнил о себе Сестерций.

– Что, и ты о них знаешь? – удивился Камрат

– Мы, настоящие торны, потомки Огария, знаем всё! – вскинул голову Сестерций. – Когда Великий Биолог создавал...

– А-а, так вы родственники? – воскликнул Ольдим, приводя Сестерция в возбуждение, отчего его окутала синеватая аура.

– Как ты можешь сравнивать нас, настоящих торнов, с безмозглой конструкцией, созданной безликими инженерами? – Сестерций выпрямился, поднял подбородок. – Эти мавши как простейшие входные двери. Для одних они открыты, для других – на запоре. А мы...

– Хватит! – оборвал его Свим и, обращаясь к Камрату, пояснил: – Ты же знаешь Сестерция. Его надо останавливать, когда он начинает разглагольствовать о своём происхождении.

– Сесик, успокойся, – Жариста придвинулась к заливаю-

щемуся аурой торну. – Ты ещё скажешь своё слово.

– Да... – неопределённо отозвался на возникшую перепалку Камрат. – Идёмте дальше... Но появление мавшей неспроста, и явно что-то сулит нам.

– Ещё одна! – донёсся голос Малиона, замыкавшего с Невлоем команду при движении. – Смотрите справа!

Новая мавша хромала из-за отсутствия и обломков половины ног, оттого передвигалась не так резво как первая, но тоже устремилась куда-то вперёд.

– И эта туда же, – высказал общее мнение Харан. – К чему они там готовятся? Нас встречать? Впустить или – на запор дорогу.

Его предположение не комментировали, команда молча продолжала движение: стали уставать, да и появление роботов-воителей, «безмозглых конструкций» по Сестерцию, заронило у многих беспокойство. До сих пор команда имела дело только с разумными – людьми и выродками. С ними можно было договориться, вступить с ними, в конце концов, в схватку. Во всяком случае, можно было предполагать их действия. А здесь машины. Тем более что ещё три мавши обогнали идущих к Скале.

А вода по обочинам поднималась выше. По всему, дорога шла под уклон, и если на ней воды доставало на пядь, то уровень её в не до конца высохшем Болоте оставался ещё высоким.

Через полпраузы спокойного, но насторожённого движе-

ния Зливан позвал Камрата.

– Да, – обернулся Камрат и остановился, поджидая водителя молодых дурбов.

– Шейн, надо остановиться!

Зливан подошёл с Овехом, ведя его за руку, так как дурб находился будто в полусонном состоянии.

– Что случилось?

– Шейн, Овех говорит...

– Я Камрат, – машинально поправил его Камрат.

– А? Да... Овех говорит, надо остановиться.

– Надо подождать, – поправил его сам Овех и, прикрыв глаза, отрывисто проговорил: – Будет возвышение... На него входить пока нельзя... Надо ждать, когда откроется...

– Что? Что откроется?

– Надо ждать... – сомнамбулическая улыбка блуждала на его лице, как если бы он увидел перед собой нечто забавное.

– Овех! – попытался вернуть его к действительности Камрат. – Где это возвышение.

Молодой дурб смотрел на него, но явно не видел.

– Оставь его, – посоветовал Свим. – Будем идти, заметим.

– Здесь... Уже не далеко... – очнулся Овех. – Там он сидит и ждёт нас... Ему надо время, чтобы показать себя... Долго ждал... Обещал...

– Даже здесь кому-то хочется себя показать, – теряя лицо, проговорил Ольдим.

– Что он обещал? – спросил Харан, но ответа не получил.

– Что ж, идёмте дальше, – сказал Камрат. А сам подумал, с плеском переставляя ноги: – «Если так каждый, как Овех, будет подавать нужные сведения, и надо будет бесконечно долго выяснять, что делать, и выслушивать в ответ невнятное бормотание, мы до Скалы дойдём только к осени... Если вообще дойдём...»

Возвышение, увиденное каким-то образом Овехом, больше походило на выпученность, перегородившей дорогу как нарыв на чистом теле.

С нарывом его сравнил Ольдим, добавив:

– Как пень на дороге. Сам ничего уже не значит, а под ноги суется, чтобы споткнуть о себя кого-нибудь, мол, я тут...

– Не ворчи, – миролюбиво обронил Камрат. – Постоим. Нам пора передохнуть... Жаль только, присесть негде.

– Может быть, на нём устроиться? – предложил Харан. – Овех, мы на него сесть можем?

– Нет, нет!.. Не надо... Оно... Сейчас...

Бугорок подрос, распался, из земли вылез, словно надуваемый снизу, удлинённый прозрачный пузырь с нарисованным небрежными мазками карикатурным улыбающимся лицом, покривлялся им и... заговорил. Басовито, проникновенно. Но на непонятном языке. Высказался за миг, обмяк, сжался, втянулся в землю, освободив дорогу – от бугорка не осталось и следа, исчез совсем.

– Овех, идти можно?

– Да.

– А что он говорил?

– Не знаю, шейн... Камрат.

Камрат беспомощно потоптался на месте.

– Но он нас о чём-то предупреждал.

– И кривлялся, – сказал Харан и, тише, Гелине: – Как Оль-
дим.

– Пстой, Харан... – отстранилась Гелина. – Я как будто
поняла, что он наговорил.

– Ты?.. Камрат, послушай Гелину. Она знает...

– Гелина? Что?

– Я поняла сказанное им... Это древний язык. Я... – Ге-
лина заволновалась. – У Гамарнака имелись записи и пере-
воды. Он изучал и я с ним... Поэтому...

– Галина, что он сказал?

– Сказал... Да... Но я кое-что не поняла. Там такие сло-
ва... – проговорила растерянно Гелина. – Они не похожи...

– Говори, что поняла! – поторопил её Камрат, заинтриго-
ванный не меньше других предстоящему известию от неё.

– Он предупредил, чтобы мы соблюдали порядок на доро-
ге... Ну да... Чтобы не мешали другим... Да... И что в де-
сяти... сейчас... кило... километрах будет... кемпинг... Ка-
жется, так он сказал. Там мы может отдохнуть и развлечь-
ся... – Гелина помолчала. – Пожелал хорошей дороги... И
– всё!

Перевод Гелины с непонятного для всех языка вызвал в
команде оживлённое обсуждение и всевозможные предполо-

жения.

– Наверное, обычный дорожный знак, – размыслил Ольдим. – Останавливал, предупреждал... Обычный робот.

– Знаки посередине дороги не устраивали, – авторитетно заявил Сестерций, усмотревший в высказывании Ольди-ма камешек в свой огород. – Это он сам сюда вылез.

– Тебе лучше знать, – понял его превратно Ольдим. – Та-кой же, наверное...

Встрепенувшегося, было, торна опять остановила Жари-ста:

– Сесик, не волнуйся!

Харана заинтересовало совершенно иное.

– Где-то впереди место для отдыха и развлечения...

– Именно где-то! За десять... этих... Гелина, как ты их назвала, – спросил Свим. – Вот... А если это свиджей сто? Никакой нам радости от предупреждения знака... – И тут же Свим с восхищением воскликнул: – Чего только древние не придумывали!.. – Однако следом осудил: – Но посередине дороги-то зачем?

– Кто знает заботы древних? – философски заметил Зли-ван. – Вот и устраивали представления... А что? – воодуше-вился он. – Тогда же по дорогам не только ходили, но и ез-дили... На чём-то... Может быть, на моблах... Едут, а тут выскакивает такой знак...

– Ну да, попугать, что ли? Чтобы не ездили? – повернул к нему своё искажённое лицо Ольдим, заставив дурба отвести

взгляд.

– Почему же обязательно попутать? – увял Зливан.

Наступившую паузу в разговоре использовал Малион.

– Километр, как я знаю, был когда-то всеобщей мерой длины короче свиджа.

– Будем надеяться, что так оно и есть. Пора отдохнуть, – озаботился Харан.

– Пора, – подтвердил Невлой. – Иначе кое-кому не дойти. Да и поесть пора...

– Предопределённость... Слишком уж хорошо получает-ся. И отдых и развлечения... – сказал Камрат Харану. – Тебе не кажется?

Харан коротко глянул на обернувшегося к нему Камрата, намереваясь дать какой-то ответ, но отвлёкся на оступившуюся Гелину, поддержав её под локоть.

Несмотря на возможность вскоре отдохнуть, усталость давала о себе знать. Женщины с благодарностью принимали помощь мужчин, но и они уже держались из последних сил. Ноги уже не вынимали из воды, оттого ещё больше натружая их.

Слегка оживила команду, уныло бредущую за Камратом, какая-то несуразная тварь, подплывшая к барьеру по воде, поднявшейся по бокам дороги не менее чем на бермет. Существо, состоящее, казалось, из одной головы, покрытой шипами, вплотную уткнулось в защитный барьера с той стороны: глаза-плошки, нос расплющен, легкомысленная метё-

лочка на темени...

– У-у! – пугнул его Ольдим, сделав выпад рукой, будто хотел ударить существу в глаз. – Чего уставился?

Раздались смешки, но, проходя мимо, благоразумно прижимались к противоположной стороне не залитого водой коридора.

Так бы и прошли, чуть испугавшись, хотя и не подавая вида. Однако Малион подтолкнул Невлоя:

– Это к нам... Узнай, что он принёс. И догоняй.

Невлой припал к барьеру нос к носу болотной твари. Замер на миг, отпрянул и, поднимая каскад брызг, поспешил вдогонку команде. Малион приостановился, поджидая его.

– От К”ръексала?

– Нет. От К”веквы.

– Даже так?.. – удивился Малион. – Давно я о нём не слышал... И что?

– Предостерег останавливаться в предсказанном кемпинге. Это подделка. Ловушка. А тот знак, что встретился нам, – червь К”аукирки.

– Гадёныш! И здесь пакостит. Сам-то, поди, убежал в море, оставив ловушки... Знаешь, мне появление знака вначале показалось подозрительным. Но это же одолеть защиту дороги и пробиться через её турус...

– Видимость и наводка.

– Всё равно. Даже видимость и наводку устроить надо уметь. Давно, наверное, готовились. Только зачем, не понят-

но... Хотя, быть может, он для того и был создан... Ладно. Предостережение на будущее. Надо остановить Камрата, за одно и отдохнём. Тебе что, а я вот по воде шагать утомился.

– Он сказал, что есть и настоящий кемпинг для отдыха. Примерно свиджем дальше от ловушки К”аукирки. Слева от дороги.

– Прекрасно!.. К Камрату!

Кемпинг, предсказанный дорожным знаком, а по-настоящему, как теперь знали все, виртуальным червем неведомого К”аукирки, стал виден издалека. При подходе к нему воздух даже очистился от постоянной мути, отчего сияние, и игра огней на фасаде небольшого аккуратного здания радовали глаз разноцветным многообразием. Появился соблазнительный запах в живую приготовленной пищи, по которой так истосковались люди. А уже в самой близости послышалась музыка давних времён – весёлая, заставляющая ноги двигаться в такт с нею...

Команда постояла, полюбовалась и тронулась дальше по дороге. Но её остановил Орей.

– Вам наговорили, и вы поверили! – закричал он и побежал к входу раскрытых настежь дверей.

Он сам не понимал, почему это вдруг его, будто кто заставил так поступить. Он, как и все, выслушал неприятное известие Малиона о ловушке и принял его к сведению. Тем более что команда так и настроилась – пройти мимо. Но при виде такого великолепного зрелища он не выдержал. Тут вот,

прямо напротив, совсем рядом... вход в сказочное место дорожного дома, предлагающего отдых и развлечения. А кто не мечтал вкусить хотя бы малой доли древних развлечений?

Окрик Невлоя не подействовал на него. И только, уже поравнявшись с проёмом дверей, он ощутил неопишуемый ужас перед тем, что его ожидало внутри. И он тоже почти осязаемо ударил его вдруг, отчего подкосились ноги, и Орей, качнувшись, рухнул назад, на спину, в воду.

Харан и Невлой подбежали к нему вровень, подняли на ноги, привели в сознание. Недавний оприт шарил вокруг безумным взглядом, пока, наконец, он у него не стал осмысленным.

– Что это было? – через силу спросил он.

– Наводка, – угрюмо заметил Невлой. – Будешь идти рядом со мной. Т"евара! Иди сюда! Ты за ним всё время приглядывай. Если опять с ним случится подобное, бросайся в ноги, и дави к земле, чтобы он не мог двигаться, пока я сам им не займусь. Понял?

Т"евара хрюкнул и, подойдя к Орею, потеснил его боком прочь от входа в ловушку.

Команда уходила от приманки К"аукирки, а ей вдогонку, долго сопровождая, понеслись угрозы и проклятия от только что весёлого фасада здания.

– Малион прав. Это нам урок, – сказал Камрат. – Но можем ли мы верить подсказке К"веквы?.. И что очередной кемпинг не новая ловушка, приготовленная для нас кем-то

другим?

Ответить ему, естественно, никто не мог, и уверенности команде не добавил. Но и отдых, сидя в воде, претил.

– А мы проверим, – чуть позже сказал Свим. – Вначале пройдем мимо, и если...

– И если войдем, то не все сразу! – подхватил Харан.

– Что ж, проверим... – согласился Камрат – Так и сделаем.

Наступали вечерние сумерки, оттого команда едва не прошла мимо затененного невзрачного строения. Лишь путры, обладая острым зрением, заметили его и то, что здесь коридор дороги, погруженный в воду уже бермета на полтора, расступился, включая в себя и это небольшое на вид заведение.

– Не похоже, чтобы нас здесь ждали, – разочаровался кто-то из молодых дурбов, вглядываясь в сумрачный фасад.

– Вот и хорошо, что не ждали, – сказал Свим. – Я пойду и посмотрю, а вы...

– Я с тобой, – придвинулся к нему К”ннец.

Он сразу же, как только услышал предложение Свима проверить очередную остановку для отдыха, решил не отставать от своего напарника, как в славные недалекие времена, когда они вдвоём бродили по бандеке. Он даже о своей задумке не сказал даже К”нньяне, чтобы она его не отговорила от рискованного шага.

– Я тоже, – не замедлил напомнить о себе Ф”ент, хотя остатки хвоста и поджал под себя.

Между ними просунулся расплющенный нос Т"евары с явным намерением составить компанию. Но его одёрнул Невлой, напомнив, что он приставлен к Орею. На его место стали претендовать Зливан и Сулон, оттеснившие пробивающегося к Свиму Харана назад.

– Не все! – остановил Свим желающих. – Со мной пойдут К"нюша и стехар.

– И я, – опять протолкался Т"евара.

– Пусть он с нами, – заступился за кабана Ф"ент; недавняя поездка у него на закорках стехару понравилась, так что его поддержка Т"евары имела подоплёку: вдруг появиться возможность оседлать его вновь.

Невлой довольно хохотнул.

– Забирай их всех, Свим!

К затемнённому входу вели две широкие ступени, не залитые водой. Как только Свим ступил на первую из них, матово засветился фасад с чёрным квадратом входного проёма без дверей. Свим поднялся на вторую ступень и оглянулся.

– Здесь сухо, – сказал он. – И места достаточно, чтобы всем выйти из воды... А мы – туда.

– Я первый! – хрюкнул Т"евара и направился, цокая копытцами, в тёмный провал входа в здание, и пропал в нём.

Но когда за ним вошёл Свим, возникло рассеянное освещение, чётко выделив контуры его и кабана. А когда он миновал небольшую прихожую, чрево здания озарилось приглушённым, но достаточно ярким светом.

Стало видно, что незначительные на вид с наружи размеры придорожного заведения, внутри смотрелось просторными. Во всяком случае, создавалось впечатление, что Свим и путры, войдя в него, словно помельчали и потерялись в объёме раскинувшейся перед ними залы.

Свим, попридержал К”нъца и Т”евару, осмотрелся и, прежде чем идти дальше, помянул Край и мутные звёзды.

Команда тем временем поднималась на сухую площадку перед входом в здание, довольная уже тем, что не надо будет во время отдыха, да и сна, сидеть на залитой водой дороге.

Вместе с появлением света у входа в здание, за ним по ходу движения к Скале открылось взору большое поле с хорошо видимыми краями. На нём почти в центре стояли, а вернее висели плоские коробчатые предметы.

– Малион, смотри! – первым заметил коробку Невлой. – Это же древние моблы. Грузовые... У нас точно такая... Помнишь?

Малион с сомнением взгляделся в, названную Невлоем, моблу. Да, у них в поселении сохранилась подобная машина древних.

– Похоже... Камрат, мы с Невлоем посмотрим... Да, да... Возможно, это древний транспорт для перевозки грузов и людей на небольшие расстояния.

– Вы думаете... Было бы кстати...

– Едва ли мы сможем ею воспользоваться, – сказал с сожалением Харан. И, глядя, как Малион и Невлой осторожно

приближаются к моблам, добавил: – Они обычно по распоряжению кого-то двигались сами по раз заведённым путям. Либо по приказу определённого человека, управляющего ими. А нам недоступно ни то, ни другое.

– Не будем пока торопиться с выводами. Но жаль, если случится так, как говоришь ты.

Малион обошёл вокруг первой машины. Невлой заглянул под неё между днищем и полотном поля можно просунуть голову.

Сверху моблы – ровная площадка бермета на два в длину и полтора в ширину, от днища до верха – от силы ладонь... Платформа... Большая доска...

– Нам с нею не справиться, – скучно подвёл итоги осмотра Малион, вначале присев, а потом забравшись с ногами на платформу. – А было бы... Вот так бы и ехать на ней... Э-э... Она пошла!

Невлой в ответ на его вскрик оглушительно захохотал.

– Толкнул я её, вот она и полетела!

– Ну-ка, ну-ка! – Малион соскочил наземь. – Толкаем!

Платформа от небольшого усилия людей тронулась с места и по инерции покрыла путь берметов в пять по направлению команде, с волнением поджидавшей её приближения.

– Если она не привязана к этому кемпингу, то мы сможем забрать её с собой, – весело оповестил Малион. – Её можно нагрузить с горой... И будем толкать!

Его слова повысили настроение уставших разумных, от-

влекло их, они наперебой стали предлагать, как это сделать, и предполагать, как это будет выглядеть при движении. Впрочем, мнения не сходились. У каждого нашёлся свой вариант использования моблы.

– Это точно предопределённость, – сказал Камрату Харан. – И пока всё в нашу пользу.

– Да... Пока... – отозвался Камрат, как и все с надеждой разглядывая доставшееся им транспортное средство, не важно, что не самодвижущееся, достаточно, коль скоро избавит людей и путров от тяжёлой ноши,

– Слишком хорошо, тоже не хорошо, – напомнил Ольдим. – Я всё думаю о мавшах. Ведь где-то они нас поджидают...

– А если не нас? – не согласился Харан.

– Даже если не нас. Мы своим появлением сейчас оживили всё то, что действовало здесь, вдоль дороги, когда-то. И то, что нам на пользу, и то, что против нас.

– Ты прав...

– Где там Свим? Зливан, – позвал Камрат, – что видишь?

Зливан, взявший на себя роль наблюдателя за Свимом и путрами с ним, ничего пока что Камрату сказать не мог. Нет, он видел Свима прекрасно, но что он мам делает, переходя от одного как будто пустого места к другому, оставалось загадкой.

– Я к нему, – порываясь присоединиться к Свиму, сказал Зливан.

– Не торопись! Подождём ещё... Нашли игрушку!

Последние слова Камрата уже относилось к молодым дурбам и женщинам, забравшимся на платформу, чтобы Невлой их покатал. Куда только делась усталость: вскрики и смех. А Думара вдруг звонким голосом запела детскую песенку: «Мобла, мобла, прокати...»

У Ольдима в памяти всплыла, сочинённая им ещё в давние годы, каманама, где легендарной езде на быстрых моблах, а не медленной и нудной ходьбе по дорогам, отводилось несколько строк. Как он тогда мечтал, чтобы всё, что было в древности, вернулось людям: наземные и летательные машины, связь с другими планетами и их обитателями, лёгкость общения...

Можно верить и можно не верить сказаниям, пришедшим от древних времён, но в них утверждалось невероятное: тогда якобы каждый человек имел свою личную моблу. И мог в любой момент ею воспользоваться, чтобы всего за пол дня проскочить расстояние от Примето до Габуна...

Большинство современников Ольдима тому не верили, хотя у некоторых многоимённых, в дуварах, сохранились целиком или частью моблы, когда-то принадлежавшие их предкам.

– Камрат, К”нзец пришёл, – позвал Зливан. – Свим зовёт!

Свим встречал Камрата обескураженными, почти обиженными словами:

– Пусто... Нет ничего... Только вот, когда мы вошли, по-

явился стол. При нём одна... тумба для сидения. И всё...

Свим развёл руками, мол, он ни при чём.

– Не переживай, Свим. Нам на полу есть и спать не привыкать. Зато здесь сухо. – Камрат оглянулся. – Входим!

– Вон тот стол... – показал Свим. – Э!.. Да тут...

По мере того, как в помещение входили разумные, в нём то тут, то там, будто из воздуха возникали столы – столешница на тонком стержне – с одним, двумя и даже тремя пуфами при них. Но число мест соответствовало числу людей в команде, а путры остались вне забот древнего придорожного заведения или приюта путешественников по дороге. В команде возникла напряжённость. Места за столом не досталось и Сестерцию, вызвав в нём всплеск негодования на неблагодарных потомков Обезьяна, забывших, кто им предшествовал. Он даже отстранился от Жаристы, попытавшейся его урезонить. Правда, торн долго возмущаться не смог. Попав в коридор дороги, со всех сторон защищённой барьером, он не смог получать энергию со стороны, так что вспыхнувшая на миг аура, вскоре обесцветилась.

– Нам на полу быть не привыкать, – громко сказал Камрат. – Разместимся и так.

– Это появилось ещё до Падения, – определил Ольдим, поясняя возникшую ситуацию в основном для Сестерция. – Тогда путры только-только появились. А торнам, наверное, отводилось иное место.

Сестерций промолчал.

– Ты сядь, – посоветовал ему Свим. – Побереги силы.

– Да, Сесик, давай присядем вместе, – потянула Сестерция за руку Жариста.

Молодые дурбы не мешкали, заняв места, застыли в ожидании, поглядывая на Камрата и Малиона, ожидая от них команды приступить к ужину. Рюкзаки уже были сняты, раскрыты и поставлены у ног – только нагнись – и стандартный пакет тескомовцев окажется в руках. Стоит его разорвать – вот и ужин.

Харан внимательно осмотрел столешницы, переходя от одного стола к другому.

– Что ищешь? – подошёл к нему Малион. – Думаешь... раздаточные?

– Вот именно. Смотри! – показал Харан на небольшой круг в центре стола, разбитый на сектора.

– Видел. Но это может быть и просто рисунок. Украшение... – пожал плечами Малион. – А раздаточные здесь где-нибудь у стен или в ещё где-то. Но попробовать можно...

– О-о! – вдруг закричали молодые дурбы Овех и Кумар. – Что это?

Они соскочили со своих мест за столом и отступили от него на шаг. А их стол был уставлен тарелками и ложками, но пустыми. К ним ножи и вилки.

– Что?.. Нажали?.. Где?.. – бросились к ним с расспросами люди, то того сами не рискнувшие прикоснуться к рисунку стола.

– Да вот этот, кажется, – сказал Кумар, но руку сразу же одёрнул. – Тут, видите, крестик...

– У всех на столах есть крестик? – спросил Камрат, а сам вглядывался в поисках знака вызова пустой посуды.

Команда, кроме путров, расположившихся в одном из незанятых углов помещения, опять разбежалась к своим столам, в поисках в одном из секторов круга «крестика», больше похожего на две скобки, прижатые одна к другой выпуклыми сторонами.

«Крестики» нашлись у всех, так что вскоре столы обзавелись пустой посудой. После чего начались поиски методом случайного тыка – в один сектор, сразу в два, а то и в три...

Результаты превзошли все ожидания.

Уже через полпраузы люди, подсказывая друг другу, смогли вызвать в изобилии разнообразную еду и сносное питьё. Это походило на вакханалию – ели, пили и ещё хотелось, до того уже надоели тескомовские сухие рационы. Досталось и путрам. Заставили поесть и Сестерция, хотя он вначале гордо отказывался, пока Свим не высказался по его поводу без обиняков. И еда подкрепила торна, добавила энергии.

Вновь отличился Кумар. Его стол, за которым он отъедался с Овехом, вдруг очистился, не оставив на поверхности даже крошек, лишь вилка, зажатая в его кулаке, напоминала о недавнем пиршестве. Но и она истаяла через миг, вообще обескуражив Кумара происходящим. Правда, дело не обошлось без Невлоя. Перед этим Кумар вызвал соблазнитель-

но пахнувший напиток, достигший чуткого носа Невлоя. Он направился к дурбу узнать, как тому удалась такая операция.

– Покажи, где нашёл?

– Да вот... Надавил здесь, а потом – вот... – не выпуская из руки вилку, Кумар небрежно коснулся ею двух секторов, обозначенных одним и двумя квадратами.

Коснулся и отпрянул – на столе чистота.

Кумар долго не решался начать продолжить затянувшийся ужин с вызова пустой посуды, а затем заполнять её едой.

Зато Харан вызвав общее одобрение, сказав:

– Это удачная находка. Меньше грязи после себя оставим.

Предоставленное застолье путникам, по всему, не ограничивало возможностей кемпинга, но других предложений с его стороны не последовало, даже после тщательных поисков на полу и стенах. Так что отчаяния на приличный, а не бивуачный ночлег, а так же извлечение каких-либо материальных артефактов давней эпохи, не оправдались. А надо было бы добыть куртку, сгоревшую от збуна у Овеха, а для Лептока подходящую обувь.

На полу между столами места досталось всем...

Спали долго, отсыпались. Появление на дороге такого приюта вселяло надежду о независимости команды от недостаточных запасов еды. Ведь на платформу можно было её нагрузить в избытке. Всё это не заставляло торопиться с выходом в путь. Достижение Скалы даже десятью днями позже – ничто с пролетевшими тысячелетиями.

Впрочем, никто, конечно, не собирался терять времени зря, в конце концов, дорога утомляет, и чем быстрее она закончится, тем лучше. К тому же тлеело подспудное мнение – чем быстрее идти, тем меньше будет подготовлено таких неприятностей, как появление червя К”аукирки и его наживки в виде несуществующих мест отдыха.

Оттого утром собирались хотя и не спеша, но и не мешкали.

Плотно поели, добыли из щедрых столов про запас то, что могло не испортиться в дороге и, наконец, покинули гостеприимный дом. У своеобразного крыльца стояла платформа, на неё стали класть всё, вплоть до заплечных мешков.

– Давайте возьмём ещё одну! – указал Зливан на вторую платформу на поле; она стояла там же, где вчера находилась и первая. – Её тоже надо взять.

Однако мнения тут разделились.

– Достаточно одной, – высказал своё мнение Малион.

– Нет, – возразил Харан. – На них можно и нужно посадить женщин и Р”япру. Да и самим время от времени можно будет отсидеться... Камрат, надо взять. Сестерцию лучше будет не идти, а лежать.

Сестерций вскинул, было, гордо голову, сдвинув чалму на бок, но ничего не сказал.

– Зливан, – сказал Камрат. – Толкать придётся твоим дурбам. Они согласны?

– Мы согласны, – ответил за дурбов Зливан. – Налегке

пойдём, а толкать эту моблу одному под силу.

Глава 18

Толкать платформу и вправду можно было одному человеку. Вначале хотели установить очерёдность для всех, но молодые дурбы, верные заверению Зливана, взяли это на себя.

Кое-кого сразу усадили, а Сестерция положили, в качестве пассажиров. Лепток долго упрямился, но как только вода вновь налилась в его сапоги, он сдался. К нему присоединили Грению и Думару. Подсадили и Р”япру. Её маленький рост даже в небольшой воде создавал ей неудобство, она замокала с ног до головы. Но не жаловалась, однако все видели, как ей трудно идти. Впрочем, из-за навала заплечных мешков, распухших от вложенных в них запасов, людям пришлось довольствоваться небольшими пяточками, выделенных для сидения.

Лептоку досталось шуток и язвительных замечаний, но никто не претендовал заменить его. Вчера все видели, с каким трудом, не без помощи Невлоя он снимал пропитавшиеся водой сапоги. За ночь они слегка высохли, да и то благодаря куртке, в которую были завёрнуты.

Зато Грения с Думарой, не имеющие возможности близко общаться в дороге, не теряли времени – говорили без умолка и от души, сплетничали и делились «страшными» тайнами.

Однако наступившая как будто идиллия спокойного и мирного движения, когда сил ещё много, за спиной не висит обременительная ноша, а дорога уже освоена со всеми её неудобствами, закончилась.

Одно, что стала подниматься вода, так что скоро люди брели в ней почти по колено, а путры – по пояс.

Поднятие воды можно было хоть как-то объяснить: дорога заметно спускалась в ложбину. Правда, и до того встречались такие перепады дна Болота, но уровень воды оставался всегда постоянным. Но кто знает, вдруг здесь в барьере образовалась течь, вот воды и прибыло.

Но было и другое – коридор дороги, созданный барьерами, стал резко сужаться, только-только протолкнуть платформы. А поскольку опорой для них, по-видимому, служил турус дороги, то они стали зарываться в воду, и толкать их стало намного труднее. Зато к этому времени ожил Сестерций. Каким-то образом, как он заявил, ему удалось черпать энергию от моблы. И теперь он толкал её, не на минт не отрывая от неё рук.

Появились проблемы.

Команда потеряла сплочённость, разбив её на три изолированные группы. А пассажирам пришлось покинуть насиженные места. Появилась необходимость переложить заплечные мешки, до того беспорядочно громоздящиеся горой. Их поставили так, чтобы вода не могла попасть в них.

Лептоку не повезло дважды. Он слез с платформы и его

короткие в голенищах сапоги сразу наполнились водой, а его рюкзак оказался водонепроницаемым, и как его не укладывали, Лептоку пришлось взвалить его на спину.

Двигались не ходко, перекликались – это единственное, чем они воспользоваться, чтобы общаться, и для уверенности, что никто не потерялся, потому что с узиной пришло затемнение, видимость сильно ухудшилась. Оставалось надеяться, что замыкающие команду Малион и Невлой, навряд ли дали бы кому-то отстать.

Все эти изменения не добавляли ни людям, ни путрам оптимизма. Замолкли разговоры, лишь пыхтение и вскрики, оклики и вздохи.

Так они брели около праузы, но всем показалось, что возникшие неудобства длятся уже пол дня. Путешествие стало оборачиваться своей занудливостью, когда идёшь, а впереди беспросветно всё одно и то же.

И когда за стенками барьера появились огни, все даже вздохнули свободнее – стало хотя бы светлее. Но после того как огни оказались горящими глазами угрожающей величины монстров, путешественники почувствовали себя совсем неуютно.

Монстры раз за разом наплывали, встретив преграду, разевали бездонные пасти, баламутили воду, отступали назад, отчего огни метались, создавая неприятную для людей игру светотени. Но в большей степени это сказалось на путрах. Не сдержалась Х”вьюся и завывла, громко захрюкал Т”евара

и забил перед собой лапинами, разбрызгивая воду, вызвав недовольство людей, идущих с ним рядом. Увещевания не помогали. Кто-то из молодых дурбов пообещал его обуздать мечом. И лишь когда потомка кабанов оттеснили назад, к Невлою, он усмирил его.

Стая монстров рассеялась так же внезапно, как и появилась. Возможно, их разогнали мавши, чьи тени как будто промелькнули невдалеке и ушли вперёд. А вскоре дорожный коридор расширился, и слой воды под ногами вернулся к прежнему уровню – по щиколотку.

Лептока опять усадили на платформу, помогли снять сапоги, чтобы вылить из них воду. Знающие тоже заняли свои места, а Грения и Думара сесть отказались – и наговорились, и решили дать кому-нибудь другому возможность посидеть и отдохнуть, а идти для них без заплечных мешков – одно удовольствие.

Миновав неудобный участок, Камрат решил остановиться: и передохнуть, дав людям и путрам время, чтобы прийти в себя, но в основном, чтобы поговорить с Малионом и Невлоем, не принесли ли монстры какого-нибудь нового известия.

Пока он решал, дорога преподнесла ещё одну задачку – она раздвоилась.

Команда сгрудилась у развилки.

Перед взором разумных открывалась прямо вдаль уходящая дорога, по которой они шли до того, но слева появил-

ся такой же коридор, ограниченный барьерами, круто уходящий к югу.

Подошедший Малион, показав на ответвление, сказал:

– Она ведёт к Дороге Страха.

– Это вам подсказали эти... от К"веквы?

– Нет. Это были дикие монстры.

Камрат повернулся к команде.

– Надо выбрать, по какой дороге идти. У кого из вас есть какие-нибудь сведения о дорогах? Или знаний: идти, как шли или повернуть?

Не прошло и минута, как можно было понять: никто о второй дороге ничего не знал даже на уровне интуиции.

Отвод мало чем отличался от главной дороги, может быть, лишь тем, что примерно на четверть был уже, а уровень воды оставался таким же.

Конечно, прямой путь к Скале, по общему мнению, казался предпочтительнее, но и появление ветви к Дороге Страха могло быть не случайным. О неслучайности также подумали и высказались все.

Надо было выбирать...

Невлой, пошептавшись со Знающими, сказал:

– Мы с Ей-Феем и Ой-Моем попробуем оценить степень риска каждой дороги.

– Как это? – воскликнул Ольдим, активный сторонник идти по прямой дороге. В заявлении Невлоя ему почудилось притворство, чтобы сбить его с настроем. – По запаху, что ли?

Невлой, а?

– Мы можем...

– Что для этого надо? – спросил Камрат. – А ты, – глянул на Ольдима, – не мешай им!.. Невлой?

– Надо всем отступить назад... – Невлой наклонился к Ей-Фею, – думаю, на кантор?

– Лучше на два, – помолчав, ответил Ей-Фей. – Тогда никаких помех.

– Не меньше, чем на два, – подтвердил Ой-Мой..

– Надо отойти берметов на сто, – уточнил Невлой. – Всем. А ты, Камрат, пока останься с нами. Нам надо кое-что тебе сказать.

– Хорошо. Всем назад! Малион, проследи! – скомандовал Камрат, хотя команда уже нестройно отступала от развилки. Малион, чуть расставив в стороны руки, потеснил людей и путров. – Слушаю вас, – обратился к Невлою и Знающим Камрат.

Невлой переглянулся с Ей-Феем.

– Говори! – мотнул усами в такт головы Знающий.

– У нас с Ей-Феем и Ой-Моем свои... – Невлой надолго замолчал. – У нас разные способы определения степени возможного риска... Поэтому...

– Невлой, короче!

– Коротко, Камрат, не значит правильно. И нам надо ещё время, чтобы быть готовыми...

– Хорошо, хорошо!

– Так вот... Мы по-разному определяем и оцениваем риски. Поэтому, если наши мнения совпадут, то... значит, выбранная нами дорога грозит нам... чем-то в меньшей мере.

– А если не совпадут? – задал резонный вопрос Камрат, ему несвязная речь Невлоя стала надоедать.

Двейрин думал недолго.

– Давай не будем торопиться. Вначале мы... Но чтобы не зависеть друг от друга, мы по отдельности скажем тебе о нашем мнении.

– Понятно. Что ж, приступайте. А я...

– Ты можешь остаться здесь, – сказал Ой-Мой.

– Твоё поле не искажает поле дорог, – пояснил Ей-Фей. – Ты – Аба-Ава...

– Какой ещё Аба-Ава?

Камрат впервые услышал своё сокровенное имя. А Ей-Фей произнёс его так, как если бы оно означало грань, за которой – пустота.

– Разве ты ещё не вспомнил? – встопорщил усы Ой-Мой.

– Было бы что... – растерянно проговорил Камрат, ощутив, как в его голове словно замигали огни; он погрузился в воспоминания. – Да, да... Аба-Ава – это я...

Естественно, он слышал это имя. Но до сего мгновения это был ничего не значащий для него звук, он его не волновал, не заставлял задумываться, не побуждал к анализу.

– Мы готовы! – долетел до него зычный голос Невлоя.

– Да, да...

– Вначале я, – сказал Невлой.

Он подошёл к началу прямого участка дороги. Постоял, переступая ногами, долго всматривался вдаль. Затем присел и погрузил руки в воду, опёрся ими в турус. Наконец, встал, тщательно высушил ладони о куртку. Кивнул, приглашая Ей-Фея.

Знающий, высоко поднимая в коленях ноги и на миг замирая при каждом шаге, приблизился к месту, только что покинутому Невлоем. Так же, как и двейрин, он постоял, затем развёл руки в стороны и застыл изваянием, только кисти рук он, то сжимал в кулак, но разжимал.

Так длилось минта три, после чего Ей-Фей встряхнулся, обернувшись, поманил Ой-Мой, но глаза его, как показалось Камрату, были закрыты.

Ой-Мой не оригинальничал, сделал всё так же, как и Ей-Фей. Но по окончании он отрывисто сказал, обращаясь к Невлою:

– Теперь ты!

И Невлой, и Знающие повторились в своих действиях, проверяя дорогу, ведущую на юг. Правда, после своего сеанса, Невлой подошёл к Камрату.

– Надо идти налево, – сказал он ему едва слышно.

– Почему?

– Пусть ещё скажут Знающие, а я... пока отойду. Я не должен их слышать... И лучше не видеть...

Камрату опять хотелось спросить: почему? Ну, скажет Ей-

Фей или его напарник, что надо идти по прямой дороге, или подтвердит изыскания Невлоя – ну, и что? Только слова. Совпадут – прекрасно, не совпадут...

Знающие не потратили и половины времени на исследование отвода по сравнению с прямой дорогой. Усы у них приподнялись, но, возможно, процесс определения риска напроць лишил их сил. Они едва дошли до Камрата, Ей-Фей, не поднимая головы, сказал:

- Лучше идти к Дороге Страха.
- Да, – выдавил из себя Ой-Мой.
- Хорошо. Что теперь?
- Зови Невлоя. Мы теперь вместе скажем.
- Он сказал то же самое.
- Мы вместе скажем.

Камрат не понимал.

Он позвал Невлоя. Тот уже подходил, как со стороны команды послышались крики. Орей, пеня воду, мчался к ним. Но, поравнявшись с ними, скорости не сбавил.

– Орей, стой! – бросился ему наперерез Камрат, но его бесцеремонно дёрнул назад Невлой, дав возможность Орею проскочить мимо и помчаться дальше по прямой дороге.

- Пусть бежит, – сказал Невлой, отпуская руку Карата.
- Это хорошо, – подтвердил Ей-Фей.

Камрат опять не понимал.

- Что хорошего?
- Мы вместе скажем...

– Так говорите! – подстегнул Знающих Камрат, нетерпеливо топчась и оглядываясь – где там Орей?

Орей всё ещё бежал, фигура его уже стала, на фоне серой дали, размываться. И оттуда потянуло ветром, хотя до того воздух вдоль дороги не двигался.

– Я скажу... – Невлой смотрел на Знающих. – Слева пройти проще. Прямо пойти – вернуться...

– Я тоже скажу... – поднял голову Ей-Фей, чтобы видеть лицо Невлоя. – Слева – удача, справа – тупик.

– Я скажу... Слева – удача, справа – тупик, – повторил напарника Ой-Мой.

Они высказались и повернулись к Камрату, вконец обескураженному их бессмысленными «я скажу...»

– Мы сказали.

– Невлой. Это у вас что, игра такая?.. Мы здесь уже полпраузы стоим... Вы же сразу определили, куда надо идти, а сами... Ладно... Итак, поворачиваем налево?

– Вот теперь – да, – сказал Ей-Фей.

Крепнувший ветер распушил его усы.

– С вами говорить, время терять.

– Это не игра, Камрат, – наставительно прогудел Невлой. – Это исправление пути. Иначе...

– Не понял, но согласен, – оборвал его Камрат. – Будем сворачивать. Только вот Орей...

– Да, да! Надо уходить, – заволновался Ей-Фей.

– Аба-Ава! – закричал Ой-Мой. – Надо быстро уходить!

Камрат не понимал. Но он позвал команду:

– За нами! Скорее!

Его голос гулко отразился от невидимых препятствий, задрожал. Стены, созданные по обе стороны дороги барьером, завибрировали. И тут же раздался трубный крик ужаса – это возвращался Орей. Нечто гналось за ним.

Люди и путры, подстёгнутые Камратом и вопль Орея, не мешкали. Им в лицо дул усиливающийся с каждым шагом ветер. Труднее стал толкать платформы, в них упёрлись все молодые дурбы. Сдуло чей-то мешок, пришлось его ловить в полёте. Вокруг всё гудело.

Орей уже не бежал, а летел, подхваченный ураганом. Впереди него нарастал вал воды.

Камрат, прижавшись спиной к податливому барьеру отвления, пропускал мимо себя не на шутку испуганную внезапными переменами команду. Перекрывая гул, прокричал стоящему напротив него у противоположной стенки дороги Невлою:

– Оре-ей! – его крик уносил ветер.

Однако, странно, но поток воздуха нёсся только вдоль прямой дороги, покинутой разумными. А рядом, в ответвлении, царило затишье.

– Да-а... – ответил Невлой и слегка высунулся, его чуть ли не выдернуло из своеобразной ниши почти неподвижного воздуха, где он стоял.

А мимо накатывалась нагонная волна, на вершине кото-

рой оказался Орей. Невлою с большим трудом удалось выхватить его из воздушного и водного потоков. Он поймал его, пролетающего, за ногу, упёрся, чтобы самому не последовать за ним. Камрат бросился ему на помощь. Вдвоём они справились и втащили обезумевшего Орея в тихую заводь ответвления.

Словно хищник, потерявший из виду жертву, ветер заметался в узких стенах коридора дороги, волна остановилась и опала, растекаясь и успокаиваясь.

– Успели! – выдохнул Камрат. – Дёрнуло его сунуться, куда не следует.

Он продолжал удерживать Орея, хотя тот смиренно стоял с ним рядом и не порывался куда-либо бежать.

– Хорошо, что он проверил...

– Что он мог проверить? – подступил к Невлою Камрат, впервые, пожалуй, соизмеряя свой рост с ростом двейрина, и он оказался выше его, а ведь весной Невлой для него казался громадным, вдвое превосходящим его. – Кто на него напал?

– Не знаю, Камрат, точно. Может быть, там установлен какой-то древний механизм... – Невлой поднял плечи. – И приближение к нему без какой-нибудь подготовки, вызывает ветер... А что?

– Хм... Просто, но непонятно. Зачем?

– Это нам не понятно. И потом, этот механизм за тысячи лет мог измениться.

– Возможно, ты прав. Ладно. Нас ждут. А этого, – Камрат

подтолкнул Орея к Невлою, – заставь платформы толкать!
– Что это было? – встретил Камрата Харан вопросом.
– Какой-то механизм... Так Невлой говорит.
– Я подумал так же. Он мог очищать дорогу от мусора.
Или создавать попутный ветер...

– Наверное, – сказал Камрат; удивляясь, что ему такое объяснение, да и какое-то другое, по поводу неожиданного урагана, даже в голову не приходило, а вот у Харана возникло такое же предположение, что и у Невлоя. – Двинулись!

Короткая остановка. Обступив платформы, поели. Наступающая ночь ничего хорошего не сулила – под ногами вода... За барьером тоже вода, до верхнего края её уже и рукой не дотянуться. На платформах всем не устроиться, чтобы поспать. А люди, да и путры, устали...

– Сделаем так... – сказал Камрат и замолчал.

То, что он хотел предложить, с одной стороны, могло решить хотя бы на время ночи проблему, а с другой... Хватит ли у него самого сил осуществить задуманное?

– Говори, Камрат, – попросил Харан. – Обсудим.

– Суди, не суди, – буркнул Ольдим, – а здесь хуже, чем вначале наводнения на Сажане. Там хоть куда-то бежать можно было.

– Сделаем так, – уже твёрдо сказал Камрат. – Здесь никуда не будем бежать, а попробуем разместиться на платформах.

– Но, Камрат...

– Кроме меня и Сестерция.

– И меня, – подал голос Невлой. – Да и Т”евара вот говорит, что не устал.

– Да, я и тебя, Невлой, имел в виду. А Т”евара упрощает наше положение... – Камрат был доволен. Добровольное решение Невлоя и Т”евары и вправду почти снимало проблему размещения команды на ночлег. И если на Невлоя он надеялся, то Т”евара по своим габаритам стоил К”нъеца и Ф”ента вместе взятых, и кое-кого в придачу к ним. Поэтому Камрат дальше уже не советовался, а распорядился: – Я иду впереди, а вы, Невлой и Сестерций, будете толкать платформы.

– Я тоже могу толкать, – хрюкнул Т”евара.

– Конечно, можешь, – кивнул Камрат. – А теперь попробуем разместиться.

Две платформы – почти шесть берметов в длину. Даже трети бермета достаточно, чтобы нормально уложить молодого дурба – это одна платформа, вторая – для всех остальных, в принципе, при таком расчёте маловата. Однако путры и Знающие, не в пример дурбам, из-за своих незначительных габаритов могли лечь вчетвером не поперёк, а вдоль платформы, оставляя достаточно места для женщин, Харана и Свима, Ольдима и Орея. Вначале разместились женщины: Грения и Думара голова к голове легли между Гелиной и Жаристой, а миниатюрную Илону положили в ряд с путрами – Х”вьюсей и К”ньяной, по краям вполне комфортно устро-

ились К”нзец и Ф”ент, под бок которого улётся Орей. Места для Харана и Свима нашлось немного. А Ольдим, помыкавшись, втиснулся между молодыми дурбами.

С людьми и путрами разобрались, но дело застопорилось из-за заплечных мешков. Какие-то из них подложили под голову, устроили в ногах, но всё равно они мешали размещению команды.

Словом, на укладку, под смешки и бурчание, ушло много времени. В мире наступила ночь, стало совершенно темно, и лишь слабое свечение ауры Сестерция позволяла видеть хоть что-то.

Камрат прошёлся вдоль платформ. Предупредил Сестерция:

– Пойду впереди. Почти вслепую, так что не торопись, чтобы не сбить меня с ног. Невлой, если что, пусть ко мне приходит Т”евара... Впрочем, можешь и сам... И не шумите... Кажется, всё. – Камрат вернулся назад, чтобы возглавить движение, обернулся и коротко скомандовал: – Пошли!

Камрат усталости не испытывал, но, принимая решение бодрствовать, думал об этом. В конце концов, он не торн, ко- ему достаточно энергии мобла, и не двейрин, организм которого мог выдержать, как он теперь знал, и не такие передряги. Шёл легко, иногда оглядывался, видел клубок свечения, созданный Сестерцием, и опять устремлялся в темноту. Однако постепенно, когда за спиной, наконец, затихли звуки, на него вдруг накатило чувство одиночества, никогда

ещё в полной мере не посещавшее его. Ведь он всегда был в окружении людей и путров, ему приходилось принимать какие-решения. А сейчас он остался один на один с самим собой.

Возможно, ощущение одиночества возникло от напоминания Ей-Фея, что он – Аба-Ава. А может быть, к тому добавлялось другие тревожащие его мысли, что перекликались, хотя он о том не знал, с думами Харана. Неужели сам он – ничто, а лишь средство достижения цели, поставленной перед ним другими? Но он же во всём видел себя обычным человеком! И он, по сравнению со многими людьми, не обладал какими-то особыми, на его личный взгляд, данными. Это Малион – Проводник, это Невлой и Знающие способны улавливать какие-то недоступные его органам чувств изменения в окружающей среде. Это Харан может врачевать, а Гелина знать древний язык...

Но если вспомнить... Он же теперь помнит всё, возможно, даже с того самого первого мгновения, когда появился на свет из утробы матери... Мать... Он никогда и никого не называл словом – Мама, но помнил её, правда, как застывшее в неизменности заплаканное лицо. Отца же не знал и не знает... А вот и Гелина, и Грения, и дурбы знают своих матерей и отцов, каких-то родственников...

Камрат, погружённый в полу грёзу, почти с прикрытыми глазами механически переставлял ноги.

Наконец, что-то извне привлекло его внимание. Он

встряхнулся и увидел белёсое пятно, вдали перекрывающее дорогу. Позвал Невлоя.

– У нас что-то впереди.

– Вижу... Свет.

– Наверное. Надо бы... – начал Камрат.

– Да, конечно, – понял его с полуслова Невлой. – Мы пойдём с Т"еварой. Для связи.

– Хорошо. Зови Т"евара, а я пойду, помогу Сестерцию.

– Только вы не торопитесь за нами... Эй, Т"евара!.. Ко мне! – позвал Невлой. Хрюкнув, путр резво обежал платформы, остановился перед Невлоем, ожидая его распоряжений. Невлой сказал: – Мы с тобой пойдём в разведку. Видишь свет?

– Да.

– Вот и посмотрим, что это такое. А вы, Камрат, – вновь напомнил он, – идите помедленнее.

Камрат пропустил мимо себя платформы, осмотрел спящих, отметил их неудобные позы.

Кратко объяснил Сестерцию суть случившегося.

– Я тебе помогу.

– Скажу пока только тебе, Камрат, – словно заговорщик, проговорил торн. – Моблы дали мне не только энергию. Я узнал, как они устроены. Да... Это же просто! Они сделаны инженерами. Понимаешь?.. Простыми инженерами.

– Понимаю... И что?

– А то... – Сестерций выпрямился, аура его вспыхнула. –

Я знаю теперь, как ими управлять.

– Молодец, Сестерций! – искренне обрадовался Камрат. – И как?

– А вот... Убери-ка руки... Видишь, они сами... Толкать не надо.

– Так. Здорово! Но-о, Сестерций... А как остановить, ты знаешь? Это важнее, чем их запустить.

Он не договорил, стукнувшись коленом о платформу, сбавившую скорость движения.

– Как же! – самодовольно произнёс Сестерций. – Всё теперь знаю.

– Молодец! – похвалил его Камрат. – Завтра расскажешь все как это делать... А сейчас, раз тебе помогать не надо, я пойду вперёд. – И уже озабоченно проговорил: – Что-то там высмотрит Невлой...

Глава 19

Стало как будто теплее.

Когда команда ступила на дорогу, то люди почувствовали благодатную прохладу. Как ни старалась до того их одежда уберечь от перегрева, но стояло лето, а днём и вечером солнце прогревало атмосферу, лишённую на отдачу тепла за свои пределы, порой до высокой температуры. Так что в коридоре дороги появилась возможность вздохнуть свободнее и смахивать обильный пот, покрывающий лица.

Но по мере повышения воды за барьером, стало холодать, правда, терпимо, во всяком случае, никто не жаловался, что замёрз, за исключением Лептока. Впрочем, он не столько замерзал, сколько мучился от влаги, пропитавшей его рюкзак, и воды, попавшей в сапоги.

И вот всё-таки в лицо Камрата пахнуло теплом.

На фоне светлого пятна появилась тёмная точка, вскоре выросшая до таких размеров, что в ней можно было уже узнать очертания фигуры Невлоя, без Т"евара возвращающийся к команде.

Он остановился, поджидая Камра, а, поравнявшись, молча зашагал с ним рядом.

– Ну, чего молчишь? – не выдержал Камрат игры в молчанку. – Где Т"евара?

– Думаю, как сказать.

– Что опять? – с досадой спросил Камрат. – Последнее время, ты, я заметил, разучился говорить понятно.

– Да город там какой-то... Вот и думаю.

– Город?

– Или большой посёлок. Без стен и койны.

– Ну да? – не поверил Камрат.

– Да-да. Вот потому-то и не знаю, как сказать о том, что видел... А Т"евара, у выхода... из этой трубы... Там нет воды, сухо... Вечные светильники... – выбрасывал Невлой краткие фразы, словно в отчаянии, что ему пришлось такое увидеть. – Чисто и... как будто никого...

Размышляя, Камрат долго шёл молча. Наконец, со вздохом сказал:

– Жаль, но надо поднимать команду, а они лишь недавно заснули... Вначале мужчин. К”ньшеца и Ф”ента тоже. А пока... – Камрат оглянулся. – Сестерций, остановка!

Платформы плавно остановились.

Побудка мужчин, естественно, разбудила всех, и в первую очередь путров. С людьми было сложнее – и вправду, только-только уснули, они вставали неохотно, со сна даже не понимая, зачем это надо делать? Сообщение о каком-то городе или посёлке до многих доходило долго. Зевали во весь рот.

Однако вскоре сгрудились вокруг Камрата.

– Можно было предположить, что такое поселение нам встретиться. Ведь когда-то селились вдоль дорог, вернее дороги прокладывались между ними. До сих пор они есть, – сказал Малион после того, как Камрат спросил – нет ли у кого знаний о городе?

– Опять руины, как весной, – поделилась своим мнением Гелина. – И такие же раздаточные...

– Там как будто нет развалин. А руины, – Невлой о руинах, приютивших когда-то людей и выродков, не знал, – это развалины.

– Тем более. Нормально выспаться можно, – потёр глаза Харан. – К тому же всем.

– Опять мы говорим! Что говорить? Всё равно нам через него идти! – недовольно высказался Ольдим. – Вот и пойдём,

и посмотрим. Руины там или нет. Камрат, лучше идти, чем стоять и неизвестно о чём говорить.

– Это так. Но и кое-что следует знать, прежде чем входить в город. Поэтому... К”нзец и ты, Ф”ент, надо посмотреть. Далеко не заходите. Проверьте подступы, загляните в строения. Там сейчас Т”евара... Да, да, можете отправляться. А мы с вами, – обратился Камрат к оставшимся, – двинемся за ними, не торопись. Малион и Невлой, как всегда... Зливан, троих дурбов к Малиону, троих – при мне...

– Толкать платформы...

– Платформы толкать не надо, – перебил предводителя дурбов Камрат. – Сестерций знает, как ими управлять. И вот ещё что. Всем остальным взять свои рюкзаки и сесть на платформы.

– Я пойду, – сказал Ольдим, недовольный отнесением его к остальным.

– Конечно... Да, когда будем идти, не отвлекайтесь и держитесь команды. Орей, слышишь? Пойдёшь с Невлоем. И если тебя что-то подтолкнёт... опять убежать, вначале скажи Невлою.

– Я, Камрат, не уверен, что ему удастся предупредить Невлоя, – чуть позже сказал Харан. – Это у него позыв. Внезапный. Он, наверное, даже не понимает, что делает.

– Наверное, так и есть, – согласился Камрат. – Но пусть помнит... Его появление среди нас, меня до сих пор озадачивает. Его словно кто-то подсунул нам со стороны... Он то-

же предназначенность? Как думаешь? И для него, и для нас?

Харан на вопрос не отозвался, он всматривался вдаль.

– Как будто К”нзец бежит... – сказал он неуверенно.

– Похоже, что он... Воды почти нет, и за барьером в половину, – машинально отметил Камрат

Но все его помыслы были направлены на ожидания известия от разведчика, которому пришлось возвращаться к ним так быстро – это только добежать до окраины города, а до неё ещё, пожалуй, берметов триста, и сразу сделать какую-то оценку обстановки, стоящей того, чтобы о ней узнали и в команде.

Чёткий цокот копытцев хопса по чистому турусу дороги приближался. Из-за Камрата высунулась К”ньяна.

– К”ньюша, не торопись, – придержал её Камрат и задолго до того, как до него добежит К”нзец, крикнул ему: – Что там?

– Там мавши!.. Много!.. Не пройти!

– Вот они куда все торопились... Нас поджидали! – воскликнул Ольдим. – Роботы...

– Если против нас, то давно бы напали, – возразил Харан, но тут же добавил: – Впрочем, и вправду роботы. Кто знает, зачем они нас здесь встречают?

– Вот именно! – подхватил Камрат и обратился к команде: – Кто знает, что они представляют для нас? – Но ответа не дождался. – Тогда... Идём и выясняем всё на месте.

– Так и надо, – не преминул напомнить о себе и своём мнении Ольдим.

Команда двинулась вперёд.

Коридор, ограниченный барьером, стал расширяться, воды за ним ещё поубавилось. Темнота ночи сменилась светлеющими сумерками. Казалось, засветился сам воздух. Идти посуху несравнимо легче, чем приходилось до того брести по воде.

Но шли недолго, только приблизились к пригороду, и стали видны постройки, но пока что в виде застроенного пространства. Им навстречу пятились хрюкающий от негодования Т"евара и скулящий с поджатым хвостом Ф"ент. Их преследовала, вернее на них наступала плотная шеренга мавш, вытесняя пришельцев прочь от города.

Команда остановилась. Разведчики поравнялись, наконец, с людьми и юркнули за их спины, а мавши, покачиваясь на ходульных ногах, словно выполнили своё предназначение – не пропустили чужих, стали отступать назад.

– Не дали пройти путрам, – первым высказал общее впечатление Харан. – А для нас, людей, дорога как будто открыта.

Все с ним согласились, но противостояние роботов путрам вызвало обеспокоенность, особенно у тех, кто прошёл с ними весной через Дикие Земли и Сажаней. В конце концов, и хопперсукс К"ннец, и стехар Ф"ент, вообще составляли сердцевину весенней команды наравне со Свимом и Камратом.

– Но вы заметили, – сказал Невлой, – мавши не стали их

преследовать, когда мы стали для них прикрытием.

– То есть, думаешь, они их пропустят вместе с нами? – встрепенулся Камрат, только что представивший неприятность возможного размежевания команды, в которой каждый её член составлял единую систему, созданную для достижения Скалы Перехода.

– Возможно, так оно и есть, – сказал Невлой, хотя и неуверенно.

– Вот что я скажу. Это отголоски Войны Выродков, – проговорил Ольдим. – И мавши могли быть настроены на противостояние путрам, и не пускать их сюда.

– Но Болото уже тогда существовало...

Это к разговору подключился Зливан, ненавязчиво напомнив известные данные. Он после недавних событий не рисковал категорически высказывать своё мнение перед теми членами команды, что были старше его, а, главное, как он убедился и проникся уважением к ним, знанием и опытом.

– Это так, – поддержал его Малион. – Войны Выродков разгорелась много позже. И далеко отсюда, в основном в их Заповеднике. А этот город уже находился в недрах Болота.

– Тогда, что же? Ещё до Падения? – озадачился не только Ольдим.

– Наверное, – сказал Малион. – Мне сдаётся, мы можем идти вместе с путрами.

– Если твоя догадка верна, – посмотрел Камрат на Малиона, – то мы должны взять наших друзей под людскую опеку.

И не будем тянуть. Итак, Свим и К”ньюша... Харан?

– Возьму К”ньяну.

– Ольдим, ты?

– Я, – Ольдим оглядел притихших выроdkов. – Ну-у...

Пусть при мне будет Р”япра.. Ты согласна?.. Тогда иди сюда! – позвал он оробевшую вконец Р”япру.

– Со мной будет Т”евара, – сделал выбор Невлой.

– Жариста! – позвал Камрат. – Пока мы не выясним до конца намерений и настроя мавш, будь всё время при Сестерции.

– Пусть оба будут при мне, – сказал Малион. – А ты, – прикрикнул он на торна, возмущённого его высказыванием, – побереги энергию! Она тебе ещё понадобится. Займись платформами!

– Итак... Остались Х”вюся и Ф”ент. Гелина, возьмите их на себя с Гренией и Думарой. А теперь вы, Ей-Фей и Ой-Мой. Не покидайте платформ. Пока. И Орей... Тоже пока сиди на платформе! Дурбы будут при тебе... Всё! Идёмте!

Городок, по всему, был невелик. Дорога из коридора подходила к нему и веером дробилась на три прямые и широкие улицы. Невысокие строения, как можно было видеть, не выделялись разнообразием, отчего создавалась иллюзия набора из одинаковых деталей некой конструкции, распластавшейся перед взором вышедших на окраину городка людей и путров.

Однако перспективу заслоняли мавши, полукругом ставшие на пути команды. Большинство роботов-воителей то ли после каких-то схваток с неведомым противником, то ли от длительного срока своего существования лишились чуть ли ни трети своих конечностей. Даже создавалось впечатление, что некоторые из них не могли бы стоять, не будь рядом опоры других мавш.

Все вместе они составляли решётчатую завесу между командой и улицами города.

Люди, прикрывая со всех сторон путров, остановились в нерешительности: что можно ожидать от этих древних созданий, когда-то охранявших границы бандек и дороги?

Камрат, как это уже вошло у него в правило при очередном затруднении, возникшем на их дороге, осведомился у команды: нет ли у кого-нибудь каких-то знаний или предположений, как надо поступить в ситуации, создавшейся перед ними в виде нового препятствия. Ни того, то есть знания, ни иного – предположений – ни у кого не нашлось.

– Мечом их не возьмёшь, – посетовал Свим.

– Да, им меч не страшен. Они могут убить на расстоянии, – сказал Харан.

– Это не так, – возразил Ольдим. – Мавши никогда никого не убивали.

– «Мавша слева, мавша справа...» – напомнил Малион. – Думаю, надо идти.

– Да! Прикрывайте путров! – сделал первые шаги Камрат,

но, видя, что мавши не собираются отступить, остановился.

Противостояние могло бы затянуться надолго, если бы не Орей. Он просочился-таки через плотную шеренгу молодых дурбов и, в этот раз без крика, кинулся на заслон мавш.

Роботы перед ним расступились и создали широкий проход, словно приглашая разумных войти в него, чем они и воспользовались, даже не сговариваясь между собой.

А Орей в сопровождении двух мавш побежал дальше, пока не выдохся, перешёл на шаг и, наконец, остановился, ожидая подхода команды. Она теперь шла в окружении роботов: справа и слева, а замыкали общее шествие ещё три, один из которых имел всего две целых ноги-ходули; другие, разно великими культам, болтались при сильной раскачке покалеченной мавши. Впрочем, перемещались роботы бесшумно.

Люди и путры долго двигались в настороженном молчании. Слов не было, они уступили место глубокому удивлению.

– А ведь они нас охраняют, – негромкий голос Харана услышали все, в том числе, по-видимому, и мавши – они словно споткнулись о невидимую преграду и сбились с набранного темпа движения.

– От кого нас здесь охранять? – уже громко спросил Зливан. – Все вымерли.

– Возможно, это их назначение, вот и охраняют. И, наверное, слышат нас. – Смотрите, – указал Ольдим на мавшу, склонившуюся к нему.

– А что? Может быть, они от нас ждут каких-то приказаний... или вопросов к ним? – домыслил Харан высказывание Ольдима.

– Знать бы только – каких? – Свиму понравилось предположение Харана. Прикрикнул одной из них, что вышагивала рядом с ним: – Эй! Где тут дорога к Скале?

Мавша отпрянула от него и пошла, как шла до того: без шума и отстранённо.

– Они нам не помощники и дорогу к Скале не укажут, – отмахнулся рукой от навязчивого робота Ольдим.

– Мы говорим с ними на непонятном для них языке, – сказал Малион. – Они слышат речь, но о чём, они навряд ли понимают. И даже, если они скажут что-либо, мы тоже не поймём.

– Наверное, – покивал головой Харан. – Но... Гелина, попробуй им что-нибудь сказать на древнем языке.

– Как пройти к Скале, – подсказал Ольдим.

– А они о ней знают? Это мы говорим так: Скала Перехода. А как она называлась теми, кто её создал, и знали о ней эти роботы?

Каверзный вопрос Зливана не охладил желания Харана через Гелину вступить в переговоры с мавшами.

– Не важно, как она тогда называлась. Если они поймут сказанное Гелиной, то договориться можно будут.

К этому времени достигли той небольшой площади, от которой начинались три улицы, и каждая из них могла вести

к прямому пути, ведущему к Скале, но и в равной степени увести от неё далеко в сторону.

– Что ж, – сказал Камрат, – Гелина, попробуй. Вдруг что-то выйдет для нас полезное.

Сам он каких-либо надежд на успех переговоров с роботами не питал, по его наитию, они и не могли состояться. Это как закалочная: вошёл в неё, а она выполняет положенное, вернее заложенное в неё действия. Так и мавши. Должны защищать людей – защищают, а всё побочное для них – неведомое деяние.

– Я хочу... Но я... – на щеках Гелины от волнения проступил румянец. – Я не помню... Я забыла слово, как тогда называлась скала...

– Вертекс, – вдруг сказала Грения и потупилась, чтобы не видеть удивлённых глаз, обращённых на неё. – Как будто вертекс.

– Вертекс?.. И правда! – обрадовалась Гелина. – Я сейчас..., – И медленно подбирая слова, она, обращаясь к ближайшим мавшам, проговорила фразу на древнем языке, в переводе она звучала так: – Мы идём к Скале Перехода. Помогите нам до неё дойти.

Заслышав её речь, мавши все сразу отступили от неё, словно звуки её оттолкнули их подальше от Гелины

– Что ты им сказала? – поторопился выяснить Харан.

– Как пройти к Скале... – растерянно проговорила Гелина. – Может быть, я что-то не так...

– Мне кажется, они... – Свим осмотрелся, ожидая поддержки или подсказки. – Они или испугались или... смотрите... перестраиваются... А?.. И опять... – он сбился и смолк.

– Они долго, я думаю, не слышали человеческой речи, к тому же понятной им, – сказал Ей-Фей. – Так что Гелина их, наверное, и вправду испугала. А, может быть, заставила их восстанавливать какие-то... Не знаю, как это называлось... То, что в них когда-то было заложено, а со временем стало забываться... вернее стираться из памяти.

Предположение Ей-Фея восприняли с пониманием, так как оно хоть как-то объясняло поведение мавш. А Ой-Мой авторитетно добавил:

– Так может быть. Однажды в районе Стального Плато были найдены роботы. Они долго восстанавливались, прежде чем вступить в общение с людьми и выполнять свои обязанности.

– Если это так, то... Гелина, продолжай с ними говорить. А мы... – Камрат глянул на Харана и спросил: – Нам пора поесть?

– Да, пора, – охотно отозвался Харан. – Но не здесь, а давайте попробуем войти в какой-нибудь дом.

– А пустят? – усомнился кто-то из молодых дурбов; до того они как замороженные следили за разговорами старших и особенно удивлялись Гелине, произносящей незнакомые сочетания звуков.

– Я говорю, давайте попробуем. А ты, Гелина, говори!

– Что я им должна говорить?

– Что хочешь... Что у тебя получается. Спроси, где здесь есть раздаточные и... Хорошо бы узнать о закалочных. А что?.. Грения, ты тоже... Что знаешь, говори им. Восстанавливайте их память. Камрат, как?

Всё это время Камрат будто оставался за пределами рассуждений его спутников, словно оказался лишним. Вокруг него говорили, перемешались, а он стоял и не вмешивался, пока кто-нибудь напрямую не обращался к нему. Ему казалось, он что-то то ли вспоминает, то ли сам предполагает о предстоящих событиях, в том числе и в этом городе. Но всё так расплывчато и, пожалуй, непоследовательно, что он не мог ничего воспринять определённого. Однако что-то грезилось и вселяло надежду на благоприятный исход.

– Что ж, попробуем, – сказал он. – В какой дом войдём?

– Да они здесь все одинаковые. Хоть вот этот, – указал пальцем Ольдим на дом справа. – Он к нам ближе всех.

Расстояние до указанного дома не больше кантора, расчленённого мавшами пополам. На пути их оказалось три, одна с полным набором ног.

– Что говорить? – волновалась Гелина, прижимаясь к Харану. – Я им уже всё сказала.

– Всё равно что... Пусть нам в дом дадут войти или... Говори и – всё. И иди...

Команда робко двинулась к невысоким ступеням, ведущим к входу в дом с закрытыми дверями. Закрытые двери

тоже смущали – подойдут, а внутрь будет не попасть.

Гелина говорила, Грения подсказывала, команда продвигалась, мавши шаг за шагом уступали дорогу, и даже уже стали создавать видимый проход к крыльцу, придавая разумным уверенности в исполнении задуманного.

Страшный треск раздался у них за спиной, колыхнулся и поднялся столб огня. Люди схватились за мечи, разом обернулись, но увидели только лишь шеренгу мавш, мечущих узкие красноватые лучи в огненный вал за ними. Из него тоже блеснул синий луч, но синий, и нога одной из мавш стала короче наполовину, а срезанный её кусок упал на землю и забился в судороге.

– В дом! – скомандовал Камрат, он твёрдо был уверен в своём решении. – Взять свою ношу! Моблы оставить!

Меж тем мавши уплотнялись вокруг людей, а там, за их защитой, какие-то приземистые создания, похожие на громадных жуков, сползались, казалось, со всех сторон. Мавши встречали их огненными струями, превращая «жуков» в бесформенные груды. Порой, и они отвечали. Однако сила их лучей значительно уступала огненному бою, созданному мавшами. Оттого только ещё одна из них пострадала за время, пока команда добиралась до дверей дома.

Неожиданно возникшая схватка повергла людей и путров в изумление, заставившее их действовать и двигаться, хотя и быстро, но неорганизованно и суматошно.

Бросившись к крыльцу, наступали друг другу на ноги, тол-

кались, забыли о Знающих, беспомощно пытавшихся обежать платформы. Жариста в отчаянии порывалась сдвинуть с места Сестерция, будто онемевшего от внезапного изменения обстановки вокруг команды. Ядовито-синюшная аура обволокла его до пояса, внутренние связи нарушились, рецепторы подавали противоречивые данные, отчего в компеторна появились вихревые токи, сметающие разумное осознание обстоятельства, в которое он попал. Потеряла сознание впечатлительная Р”япра...

Поведение разумных, естественно, была ожидаемой.

Никогда ещё ни люди, ни путры не видели ничего подобного, а то, что осталось от мифов в их поверхностных знаниях о том, не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось вокруг них.

Словно ожили фрагменты не то из истории Войн Выродков, то ли времён Судорожного Возрождения.

Однако попавшим в ситуацию давно минувшего времени, стало сразу ясно – они здесь оказались лишними, хотя, возможно, как раз их появление и спровоцировало столкновение роботов. Также прояснилось – мавши, похоже, защищали их.

Команда почти в полном составе столпилась на площадке перед дверью, а она будто того и ждала, и распахнулась перед ней на полстены, давая возможность всем скопом ввалиться во внутрь дома.

Невлой внёс на руках Знающих, казалось, погрузившихся

в сон, а Малион – Р”япру. Внизу остались Сестерций и Жариста. Она впала в истерику, так что, когда Свим и Камрат спустились к ним, стоило большого труда оторвать её от торна, постепенно приходящего в себя.

– Сестерций!.. Ты слышишь меня? – несколько раз повторил Камрат.

– Слышу... малыш, – наконец, промямлил торн на голос.

– Бредит эта кастрюля, – жёстко сказал Свим и приказал всхлипывающей Жаристе: – В дом!.. И этого... Давай его, Камрат, возьмём под руки и тоже в дом.

А над ними нависали мавши, отступающие под натиском «жуков», которые, несмотря на свою малую огневую мощь, брали количеством – их всё прибывало.

– Мы здесь... что... стоим? – стал соображать Сестерций, гася ауру.

– Это ты стоишь здесь и нам уйти не даёшь, – крикнул Свим. – Пошевеливайся! В дом!.. Камрат, а ты что?

– Подожди!.. Сестерций, и моблы тоже в дом, иначе от них ничего не останется.

– Да, сейчас...

– Не тяни! Ну!..

Платформы дрогнули и двинулись к ступеням, потыкались в них, словно обнюхали, что тут перед ними, а затем плавно поднялись до уровня площадки у входа и через мгновение оказались внутри дома, вернее его просторного вестибюля, раздавшегося вширь и в длину по мере его заполнения.

Камрат и Свим тоже не мешкали.

Двери за ними закрылись... Шум схватки за ними смолк... Вспыхнули вечные светильники...

Но всё это не принесло успокоения людям и путра. Все понимали – они в западне, выход из неё проблематичен, и неизвестно ещё, чем их побег сюда закончиться. О том лишь и говорили. Впрочем, все устали и физически и морально, и быстро выдохлись, так что это был не разговор, а некие междометия и жесты. В конце концов, Камрат распорядился:

– Пока мы в безопасности, всем спать!

– Разумно, – сказал Малион. – Надо отдохнуть, а потом... решать, что предпринимать.

– А что ещё остаётся делать? – буркнул под нос Ольдим, первым укладываясь на полу.

Глава 20

Дома подобного типа, в одном из которых разместились команда, кое-где ещё остались в городах бандеки. Таких домов уже не строили многие тысячелетия, а те, что остались, обросли легендами и мистическими историями. Они даже назывались по-разному, в зависимости от того, где располагались, кому принадлежали, Впрочем, всё это многообразие сводилось к способности исполнять желания проживающих в них людей: и «живые», и «быстрые», но и «дурные», поскольку порой воспринимали пожелания с ошибками, к тому

же серьёзными. Владельцы таких домов иногда просто боялись в них входить, и дома погружались, становясь частью долго не посещаемых дуваров, а потом и забывались навсегда.

Естественно, что многоимённые Свим и Ольдим, а с ними Харан и Гелина, хорошо осведомлённые о таких домах, сразу обратили внимание на то, куда их завёл случай. Однако какие-либо исследования приюта решили оставить на позднее время, посчитав достаточным то, что он предоставил им убежище с моблами, а, значит, здесь были отеснены куда-то жилые и нежилые помещения, по-видимому, за счёт сокращения их площади. В конце концов, дом имел определённые габариты. Да и как заставить всю эту древнюю премудрость служить разумным никто не знал.

После недолгих обсуждений своего положения, пришли к выводу: оставалось одно – положиться на защиту мавш и стен дома и, наконец, как следует выспаться, а уж потом думать, как поступить в дальнейшем.

Так и было сделано – улеглись, заняв не только пол, но и уже обжитые ложа – платформы. Только Камрат и Сестерций остались бодрствовать. Торн, как по порядку, исполнял недремлющее око команды. А Камрата мучили сомнения – что-то в происходящем после встречи с мавшами и сражения их с такими же, похоже, роботами, он, да и все в его команде, не поняли, упустили какую-то важную деталь, отчего они и оказались запертыми, по сути дела, в доме как в ловушке.

Помучившись бесплодными размышлениями, в которых он не находил ни каких новых, подспудных для себя знаний, Камрат подумал о предопределённости. Что если, так и должно было случиться? И в дом они вошли только для того, чтобы отдохнуть по настоящему, переждать определённое время, освободив себя от опеки роботов.

Наконец, он решительно направился к узкой полоске двери, чтобы проверить свои предположения. Остановился перед дверью, потрогал пальцами, постоял в ожидании и стал склоняться к мысли – да, они взаперти. И уже отшагнув, как стена раздвинулась на ширину, достаточной для прохода одному человеку. Камрату хватило несколько мгновений, чтобы выглянуть, осмотреть подходы к дому и тут же отпрянуть назад.

До его появления на улице царили тишина и спокойствие. Мавши шеренгой стояли на страже, за ними – приплюснутые в неподвижности «жуки» и как будто, если это только не показалось Камрату, появились и третьи участники, которые, похоже очищали территорию от останков сожжённых «жуков» и оторванных конечностей мавш. Вот они-то одни и создавали некоторое движение, подобие оживления рядом с домом. Но с появлением Камрата моментально всё изменилось. Роботы разом дёрнулись, мавши словно прибавили в росте, а их противники двинулись в атаку, тем самым, заставив Камрата отступить, чтобы не разжигать новую схватку.

Выход на улицу явно оставался закрытым.

Камрат потёр лоб, тряхнул головой. Надо будет что-то предпринимать иное, но только не сейчас.

А сейчас – спать, спать...

Спали долго, как будто не хотели того и оттягивали момент, когда придётся придумывать и искать, чтобы разрешить проблему осады, и выбираться из неё. Потом с ленцой поднимались, но спокойный сон придал силы, правда, к сожалению, не прибавил уверенности. И это стало понятно, как только Камрат поделился своими наблюдениями.

Однако, ни идей, ни подсказок не находилось. Специально подготовленная команда для достижения Скалы Перехода не имела ни знаний о возникшей на их пути и вокруг них ситуации, ни представлений, как из неё выбраться. Это могло означать только то, что команда должна была сама выпутываться из того положения, в которое попала.

– Есть один, – нарушил долгую паузу молчания Малион в невесёлом обмене мнениями, – обследовать этот дом и искать из него другой выход. Лучше с другой стороны.

– Толкался я тут уже в стены, – уныло поведал Зливан. – Без ответа, будто за ними ничего нет.

– Я их даже потыкал мечом, – сказал Сулон.

– Не ты один, – заявил Рувон. – Я тоже... И тоже без толку.

– Наши уколы на них подействовать не могут, – опершись о стену рукой, сказал Малион. – Ими управляют, а сами они бесчувственны.

– Тогда давайте прорубим выход мечами, – предложил Зливан.

– Ну да, – Ольдим искажил лицо и в упор посмотрел на предводителя молодых дурбов. – Их прорубать до зимы придётся. Если они, конечно, не ответят тебе тем же самым.

– Ничего с домом делать не надо. А надо... – Камрат подождал, когда все обратят внимание на его слова, – попросить уважаемого Сестерция вникнуть в механизм управления домом, как он это блестяще сумел, общаясь с моблами...

– Не попросить, а заставить, – жёстко сказал Свим. – Его просить, время терять. А, Сестерций?

– Нет, именно попросить, – настоял на своём Камрат. – Если он воспримет нашу просьбу, то, думаю, справиться с ней лучше.

– Ничего он здесь не узнает, – махнул рукой Ольдим. – Моблы для всех, а эти дома...

– Ну почему же? В конце концов, древние старались, как можно упростить общение со своими созданиями.

Сестерция же, чтобы он приступил к обследованию дома, просить было не надо. Всю ночь он, даже не желая того, находился в общении со всеми системами, управляющими домом. Ольдим правильно отметил – сложность этих систем на порядок превосходила устройство моблов. Но ко времени подъёма команды, торн уже кое-что знал, но, во-первых, – не всё, и во-вторых, – он нашёл только один выход – уйти в подземелье, что могло связывать все строения города в каче-

стве, как ему показалось, клоаки. И ему претила сама мысль спускаться в неё.

Поэтому он не вмешивался в обсуждение и ждал, не найдётся ли у кого-нибудь нечто более привлекательное, чем дорога под землёй.

Не нашлось. И вот назвали его имя...

И вновь в нём вспыхнуло его недоумение. Оно всё чаще посещало его. Почему он, настоящий торн, попал в компанию чисто биологических разумных не по своей, оказывается, воле, а в качестве кем-то избранного существа? Ведь теперь ведомые Камратом люди и путры во всём отличались от него.

Когда-то команда Свима приняла его, но это был свободный выбор свободного торна. Он мог в любой момент уйти к другим людям или другим разумным, как он до того состоял в банде опритов. Свим и малыш встали на его защиту, и, хотя Свим иногда помыкал им, но всегда относился с уважением и доверял ему. А к малышу он просто привязался. Его поражало в нём всё: и умение владеть мечами, и любознательность, и не высокомерное покровительство человека торнам, а равенство. Вот он, уже не малыш, а его отношение к нему остались прежними.

Но кто его заставил помимо него самого, его, по сути, воли идти к Скале Перехода?

Пояснения, смутные, конечно, Камрата и Малиона, предположения Харана, намёки Знающих, не могли дать вразу-

мительного ответа о его роли в команде, его предопределённости в ней, как говорит Харан, а теперь все повторяют за ним это слово.

К тому же, он, как торн, потомок разумных существ первоначальных Великим Биологом и как избранный пусть кем-то неведомым для него, должен был бы возглавлять экспедицию к Скале Перехода, а отнюдь не Камрат. Нет, он не ревновал Камрату, не завидовал ему и не тешил себя быть способным руководить людьми, но удивлялся своему единственному включению в команду и незнанию своей в ней предопределённости. Не для управления же моблами, этими инженерными пустышками!

Когда Камрат говорил о возможной уникальности каждого, кто идёт с ним, поскольку каждый, по всей вероятности, являлся носителем каких-то ещё не проявившихся знаний, то это могло относиться только к людям и путрам, но только не к нему. Он тщетно искал в себе какие-то неизвестные ещё ему знания и не находил. Да и если бы кто-то посягнул вмешаться в его мозг со стороны, он об этом узнал сразу бы.

Все свои действия он всегда сверял со знаниями, вложенными в него ещё в инкубаторе, и с приобретёнными потом знаниями из жизненного опыта. То есть принимал решения сам, не чувствуя каких-либо намёков на подталкивание от кого бы то ни было.

И всё-таки случилось так – он избранный!

Кем, когда и, главное, зачем? Ведь кто-то к его избранию

приложил руку или навёл кого-то на эту мысль. Не Хлен же, нарушивший договор. И не встреча с Жаристой...

– Сестерций, ты сможешь сделать... понять, как управляется этот дом? – Камрат напрямую обратился к торну.

Красноватая аура окутала комп Сестерция. Как бы ему не хотелось спускаться в подземелье, но он не мог не ответить Камрату, а, ответив, сказать не правду.

Не вдаваясь в подробности, он сказал:

– Я уже понял... Отсюда можно уйти другим путём, если спуститься вниз, под землю.

– Вот! – обрадовался Малион.

– Примето нам мало было, – проворчал Ольдим. – И насиделись под землёй и находились досыта.

– Но это выход.

– Куда?

– Да хоть куда. Или ты собираешься здесь сидеть? Взаперти?

– Сестерций! – Камрат хотел спросить торна вопросом Ольдима, но сообразил, что тот не мог знать, что находится за пределами дома, и тут же получил ответ, так как всё-таки обратился к Сестерцию.

– Не знаю. Но можно пройти.

– Куда? – не унимался Ольдим. – В яму какую-нибудь или...

– Подожди ты! – остановил его Свим. – Сестерций, как думаешь, там можно будет пройти к соседнему дому?

– Да... Наверное.

– Ну, вот! И так от дома к дому, а потом... Как думаешь, Камрат.

– Конечно. Показывай, Сестерций!

Сестерций подошёл к противоположной двери стене и приник к ней, сдвинув на затылок чалму. Постоял так с миг при общем напряжённом молчании, издал звук выдоха.

Кто как, а Жариста во все глаза ревниво следила за его действиями – как он подходил, как приникал к стене, как оглаживал её руками.

А Сестерций продолжал не совсем понятные действия конечностями и компом. Но вот стена заколебалась, по ней снизу вверх пробежала волна и, в конце концов, проявилась тень, а затем в нижней её части раскрылась широкая геометрически строгая четырёхугольная дыра. Стала видна лестница, полого ведущая глубоко вниз.

Сгрудившись, члены команды осмотрели её. Внизу их ожидала темнота, так что конца ступеням не было видно.

– Надо бы проверить, что там, – заикнулся, было, кто-то из молодых дурбов, но по тому, как это было сказано, сам он этого делать, похоже, не собирался.

Ему не ответили, ждали решения Камрата.

– Ничего проверять не будем. Пойдём врозь, растеряемся. Уходим отсюда все вместе. Малион и Невлой, как всегда замыкают... Зливан, ты со мной впереди. Будем ждать всех внизу. Сестерций, попробуй опустить моблы... Пошли!

– Стойте! Это успеем...

– Что, Харан? – обернулся Камрат, уже пригибающий голову под низкой притолокой выхода на лестницу.

– Уйти мы успеем. Но в доме могут быть закалочные. Хорошо бы их Сестерцию найти. Кое-кому закалочные уже давно нужны. Впрочем, всем нам их пройти не мешало бы. И раздаточные тоже здесь могут быть. Сапоги поменять бы Лептоку, и куртку бы надо...

– Это так, Камрат, – поддержал Невлой негласного врача команды. – Особенно молодым.

– Как скажет Сестерций, – Камрат глянул на торна. – Здесь есть закалочные?

Сестерций сразу дать утвердительный или отрицательный ответ не мог. Ему закалочные не нужны, поэтому при исследовании систем управления живым домом ими не интересовался. А вот на раздаточные он натыкался.

– Мне надо... узнать о закалочных.

– И раздаточные, – напомнил Харан.

– Они есть... Разные.

– Одежда?

– Наверное... Пока не знаю.

– Поищи закалочные и дай доступ к раздаточным.

– Но, Харан, раздаточные прямо здесь. Надо отойти или разойтись и дать им место.

– Это мы сможем.

– И моблы...

– Это тоже сдвинем.

Раздаточные – пять тумб со знакомыми разбитыми на сектора кругами – поднялись в ряд перед командой, словно полдома выгнулся и создал их.

Несмотря на недавний завтрак после сна, вернее поздний ужин, так как уже наступила ночь, люди, на время позабыв о своём положении, с удовольствием занялись поиском методом проб и ошибок яств и напитков и потчевать удачными находками самих себя и путров. К сожалению, все стойки раздаточных служили для подачи еды, а вещественных не оказалось.

Молодые дурбы столпились у двух стоек.

– Здесь, наверное, ели хожалые, что шли к Скале, – сделал заключение Кумар.

– Какие ещё хожалые? – возразил Рувон. – Тогда их и в помине не было. Они летали и на моблах ездили. А здесь просто жили люди.

– Что летали, как-то не веритьяся. На тескомовских если шарах, – прожевав, сказал Овех. – Куда ветер подует.

– Ха! Тогда всё небо было бы в шарах. Вот бы посмотреть! – повёл глазами под лоб Рувон, словно и вправду увидел над собой такое необычное небо.

– Сказки всё, – осадил его Овех. – Небо в шарах...

Сестерций закалочную нашёл. Одну. Через неё пропустить всех – дня не хватит.

– Харан! – позвал Камрат. – И ты, Невлой! Посмотри-

те, кому нужна закалочная в первую очередь. Только они и пусть пройдут через неё... А по дороге Сестерций, может быть, найдёт ещё, когда мы остановимся на отдых.

Следом Камрат поговорил с торном: похвалил его и озаботился по поводу подзарядки энергией.

– Здесь солнца и света не надо, – сказал Сестерций. – Энергии хватает и в моблах, и в самом доме.

– Вот и хорошо... А что ты ещё нашёл в доме? – поинтересовался Камрат.

– Много что... Но я, Камрат, не знаю, что это... И я искал только, как устроен сам дом. Здесь не только инженеры, но и от Великого Биолога кто-то побывал. И то, что он сделал, мне как раз и подсказывало... Я слышал, искал и находил...

Сестерций говорил и покрывался сиреневой аурой. Не всё ему нравилось в открытии при исследовании каких-то торнам схожих элементов этого дома. Словно дом – громадное существо, не похожее, естественно, ни на настоящих, ни на выючных торнов, но всё же – торн.

Вывод о родственности с таким громоздким сооружением как будто придавал уверенности, но и угнетал Сестерция.

Сходство пробуждало в нём неведомое ему до того чувство не только правильности, но сопричастности к чему-то великому, укрепляющую вселённую в него ещё в период инкубации мысль о первородстве – торны были всегда, и только потом появились люди.

И в то же самое время его подавляло неожиданное откры-

тие, что всё-таки перед ним дом, а он живым, как представлял себя всегда Сестерций, быть не может. Даже в сравнении с неудавшимися творениями Великого Биолога, коими оказались выючные торны. Или эти дома были созданы ещё раньше, но такого тоже не может быть, так как они предназначены для жизни людей, а люди... появились после торнов...

Внезапно нахлынувшие на него противоречивые представления, выбивали Сестерция из нормального состояния, отчего, отвечая Камрату, для него всё вокруг стало зыбким и ненадёжным, где ему отведена лишь некая посредническая роль между созданиями Великого Биолога и людьми, а сам он оказался передаточной единицей, то есть никем.

Камрат, видя его рассеянность, посоветовал:

– Тебе, Сестерций, тоже надо отдохнуть. Отвлечься. Вон Жариста ждёт, не дождётся, когда я отпущу тебя к ней.

Жариста тут же подошла к ним.

– Сесик, Камрат как всегда говорит правду. Ты всё время в делах. Посиди со мной, отдохни, – заговорила она тоном, будто перед ней был не опытный настоящий торн, а малое дитя человеческое.

Камрат, едва подавив усмешку, отвернулся и тут же столкнулся с Гренией.

– Камрат, ну что он пристаёт ко мне?

– Кто? – Камрат быстро оглядел молодых дурбов, кто из них посягнул на его...

Он бы не знал, как назвать своё отношение к Грении. Она для него стала необходимостью, а кто-то решил его лишить этого.

– Харан!

– А-а...

– Я не хочу идти в закалочную.

– Почему? – уже спокойнее спросил он её.

– Не хочу и – всё!

– Но, Грения. Если Харан считает, что тебе надо побывать в закалочной, то... так оно и есть. Тебе надо. Он знает, что говорит.

– Ничего он не знает! – надула губки Грения. – И там закалочная маленькая.

– Как маленькая? – удивился Камрат. – Вон же, даже Ру-вон поместился, – показал он на молодого дурба, выделявшегося приземистой полнотой среди своих друзей. – А он в два раза больше тебя.

– Ну и что... Не хочу!

Камрат в растерянности стоял перед ней, не зная, что предпринять. Не силой же загонять её туда, куда она не хочет.

– Харан, – наконец, позвал он виновника неудовольствия Грении. – Она не хочет в закалочную. И я не знаю...

– Не хочет и не надо! – отмахнулся Харан, с помощью Невлоя пытавшийся загнать Орея в закалочную. – Вот кому надо. Пусть она ему мозги вправит.

Ответ Харана дал возможность Камрату вздохнуть свободнее.

– А ты говоришь, заставляет, – с укором проговорил он.

Всё-таки как вести себя с Гренией в таких случаях, он не знал. Для него это было новое и непонятное состояние, и всё это, что связано с ней, он воспринимал с незнакомым ему волнением. Вот болезненная вспышка подозрения к молодым дубам... И разве может он что-то сказать Грение грубо или приказать ей сделать, чего она не желает делать?

Но почему, глядя на него с Гренией, улыбается Свим? И с ухмылками повывавших виды, переглядываются молодые дурбы между собой и играющим лицом Ольдимом? И почему отвернулась Гелина, чтобы не рассмеяться ему в лицо? А Думара вообще спряталась за спиной Малиона?

– Камрат, ну почему они все на нас смотрят? – нахмурилась и стала ещё красивее Грения. – И смеются ещё?

Камрат с недоумением огляделся, и вправду смеются, что его ещё больше ввергло в невероятное положение, когда вокруг как будто все всё понимают, что, собственно, происходит с ним самим, а он – нет.

– Кто ещё? – крикнул Харан. – Сулон, как ты?

– Нормально... Надоело здесь сидеть!

– Камрат, – подошёл Харан. – Пожалуй, можно идти.

– Да, да, – как очнулся Камрат. – Сестерций, будем уходить. Покажи выход!.. Пошли!

Он первым ступил на лестницу, ведущую вниз, и едва не

свалился с ног – ступени под ними внезапно ожили и стали опускаться сами собой, неся Камрата на себе.

– Живая гора!

Восхищённый возглас кого-то из молодых дурбов, напомнил известные многим сказания о горах, на которые когда-то якобы могли подниматься и опускаться вниз без труда по их склонам, текущим вверх или вниз, горы сами возносили или опускали людей.

Отоспавшаяся команда весело скатилась к утрамбованной площадке, куда её доставила живая гора вместе с платформами и сидящими на них Знающими и горой заплечных мешков.

От площадки скудно подсвеченными туннелями во все стороны уходило неведомое подземное пространство. Однако, приглядевшись, можно было сделать несколько иное представление о подземелье, Оно составляло общую для городка полость. Кровля её крепилась арочными опорами, вот почему вначале люди подумали, что перед ними отдельные проходы. Здесь предоставлялась возможность идти в любую сторону, и везде виднелись такие же ступени, ведущие в дома на поверхность.

Выбор направления движения вызвал короткую дискуссию, но сошлись во мнении: надо следовать вдоль средней улицы городка, миновать несколько домов, потом подняться в один из них и посмотреть, что их там ожидает снаружи.

Так и сделали. Расстановка людей и путров во время хода

не изменилась. Впереди Камрат, замыкали команду Малион и Невлой. Заплечные мешки взвалили на себя.

Для чего служило древним подземелье, можно было только гадать. Тем более что оно, по всему, создавалось целенаправленно, не то, что подземные коридоры бывших улиц в городах, появившихся благодаря постепенному нарастанию культурного слоя. Оно, не в пример им и дуварам, хотя и скудно, но равномерно освещалось вечными светильниками, и бросалось в глаза, что здесь каким-то образом поддерживается идеальная чистота. Во всяком случае, под ногами был ровный пол, не захламлѐнный чем-либо.

О чистоте заговорил Ольдим, высказав предположение – его кто-то наводил, а, значит, подземелье кем-то населено. По крайней мере, уборщиками. Но прошло столько времени. Как они поведут себя, встретив людей? Всё зависело от способа их воспроизводства. В нём могли за много лет появиться естественные сбои, и обычные уборщики, пусть даже небольшая часть их, могли стать агрессивными. Сколько таких примеров случалось в истории – не счесть. Возможно, и «жуки», напавшие на мавш, когда-то слыли роботами-помощниками людям для каких-то дел, а теперь стали противниками для них.

– Если остались те же, что находились здесь изначально, то нам ничто не угрожает, – сказал Харан.

– Это если, – усомнился Малион, догнавший Камрата. – Здесь даже опоры чистые. Пыли нет. Уборка идёт постоянно.

Роботы могут выходить из строя. Их надо восполнять. И кто может сказать с уверенностью, чем восполнили убыль? Мы – нет.

Команду, потерявшую порядок, опять перестроили – женщин и путров под защиту мужчин.

А вокруг пока царила извечная тишина, горел ровный свет и вокруг – пустота...

Свет померк внезапно. Везде.

По призыву Камрата остановились, сплотились, прислушались.

– Попались, – донеслось от молодых дурбов.

В темноте ничего не изменилось – тишина.

Но... Что это? – встрепнулись разумные.

Послышалась мягкая, нарастающая звуком мелодия, в воздухе появились разноцветные огоньки, замелькали, зародились, рассыпаясь причудливыми образами, в которых можно узнать фигуры людей, улыбающиеся лица, плавные движения не то в танце под музыку, то ли исполняющие неведомые па.

И вновь вспыхнул свет, не похожий на предыдущий. И люди не узнали подземелье. Только что унылое и совершенно пустое, оно преобразилось дивным образом.

Команда оказалась в сказочном мире.

В воздухе поплыли приятные запахи, округа заполнилась длинными лентами раздаточных, на поверхности их появлялись неведомые яства и напитки, и, постояв на столешнице

некоторое время, исчезали, уступив новой смене в лотках, чашах, бокалах изумительной красоты, изошрённым столовым приборам...

Играла музыка, струился разноцветный свет, разгораясь ярче там, куда продвигалась ошеломлённая команда.

Брать еду и напитки здесь не возбранялось и путрам.

Т"евару, долго не мешкая, ухватил большое блюдо и воткнулся в него личиной. И не отрывался от него пока, похрюкивая, не съел всё, что на нём было картинно разложено с явным учётом ценителей прекрасного, чего Т"евара даже не заметил.

Глядя на него, осмелели все выродки. Люди не отставали от них. Казалось, все голодали долгое время, а теперь, наконец, им повезло, и они дорвались до обильной пищи.

Кто-то смаковал напитки, кто-то откровенно объедался...

Не прошло и блеска, как команда распалась.

Вначале Малион и Невлой пытались подгонять отставших от общей группы и возвращать отбившихся в стороны. Но за всеми не уследишь, да они и сами увлеклись напитком, от которого приятно кружилась голова, и всё казалось простым и незначашим. К таким же бокалам прикладывались молодые дурбы, от них не отставили женщины. Напиток как будто сам просился – выпей меня. Он так не походил на противную коввду, хлебнув которой, в первый момент можно было задохнуться, а новичкам и лишиться чувств. И в то же самое время в напитке всё-таки что-то присутствовало от коввды,

что сказывалось на поведении и внешнем виде разумных команды: горящие весельем глаза, сумбурные фразы, беспричинный смех, вихляющие походки.

Камрат и Грения, угощая друг друга, почувствовали нечто объединившее их. Камрату хотелось носить Грению на руках, он несколько раз пытался обнять её, поднять и прижать к себе, а она со звонким и счастливым смехом, увёртывалась от его ищущих рук, обегала его, вновь льнула к нему...

Счастливые мгновения, доселе неведомые молодым людям.

Им бы длиться и длиться...

Словно из тумана выплыл Харан, рукой вытирающий рот. Другой он придерживал хохочущую Гелину. Она оглядывалась, и что-то кричала молодым дурбам, допивающим очередные бокалы. Они отзывались ей такими же пикантными репликами.

– Камрат!.. Камра-ат!

– Да.

– Пора отсюда выбираться... Иначе мы тут... – Харан одёрнул Гелину, порывающуюся его поцеловать. – Надо уходить и уводить всех... Камрат!

Знающие, полулёжа на платформе, как раз проплывающей мимо, приветствовали их поднятыми руками с зажатыми в них объёмистыми посудинами. Усы их топорщились. Ей-Фей попытался что-то сказать, но его придержал Ой-Мой, мол, не мешай влюблённым общаться.

Пожалуй, лишь одно существо не участвовало в вакханалии, захватившей людей и путров, – Сестерций. Он безучастно воспринимал открывшиеся остальным прелести: музыки он не понимал, энергией заполнен максимально, оттого не притронулся ни к еде, ни к напиткам. Жариста, опекавшая его и принуждавшая следовать её фривольным поступкам, наконец, покинула его и улеглась на платформе вместе с испуганной происходящим вокруг неё Думарой.

Сестерций двигал моблы вслед Камрату и, в который уже раз, думал о превратностях своей судьбы.

У потомков Огария остались в памяти от стародавних времён эпизоды, рассказывающие о развлечениях древних людей. И каждый этот фрагмент заканчивался для слушателей-торнов одними тем же похожим на заклинание предложением: никогда не принимать участия в разгуле людей, ибо они теряют власть над собой и, порой не понимают странностей совершаемых ими поступков.

Однако, пожив в городах, побывав в бандах среди опритов, да и просто общаясь с разными людьми, он стал сомневаться в легендарных сказаниях о людях и их безумству якобы царящих в их среде до Падения. Ни с чем подобным он за время пребывания среди них он не сталкивался.

Да, люди искали себе развлечений, так как сами не были способны обеспечить себя внутренней удовлетворённостью, как это присуще настоящим торнам. Людям не хватает фантазии, и они ищут новых ощущений вне себя. Тем не менее,

всё это, как видел Сестерций, происходило в рамках обычаев, традиций без перехлёста эмоций.

И вот теперь он увидел сам, что потрясло в поведении людей и отвращало торнов. И здесь сейчас перед ним всего одна команда, что же тогда творилось, когда подземелье заполняли тысячи и тысячи разумных?

Трудно, даже страшно это представить...

Вон Свим, пример воздержанности, с точки зрения Сестерция, во всё горло распекает песни... Малион и Невлой перестали следить за порядком движения команды... Грения поборола робость и демонстрирует своё отношение к Камрату у всех на виду... Гелина едва держится на ногах и вот-вот последует за Жаристой... И что говорить о молодых дурбах?..

Так что просьба Камрата по подсказке Харана найти вход в какой-нибудь дом Сестерций посчитал правильным и своевременным. Тем более что искать ему особо не требовалось. Людям, быть может, из-за увлечённости осталось вне их внимания, а Сестерций отметил, что они уже миновали более тридцати «живых гор», ведущих наверх из подземелья.

– Войти можно здесь, – тут же показал он на неприметную глазу из-за игры света аппарель, затерянную между стойками и столиками раздаточных.

Команду собирали долго: криком и подталкиванием в спины, но когда, наконец, поднялись в раздавшуюся вширь и в длину комнату дома, не досчитались Илоны и Лептока.

Глава 21

Опрос молодых дурбов, женщин и путров ничего не дал. Да, все видели и Илону и Лептока, но большей частью как будто. Было не до них. К тому же опрашиваемые, выслушав вопрос от Камрата или Малиона, не считали нужным себя утруждать воспоминаниями, их тянуло в сон.

Камрату с трудом удалось собрать вокруг себя бодрствующих, чтобы обсудить потери в команде, а среди таковых оказались только Невлой и Малион. Харана подняли, уже расположившегося рядом с Гелиной. А Свима так и не добудились, так же как и Ольдима.

Сошлись во мнении, что Илона и Лепток потерялись в паре, так как все видели их вместе. То, что они где-то остались вдвоём, а не врозь, делало поиск их проще, но от того не становилось легче: всё равно надо искать, а для этого кому-то придётся опускаться в подземелье.

– Я, Сестерций и Невлой опустимся вниз, – сказал Камрат, заканчивая короткое совещание. – Думаю, нас троих будет достаточно. Но... Сестерций, ты сможешь потом найти вход в дом, где мы сейчас находимся?

Сестерций к ответу был готов. Поднявшись сюда, он нашёл словно продолжение предыдущего дома, его часть, хотя в подробности ещё не вдавался, поэтому неуверенно начал:

– Этот дом ничем не отличается от других... Поэтому...

мне надо проверить... Может быть...

– Наверное, чем-то отличается. Я вот что заметил, – Невлой сделал паузу, словно ещё раз проверил своё впечатление о новом пристанище команды. – Если это мне не показалось. К этому дому ведёт живая гора короче, чем в дом, где мы побывали.

Остальные люди этого не заметили.

– Да, она немного короче, – подтвердил Сестерций версию Невлоя. – Но это внешнее отличие, его трудно определить... Это не отличие! Отличаться должны сами дома, а этого пока я не определил. Мы опустимся, я там похожу, проверю.

– И опять кого-нибудь потеряем, – сказал Малион. – Вам надо взять с собой ещё кого-нибудь. Иначе вы там, стоя у живой горы, никого не найдёте.

– Вот именно. Вам надо будет кого-то поставить у живой горы, пока Сестерций будет искать отличия, а остальные могут разойтись так, чтобы видеть друг друга. Найдёт Сестерций отличия или нет, но так будет надёжнее.

– Все спят...

– Не все, – Харан показал в отдалённый угол, где разместились путры. – Возьмите Ф"ента или К"ньца... А лучше обоих сразу. Они, видите, бодренькие, не то, что молодые.

Молодые дурбы, упомянутые Хараном, вповалку лежали на полу, некоторые из них не удосужились даже избавиться от заплечных мешков, так и лежали в нелепых неудобных позах.

К”нзец отозвался сразу, а Ф”ент, обладающий чутким слухом, подслушал разговор людей, и решил сказаться не готовым к выходу на поиски пропавших. Но К”нзец, проходя мимо него, поддел его копытцем.

– Вставай, собака! Не притворяйся!

– Да я... Я всегда готов... Кошка!..

– Вижу. То-то хвост свой поджал.

– На свой посмотри, – ворчал Ф”ент, следуя за хопсом.

Глядя на них, люди непроизвольно заулыбались.

– Малион, тебе не спать. К”ньяна и Х”вюся тоже не спят, так что ты будешь не один. Ты, Харан, отдыхай. Впрочем, сам решай. А мы пойдём. Сестерций, открой выход! – распорядился Камрат и, опередив всех, встал на ступени, понёсшие его вниз.

А внизу...

Подземелье встретил их тусклым светом, большая часть вечных светильников не горела, словно после недавнего торжества и блеска источники энергии выдохлись. Исчезли многочисленные раздаточные... Ни следа того, что здесь всего полпраузы тому назад веселило и ублажало людей и путров. Вместо музыки какой-то нудный басовитый гул перемежающийся лёгкими щелчками, правда, возможно, только показавшийся людям, а недавний великолепный, радующий глаз интерьер вернулся к первозданным оголённым аркам опор.

Вышедшие из дома постояли, прислушиваясь и осматривая прилегающие площадки.

– Ф”ент, и ты, К”нюша, проверьте следы, что мы оставили, а ты, Сестерций, займись...

– Я уже тут пробовал определить, – поводя носом, перебил Камрата стехар. – Мы здесь никогда не были.

– Ну, уж... – непроизвольно вырвалось у Камрата. – А где ж мы тогда были?

– Я ничего не чувствую. Вот, что я хотел сказать, – пояснил Ф”ент и поджал хвост – ему стало неуютно от своего бессилия опознать что-либо, так как тоже задавался вопросом Камрата, но такого не должно было быть, если они здесь когда-то побывали, а его чуткий нюх никогда его не подводил.

– А ты, К”нюша, – спросил Камрат хопса, хотя уже ожидал такого же ответа, как и от стехара.

– Что-то есть, – неожиданно отозвался хопс, усы его двигались словно как пальцы рук. – Мыши...

– Какие ещё тут мыши, кошка? – воспрял духом Ф”ент, как будто нелепица со стороны К”нюца придала ему силы и смелости.

– А ты, собака, оторви нос от земли и понюхай воздух!

– Да что его нюхать?.. Тут... – Ф”ент сделал стойку. – И вправду мышами несёт... И не только.

– Нам надо искать людей, – напомнил Невлой. – Боюсь, с нашим появлением, здесь опять начнётся праздник.

– Возможно, так и будет, – уныло согласился Камрат. – Давайте так... Сестерций останется здесь, а мы... Мы пойдём искать, но не должны расходиться дальше видимости...

Видеть хотя бы одного из нас. Сестерций, ты сможешь определить направление, откуда мы сюда пришли?

– Да, мы сюда подошли оттуда, – показал Сестерций.

– С той стороны и начнём.

– Надо покричать им, – сказал Невлой. – Могут откликнуться.

– Покричишь... Сейчас идём все вместе. Сестерций, ты нас тоже должен видеть... Невлой, вот теперь кричи!

– Лен-по-ок!.. И-ло-она!.. – раздался зычный голос двейрина, способный поднять на ноги и мёртвого.

Призыв с грохотом отразился от кровли и арок и ушёл вдаль, круша тишину.

Помня крик Невлоя на Сажанее, К”нзец успел подтолкнуть Ф”ента, и путры зажали лапинами уши, да и Камрат пожалел, что не сделал того же самого.

Звуки, рождённые Невлоем и отражением, послужили каким-то сигналом, и нарушили сумерки: то здесь, то там загорались и через короткое время гасли вечные светильники. Но в той стороне, откуда по утверждению Сестерция пришла команда, и куда выдвинулся Камрат с Невлоем и путрами, появился постоянный свет и медленно стал приближаться к вышедшим на поиск.

– Надо вернуться, Камрат, – сказал Невлой. – Это, по всему, к нам.

– Похоже... Будем отходить. Ф”ент... К”ньюша... Отходим к Сестерцию.

– Мыши!.. Бегут!.. – откликнулся К”нзец.

– Везёт нам на мышей... Даже здесь, – буркнул Камрат и резко кинул хопсу: – Отходим!

Сестерций встретил их известием:

– К нам идут, – помедлил и договорил тише упавшим голосом: – торны...

– Торны?.. Здесь? – разом воскликнули Камрат и Невлой.

– Ты не ошибся, – следом участливо спросил Камрат, так как ему показалось, что Сестерцию не по нраву появление каких-то чужих торнов, отчего его стала заливать синяя аура.

– Они как будто торны... Не выучные и не настоящие. Я их слышу. Они проверяют порядок.

– Порядок? Конкретнее можешь?

– Здесь кто-то побывал в подземелье. Они проверяют.

– Значит, точно, нас, – сказал Невлой. – Здесь побывали только мы.

Под ногами замелькали юркие тельца мышей, они набегали со стороны, но явно убегали от приближающихся блюстителей порядка. К”нзец поймал их с десяток и суетливо, отвернувшись ото всех, засунул в карманы куртки: неожиданное лакомство для себя и К”ньяне. Ф”ент прихлопывал то одну, то другую мышь, отбрасывал их ногой и злословил по поводу охоты К”нзеца.

– Ты, собака, ничего не понимаешь, – огрызался хопс, но съест хотя бы одну, а так хотелось, на глазах людей не ре-

шался.

Свет подступал, но в нём пока что никто не появлялся, зато Сестерций монотонно повторял:

– Они идут...

Наконец, высветились три человекоподобные фигуры, средняя из них хромала, на каждом шагу припадая на правую ногу.

Теперь и над людьми загорелись вечные светильники, а проверяющие порядок подошли к ним вплотную. Камрат отослал путров за спину.

Подошедшие чем-то и вправду походили на торнов и внешним видом и одеянием, только по сравнению с Сестерцием и вьючными торнами они были мелковаты, не выше полу бермета, да и то за счёт чалмы, добавляющей им почти четверть роста. На их суженных к подбородку ностах висели узкие явно металлические полоски, отчего каждое движение блюстителей порядка сопровождалось мелодичным звоном.

Стоящий в середине торн что-то сказал, похоже, спросил. В ответ Камрат развёл руками – не понимаю.

– Он сказал... спросил... он говорит: ещё один человек, – перевёл Сестерций.

– Ты знаешь язык древних?

– Нет. Я понимаю ... воспринимаю, что они хотят сказать. Мы взаимодействуем... Не знаю, как это называется. Наверное...

– Оставим, как называется, – остановил его Камрат. – Ты

сможешь им ответить?

– Да.

– Тогда скажи, что мы и вправду люди.

Как там общался Сестерций с торнами, Камрата не интересовало, а вот способность к тому – обнадёживала найти пропавших членов команды.

– Ты один человек... – сказал Сестерций.

– Как один? А Невлой что же?

– Он уже не человек... Он был человек.

Камрат не понял, а Невлой оглушительно захохотал.

– Надо же! – проговорил он сквозь смех.

– Что?.. – опешил Камрат. – Правда?

– Правда, Камрат. Всё – правда. Я – двейрин. Но и человек... Не в том суть. Ты, Сестерций спроси, где они видели других людей? И где они сейчас?

– Да, да, Сестерций, – поторопил торна Камрат.

Сестерций на мгновения замер.

– Видели двоих. Они в... приперте.

– Где?

– В приперте... Он так передал... сказал... Это помещение... для таких, как они.

– Ладно. Они живы?

– Да.

– Мы можем их забрать?

– Да... Они не ходят... Пока...

– То есть?..

– Тогда пусть они их к нам сами приведут, – сказал Невлоей, пока Камрат размышлял над услышанным.

– Их привести или привезти?

– Привезти! – решил Камрат и пояснил Невлою: – Они, думаю, тоже, как все наелись и напились, вот почему ходить не могут.

– Разумно. Конечно, пусть везут. Сестерций!

– Их везут! – тут же отозвался торн.

– Вот-это-да-а, – подражая Свиму, протянул Камрат. – Но тогда... Они, может быть, нас и к Скале выведут? Или дорогу укажут?.. Подождём наших и спросим.

– Если это наши, – сказал Невлоей, но, подумав, добавил: – Впрочем, кому ещё здесь быть?

К”нзец украдкой, за спинами людей и торна, всё-таки съел одну мышь. Его поступок не заметил даже Ф”ент, так как его отвлёк какой-то странный звук: кто-то мелкими перебежками подкрадывался к ним из тёмной части подземелья. И не один. Он толкнул хопса, уже готового повторить удачный приём с очередной мышью.

– Слышишь?

– Слышу. Везут.

– Я не о том. Кто-то там, – обернулся и махнул лапиной. – Послушай!

К”нзец покрутил ухом, жаль, не осталось второго, и ничего подозрительного не услышал. К тому же Невлоей закричал:

– Вон они!

Два кресла с Илоной и Лептоком выскочили из-за столба, вверху переходящего в арку, и повисли перед стражами порядка. Люди спали, Лепток даже похрапывал.

– Хо-хо! – приветствовал их Невлой. – Хороши. Мы их ищем, а они...

– Мы можем их забрать? – спросил Камрат.

– Да... Но мы только ждём подтверждения харта.

– Я их сейчас разбужу, – подошёл к спящим Невлой.

– Нет... Надо ждать подтверждения харта, – предупредил местный торн.

Невлой поднял голову, в упор посмотрел на стража порядка и крикнул в его ност:

– И не будет! Особый случай!

Дикий недавний хохот двейрина и теперь грубый его окрик внешне на местных торнов не произвели впечатления. Но они явно удовлетворились его заявлению об особом случае. По-видимому, так когда-то в давние времена и бывало.

– Мы понимаем... Забирайте!

– Хо-хо! – торжествующе отозвался Невлой. – С ними надо поостроже.

– Давай буди их! – поторопил Камрат, трезво рассуждая: кто знает, что или кто эта неведомая харта. Вдруг вмешается, они же здесь наводят порядок давно забытых эпох. Не драться же с ними.

– Разбужу! А ты спроси их, могут ли они показать нам дорогу к Скале?

– Сам давно о том думаю... Буди! А я... Сестерций, спроси, знают ли они, как пройти к Скале Перехода?.. Ну, что? Не тяни!

– Но они... – Сестерций замер, возможно, ещё раз проверяя правильность сообщения, переданного стражами порядка. – Они не должны этого знать... Мы – тоже.

– Почему?

Сестерций долго не отвечал.

– Они передают так... Сюда люди приходят для... отдыха глаз... Здесь для людей уй-юй... А транстерн... Они так это называют. Он им только помеха и отвлекает людей...

– Камрат! – взвыл Ф"ент. – На нас напали!.. Ой! Кошка, бей их, бей! Копытом их, копытом!

Камрат резко обернулся к путрам, они отбивались от каких-то созданий, имеющих, казалось, только скелет, обтянутый лоснящейся голой кожей. Ф"ент крутился с кинжалом в руках, а К"нзец орудовал мечом. Но тела этих юрких, едва ли больше кинжала стехара, зверушки обладали удивительной гибкостью, растяжкой и даже ломкостью, порой складываясь вдвое и втрое, так что ноги и оружие в лапинах путров не доставали их, встречая каждый раз пустоту, а те успевали их, похоже куснуть – у стехара показалась кровь на ноге.

Камрат тоже выхватил меч и бросился на помощь друзьям.

– Человек, остановись! – прогремел голос Сестерция. – Нельзя так с ними поступать!

– Можно!.. Видишь, они напали – махнул мечом Камрат и... никого не зацепил.

Непостижимым образом зверушка или какое-то создание древности, увернулось от клинка меча, хотя Карат был уверен в своей реакции и точности.

– Камрат, нельзя!.. – кричал Сестерций. – Это игра!

– Какая игра? – Камрат промахнулся опять и, наконец, глянул на торна. – Что за игра?

– Они играют!.. Они для игры.

– Хо-хо!

– Ничего себе игра. Они вон Ф”ента укусили.

– Они не могут кусать. У них нет зубов.

– Ф”ент! К”нюша! Остановитесь! Это игра!

– Как нет зубов? А это что? – пожаловался стехар и показал на ранку ниже колена.

Он жаловался, так как нападение неведомых тварей обидело и испугало его не на шутку. А ранка появилась от его суматошного размахивания кинжалом, он порезал себя сам и не заметил, и теперь ему хотелось найти поддержку у Камрата, что его и вправду укусили.

Но Камрат уже видел правоту Сестерция, переданную от стражей порядка. Зверушки-игрунки, Сестерций назвал их каким-то длинным мудрёным словом или фразой – плайванчион, при ближайшем рассмотрении, не имели даже рта, но узкие подвижные губы, возникающие по всей поверхности головы. Да и сама голова походила на чуть сплюсненный с

боков шарик с тремя бегающими вслед за губами то ли глазами, то ли просто быстро меняющимися цвет точками.

Впрочем, уследить за ними оказалось делом безнадежным. Они роились под ногами людей и путров, не касаясь их, и на каждое в ответ движение людей или путров отвечали немислимой игрой своих тел: коснуться их тоже не удавалось. Вот, казалось бы, попали в зажим руки и ноги, но непонятно каким невероятным образом избегали захвата, создавалось впечатление, что часть их тела, попавшее в безвыходное положение, на мгновение исчезала вообще, появляясь уже на свободе.

Усилия Невлоя разбудить незадачливую парочку, наконец, удалось. Лепток раскрыл глаза и бессмысленным взором огляделся, долго соображая, где и с кем он. Илона, раскрыв припухлые губы, тут же закричала, чтобы её, в конце концов, оставили в покое и не мешали веселиться, но увидев склонённое над нею лицо Невлоя, испуганно замолчала и стала, как и Лепток, оглядываться, порывисто крутя головой. Узнала Камрата и успокоилась, было, но ощутила себя сидящей в неудобной позе, в сумраке и в отсутствии перед ней всей команды.

– Камрат, что со мной?.. Что с нами?

– С нами ничего, с вами тоже, – оторвался Камрат от, завораживающей взгляд игры зверушек: так и хотелось забыть обо всём и заняться только ими, руки так и чесались поймать хоть одну. – Сестерций, пусть они уберут их, этих...–

он пнул ногой игруна, который, казалось, так и стремился попасть под носок сапога, чтобы его поддели, но... мимо.

– Разве тебе не нравится? – спросил Сестерций, передав вопрос от местных торнов.

Сам Сестерций на возню вокруг него с игрунами, словно не замечал.

– Нравиться, но пусть уберут!

– Сестерций, ты, что не слышишь, что говорит Камрат? – подстегнул торна Невлой. – Пусть не мешают!

– Они передают... Люди всегда радовались... Плайванчионы тоже радуются...

– Мы здесь не для игры, – оборвал его Невлой, тут же приказал Лептоку и Илоне: – А вы вставайте!

Зверушки всё-таки отступили от разумных и замерли в ожидании – не позовут ли? Не позвали, и они короткими пробежками с остановками скрылись в тёмной части подземелья.

– А мы вернёмся к разговору о дороге к Скале, – удовлетворился Камрат тем, что перед глазами перестали мелькать игруны глянцевитыми блёстками. – Сестерций, если они не знают, как к ней пройти, то спроси у них хотя бы...

– Они не должны знать, – напомнил торн. – И мы, попав сюда, в уй-юй, тоже

– Это я уже слышал. Узнай, почему между мавшами и другими роботами там, наверху, идёт война? И чем это грозит нам, людям?

– И какого Края они за нами увязались? – добавил Невлой, поддерживая вставшую Илону, ноги её не держали, подламывались.

У Сестерция, похоже, что-то не заладилось в общении или понимании со стражами порядка. Да и те тоже стал переминыться с ноги на ногу, словно им необходимо куда-то бежать, а их задерживают. А Сестерций дёргался, несколько раз порывался чего-то сказать, чалма его сползла на глаза, он её сбил на затылок, оголив часть безволосого черепа.

Камрат подошёл к нему, притронулся к руке.

– Что-то сложное? – спросил участливо.

– Нет... Да... Они мало знают о том, что наверху. Но... Как будто там все... либены защищают людей. Вот почему у них вражда.

– Невлой, ты слышал эту нелепицу? Они, оказывается, и те и другие защищают. Тогда от кого? Друг от друга?

– Слышал, – отозвался Невлой, ему приходилось держать в руках падающих Лептока и Илону. – Значит, надо держаться как можно дальше от тех и других... Эти пришли в себя, – потряхнул он удерживаемых, – и могут уже идти. Нам бы пора уходить отсюда, пока не появится ещё что-нибудь. Не игрушки, так... бегуны какие-нибудь.

– Пора... Но наверху нам спросить будет не у кого, а эти торны могут хоть что-то подсказать. Так что... Сестерций, спроси, если мы здесь, в подземелье города пойдём от дома к дому, то куда выйдем?

– Попадём в похс, – тут же отозвался Сестерций. – Я их уже спрашивал.

– А что собой представляет похс?

– Об этом знает только харт.

– Угу! А где этот харт?

– Он здесь повсюду.

– Хо-хо! – отметил Невлой ответ Сестерция. – Они нас что, за нос водят?

– А мы можем... Вернее ты, Сестерций, сможешь связаться с хартом? Спроси их.

– Это не рекомендуется.

– Ты им скажи... И резко так, – посоветовал Невлой. – Я вижу, они бояться, когда на них прикрикнешь. А ты, Камрат, сделай недовольное лицо и... больше жестов. Их дело ублажать людей... Ну, Камрат!.. Так. Вот и пусть исполняют твою волю... Сестерций, что?

– Харт может говорить с человеком, если ему разрешит конкаркум.

– Так пусть требует разрешения! Человеку надо!.. Знаешь, Камрат, ведь о подобной системе, когда никто ничего сам не решает и не делает, а ссылается на других, упоминается в некоторых анналах. Но никто этому не верит. Считают, что древние не могли так запутывать дела. Но, оказывается, так оно и было. И конкаркум сошлётся на какой-нибудь тарарам, а тот ещё на кого-то, пока голова у нас не закружится, и мы откажемся что-либо узнавать.

Камрат кивнул, соглашаясь с Невлоем. Но Сестерций сказал иное:

– Конкаркум требует подтверждения, что в уй-юй появились люди, о которых он стал забывать.

– Мы люди! – Камрат и без подсказки со стороны двейри-на повысил голос.

Повысил, но уже перестал надеяться что-нибудь получить вразумительное в ответ. И точно сошлется на «тарарам».

– Конкаркум считает, что люди сами в состоянии разобраться, куда и с кем им идти.

– Хо-хо! Хороший ответ!

– Да уж, – усмехнулся Камрат, – лучше некуда. Что ж, будем сами разбираться... Но жаль. Хоть бы намекнули.

Глава 22

В доме все люди, за исключением Малиона, спали.

Выслушав Камрата с комментариями Невлоя о встрече со стражами порядка и отказе подсказать дорогу к Скале, Малион вместе с ними тоже посетовал на неудачу.

– А что здесь? Тихо? – спросил Камрат, устраиваясь так, чтобы можно было расслабиться.

Лицо Малиона скривилось в усмешке.

– Тихо, это точно. Но кто-то нас навещал. И тоже, по всему, для проверки порядка.

– Торны?

– Торны?.. А-а, ты о тех, что вам встретились в подземелье. Нет. Те, с кем столкнулись вы, имели, как я понял, материальное воплощение. А побывавшие здесь явно фантомные образования. И не торны, а в облике обычных людей.

– И что они? – заинтересовался Лепток. Войдя в дом, он тут же расположился спать со всеми, но уснуть не успел. Заслышав новость от Малиона, он поднял голову и поворачиваясь на бок. – Летали?

– Как сказать. Фантомы... Но ходили.

– Ты с ними смог...

– Нет, – Малион понял вопрос Невлоя с полуслова. – На меня они не обратили внимания, хотя я и голосом и жестами пытался как-то с ними пообщаться, но меня они словно не видели. Их занимали спящие, особенно долго они стояли над Ореем и Гелиной... Вот я и подумал...

– Проверка состояния спящих после, так сказать, развлечения? – подсказал Камрат.

– Вот именно.

– Может быть, Орею мозги вправляли? А Гелина?

– Она ждёт ребёнка.

– Ну, да, – кивнул Камрат, будто понимает поведение фантомов.

Но для него фраза Малиона была пустой, хотя и слышал её неоднократно. Вот и Свим, когда они выходили из Примето, на вопрос, почему Клоуда она не пошла с командой к Скале Перехода, так же сказал: «Она ждёт ребёнка...»

– Странная всё-таки была жизнь у древних, – сказал Лепток.

– Тебе не понравилось? – спросил Невлой. – То-то ты с Илоной...

– Я не о том. У них всё было под надзором.

– Э, нет. Это не надзор. Это... как сказать... помощники, – уточнил Невлой. – Не будь их, где бы мы вас ещё искали?

– Всё равно. Куда ни сунься, а за тобой кто-то подсматривает. Мой дурбалет не любил, когда кто-то подсматривал за нашими занятиями. Сердился.

– Ты говоришь о Канике Кике Костке?

– Да, – растерянно посмотрел на Малиона Лепток. – Вы его знаете? Он...

– Наслышан, – коротко бросил Малион и заговорил о другом: – Вы пока были внизу, я выходил посмотреть, что там снаружи делается.

– Надеюсь, никого?

– Да, чисто.

Камрат опять кивнул, давая знать, что предполагал – перед этим домом никого не будет.

– Они нас поджидают ... охраняют у того дома, где мы были до того. – Жаль, что ни у стражей порядка, ни у фантомов мы не узнал, как выйти на дорогу к Скале, – сказал он.

– Но хорошо, что с ними встретились, – Невлой шумно передохнул, словно сбросил с плеч тяжёлую ношу. – С по-

мошниками. Есть ещё надежда узнать кое-что от таких, как они..

– В доме изменения, – вклинился в разговор между людьми Сестерций. – Появились ещё закалочные. И раздаточные.

– А ты говоришь, что у древних была странная жизнь, – повернулся Невлой к Лептоку. – Вполне нормальная. Вокруг был не надзор, а всё делалось, чтобы людям обеспечить удобства. Нас здесь много, вот и появились дополнительные раздаточные и закалочные. Так-то.

Камрат осмотрел спящих людей и путров, переглянулся с Малионом в немом вопросе, ему показалось, что Проводник его понял, поэтому он перебил Невлоя, поучающего молодого дурба:

– Пора всех будить и выходить отсюда на улицу.

– Многим это будет не под силу, – засомневался Невлой. – Надо немного подождать, наверное. Много выпили... коввты.

– Я думаю, дополнительные закалочные появились как раз для таких, как они. Начнём с Харана... Ты, – Камрат повёл взглядом на Лептока, – тоже в закалочную! Невлой, Илону туда же!

Для путров побудка прошла спокойно. К”нъец и Ф”ент тут же их посвятили о своём пребывании в подземелье с красочными подробностями, упустив из рассказа нашествие мышей. Вообще-то, Ф”ент хотел затронуть и эту тему, но

К”ннец его предупредил загодя:

– Ты что, собака, не понимаешь, что я кошка? Мышей кошки ели со дня своего сотворения. А вот вы жрали всякую падаль. И не тебе говорить о моём праве есть то, что мне полезно. Полезно, собака!.. Так что помолчи о мышах...

– Но, видя, как шерсть на загривке Ф”ента поднимается от возмущения, хопс смягчил своё наставление: – Прошу тебя, не будем о том говорить. Другим не интересно...

– Мог бы сразу попросить, а не обвинять меня в том, чего я ещё не сделал.

– Я тебя не обвиняю, а... напоминаю. Если что не так, то...

– Ладно, кошка. Забудем, что там были мыши. Но ты с К”нней поделись добычей так, чтобы никто не видел.

– Так и сделаю, – заверил хопс.

Совсем по-другому пришлось поднимать молодых дурбов. Они всё ещё находились под дурманом выпитого. И только после закалочных, по-видимому, для того и предназначенных, обретали способность адекватно воспринимать происходящее вокруг них, и даже активно в нём участвовать, впрочем, по-своему: они жаждали вновь окунуться в сказочный мир огней и разгула.

Зливан, как только очнулся, стал даже покрикивать на Сестерция, чтобы тот скорее открыл выход в подземелье. Он тут же получил болезненный толчок от Жаристы, а Невлой и Харан вдвоём с трудом справились с ним, вталкивая в зака-

лочную. Но из неё Зливан вышел с теми же намерениями, и сильно разочаровался, что праздников больше не ожидается, а надо будет выйти на улицу.

Орей, проснувшись, долго осматривался в полном недоумении. Его глаза бегали по лицам людей, которых он словно бы видел впервые, по личинам неизвестных ему путров. Наконец, он как будто узнал Малиона, виденного им на Сажанее. Старательно обходя других, он подошёл к нему и вполголоса спросил:

– Где мы? – и повёл вокруг взглядом человека, попавшего в незнакомую обстановку.

Малион отметил его волнение и совершенно иное поведение до этого момента. Сказал:

– Всё в порядке, успокойся. Ты был, по-видимому, в доре... Поэтому не помнишь, как попал к нам в команду... Мы идём к Скале Перехода.

Орей хмыкнул и недоверчиво улыбнулся, как если бы услышал шутку розыгрыша над собой. Но тут же согнал её и стал с подозрением вглядываться в окружающих его разумных, и начал узнавать:

... ну, да, настоящий торн...

... эта злая женщина, что хладнокровно убила болтуна и пьяницу Пустора...

... и эта образина со страшным лицом...

Как же он оказался среди тех, кто прорывался тогда через опритов, и через него, естественно?.. А где же Кемеш? Тес-

комовцы?..

Последнее, что он помнил из той жизни – это несильный толчок одного из усатых выходцев якобы из-за Края, и – вот он теперь попал к тем, за кем гонялся.

– Но как я к вам?... Кемеш?.. Мы шли за вами...

– Забудь о Кемеше! А как попал к нам, узнаешь походя. Сейчас нет времени разъяснять. Лучше подготовься к выходу.

Малион покинул растерянного Орея и подошёл к Невлою. Близко наклонясь к нему, шепнул:

– Слышал? – Невлой на вопрос Малиона кивнул. – Пожалуй, он был не в доре.

– Наверное. Я бы сразу узнал. А так думал, чудит он или от века был такой.

– Но тогда... Неужели был погружён в сумрак? Но кем? Он же помнит погоню за нами в банде Кемеша. И тескомовцев. Потом – провал.

– Перед входом за грань, значит... – Невлой внимательно посмотрел на Орея, всё ещё ошеломлённого произошедшей с ним истории. Предположил: – Либо кто-то в банде Кемеша, либо... Знающие. По-видимому, всё-таки они. Если бы у Кемеша, то Орей был бы не один.

– Знающие... Но почему молчали? Ведь Орей пришёл к нам и бесновался при них.

Невлой перевёл взгляд на Знающих. Посланцы из-за Края смиренно сидели парочкой на платформе с опущенными вниз

усами, отчего их лица вытянулись и приняли вид – вот-вот заплачут. Они ещё не знали своей роли, их подсказки в ситуациях, сопровождавших команду, не имели смысла, оттого на них не обращали внимания при решении каких-либо вопросов, отчего они страдали. Закалочные им были не нужны. Они сидели, о них в общей суете забыли.

– Что я знаю о погружении в сумрак... – нахмурил лоб Невлой. – Мало. Но в дору кого надо я перевожу сам. А в сумрак как будто можно погрузить извне через кого-то. Чаще через физический контакт... прикосновение... Так вот, для передачи импульса больше всего подходят Знающие... Но любопытно... Мы, значит, тоже можем попасть под него.

– Весёлое дело! – покрутил головой Малион. – А через нас с тобой? Мы же с ними прошли ту же подготовку... Точно, весёлое дело... А?.. Нас Камрат зовёт.

– Слышу.

– Ему надо сказать об Орее и...

– Надо ли? – засомневался Невлой. – Если и мы носители подобного импульса?

– Надо.

– Вот послушайте, что говорит Сестерций, – встречал Камрат, подошедших на его зов.

Он и Свим нашли свободное место между моблами, перед ними стоял торн. Малион и Невлой стеснили их.

– У нас тебе тоже любопытный разговор есть.

– Сейчас?

– Потом. Послушаем Сестерция

– Хорошо. Сестерций, рассказывай, как мы с тобой договорились, – сказал Камрат.

Торн испустил дымчатую ауру, но тут же убрал её и начал ровным голосом:

– Этот дом уже знал, что мы в него войдём... – но, увидев поднятые в вопросе брови Свима, мол, до того было сказано не так, поправился: – Он был готов нас принять, если мы войдём в него. Все дома знают о нас и готовы нас приютить хотя бы на блеск... Они будут рады... И если мы не придём в них, они обидятся.

Сестерций замолчал и как будто к чему-то прислушался.

– Как вам эта... – Камрат кашлянул, – шутка? Этих домов здесь несколько сотен. И каждый рад, как вы слышали, нашему приходу в гости, но и может обидеться, коль не побываем в нём.

– Это далеко не шутка, – сказал Свим. – Надо уходить из этого города, пока не поздно. Наверняка, здесь некоторые дома уже из ума выжили. В Примето такие есть в некоторых дуварах. Хозяева их обходят стороной, а то и замуровывают. Войдём в такой дом, и не выйдем.

– Знать бы, куда выходить... Впрочем... А что? – Невлой обратился к торну: – Скажи им... предложи или попроси, так лучше будет, показать нам дом... Последний дом, из которого видно дорогу, ведущую к Скале Перехода... Хо-хо!.. А что? Пусть только покажут, мы от него сможем...

– Подожди, Сестерций! – остановил торна Малион. – Думаю, такой вопрос в лоб не даст результата. Вы же уже столкнулись с этим в подземелье. Здесь тоже, наверное, такая же соподчинённость кому-то и свои интересы. Просто так нас из города не выпустят. Даже если покажут этот последний дом, из которого видна дорога.

– Пусть покажут. Выйдем на улицу и – напралом! – предложил Зливан, но никто не поторопился его поддержать.

– Опять мавши набегут...

– Но мы не знаем направления, куда идти...

– На пролом – это, в крайнем случае. Но люди же сюда приходили не навсегда, – сказал Ольдим. – Повеселились, и – домой.

– То есть какой-то возможен мирный выход, – закончил его мысль Малион. – Вот его и надо искать. Так и вопрос Сестерцию надо ставить.

– Ага! Мол, наелись и напились, повеселились, теперь пора восвояси, – со смешком проговорил Свим, и, серьёзнее: – Может быть, так и объявить им, что нам надо вернуться на Скалу.

– Это тоже вопрос в лоб, – сказал Камрат.

Пока люди думали и обсуждали, как получить ответ, в принципе, неизвестно от кого, Сестерций, оставленный ими в покое, погрузился в сложную структуру города. Он уже многое понимал в ней, порой ощущая себя частицей этой структуры с определённым условием сосуществования с ней.

Он постепенно становился не инородным вкраплением, а сопричастным ко всему механизму жизни города, созданного когда-то людьми и для людей, но на тысячи лет покинувшие его. И эта покинутость изменила и исказила некоторые основные функции систем, вплоть до забвения своего предназначения.

Неожиданное появление столь долго ожидаемых людей всколыхнуло все городские ячейки от домов до общего управления городом. Но оказалось, что не все они смогли восстановиться, а иные выполнять свои обязанности.

Люди предполагали, а Сестерций уже уверенно знал об опасности большой доли домов для людей и, особенно, для выроdkов. Команде повезло, пройди она ещё пару кантров по подземелью, то могла бы подняться в такой чреватый опасностью дом. Кое в каких домах произошли изменения, словно они впали в безумие, так как сохраняемая веками нормальная их жизнедеятельность не выдержала времен.

Нет, все люди и путры, конечно, остались бы живы, но неприятностей натерпелись сполна.

Так что предложение людей идти от дома к дому страдало незнанием того, что каждый дом для них подготовил, чем встретит: добром или ужасом. А заполучить людей жаждали все, поскольку это было их назначение, которое надо свято исполнять.

И, тем не менее, город представлялся как единый организм, управляемый из единого центра, но Сестерций его не

находил, ибо уже знал – этот центр (харт) не имел определённого местоположения, а состоял из рассеянных частиц содержимого всего города. И чем больше Сестерций проникал в харт, тем с большей тревогой ощущал себя втянутым в эту всеобщую совокупность взаимодействий отдельных частиц харта.

Он сопротивлялся, но чтобы узнать безопасный выход из города, к тому же на дорогу, ведущую к Скале, надо было ещё глубже проникнуть в харт, а, значит подвергнуть себя риску попасть в зависимость, из которой будет трудно выбраться.

Зато харт явно знал ответы на вопросы людей. Надо только вникнуть, впитать это знание в себя.

Однако что-то мешало, уводило все старания торна от конечного понимания харта и своего места в нём. Он ожидал, что, в конце концов, в рассеянном разуме харта найдётся и его какая-то функция, а, зная её, можно будет вникнуть или проследить взаимосвязи и дойти до общего назначения харта и, значит, связи его с внешним миром. Интеллект настоящего торна позволял ему (и Сестерций надеялся) стать не только управляемой частицей, но и управляющей, хотя бы в части внесистемных отношений с хартом.

Поиск его стремительно расширялся, но всё равно, раз за разом появлялось нечто, приводящее его помыслы к ледяному склону, ведущему к вершине, а он, ступив на него, соскальзывал в низ, к подножию. Приходилось всё начинать

сначала.

Слова Свима о том, что людям надо возвращаться, подсказали Сестерцию выйти на прямую связь с хартом, но уже не с вопросом, а утверждением прав людей выйти из города после развлечений туда, куда им надо.

И его обращение подействовало. Создалось такое впечатление, что харт только того и ждал и отозвался неожиданно грубо, поскольку если бы это было сказано, то прозвучало бы так: – «А кто их здесь держит? Пусть уходят!..»

Сестерций напомнил: нужен выход к дороге, ведущей к Скале Перехода.

Отзыв: – «У них есть допуск?»

Сестерций: – «У них есть всё, что нужно».

Отзыв: – «Они могут идти».

Сестерций: – «Им надо знать, как выйти на эту дорогу».

Отзыв: – «Им этого не надо знать».

Сестерций: – «Но тогда, кто их выведет на дорогу?»

Отзыв: – «Для того у них есть ты... Выводи!»

Торн, услышав о своей роли, словно стукнулся компом о камень, что на некоторое время вызвало суматошный переполох в его нервной сети организма, так восприняла она утверждение харта.

Были задеты сразу все чувства, управляющие биороботом:

он не знает, как вывести людей, и это вызывало раздражение, так как харт, по сути, отмежевался от него, отклонил

свою сопричастность единства с ним, тем самым, ослепив его;

вспышка неуёмной гордости за себя, ибо, что бы делали люди без него, а это говорило об их вторичности как разумной расы на Земле;

растерянность – можно ли спросить харт, каким образом или путём он может вывести людей из города к дороге на Скалу?

А люди вокруг уже непосредственно обращались к нему, что-то требовали от него...

Сестерций стоял, покрываясь ядовитой сине-фиолетовой аурой, стекающей от компа вниз.

– Оставьте его на время, – сказал Малион. – Он сейчас, видите, невменяем. Надо переждать.

– Нечего переживать. Он так может простоять долго. А надо стукнуть ему как следует по компу, вот тогда у него там всё и встанет в нужном порядке, – вспыльчиво посоветовал Свим.

– Сам себя стукни! – не сдержалась Жариста. Она почти вплотную подошла к Сестерцию, но не рискнула притронуться к ауре. – Он сейчас думает о нас, а тебе только бы стукнуть, – договорила она с упрёком.

– Женщина говорит правду, – глухим голосом поддержал её Невлой. – Сестерций что-то узнал важное. На уяснение этого ему как раз и нужно время... Я чувствую.

– Помочь ему можешь? – спросил Камрат.

– Пытаюсь... Но только, чтобы удержать его с нами.

– Он хочет от нас уйти? – всполошилась Жариста.

– Нет. Его поглощает город... У них общая основа, возможно воссоединение...

– Тогда его надо... – Жариста вскинула глаза на Свима и отвернулась, так как чуть ли не высказалась подобно дурбу, как поступить с Сестерцием.

– Надо подождать.

Ждали, но напряжение нарастало, переходя в беспокойство: чего следует ждать?

– Он уже и вправду кое-что знает, но не всё, – нарушил молчание Ей-Фей, слезая с платформы и направляясь ближе к торну. Люди перед ним, теснясь, расступились. Знающий вплотную, даже погрузившись в ауру, подошёл к Сестерцию, топорща усы, постоял, словно прислушиваясь к чему-то, повторился: – Знает, но не всё...

А тем временем...

Сестерций: Но я тоже не знаю, как и по какому направлению вывести людей на дорогу к Скале.

Отзыв харта: Это не важно. Главное, что ты с ними. Всё уже готово выйти на дорогу для их возвращения.

Торн не понимал, хотя, казалось, он вот-вот уяснит идею его будущих действий, что ему пытается сообщить харт, отчего испытывал неприятное ощущение беспорядочной работы всех своих органов, на автономное функционирование, поскольку центр управления, загнанный в тупик, похоже,

утратил способность выполнять свои обязанности.

– Вот теперь его надо разбудить! – внезапно сказал Ей-Фей.

Свим только этого и ждал, и стукнул по чалме торна кулаком, едва не свалив её с компа на землю.

Словно что-то щёлкнуло, и Сестерций осознал себя. Он ясно увидел Свима, готового повторить удар, и испуганную Жаристу, и Ей-Фея, сказавшего:

– Он уже в порядке.

Ядовитая аура сползала с торна, таяла.

– Нам надо идти, – сказал Сестерций, ни к кому не обращаясь. – Всё уже готово.

– Что?... Где?..

– Надо выйти из дома.

– Он теперь что-то знает нужное, – сказал Ей-Фей.

– Тогда, что ж... – Камрат помедлил. – Выходим!

Глава 23

Над городом царила ночь, но темноты не было. Светился, казалось, сам воздух. Улица уходила в одну и другую сторону и, словно, была бесконечной, так как её концы терялись где-то в светлом полусумраке.

У стандартного крыльца дома чётким квадратом застыли ряды кресел. Впрочем, что это именно кресла, люди разобрались не сразу. На первый взгляд их взору представилось

некое ячеистое образование, и только потом догадались о его назначении.

Появились разные суждения, но подо все высказывания подвёл черту Малион:

– Это моблы для перевозки людей... Сел и поехал... Как у Инистых в лаборатории льда.

– У нас тоже есть, – сказал Ой-Мой. – Правда, очень старые, хотя и вечные. А эти, смотри, как сейчас сделаны.

– Сестерций, это для нас? – спросил Камрат.

– Да. Людям надо в них сесть.

– А путры?

– Путры?.. Не знаю.

– Здесь мест хватит на всех, успел подсчитать Ольдим. – Двадцать пять.

– Но нас-то двадцать шесть.

– Значит, среди нас кто-то лишний, – сделал естественное заключение Свим. И с вызовом спросил: – Кто?

Вопрос Свима многих застал врасплох, но все посмотрели на Орея, скромно затерявшегося между молодыми дурбами.

– Я? – испуганно подался назад недавний оприт, до сих пор не пришедший в себя после того, как узнал, где он и с кем находится, а тут ещё может оказаться, что он лишний.

– Что-то здесь мы... не так представляем то, что происходит. Я думаю, – Малион обратился к Сестерцию, – тебе здесь место не предусмотрено, наверное? Так?

Торн на мгновение одеревенел, общаясь с хартом.

– Да, – проговорил он. – Я пойду... Я поведу...

– Хорошо, но как наши моблы? – спросил Камрат. – Сестерций, здесь их не хотелось бы оставлять.

– Они нам ещё послужат, – подхватил Малион. – Сестерций, ты сможешь?

– Сможет! – за торна отозвался Свим. – Здесь все у него родственники. И те, и другие. А я ему помогу... А что? В конце концов, опять толкнём.

– Не торопись, Свим. Пусть Сестерций выясняет. А мы сейчас, – Камрат помедлил, – сядем так. Гелина и все женщины в середине. Путры тоже. Садитесь. С остальными чуть позже разберёмся. Садитесь! – подстегнул он замявшуюся в нерешительности оберегаемую часть команды. – Гелина!.. Жариста!.. К”ньюша!.. Ф”ент!.. Не стойте! Сестерций, ты сам, где будешь? Впереди?

– Мне всё равно.

– Лучше впереди. И не оставляй платформы.

– Да.

– Жариста, в середину!.. Теперь так... Ну, да! Конечно, не все...

– Мы где? – топтался рядом Зливан.

Желание Камрата усадить команду так, как попытался в самом начале, не удалась. В центре квадрата кресел только девять мест, а для женщин и путров надо двенадцать. Ему же хотелось, как казалось, избежать каких-либо неурядиц во время движения. Набегут мавши... «жуки»... Впрочем,

здесь улица пока что была пустой, но долго ли им прибежать.

– Ты своих посади по бокам, – сказал он Зливану. – Мы с Малионом впереди. Знающие тоже. Невлой в последний ряд... Что, К”нюша?..

– Я сяду с Невлоем.

– Если тебе хочется. Тогда... Ф”ент, ты где?

– С тобой.

– Хорошо... Кто там ещё? Все сели?.. Сестерций, двинуться, – Камрат уместился на левом краю первого ряда, передохнул, как после тяжёлой работы.

Всё-таки команда была неуправляемой. Долго ли сесть так, как следует? Минт, ну два. Однако каждый мялся, будто ждал особого приглашения – не назовёшь по имени, так и будет стоять.

После слов Камрата движения не последовало, хотя Сестерций сказал своё традиционное: – Да.

– Сестерций, почему мы стоим?.. Ты знаешь, куда идти?

– Нет.

– Так какого Края? – закричал Свим, сидящий в последнем ряду. – Ты всё же получишь от меня по компу! Или... Камрат, ты там ближе к нему...

У Камрата самого зачесались руки. Дав команду двигаться, он удобно погрузился в кресло, расслабился, предвкушая необычность преодоления расстояния не пешком, а вот так, сидя. А тут – опять неувязка. Отчего? От незнания Сестерция, в какую сторону направляться. Но всё же делалось по

его подсказке, а он, оказывается, обманул их надежды.

– Сестерций, что у тебя опять случилось?

– Я жду.

– Ну, чего ты ждёшь? Мы все уже сидим... Или... Что тебе говорит харт?

– Харт говорит, надо подождать... Да... В город кто-то... Харт говори, на город напали... Да... Нам лучше вернуться в дом... Да... Переждать тысяча четыреста восемьдесят третьё нападение... Да...

– Этого ещё не хватало! – Свим сорвался с места и прибежал к началу рядов кресел. – Кто напал?

Торн промолчал.

Малион и Харан тоже прошли вперёд к поднявшемуся Карату.

– Я думаю, это серьёзное предупреждение, – сказал Малион. – Кто бы там не напал, но нам придётся вернуться в дом.

– Наверное, – разочаровано отозвался Камрат. – Только размечтался... Как хорошо прокатиться. И вдруг это нападение. Будто против нас, чтобы не выпускать из города.

– Предопределённость, – проговорил Харан. – Может быть, так и должно быть.

– Обосноваться здесь, в городе? Не уверен...

– Сестерций, спроси, мы можем чем-нибудь помочь? – Невлой близко подошёл к торну, так он каким-то образом улавливал общение Сестерция с хартом.

– Да, можем, – сказал после долгой паузы Сестерций. – Но не все... Да... Харт говорит... Да... Не все, говорит, могут помочь...

– А кто?

– Только, говорит... Невлой... Камрат... Орей... Грения... Да... Ф"ент... Другим надо вернуться в дом... Да...

– А я?.. Я?! – крикнул Свим. – Спроси, почему не назвали меня?.. Сестерций!..

– Да... Другим надо вернуться в дом... – повторился Сестерций, не обращая внимания на прыгающего вокруг него донельзя возмущённого Свима.

А Свим неистовствовал. У него прорвалось то, что уже давно в нём назревало...

Он вывел из Примето команду и вёл её. Никто не оспаривал его старшинства. Однако на берегу усыхающего Болота объявился Малион, тут же поделивший с ним бразды правления и даже подменившим его. А когда вошли под защиту барьера, все участники похода к Скале полностью оказались под руководством Камрата. А он, Свим, попал в рядовых в команде. Кроме того, если остальные играли в ней какую-то роль, необходимость которой уже проявившуюся по мере их движения, как вот сейчас в городе Сестерций, то от него пока что никто ничего не видел, так что у него закрадывалась мысль о случайности попадания к Камрату при походе к Скале. Оттого в подземелье, вкусив питья, отвлекающего от мрачных размышлений, он попил вволю и про-

спал возвращение Камрата в подземелье в поисках Лептока и Илоны, встречу со стражами порядка. То есть предстал опять никому не нужной единицей.

И вот сейчас то же самое... Даже Грения... Даже этот чокнутый Орей... Даже они потребовались, а он остался не у дел.

Дать бы этому по пустому компу, чтобы не забывал, кто спас его от бандитов, кто принял его в команду, провёл через Сажаней, приютил в своём родовом хабулине... А он лепечет, пошёл-ка ты прочь и не мешай тем, кто нужен, а ты, мол, никто и ничто... Другой...

– Успокойся, Свим, – положил ему руку на плечо Харан. – Надо вернуться.

– Пусть эта кастрюля скажет мне... Почему...

– Свим. О чём ты? Сестерций здесь ничего не решает. Хорошо, что он может войти в контакт с древними службами города. И выбор кого-то из нас за этими службами, в данном случае за хартом. Им виднее, значит так и надо. Это не наше с тобой предназначение. У нас с тобой, надеюсь, всё ещё впереди... Идём, Свим.

Все уже не без сожаления покинули кресла и потянулись в дом. А названные Сестерцием для помощи в защите города от нападения, подошли к нему, ожидая от него плана своих действий. И только Ф"ент с поджатым хвостом застыл в скорбной позе между двумя группами. Для него выбор харта был неожиданным и неприятным. Не хотел он оказаться

в защитниках.

Почему он оказался один среди людей. Он же – путр, ведь нападение боится людей. А он?..

Не хотят ли им пожертвовать во имя общего успеха экспедиции к Скале? И это его, как говорит, Харан, предназначение. Но он не хочет быть жертвой!.. Ч”юмта ему, наверное, уже подарила щенков. Они ждут его. А он – жертва, избранная в команду Аба-Ава для заклания!.. Авво!..

Даже замечание К”нъца не подтолкнул его.

– Что, собака, испугалась?

Зато Свим, kloкочущий обидой, не церемонился, а поддал стехару в бок:

– Иди! Не трусь! Его избрали, а у него как всегда хвост под брюхом от испуга...

Досталось от Свима и Жаристе. Она издали, уже от двери, наставляла «Сесика», чтобы он берёт себя для неё.

– Ничего с твоим Сесиком не случится! У него здесь все родственники... а, значит, и твои... Выбирают ещё!.. Как же!..

Свим ворчал и, войдя в дом.

Впрочем, он был не одинок в своих чувствах оскорблённого невниманием к его особе при выборе защитников города от неизвестного ещё противника.

Избрание вызывало недоумение не только у него. Правда, Камрат и Невлой не вызывали ни у кого вопросов. Но Грения и Орей! Особенно последний. Оттого обойдёнными, то

есть неотмеченными, забытыми посчитали себя и молодые дурбы, хотя выражали свои эмоции намного скромнее, чем Свим.

– Что мы должны сделать? – спросил Камрат, когда все названные торном, в том числе и Ф”ент, собрались вместе.

Да, вместе, но не купно.

Невлой и Орей стояли отдельно в шаге друг от друга, а Камрата, тоже в шаге от них, но его с одной стороны подпирали Ф”ент, а с другой робко прильнула Грения, так до конца и не понявшая, что, собственно, происходит, и как она попала в список каких-то защитников города, названных Сестерцием.

– Надо сесть в первый ряд... Да... Вы поедите, а я пойду с вами... Да...

– Что ж, сядем. А кто напал на город, ты знаешь?.. – спросил Камрат, опять размещаясь в кресле. – И чем мы можем помочь харту?

– Вы люди... А кто напал... очень бояться людей... Да...

– Любопытно, не находите ли? – сказал Невлой. – Нас что, везут на показ? И потом люди... Меня вон стража порядка в подземелье отметила, что я не совсем человек, а уж Ф”ент – и подавно. Может быть, только Грения...

Услышав своё имя, Грения затрепетала, ища поддержки у Камрата.

Выбор харта и Камрату показался странным, и ещё до пояснения Сестерция, а потом после высказывания Невлоя,

подумал, что все они, выбранные для устрашения нападающих на город, представляют собой не столько людей, сколько представляют частицу их современного мира. Сам он – Аба-Ава, Невлой – двейрин, Ф”ент – разумный выродок, Грения – и вправду, как обычный человек, Орей...

С Ореем Камрат так и не разобрался. Кто он и что. Если многие из команды ему выделились почти вплоть до их предназначения в команде, то Орей представлялся пустым пятном. Впрочем, Невлой с Малионом и Знающие тоже терялись в догадках.

– Наверное, не столько люди, сколько выходцы из будущего для тех, кто напал, – озвучил он свои мысли.

– Может быть. Но до этого они отбивались и без нас. Надо же! – воскликнул Невлой. – Это тысяча четыреста восемьдесят третьё нападение! – Невлой перегнулся, чтобы видеть Камрата, сидящего на другой стороне ряда кресел. – Нападают и отбиваются! Что же здесь такое твориться?

– И чем отбиваются? У нас-то только мечи, у Ф”ента – кинжал. А Грения?

– Я и говорю, любопытно.

Сестерций шёл впереди. Неспешно. Так же медленно двигались кресла вдоль улицы мимо стандартных до оскомины домов, взгляду не на чем было остановиться. И никаких внешних признаков подготовки к отражению нападения извне не наблюдалось. Сестерций на неизбежные в таких случаях вопросы, неизменно отвечал:

– Скоро придём...

Прошло не менее блеска монотонной езды и ожидания нападения со стороны неведомого противника. Уже можно было видеть – ряд домов заканчивается, улица переходит в дорогу, ведущую к какому-то громоздкому сооружению или строению, перегородившему её.

На линии последних домов (справа и слева) торн и кресла остановились.

– Мы будем стоять здесь... Да...

– Мы можем встать? Спроси!

– Лучше не вставать, – помолчав, сказал Сестерций. – Не надо вставать... Да...

– Будем, значит, отбиваться сидя, – с сарказмом проговорил Невлой. – Такого даже в анналах Проклятых веков не встретишь... Орей, ты когда-нибудь воевал сидя?

– Я не воевал, – не поднимая головы, ответил Орей.

– Не скромничай. Ты же оприт с многолетним опытом. Хотя бы Сажаней вспомни.

– Я никогда не воевал! – наконец, глянул на двейрина Орей.

– Ну, ладно, – благодушно согласился Невлой. – Пусть не воевал. Но в драках между бандами, надеюсь, поучаствовал неоднократно, а? Сидя?..

– Кто же дерётся сидя? – Орей, похоже, шутки не понял.

Камрат слушал их, но его больше интересовало строение в конце дороги. Городское освещение здесь, где они стояли,

заканчивалось, и в светлом сумраке уходящей в темноту дороги никак не удавалось подробнее рассмотреть, что всё-таки собой представляет это строение. Но Камрату почему-то показалось, что нечто подобное он когда-то видел, и даже как будто побывал в нём.

– Сестерций, спроси, что там впереди?.. Продолжение города?

Торн долго не отвечал.

– Нет... Мы уже на окраине города... Да... – начал он с паузами между словами, – Впереди пропускной пункт... к Узлу Перехода на.. земные объекты и... Солнечной системы.

– Ого! – первым отреагировал Невлой. – Мы теперь знаем, куда идти! За ним должна быть дорога к этому Узлу.

Камрата, готового так же откликнуться на ответ торна, перебила Грения:

– Камрат, – испуганно прошептала она. – Там... смотри... За нами!

Камрат оглянулся, помянул Край. За креслами в десятке берметов скапливались мавши и «жуки». Ряды их густели. Они перегородили улицу от дома к дому сплошной стеной, так как «жуки» заполняли прогалины между ногами мавш.

– Тоже стали на защиту города? – озадачился Камрат. – Или нас охраняют?

– Между собой не воюют, значит, город, – отозвался Невлой.

– Но нам придётся возвращаться, – проскулил Ф"ент,

вжимаясь в кресло. – А они опять начнут жечь...

– Кто знает, чем окончится нападение? – подал голос Орей, до того не подававший никаких знаков о своём участии среди защитников города.

– Что ты имеешь в виду?

– А то, – буркнул Орей, не посмотрев на Невлоя. – Нападение... Те оттуда, а мавши за нами. Вот и начнут жечь друг друга, а мы посередине. Что здесь быть, что возвращаться – одно и то же.

Грения от его слов припала, насколько позволяло кресло, к Камрату.

– Я боюсь.

Камрат обнял её за плечи.

– Харан бы сказал – всё это предопределённость. Не бойся. Да и не мы должны бояться, а нас

– Сестерций, – позвал Невлой, – что говорит харт? Когда будет нападение?

– Надо ждать... Да...

– Опять ждать! – выказал своё неудовольствие Орей.

– Ждать, не воевать, – шумно выдохнул Невлой. – Знать бы, только чего?

– Всё, всё! – Сестерций повернулся к Камрату и, чеканя каждое слово, объявил; – Учебное отражение нападения потенциального противника успешно проведено!.. Всех участников, вставших на защиту города, поздравляем!.. Всем благодарность!.. Всем вернуться к действующему распорядку!..

Из крайнего удивления от услышанного, первым оправились Ф"ент.

– Мы победили!

– Успешно отразили... – попытался поправить стехара Невлой.

– Значит, победили! – Ф"ент вскочил ногами на кресло, поднялся во весь рост. – Недаром, значит, выбрали именно нас с вами, – с пафосом сказал он, подняв обрубок хвоста торчком вверх. – Только мы могли это совершить...

Невлой громко засмеялся, заражая других участников учебной тревоги. Ему колокольчиком вторила Грения. Улыбался Камрат. Даже Орей, всегда мрачный и насупленный, кривился в усмешке.

– Ты только перед Свимом не называй себя победителем того, чего не было, – сквозь смех сказал Невлой. – А то он опять тебе поддаст под бок.

– Авво! – увял Ф"ент, хвост его опал.

– Сестерций, что дальше? – спросил Камрат и обернулся, разглядывая плотный строй роботов; они расходиться, по всему, не собирались. – Мы можем возвращаться?

– Нет.

– Что-то ещё?

– Должны все знать... Да... И все присутствовать...

– Невлой, ты понял, что он сказал?

– Наверное, церемония по случаю успешного отражения нападения, – предположил двейрин.

– Мы победили! – вставил Ф’ент.

– Они едут... Да...

– Кто?

Торн промолчал.

– Едут нас поздравлять! – приосанился стехар. – Мы победили!

– Не уверен... Некому здесь ездить и поздравлять. Только если стражи порядка, – осадил его Невлой.

– Никому мы здесь не нужны, – сказал Орей. – Разве вы не понимаете, что они тут разыграли нас? Выбрали защитников, а оказалось...

...А ещё десятью минтами до окончания учебной тревоги оставшаяся часть команды была вытеснена из укрывшего их дома. Вначале исчезли раздаточные. Затем заволновались Знающие.

– Нам отсюда надо уходить, – сказал Ей-Фей, а Ой-Мой подтвердил его слова.

– Это куда же теперь? – возмутился Свим. – Пока Камрат не вернётся, я отсюда шагу не сделаю.

– Мы тоже, – сказал Зливан, кивнув на молодых дурбов. – Мы уйдём, и где он нас будет искать?

– Камрат вернётся, – перебил его Малион. – Ей-Фей, почему мы должны уходить?

Знающий встопорщил усы.

– Я не могу, как Сестерций общаться с хартом, но чув-

ствую, наше время пребывания в городе закончилось. Мы и так здесь пробыли неправильно долго.

– А-а, вон оно что, – усмехнулся Малион. – Слышали?.. Развлекайся, но знай меру. Твоя пора закончилась, уступи место другим. Что ж, вполне разумно.

– Да уж. После того, что мы с вами вкусили в подземелье, ограничение времени пребывания в загуле оправданно, – заметил Харан. – Однако Камрат...

– Но выходить надо, – напомнил Ей-Фей. – И как можно быстрее. Разве вы не чувствуете?... Воздух!

В дом становилось нечем дышать. Завыла Х"вьюся. Схватила за грудь Гелина, и Харан бросился ей на помощь, чтобы поддержать на ногах. Одышка охватила молодых дурбов.

– Всем отсюда на улицу! – скомандовал Малион.

Он кинулся к двери, распахивая её во всю ширину, и впуская свежую струю воздуха в дом.

На улице за время их отсутствия ничего не изменилось. Ряды кресел и платформы поджидали их, словно подсказывали: если хотите убраться из города по добру, по здорову, надо сесть в кресла. И это, уже без подсказки со стороны Знающих стало понятно всем. Так что никого подгонять не пришлось, расселись быстро, только Свим посетовал:

– Жаль грузовые моблы оставлять. – Но он же, когда кресла тронулись и повезли людей и путров, удовлетворённо оповести всех: – Они с нами!..

– Сестерций, что говорит харт? – добивался от торна тем временем Камрат на другом конце улицы.

– Надо ждать... Да... – наконец, отозвался торн и сделал несколько шагов вдоль кресел и опять вернулся к Камрату. – Да...

– Чего ждать? Мы же победили! – воинственно пролаял Ф’ент. – Или кто ещё решил напасть? Так мы...

– Сиди! – придавил его к сидению тяжёлой рукой Невлой. – Развоевался тут...

– Они едут... Да...

– Ты можешь точнее сказать, кто едет? – повысил голос Камрат.

– Все едут!.. Да...

– Фу, на тебя, Сестерций! – уже в сердцах проговорил Камрат. – Кто едет?

– Свима не хватает, ты не находишь? – сказал Невлой. – Впрочем, Сестерций, едут кто-то из городских представителей или, может быть, наши, что остались в доме?

– Едут наши... Да...

– Наши?.. Все?

– Да...

Заверение торна заставило вскочить на ноги и посмотреть назад. Роботы спешно расступались, отчего мавши, спотыкаясь, топтали «жуков». В прорехе показались вначале в виде тёмной полосы, а затем превратились в ряды кресел с сидящими в них разумными.

Никогда ещё, пожалуй, команда так не ликовала, как при воссоединении в полном составе на окраине города. Словно расстались давным-давно и теперь вот встретились: рукопожатия, приветственные голоса, смех.

Жариста повисла на шее Сестерция.

Френт ходил с приподнятым хвостом, но, памятуя предупреждение Невлоя, старался находиться от Свима на значительном расстоянии. Но то, что он оказался среди победителей над неведомым врагом, он оповестил путров сразу и намекнул о своей особой роли, как единственного представителя из вырожденцев среди людей. Правда, в его исключительность не поверил Крннец, но промолчал, так как не знал всей подноготной о том, что здесь произошло, пока он отсиживался в доме.

А люди, узнав всю правду, от души смеялись.

– Мы-то думали, у вас здесь схватка, переживали, – говорил Зливан.

Он был доволен тем, что он сам и его молодые дурбы обрели в команде прежний статус, а то после выбора хартом защитников, среди которых оказалась Грения и Орей, они почувствовали свою ущемлённость, поскольку как будто оказались даже не на вторых ролях в команде, как установилось до того, а на последних.

Общее веселье оборвал, избавляясь от Жаристы, Сестерций:

– Харт говорит... Надо нам уходить из города... Да... И

быстрее... Скоро здесь будет... Да... Чистка...Люди здесь не могут быть... Да...

– Выходим! – сказал Камрат, уже предупреждённый Малионом о причине и методе, каким они были выселены из дома. – А кресла принадлежат городу. – (Это была подсказка Ей-Фея).– И...Сестерций, мы можем забрать свои моблы?

– Да...

Вскинув заплечные мешки, команда двинулась по дороге к тёмной массе строения в конце её. Свет в городе медленно погас. В мире царила ночь.

Примолкнувшие люди и путры подходили к Пропускному пункту Узла Перехода к земным объектам и Солнечной системы.

Скала

Глава 24

Прощаясь, Тлуман сказал Кемешу:

– Зная тебя, я, конечно, не осуждаю твоё желание не здесь, так по дороге Страху пробиться к Скале. Но и не одобряю. Там тебя может встретить то же, на что вы наткнулись здесь...

– Там и посмотрим! – сквозь зубы процедил Кемеш, всё ещё вглядываясь вдаль за барьером.

– Здесь не насмотрелся?.. – с досадой спросил Тлуман.

Он не понимал стремления Кемеша. Если дорога к Скале закрыта в этой точке подхода к ней, то, конечно же, везде вокруг неё одно и то же – закрытие. – Прошли только те, кому это доступно, а от остальных... вон, сам видишь, пыль и прах!

– Они прошли здесь, а мы пройдем там!.. Не предрекай! Всё, Тлуман! До встречи!

– Так расскажешь?

– Что? – Кемеш бросил на Тлумана удивлённый взгляд.

– Как сходил... Что видел... При встрече, конечно, – уточнил тескомовец.

– А! – Кемеш отвернулся от Тлумана, подал знак Лакою, а тот распорядился, уводя банду от барьера к бывшему берегу Болота. Повернувшись вполоборота к Тлуману, Кемеш буркнул: – Расскажу...

К вечеру того же дня, устраиваясь на ночлег, Кемеш не досчитался с десятков опритов, тайно покинувших банду по дороге. Среди них оказались и те, кого он знал многие годы. Впрочем, о том, что потери будут, Кемеш догадывался, оттого уход опритов воспринял спокойно, даже не стал обсуждать их поступок, хотя для себя решил, что беглецам уже никогда не бывать в его банде, да и других вождей об измене предупредит при случае, чтобы знали, кто есть кто.

А в банде оставалось достаточно таких, как и он: желающих посмотреть хотя бы краем глаза на пресловутую дорогу Страха, раз она оказалась под боком. В кои ещё веки пред-

ставится такая возможность! И вдруг она и вправду, если повезёт, конечно, приведёт их к Скале.

В конце концов, это были люди, которым бессмысленное сидение под защитой городской койны претило до оскомины, и они уходили на лето в опорты. Но и образ бытия в банде из года в год оставался одним и тем же, порой тоже до занудства и пресности. Оттого хотелось новизны, чего-то, без неприятностей, правда, полученных уже перед барьером. А впереди, по пути к дороге Страха и к Скале можно ожидать необыкновенного...

К дороге Страха подошли на третий день к вечеру, но уже в полдень сквозь марево стала видна бело-серебристая полоска, подчеркнувшая горизонт. Чем ближе к дороге, тем буйнее становилась растительность, похоже, давно не страдавшая от испепеляющих збунов; появились колки низкорослых деревьев, заросли кустарника, а в них всевозможная живность.

На ночлег остановились к дороге, возможно, не ближе, чем в свиджах двух, а, может быть, и дальше. Никто не рискнул даже предположить оставшегося расстояния до неё, ибо она манила своей мнимой близостью, а к ночи полоса стала ярче, оттого казалось, пройди сто берметов и – ты на ней. Однако после решения стать именно здесь на ночлег, ни у кого не возникло желания пройти эти берметы и проверить иллюзию расстояния.

Сидя у костров, опорты, само собой, говорили только о

дороге. Рассказывали друг другу всевозможные о ней, кто какие знал, небылицы: от создания до посещений кем-то в былые времена и современниками.

Неожиданно отличился Хрусть, обычно немногословный оприт лет ста. Подозревали, что он не обычный какой-то шмыг и даже не инег, а значительно выше в своём настоящем нэме. Но мало ли таковых, как он, становятся опритами, имея за плечами солидный стаж пребывания в банде. Его длинные подвижные руки всегда находились в движении. И сейчас они помогали придать его рассказам правдивость.

– Её строили перед самым Падением. Точно! И впервые в основание закладывали не турус, а что-то другое. Хотели все дороги такими сделать, да не успели. Да и эту до конца довести не смогли и что-то в покрытие не добавили. Вот она оттого, по-разному встречает ставших на неё людей. Может быть, кого-то и убила... Точно! Оттого и названа как дорога Смерти для одних. А для других, она дорога Страх... Но бояться её не надо!

Последнее его утверждение встретили с недоверием – ведь, сколько уже наслушались страстей. А Милон, только что перед Хрустом закончивший рассказывать свои страшилки, сказал:

– Вот ты первым на неё и ступишь.

– И ступлю! Точно! Не побоюсь! – с вызовом отозвался Хрусть. – А чего бояться? Она – дорога, и служит как дорога. А все наговоры на неё придумали те, кто никогда её даже не

видел. Ты вот откуда всё знаешь?

– Не будем торопиться ступить на неё, – подал голос Кемеш, стараясь успокоить вздёрнувшегося Милона и поубавить решимости у Хрустя. – Подойдём, посмотрим... А то вначале пойдём вдоль неё... Домыслы о ней возможны. Но и рисковать не будем... Кто рискнул, – вздохнул он, вспомнив сгоревших у барьера, – того уже среди нас нет.

– Орей тоже рискнул...

– Забудь о нём! – выкрикнул Кемеш. – Край с ним!.. Поймаю когда-нибудь!.. У-у!.. Ведь мог, наверное, провести и нас за собой...

Орей не давал покоя опритам. Вспоминали каждое движение его порыва преодоления защитного барьера, уже убившего самых прытких из банды, его безнаказанное возвращение и опять уход за него. Здесь сказывалось и уязвлённое чувство, поскольку Орей ничем не отличался от них, и затаённо-запоздалая досада – рискни он сам и, возможно, сейчас был бы на пути к Скале; и только страх быть сожжённым остановил каждого из них... А вот Орея нет! Кто-то заметил, что его толкнуло наитие о способности одолеть рубеж, созданный древними. Однако его поведение мало чем подтверждало это предположение. Поэтому надежда Кемеша о возможности Орея пробить банде вход в пределы охраняемой территории, оприты встретили равнодушно.

– Ничего он не мог, – уныло сказал Лакой. – Ведь он сам испугался, когда оказался за... пределом. Вот и прыгал ту-

да-сюда.

– Но он же прошёл! – будто в отчаянии воскликнул Му-тин, молодой оприт, лелея обожжённую руку. Он слишком близко оказался к сгоревшему товарищу. – Вон Стенок вспыхнул сразу... А Орей прошёл!

– Прошёл и прошёл, – буркнул оприт, сидящий рядом с Мутином. – Что с того?.. Те тоже прошли. Значит, как всегда. Одни могут, другим это заказано... Вот Орей и прошёл.

Пожалуй, единственный из опритов, кто не проронил ни слова, был Ий-Сой, Знающий. Он так давно пришёл в банду, что постепенно стал забывать о своём происхождении и уже отзывался на имя – Тилпа. Сейчас он сидел особняком, чутко прислушивался к разговору, но в нём не участвовал.

Да, Ий-Сой относился к Знающим, но как оказалось на проверку, лишь по происхождению. Его знаний хватало на подачу той или иной подсказки, связанных с предсказанием погодных аномалий и ориентирования на местности. Они удовлетворяли Кемеша до поры, до времени, пока в его банде не объявился Ей-Фей и, следом, оген Ой-Мой, способности которых отодвинули Ий-Соя в ряды безликих опритов.

Появление у Кемеша соплеменников с явным каким-то намерением, Ий-Сой воспринял с отторжением. К тому же оген, распознав в нём Знающего, выяснил его родословную, знания и причину прихода в банду, после чего жёстко предупредил:

– Тебя здесь зовут Тилпой, так и зовись. Пока мы здесь,

забудь, кто ты есть! А что знаешь, носи при себе, пока они кому-то не понадобятся. Но уже без нас!

И вот, казалось бы, он избавился от опеки огена, но Кемеш за последние два дня уже перестал обращаться к нему за советом, так как получал невразумительные короткие фразы, смысл которых сводился к одному: придём, увидим.

Ий-Сой до испуга был потрясён, когда на его глазах одни беспрепятственно одолевали защиту к Скале, а другие заплатились жизнью. Он-то был убеждён в ином. Оттого видел и не понимал происходящего. Из двух возможных вариантов, в которых он был уверен незыблемо ещё с того времени, когда решил уйти за Край, – все или никто – появился третий, выборочный.

Его стали мучить воспоминания о когда-то слышанных нелепых, как всегда ему представлялось, да и не только ему, предположениях, что где-то ведётся тайная подготовка людей среди местных и за Краем, в том числе и Знающих, способных проникнуть к Скале Перехода. И даже предполагалось, что этих людей возглавит некто Аба-Ава, нэм которого определял его превосходство надо всеми, и как будто кто-то из Снежных. При случайных встречах со Снежными подобные вопросы вызывали у них большей частью недоумение, но порой и грубость из-за постоянного напоминания, что они, де, Снежные, задумали некую аферу втайне ото всех.

Зато о высыхании в этом году Болота Первого и, возможно, Второго Ий-Сой знал точно. И был уверен о наземном до-

ступе к Скале. Это подтверждало и поведение Ей-Фея и Ой-Моя. И хотя оген намекнул ему о нецелесообразности идти с Кемешем к Болоту, он не внял его предупреждению. О поставленных барьерах вокруг Скалы огораживающих от проникновения к ней ещё древними, он, естественно знал. Но придерживался бытующего мнения, слышанного ещё в молодости. А оно утверждало: барьер при осушении Болот в некоторых местах, где, конечно неизвестно, имеет разрывы, через них можно беспрепятственно пройти к Скале. О том Ий-Сой попытался подсказать Кемешу, но тот задался целью вначале испробовать дорогу Страха, а коль не удастся, вот тогда и поискать иной путь.

Надо сказать, что у Кемеша в последнее время появились новые замашки, а точнее сказать, странные высказывания и помыслы. Он и сам стал замечать за собой не присущие ему поступки. Обычно ему несвойственно было предпринимать что-либо с наскока, не обдумав, а после половодья он вдруг словно стал торопиться сделать всё сразу, наспех. Вначале оприты недоумевали, роптали, некоторые даже стали искать места в других бандах. В тех, где вожди не озабочены некоей идефикс, ради которой можно порой пренебречь неписаными законами общности разумных, нашедших место в рядах опритов.

Кемеш стал проявлять нервозность, несдержанность, отчего иногда обрывал разговоры, не совпадающие с его мнением... Но и случались непродолжительные периоды, ко-

гда он становился тем, кем был всегда, замечал разногласия между опритами, прислушивался к их высказываниям.

В этот вечер у него как раз проснулось такое настроение, и, оборвав напоминание о Орее, он даже сам удивился той злости, что вскипела в нём к своему недавнему оприту. Оттого, выкрикнув в адрес Орея угрозу, отвернулся, поискал глазами и увидел Ий-Сою. Тот сидел с мрачным видом в одиночестве у костерка, время от времени, подбрасывая в него по мелкой веточке. Кемеш подсел к нему.

– Что сидишь, будто что неприятное вспомнил? Нет и, правда, что-нибудь вспомнил? А?

Знающие всегда ссылались на то, что им надо вспомнить, как поступить в том или ином случае, или нечто полезное. Кемеш иногда обращался к Ий-Сою, но с появлением Ей-Фея, нужда в том отпала. Он его заметил, когда в сердцах накричал на него перед барьером.

– Вспомнил... – тяжело выдохнул Ий-Сой. – Вспомнил, но лучше бы не вспоминал...

– Даже так? – насторожился Кемеш.

– Даже так, – подтвердил, качнув усами, Ий-Сой. – Мы, Знающие, тебе это известно, в основном знаем в воспоминаниях, когда перед нами возникает нечто. Как будто незнакомое, непонятное. Думая о том, мы вспоминаем...

– И что ты вспомнил? – с нетерпением подстегнул его Кемеш, уже готовый пережить разочарование – придётся возвращаться.

– Скажу...

– Ну, ну!

– Мы здесь, идя по дороге Смерти...

– Страха, Тилпа!.. Стра-ха! – перебил его Кемеш. – И не более того!

Ий-Сой понурился, словно без охоты сказал:

– Не в том суть, как назвать...

– В том! Страх можно побороть. Смерть – нет!.. Так что ты вспомнил, если мы пойдём по дороге Страха?

– Идя по дороге... этой, мы сможем пройти защитный барьер...

– О!.. – Кемеш подпрыгнул на месте. – Так что же плохого в твоих воспоминаниях? Это же как раз то, что нам нужно! А уж пройдя за него... – Кемеш прикрыл глаза, подыскивая будущие деяния за барьером.

– Пройти просто, – монотонно продолжал Знающий. – Это здесь просто... Те за кем мы гнались, пошли по правильному пути. Они миновали защиту, но и сами оказались под защитой... Оттого, что если есть защитное поле, то есть и защитники...

Кемеш не понял, тряхнул головой.

– И... что из того?

– Они попали под защиту от защитников. А пройдем мы, то против нас выступят защитники без защиты с нашей стороны.

Сколько уж времени, годы считай, Кемеш общался со Зна-

ющими, но так и не привык к их запутанному, как клубок ниток, изложению мыслей. Вот и сейчас – с Ий-Соем. Оттого, уже, как будто уловив идею, он всё-таки долго соображал, в уме расставляя слово за словом, чтобы до конца уяснить – о чём говорит Знающий?

– То есть, – медленно проговорил он, – за барьером на нас могут напасть какие-то защитники Скалы?

– Да. И не только за барьером.

– А на тех они нападать не будут?

– Будут. Но там у них есть защитники, чтобы отбить нападение защитников Скалы.

Кемеш, шевеля губами, мысленно повторил сказанное Ий-Соем.

– Теперь понятно, что ты вспомнил... Но ты можешь вспомнить, как нам одолеть этих защитников? Или, что было бы лучше, обойти их? И вообще не связываться с ними?

– Пока не знаю. Я не знаю, кто они, как выглядят, какое у них оружие защиты, в каких местах они смогут на нас напасть... Не знаю.

– Тоже понятно... Это понятно. Вспоминай, а я поговорю с опритами... Да, скажи, мы сможем идти по самой дороге или...

– Идти можно. Но лучше до восхода солнца. Ночью... Надо беречь глаза... И она порождает галлюцинации. Предупреди, пусть знают.

– Хорошо. А ты вспоминай!

Вот как будто хорошая новость от Знающего – за барьер пройти можно, но почему-то радости Кемешу не прибавила. И отнюдь даже не от упоминания о защитниках Скалы, кои могут встретиться у них на дороге. За свою жизнь он повидал оставшиеся от древних устройства защиты городов и населённых пунктов. В принципе, все они были ориентированы на то, чтобы только не пускать, но не убивать. Зато сколько сохранилось весёлых баек, как люди обманывали хитроумных стражей былого могущества людей и благополучно проникали туда, куда они хотели попасть.

И Кемеш, то, кривясь от какой-то уж очень рискованной реплики кого-нибудь из опритов, то, изображая усмешку, тем не менее, погрузился в невесёлые размышления.

Ну, вот он и дошёл до дороги Страха. Завтра, может быть, ступит на неё... Но всё, по-видимому, этим, почему-то подумалось ему, и закончится. Кураж, толкнувший его сюда, развеивался, хотя пришедшие с ним люди явно надежд не растеряли. Пора бы утихомириться, а никто о сне пока что не помышляет.

Кемеш поменял позу, заметил рядом с собой молодого человека, явно не оприта, а, наверное, примкнувшего к его банде по пути. Глянул на него и отвернулся, но услышал:

– Я многое знаю о дороге Страха.

– Многие о ней знают, – скучно отозвался Кемеш и зевнул. – Ушам уже больно слушать.

– Всё, что говорят – неправда. А я знаю правду.

– Ну-у? – Кемеш окинул взглядом «знающего правду», как он с иронией подумал о нём.

Молодой человек на смуглом лице имел живые чёрные глаза, это Кемеш отметил вчера, случайно глянув на него. Отметил, так как такими глазами в Сампатании обладали только пришлые, да и то издалека.

– Я много читал...

– А-а... Все мы читали. И что вычитали? Один видел до-рогу издалека, другой подошёл почти вплотную, но не решился на неё стать. Сегодня вон, слышал, всё читанное пересказали.

– Они читали не то.

– А ты, значит, то?

– Да!

Кемеш хотел отмахнуться, но все не спали, и он пока не собирался, а делать нечего. Почему бы ни послушать, вдруг расскажет что новое. По виду явно не шмых, а многоимённый. Что-нибудь в своём дуваре разыскал и прочёл.

– Как тебя зовут?

Молодой человек окаменел лицом, через силу выдавил:

– Зови Окондом... Оконд я.

Кемеш качнул головой – точно из многоимённых, не при-вык ещё к придуманному имени инега, стесняется его.

– Ты, вижу, не из Сампатании. Откуда?

– Из Гордии.

Кемеш поджал губы – о такой бандеке он слышал впервые.

– Гордия... Гордия... Нет я там не бывал, – тем не менее, сказал он, словно вспомнил это название. – То-то, вижу, не из близких бандек... И что же тебя сюда занесло?

– Скала!

Кемеш опять покачал головой, но теперь осуждающе.

– Начитался, значит...

Оконд правильно оценил настроение Кемеша, оттого зачастил:

– Я читал записки человека из-за Края... Те, двое, усовые, тоже были оттуда. И вон тот... Тилпа... Так? Но они совершенно другие. Не из тех, кто оставил записи... То есть это разные люди. Не во времени, конечно. Они из разных сторон Края...

– Край, он есть Край... – медленно произнёс Кемеш. – С какой стороны не смотри... Ладно! Так что ты прочитал?

– Почему она дорога Страха...

– Продолжай, – сказал Кемеш.

Но ещё так и не почувствовал интереса к прочитанному Окондом. Возможно, как при разговоре с Ий-Соем, опасался разочарования. Скажет сейчас какую-нибудь банальность, вот и весь интерес. И начало Окондом вело к тому.

– Тот, кто ступит на неё, ощущает безотчётный страх... – Заметив на лице Кемеша кривую усмешку, Оконд невозмутимо продолжил: – Так было задумано с самого начала её постройки. По ней могли ходить только те, кому разрешалось. Для этого они проходили через своеобразную прививку от

страха. Поэтому, нам лучше на неё не выходить, а идти рядом...

– Ий-Сой... Тилпа тоже не уверен, что следует на неё выходить. Говорит, могут появиться галлюцинации.

– Страх их порождает.

– Возможно... – Кемеш помолчал. Всё-таки не услышал ничего нового. – Ну, хорошо. Со страхом понятно. Но почему её зовут ещё и дорога Смерти?

– На ней много погибло людей во время Падения.

– Это не довод. Тогда много везде погибло людей, не только на этой дороге.

– Да. Но большая часть их спаслась, убежав от места падения.

– Оно настигло их на этой дороге?

– Нет... Известно ли вам, отчего упали спутники?

– Это тоже всё выдумки, – отмахнулся Кемеш. – Не рассчитали... перегрузили... друг другу помешали. Я даже слышал, как будто тогда были люди, управляющие одной мыслью на расстоянии. Вот они-то...

– А вот это точно выдумки! Всё проще. Мало кто знает истинную причину...

Кемеш покривил губы в усмешке.

– Сколько версий, столько истин.

– Если истина, то одна! – возразил Оконд. – Тогда мимо Земли промчался большой космический объект. Его поздно заметили, так как его скорость достигала почти световой.

Он-то и сбил с орбиты спутники, в том числе и самый большой город-спутник. Его называли Лустерций. Куда он упадёт, определили сразу. Потому-то успели предупредить население этих мест. Люди и другие разумные бежали в основном на юг и запад. А вот с населением самого Лустерция всё было куда хуже. Скала, этот Узел Перехода не мог сразу опустить всех на Землю. А те, кто успел воспользоваться переходом, как раз и бежали по дороге Страха... Да бежали, потому что никаких моблов для передвижения вокруг не осталось. Их увели с собой местные. Кроме того, на самой Земле начались катаклизмы. И можно было бежать только по этой дороге. Они бежали, но не успели – Лустерций упал и убил их. А те немногие, кто случайно выжил, назвали её дорогой Смерти...

– Впечатляет, – с иронией в голосе сказал Кемеш, хотя впервые слышал о такой версии. – Что ж их не спас барьер вокруг Скалы?

– А вот это любопытно! Барьер вокруг Узла Перехода появился много позже после Падения.

– Даже так?... – искренне удивился Кемеш. – И вправду любопытно. Кто же его поставил? Тоже знаешь?.. Прочёл?

– Прочёл, – словно неохотно сказал Оконд. – Это случилось во времена Войн Выродков. По-видимому, оставшиеся в Солнечной системе колонии вне Земли решили отгородиться, чтобы не пускать к себе не людей... Вообще-то, здесь тоже одни догадки. Якобы до поры до времени... Но насту-

пит день, когда люди смогут снять запрет. Прошли же те через барьер...

– Ий-Сой говорит, и мы сможем пройти. Только на подступах к Скале могут появиться её защитники... Не читал о них?

– Читал... – ещё неохотнее проговорил Оконд. – С нами люди как будто уже встречались когда-то. Во времена Проклятых Веков. По бандекам бродили толпы полу разумных существ. Возможно биороботы... Возможно, даже летающие. Перекрывали дороги, лишая общение между городами... Они не нападали, а просто не пускали ни людей, ни выучных торнов. Тогда-то и был создан Теском для охраны дорог. Сражались с переменным успехом. Потом то ли Теском постарался, то ли болезнь напала на бродячих выроdkов или кто они там были, и они вымерли.

– Да-а... – неопределённо выразил своё мнение Кемеш.

Он задумался. Что-то ещё говорил Оконд, но Кемеш, словно в натуре увидел какие-то тени, они двигались, постепенно превращаясь в непонятные нормальному взору создания...

И незаметно для себя заснул.

Глава 25

Несмотря на ночь, в мире не было темноты и тишины. Гулкое уханье, плеск, будто на берегу реки, отдалённый визг.

А над головой с писком проносились летучие мыши. К”нзец сделал несколько неудачных попыток поймать хотя бы одну из них. Но в целом команда неторопливо, в ожидании рассвета, подвигалась по дороге к венчающему её сооружению.

До него оказался путь не близким, что говорило о грандиозности постройки.

Постепенно избавлялись от заплечных мешков, громоздя их на платформы, ведомые Сестерцием. Кто-то посетовал, надо было, де, брать не две, а хотя бы четыре моблы. Тогда места хватило бы не только для вещей и Знающих, но и для всех людей, да и путров тоже.

Впрочем, разговор не клеился. Так – реплики или бурчание от столкновений. Начинался какой-то новый этап их движения к Скале. И чем он обернётся для них, определённо знать никто не мог.

Единственное, что поддерживало дух, так это крепнущая уверенность в собственной безопасности. Правда, об этом не говорили, однако уже подразумевалось.

Особенно стал считать себя и остальных неуязвимыми Ф”ент после мнимой победы над неведомым врагом, якобы напавшим на покинутый город. Он и сейчас единственный, пожалуй, проявлял высокую активность, примкнув к лидерам команды – Камрату и Ольдиму, и даже пытался их опередить. А когда Ольдим едва об него не споткнулся и услышал в свой адрес нелестное замечание, стехар предложил:

– Камрат, давай я туда первым войду... Ты же меня зна-

ешь... Посмотрю, обнюхаю...

– Давай сначала дойдём. А там, может быть, и проверишь. Хотя... – Камрат нахмурился, припомнил смутное видение, посетившее его на берегу Болота. В той грёзе как будто предстояло быть первым ему. Но сейчас ли? – Видно будет на месте. А вот как далеко до этой... постройки можешь пробежаться.

– Пропускной пункт, – напомнил Ольдим. – Наверное, не всех пропускал.

– Вот именно не всех.

– Мы-то пройдем! – уверенно проговорил Ф"ент, сразу позабывший о своём предложении одному убежать вперёд. – Везде прошли и здесь пройдем!.. А что?

– Будем надеяться, – сказал Камрат. – Скорее бы утро, да посмотреть, что там перед нами.

Ф"ент тут же отступил от людей, а то вдруг вспомнят и пошлют его и вправду обследовать неведомое строение. Другое дело, что он высказался, вот это и запомнится.

Молодых дурбов после развлечений в подземелье монотонная ходьба утомляла, оттого они шли молча, и что там впереди – их мало трогало. Для них пока что поход к Скале превращался в обыденность. Да, что-то случается, порой необычное, вот даже побывали в древнем городе, где когда-то люди проводили время в увеселении... Впрочем, они ничего, кроме дурманящих напитков там не нашли для себя.

В темноте лучше всех видел Сестерций. Он-то и объявил,

что они уже близко подошли к строению Пропускного пункта. Ещё полдесяток берметов и они у цели.

Камрат почему-то надеялся на проявление какой-то реакции при подходе команды, хотя бы каких-то звуков или освещения. Но пункт словно затерялся перед ними в темноте. Ни звука, ни проблеска. Воздух замер.

После предупреждения торна, люди и путры, теснясь и натываясь друг на друга, остановились. Почему-то подходить вплотную к строению сразу не решились.

– Будем ждать утра, – объявил Камрат.

– Знать бы, когда оно наступит, – буркнул Ольдим. – Кто знает, давно ли ночь началась?.. Не знаю как вы, но давно уже не различаю ни дней, ни ночей.

– Через праузу рассвет, – сказал Невлой.

– Это где-то там, – указал пальцем вверх Ольдим, хотя его жеста никто не видел. – А здесь?

Время тянулось томительно.

– Сестерций, ты-то почему молчишь? – раздался грубый голос Свима. Не дождавшись ответа, прикрикнул: – Сестерций, ты где?

Сестерций не отозвался.

– Жариста, где Сестерций?

– Не скажу! – резко отозвалась, словно прозвенела в ночи Жариста. – Тебе, тем более! – добавила она с нажимом. – Что ты к нему пристаёшь? Зачем ты его обзываешь? Сам ничего ещё не сделал... А Сесик... А он нас ведёт... моблы толка-

ет... А ты?

– Жариста! – вмешался Камрат. – Где Сестерций?

– Камрат... Он просил не говорить.

– С ним что-то случилось? У него проблемы? – обеспокоился Камрат.

– Нет, нет... Он и Ф"ент решили посмотреть, что там впереди.

– И Ф"ент? – казалось у каждого, кто его знал досконально, вырвалось имя стехара.

Недавнее якобы желание Ф"ента пробежаться до строения, никто всерьёз не воспринял, тем более что одними словами всё и закончилось.

– Почему же они ничего мне не сказали? – растерялся Камрат, ведь он уже привык, что все действия членов команды сверялись с его мнением, во всяком случае, он знал о них.

– Может быть, решили вообще убежать... – не унимался Свим.

– Куда здесь бежать?.. – Харан придвинулся к Камрату. – Да и что говорить? Пошли же смотреть.

– Хорошо, что пошли, – поддержал Харана Малион. – Сестерций увидит, а Ф"ент обнюхает. Всё равно с этого придётся начинать.

– Они поторопились, – сказал Ей-Фей. – У древних существовал строгий порядок работы во времени. Думаю, и этот пропускной пункт действовал лишь в течение несколько прauз в сутки. Это может нам помешать. Мы же не знаем

этого времени.

– Ещё одно! – выразил общее суждение об услышанном Ольдим. – Так какого Края нас выгнали из города? Может быть, сейчас это время, а мы тут топчемся. А потом поздно будет. Простоим здесь...

На его вопросы, естественно, никто не ответил.

– От этого пункта за тысячи лет, наверное, осталась одна труха, – предположил Зливан, но неуверенно.

– По состоянию города, навряд ли, – сказал Малион

– То в городе. Там действует харт. Управляет.

– Ну и здесь есть кому управлять... Однако... – Ольдим сделал паузу. – Пропускной пункт этот вполне может пропускать как в одну, так и в другую сторону...

– Ну, ну... Дальше, – поощрил его Малион.

– А дальше... Учебная тревога в городе была направлена на отражение возможного нападения с той стороны. Оттуда сюда...

– Так. И ты считаешь?..

– Ничего я не считаю! Но вывод напрашивается сам. Отсюда выйти на дорогу к Скале легче, чем войти сюда, к городу. Отсюда выходят люди. Наверное, путры и такие, как Се-стерций. А вот кто может напасть со стороны Скалы? Скала – переход и во вземные иные миры. А кто там сейчас обитает?

– Скалу должны охранять и от других миров, – сказал Ой-Мой. – Это всем известно.

– Всем, да не всем! – парировал Свим. – Кто её охраняет?.. Как?.. И вправду, а кто на самой той Скале обитает?

– Придём, узнаем, – меланхолично заметил Харан. – Поздно ставить такие вопросы. Полпути уже позади.

– Никогда не поздно знать хоть что-то...

– Это так. Но что мы знали о мавшах? О харте?.. Да, конечно, что-то предполагали. Но так же можно думать и об оживающих фантомах, и даже о летающей разумной пыли, и... обо всём, что поистине всем известно.

– И ямы-ловушки, – напомнил Ольдим.

– И проверка на разумность, – сказала Гелина.

– Хо-хо! – не остался в стороне Невлой; в суматохе наступающего утра уже можно было видеть его крупную фигуру.

– Говоря об охране Скалы Перехода, я имел в виду иное, – напомнил о себе Ой-Мой. – Нам, быть может, охрана не грозит. Но за тысячи лет, как с той, так и с другой стороны могли появиться существа, угрожающие либо самой Скале, либо от неё. А от Скалы набеги, по всему, были. Они и спровоцировали появление учебных тревог в городе.

– А я что говорю! – подхватил Ольдим. – Кто сейчас обживает Скалу? Люди и путры... А если монстры, что выползли из Болота?

– С монстрами поладим, – заметил Малион. – С людьми тоже... Но с пришлыми с других планет или с роботами – навряд ли.

– Пришлые, как ты говоришь, тоже могут быть людьми, –

сказал Зливан.

– Придём, узнаем, – повторился Харан.

Бессмысленные, ничего не проясняющие, по сути своей, рассуждения об охране Скалы, её назначении и составе, оборвало предупреждение Невлоя:

– Сестерций возвращается. Без Ф”ента.

– Что-то скажет, – буркнул Ольдим.

– Что бы ни сказал, – вздохнул Харан, – а утро уже наступает.

Розовое пятно ауры торна приближалось.

– Ничего хорошего не несёт, – отметил Свим.

Цвет ауры говорил о неудовлетворённости, неудаче.

Однако Сестерций подошёл неторопливо, подождал, когда ему зададут вопросы, и буднично сказал:

– Там кто-то говорит непонятно. Ф”ент назвал его дураком, а он там засмеялся...

– Это и всё? – обескуражено спросил Камрат, жаждущий узнать что-нибудь определённое, а не о выходке стехара.

– Мы посмотрели... Я пытался войти в контакт, но никто не отзывается... И харт молчит.

– А Ф”ент что там унюхал?

– Тоже ничего. Сейчас там ругается с говорящим голосом... А тот смеётся.

– Ну, разведчики! Ещё те! – возмутился Свим. – Я сейчас туда схожу...

– Пойдём все! – твёрдо оборвал его Камрат. – Пока дей-

дём, совсем посветлеет.

– У этой кастрюле в компе что-нибудь посветлело бы!

Свиму хотелось действий. Кто-то там говорит и смеётся? Так кинуть в него камнем! И понятно сразу станет, кто он... И меч под рукой, если тому вздумается не только говорить, но и противостоять ему... им всем. Но это было как бы его телесное состояние, будоражившего и ум, которым он понимал всю сложность предстоящего пути к Скале.

Оттого он и бросал свои реплики, не имея возможности каким-либо образом обуздать своё возбуждение.

А оно только нарастало. Так что, идя со всеми, он всё-таки вырвался вперёд. К тому же, его подзуживал доносящийся смех. И Свим стал поглядывать под ноги – не попадётся ли на дороге увесистый булыжник, дабы воплотить желание в действительность – швырнуть камень. Пусть после тогда посмеётся тот... кто смеётся.

Бросить именно камень. Не метательный же нож на него тратить.

Камень нашёлся, правда, недостаточной величины – в кулаке зажать, но... Свим удовлетворился и этим подарком, так как дорога была не захлавлена, и в полумраке мало, что можно было увидеть. А тут – хоть что-то в руке.

Нарастающий смех, по мере подхода к пункту, раздражал не только Свима. В смехе таилась насмешка, мол, идите, идите, да только не будет вам дальше пути.

По-видимому, это взвинтило Ф’ента до безумия. Он уже

не говорил, а, припав к земле, лаял и скулил, не обращая внимания на подошедшую команду. Путры тоже забеспокоились. Т"евара угрожающе захрюкал. Р"япра с плачем вскочила на платформу и вжалась в ворох заплечных мешков. Не сдержался и мяукнул К"ннец...

– Успокой его! – бросил Камрат Невлою, указав на Ф"ента. – И остальных! А Вы, Гелена, и ты, Грения, попробуйте поговорить с... этим на древнем языке.

Невлой встряхнул Ф"ента за холку, оторвал от земли. Стехар смолк и повис в руке Невлоя. Путры тоже успокоились. Стих и смех, непонятно откуда исходящий.

– А что говорить? – спросила Гелина.

– Поздоровайся, – подсказал Харан. – И скажи, что мы идём к Скале

– Что нам надо дойти до Скалы, – уточнил Камрат, разглядывая уже хорошо видимое сооружение пропускного пункта.

Арочный вход, подёрнутый слабо светящейся плёнкой. Вверх уходят две тяжёлые на вид колонны. Слева и справа, словно прилепились к колоннам низкие пристройки с тёмными провалами окон.

На неуверенное приветствие Гелины никто не отозвался.

– Сестерций! – позвал Камрат. – Вспомни, что вы сделали, подходя сюда с Ф"ентом?

– Ничего. Подошли и – всё.

– Значит, кто-то оттуда первым заговорил с вами?

– Наверное...

– Что, наверное? – выкрикнул Свим. – У него точно комп опустел!

– Мы подошли...

И тут раздался голос, исходящий, словно из длинной трубы – гулкий, невнятный. Произнесённая фраза оказалась длинной и явно категоричной.

– Гелина, ты поняла?

– Он сказал... как это...

– Мы должны сказать какие-то слова, – перевела Грения, видя затруднение канилы.

– Да, он так и сказал. Но... Сказал ещё... Если не назовём, то... ну да... проваливайте отсюда, пока... Да, пока сулны не вышли, чтобы разогнать ротозеев.

– Хо-хо! – обозначил Невлой общее замешательство.

– Им нужен пароль, – сказал Малион.

– Надо подготовиться к нападению, – напомнил Ольдим.

А Свим всё ещё не знал, куда бы метнуть камень.

– Это не пароль. Я думаю, надо сказать так...

Ей-Фей сошёл с платформы, наткнулся на Свима, расхаживающегося перед входом, обошёл его и встал между колоннами лицом к мерцающей плёнке. Развёл в стороны руки, повертел кистями, пошевелил пальцами. Отступил.

– ...надо сказать так. Просто. Харт разрешил нам выход из города к Скале.

Гелина перевела его слова. Голос долго не отвечал. Команда напряжённо застыла в ожидании. Но слишком уж и

вправду просто прозвучало упоминание о разрешении покинуть город. Оттого вскоре недоверчиво стал хмыкать Олдим, гулко задышал Невлой, сдерживая своё мнение, вновь засуетился Свим, не находя себе места. А молодые дурбы переглядывались, ожидая появления неведомых сулнов для разгона «ротозеев».

Но вот пелена, закрывающая вход, медленно поднялась, вернее, истаяла снизу вверх, открывая, тускло освещённый зал с арочной конструкцией в его конце.

Смутное воспоминание коснулось Камрата – он уже где-то видел такой зал, и совсем недавно.

– Входим! – сказал он и первым переступил порог, ведущий в зал.

– Что?.. Можно?.. Камрат? – схватила его за руку Грения.

– Можно!

Как только команда и платформы втянулись в помещение, серая штора прикрыла за ними вход.

Голос издал грозный звук, а Гелина побелевшими губами перевела:

– Попались!

– Пропали! – ахнула Грения.

Глава 26

Шёпот канилы и выкрик Грениии не застал команду врасплох: все подспудно ожидали чего-то подобного. Свим и кто-

то из молодых дурбов выхватили мечи, но их остановил рокот Невлоя:

– Ничего мы не попали и не пропали!.. Гелина спроси, как он смеет останавливать людей и угрожать им?

– Да, да, Гелина! – подхватил Ей-Фей.

– И спроси строго!

– Гелина, говори, как подсказывают, – Харан, успокаивая, взял её руку в свою. – Говори!

Гелина повторила слова Невлоя, как крик отчаяния, и на такой же ноте перевела ответ:

– Люди?.. Как люди?.. Вы люди!?..

Невлой:

– Да люди! И как ты смеешь нам угрожать?

Свим:

– Сестерций, а ты что молчишь?

Гелина:

– Он не верит, что мы люди.

Малион:

– Мы люди!

Гелина:

– Но здесь кошки и собаки. А им вход воспрещён.

Ф”ент (возмущённо):

– Мы тоже разумные, как люди!

К”нъец:

– Да, мы тоже!

Гелина:

– Такое бывает... Но людей здесь давно не было. А вы...

Да, вы люди... Но зачем?

Камрат:

– Мы идём к Скале. Узлу Перехода.

Гелина:

– Зачем люди идут к Узлу Перехода?

Малион:

– Для проверки.

Гелина:

– Но для проверки уже прошли люди.

Ой-Мой:

– Когда?

Гелина:

– Двадцать две тысячи триста восемнадцать лет назад.

– Это, пожалуй, ещё до Падения, – предположил Харан.

– Или в самый канун, – добавил Ольдим.

– А ты, Сестерций, что чувствуешь? – спросил Камрат.

Торн дёрнул головой.

– Система в растерянности, – сказал он после небольшой паузы. – Она забыла людей. Да, да... Полу стертая память... Сейчас восстанавливает... Она пока не верит, что на Земле ещё есть люди. Только звери, а их нельзя пропускать... Вот она и...

– Гелина, скажи, что мы идём искать тех людей, – перебил Камрат нечленораздельное бормотание биоробота.

Гелина:

– Мы можем идти. Но там, при выходе... нас могут ожидать неприятности и неожиданности.

Малион:

– Мы знаем.

Сестерций:

– Что-то не так.

– Так или не так, а мы можем идти, – сказал Свим. – Гелина, где выход?

Гелина:

– Сейчас... Вот!

Арочная стена расступилась, открыв извилистый проход, в конце которого просматривались ступени лестницы.

– Что-то не так, – уже в спины людей сказал Сестерций, но его никто не слушал.

– Не забудь моблы, – лишь напомнил ему Невлой и подтолкнул один из них к торну.

А Камрат опять ощутил узнаваемость. Вот зал, а там лестница... Опять вход в зал, а там... Тени... Движение теней... Музыка... Ну, конечно!

Перед лестницей он остановился, постоял, ступил на первую ступень и обернулся.

– Там, наверху, можно ожидать того же самого, что и в подземелье города, – сказал он. – Не будем отвлекаться. Построение походное. Зливан, твои дурбы как всегда... Сестерция с моблами пропустите в середину... Поднимаемся!

Сказал, но сомнения остались – прав ли он в своих пред-

положениях?

Но зал был. Громадный, с высоким потолком, что не вязалось с внешним видом пропускного пункта. Снаружи он выглядел приземистым. Как ни тихи были голоса людей и путров, они гулко заполняли объём зала. К тому же на них накладывались нарастающие звуки, рубящие слух.

– Ты знаешь, как отсюда выйти? – оглядываясь с беспокойством, спросил Харан у Камрата.

– Пока нет...

Камрат также осматривал странное помещение. Совершенно пустое, без окон, освещённое невидимыми светильниками, но в дальних углах затаились туманные завесы, полощущие, словно от ветра.

– Повернём назад?

– И что?.. Как будто... нам надо вон туда.

– Там же стена, – сказал Ольдим.

– Здесь везде стены, – возразил Харан, повысив голос, так как зал всё больше наполнялся бьющими ударами музыки. – Так идём туда?.. Камрат?

Дорогу к намеченной точке перегородила светящаяся зелёными искорками полоса в пол бермета высотой. Свим выхватил меч и рубанул полосу. Она плавно отступила.

– То-то! – торжествующе выкрикнул Свим и, размахивая перед собой мечом, стал наступать на полосу. К нему присоединился Сулон.

– Свим, остановись! – крикнул ему Малион. – Это мираж!

И не безопасно...

Предупреждение не помогло, а Свим лишился меча. Он взмахнул им в очередной раз, клинок погрузился в полосу и исчез, оставив в руке Свима только эфес и рукоятку. Непонимание произошедшего привело его в оцепенение, а потом в замешательство. Он отскочил от полосы, будто она его обожгла. Он заметался, голос его охрип. Заикаясь, прошептал:

– М-мой м-меч...

Его у него не стало. А что он без меча?.. Он же дурб!... И без меча... Как без рук.

Сулон испуганно прижал свой меч к груди. Зливан стукнул его кулаком в спину.

– Спрячь!.. И вы тоже! – бросил он молодым дурбам, уже готовым последовать Свиму и Сулону.

Полоса тем временем истончилась, давая проход к широко расступившейся стене зала. За ней лестница круто вела вниз. Разряды гремевшей музыки стихли, давая возможность людям и путрам хотя бы хорошо слышать друг друга. Впрочем, на лестнице особо не поговоришь...

Внизу от тесной площадки полого тянулись вверх и в разные стороны сразу три лестничных пролёта.

– Похоже, мы и вправду попались, – прервал произвольно наступившее молчание команды Ольдим.

Ему ответом послужил общий вздох.

– У кого-нибудь есть представления, по какой нам из них идти? – спросил Камрат. – Я вот как будто знал, куда нам

надо было идти там, наверху, в зале. Здесь же – ничего. Подумайте, вспомните.

Призыв его остался втуне. Команда переминалась в тесноте, переглядывалась, но ни у кого не нашлось, что сказать определенного.

– Надо проверить их по порядку, – наконец, предложил Харан. – И узнать какая из них куда ведёт.

– С ног собьёмся, проверяя. – Малион ущипнул себя за подбородок. – Если только все три сразу. Разойдёмся...

– И растеряемся.

– Не растеряемся, если сделать так... Два человека и путр смогут уйти по каждой лестнице и вернуться. Остальные подождут здесь. Как, Камрат?

– Может быть и так, – неуверенно согласился Камрат. – Сестерций, ты где?... Что-нибудь чувствуешь? Нет ли у тебя связи с местными системами?

– Есть. Но они не понимают, почему и зачем мы пришли сюда? Здесь нас не должно быть.

– Ничего себе! – возмутился Зливан. – Даже не должны быть!

– Да уж... – Камрат задумался. – Но мы ведь пошли по их подсказке. Они нас пропустили сюда... Вот мы и пришли. Может быть, Сестерций, ты их не так понял?

– Они не понимают действия привратника, пославшего нас к ним... Я тоже. Он что-то сделал не так... Я говорил...

– Плохо говорил! – вскинулся Свим и потряхнул, словно по-

грозил торну, перед собой рукой, занятой рукоятью потерянного меча.

– Я хорошо говорил! – гордо выпрямился торн. – А ты как всегда не слушал!.. Никто не слушал.

– Мы тебя слышали, Сестерций. Но нам открыли выход, – сказал примирительно Камрат. – Что ещё чувствуешь?

– Надо отсюда уходить. Здесь стоять нельзя.

– Куда идти, знаешь?

– Нет.

– Так спроси их! – не выдержал Ольдим.

У него складывалась каматана об их, по всему, бессмысленном и непрестанном хождении по лестницам вверх-вниз. И как раз следовало бы знать, какое направление из трёх выбрать. Рифмовалось же «упрямо – прямо».

– Они советуют...

– Не тяни! Что они советуют?

– Лучше идти прямо.

– Я так и думал! – обрадовался Ольдим.

– А чего молчал? – неприветливо спросил Харан. – Камрат спрашивал...

– Идём прямо! – подал команду Камрат и первым стал подниматься по длинной с широкими ступенями лестнице.

В конце её даже не оказалось площадки, просто последняя ступень стала первой, ведущей опять, но круче, вниз.

И тут Камрату показалось, что он знает, как всё произойдёт вскоре: они подойдут к какой-то двери, её надо будет

с силой толкнуть. Правда, что их ожидает за дверью, он не представлял. Однако надеялся на выход за пределы пропускного пункта к дороге на Скалу.

И дверь появилась после ещё тройного лишённого смысла подъёма и спуска. Обыкновенная дверь, как все двери в городских домах и хабулинах. И Камрат, не раздумывая, толкнул её от себя и вышел под солнечный свет раннего утра.

– Наконец-то! – воскликнул кто-то, выражая общую радость.

Но радость вскоре переросла в горечь.

Вначале озаботились Гелиной. Она едва не потеряла сознание от подъёмов и спусков. Харан её поддерживал, но даже при помощи со стороны молодых дурбов, не мог заняться ею как врач. Сейчас её усадили на моблу. Харан и Невло́й хлопотали вокруг неё, а остальные сгрудились, ожидая результатов их забот. К тому же светило солнце, вокруг простор и проклятые лестницы позади – всё это будто затмили глаза, а когда отвлеклись и прозрели...

– Мы же опять вышли к городу, – неуверенно проговорил Орей.

– Да, да, – недовольно хрюкнул Т’евара.

Команда оказалась перед пропускным пунктом, выпустившим её из левой пристройки к входу. Разочарование и возмущение. Их обманули! А они уже уверовали в своё людское превосходство, что им все древние системы подвластны.

– Ну, я этим шутникам... Я им! – потряс Свим перед собой остатками меча.

– Может быть, и точно забросать этот пропускной пункт камнями? – предложил Зливан.

И нашёл поддержку у молодых дурбов. Они стали рыскать глазами, ища пробивное, по их мнению, оружие против обманщиков. А этого «добра», камней, вокруг валялось много. Здесь когда-то, по-видимому, стояли скульптуры на постаментах. Со временем они развалились. Дурбы бросились к ним, намереваясь тут же вооружиться и с запасом.

Овех, оттеснённый в сторону, обежал куст, в надежде найти новую развалину и поражённый остановился. Здесь на нетронутом временем цельном камне возвышалась слегка потемневшая, но всё ещё светившаяся, будто переменчивым внутренним светом, статуя девушки. Её оголённое гибкое тело находилось, словно в движении. Но не это поразило Овеха, а облик статуи – это была точная копия Грении.

Он долго не мог поверить увиденному, ходил вокруг, протирая глаза, а Грения как будто следила за ним и старалась показать себя во всей красе...

Камрат, да и большая часть команды не разделяли вспышки разгромить что-либо камнями. Инцидент, конечно, нёс в себе неприятный факт отказа пропустить людей и путров к дороге, ведущей к Скале. Однако следовало разобраться, на чём настаивали Малион и Харан, почему их не пропустили и, к тому же заставили свершить утомительный поход по ла-

биринту лестниц? Считать такой вариант шуткой со стороны привратника, как предположил Ольдим, вряд ли стоило, хотя, кто знает, чем руководствовались древние? Вдруг из города некие горячие головы после чрезмерного возлияния в городе развлечений случайно или намеренно попадали сюда, и их таким способом, впрочем, не очень-то оригинальным, преподносили урок наказания и возвращали назад. А иных оправдательных предположений не находилось.

– Мы не назвали пароль, вот думаю в чём причина, – вспомнил Малион. – И, возможно, кто-то из нас этот пароль знает.

– Не уверен, – возразил Харан, но без нажима, поскольку выразил своё сомнение больше для себя, чем для других.

– Если кто-то знает, то уже назвал бы, – уныло произнёс Ольдим, опуская глаза на уровень рта.

– Но о пароле было сказано вскользь, – задумчиво проговорил Камрат. – Попробую ещё раз опросить...

Никого опросить он не успел. Крики и смех перекрыл его слова. Команда рассыпалась и бросилась в ближайший кустарник, оставляя его и Малиона одних.

– Опять что-то...

– Камрат!... – донеслось из-за кустов.

Камрат побежал на зов, ожидая какой-то новой неприятности. Люди и путры столпились вокруг статуи, обнаруженной Овехом. И все находили, что перед ними Грения. А сама Грения, пряча глаза, затаилась за спинами других.

Камрата тоже ошеломила такая схожесть. И здесь Грения предстала перед ним обнажённой...

Почти на блеск забылись все невзгоды и заботы.

Грения!.. Он восхищался ею!..

О заботах ему напомнил Малион:

– Ты хотел спросить...

– Да... – Камрат с усилием отвёл глаза от статуи, тряхнул головой. – Послушайте меня все! – крикнул он, прекращая гвалт, поднятый не в меру оживлённой команды. – Для прохода нужен пароль. Вспомните! Вдруг кто из вас знает.

Он выкрикнул и подумал о безнадёжности своего призыва, как раздался робкий голосок:

– Надо сказать слово «ратафино»...

Люди и путры расступились, чтобы увидеть, кто это знает пароль. Ею оказалась Р"япра.

– Р"япра?.. Ты?..

Камрат с удивлением смотрел на неприметного в их команде выродка. Впрочем, он знал, ведь ему кто-то подсказал в полусне, о роли или одной из ролей Р"япры в походе к Скале. Недаром же она попала в команду. Но всё равно он не ожидал, что именно она носительница пароля.

Р"япра пыталась спрятаться за кого-нибудь, чтобы не оставаться у всех на виду. И на вопрос Камрата, отозвалась так, словно у неё перехватило дыхание:

– Д-д-да.

– А что означает это слово?

– Н-не знаю.

– Гелина и Грения, а вы? Можете перевести это слово? Те, переглянувшись, отрицательно покачали головами.

– Пароль может быть ничего не значащим словом, – сказал Невлой. – Сочетание звуков, не более того.

– Может быть... Но Шельма! – вдруг вспомнил Камрат позывной яхты, доставившей их в Примето. – Тоже непонятное слово. Так, Малион?

– Шельма?.. Я тогда просто знал, как её позвать. А что означает... Не вдавался в подробности.

– Если это так, то зачем нам знать значение этого слова? – сказал Харан. – Пароль! Подойдём и проверим... Камрат?

– Так и сделаем... Невлой, что?

– Надо поесть, Камрат. А то мы опять куда-нибудь всунемся, где не присесть. А здесь места на всех хватит.

– Но, Невлой...

– И, правда, пора, – сказал Харан. – Пароль проверим чуть позже, не беда, но зато сытыми.

– Хо-хо! – отозвался Невлой.

Предложение поесть перед новым походом к привратнику, где можно ожидать новых каверз с его стороны, все встретили с энтузиазмом. И не только из-за того, что проголодались, но и потянуть время – только вышли из строения, и опять в него входить никому не хотелось.

Оттого ели не торопясь. Молодые дурбы, нет-нет, вскидывали глаза на статую и потом переводили взгляд на Грению,

вводя её в смущение.

Она и сама украдкой посматривала на своё изображение, замечая всё новые совпадающие подробности своего тела и статуи. И никто даже не догадывался, что, например, небольшая царапина на статуе чуть повыше левой груди совпадала с полоской у неё, оставшегося от шрама, полученного в детстве на том же самом месте.

Грения порывалась сказать о своём наблюдении Гелине, но канила, медленно жуя, сидела в глубокой задумчивости и никого и ничего, казалось, не видела и не слышала.

Внезапная слабость, захватившая её при выходе, испугала её. Всё как будто прошло, но неприятный осадок остался, затаился во всех членах. К тому же обеспокоенность Харана... Она вздыхала. Что её ждёт спустя месяц-два?..

Наконец, Камрат встал, последний раз бросил взгляд на скульптуру.

– Пора!.. Поднимайтесь!.. Р”япра, будешь рядом со мной! Идёмте!

Знакомый вход в пропускной пункт открылся команде всего берметов через сто. Где же они тогда бродили столько времени?

Раздавшийся, было, вопрошающий голос прервался от окрика Свима:

– Заткнись! И слушай людей!.. То-то!

– Так его! – поддержали Свима молодые дурбы и тоже наперебой стали выкрикивать свои предложения заткнуться,

помолчать, не каркать...

– Р”япра! – разошёлся Свим. – Говори пароль, пока он молчит!

Р”япра испуганно прижалась к Камрату.

– Я бою-юсь...

– Ты чего?.. – подступил к ней Ольдим. – Чего боишься? Сказать? Так давай я скажу!

Камрат поднял руку, призывая всех к молчанию.

– Пароль знает только она. Ей и сказать его... Давай, Р”япра... Говори!

Р”япра сжалась в комок. И так не обладательница громкого голоса, она едва выдавила из себя:

– Рата... фино... Туманная.

Все замерли. Пелена перед ними рассеялась.

– Так бы давно, – недовольно буркнул голос, словно уставший от наплыва посетителей, идут и идут – тоска. – Проходите!

За порогом всего в ладонь шириной тянулась вдаль дорожка, начало которой в оставленном городе развлечений, а окончание... где-то... Может быть, и у Скалы.

Глава 27

Жуперр выслушал Тлумана без видимого интереса, словно даже с досадой, как о помехе чему-то более важному. Тлуман замолчал на полуслове и вопросительно посмотрел на

руководителя Тескома. Наверху завозился Сунда. Жуперр долго изучал пальцы своих рук. Тлуман не выдержал.

– Что-то случилось?

– Случилось... Вернее, происходит. В Курме внезапно рухнула койна...

– Курма? Это же за Ритолой. В Пустыне Снов.

– Да. Люди и путры бегут через Ритолу. Там тоже неспокойно. А бегут в Керпос, к нам...

– Нападение?.. Кто?

– Пока не знаем. На кого напали, тех уж нет. А уцелевшие несут... кому что взбрѣдет в голову.

Тлуман хмыкнул.

– Пустыня Снов. Кому что присниться.

– Да уж... – вздохнул Жуперр и вскинул глаза на собеседника. – Но не только это происходит. Высыхает Болото Первое.

– И?.. – дрогнул Тлуман. – Угарунт тоже под нападением?

Он родился в Угарунте и вырос в нём, оттого о Болоте Первом знал больше, чем о Втором. Первое, конечно, не могло соревноваться со Вторым по части известности сказаний и легенд, но и имело свою тайну: на дне его якобы когда-то находились заводы по производству страшного оружия уничтожения всего живого на Земле и в пределах Солнечной системы. И само Болото будто бы рукотворное, чтобы обезопасить разумных от возможности ненароком воспользоваться этим оружием древних.

Так оно или нет, но отчаянные одиночки, а то и целые ватаги искателей приключений, пытались узнать, что, собственно, покоится на дне Болота, но ничего, кроме разочарования не находили. Впрочем, на представления остальных людей их неудачи не влияли – древние сказания оставались незыблемыми в своём содержании. Кроме того, за Болотом затаились неведомые земли. О них не сохранилось практически ничего, кроме как – там, за ним и горной грядой находилась столица древнего мира...

– Хуже, Тлуман! Хуже! – пристукнул Жуперр ладонью о столешницу. – Болото высыхает, потому что почти пересох Сенер. А у Болота, по-видимому, есть где-то сток. За два последних дня уровень воды понизился почти на три бермета. Представляешь?

– Представляю...

Но Тлуман в эти моменты представлял не ушедшее в новые берега Болота, а Гнилой Проток, один из истоков дельты Сенера, над которым возвышался Угарунт. Когда-то это был полноводный поток, но за века и тысячелетия Сенер пробил себе новые пути к Болоту, оставив городу мелкое, зарастающее тиной подобие реки. И оно, естественно, пересохло в первую очередь.

– Хорошо, что представляешь. А это означает одно...

– Край!

– Вот именно. За Краем у подножия Керекту образуется море. И если оно обрушит Край...

– Гибельная Волна? Похоронившая Икрус... Тибол...

– Хант тоже, – мрачно продолжил Жуперр перечень смытых волной городов в стародавние времена.

– Тогда впору бежать в Ритолу, а не обратно.

– Одно другого стоит. Я вот посмотрел... – показал Жуперр на лист карты, лежащей перед ним на столе, – Керпос, пожалуй, в безопасности, какой бы волна не была. Она пойдёт по Впадине. А Кунш под угрозой. Особенно его Вторая Пристройка.

– Вторая рухнет, наверное. Плохо, конечно, но она потянет за собой и часть Гарады с хабулинами и дуварами. Они там глубоки... В Кунше знают?

Жуперр кивнул.

– Кое-кто уже стал перебираться в Бофот. Если ненадолго, то Бофот выдержит. А если придётся кому-то осесть в нём, проблем не оберёшься, – он вздохнул. – По всей бандеке... и за её пределами одно и то же. В одночасье. Будто накопилось и прорвало... В Габуне опять стычки. А Сопт наводнили малаки. И наши, и чужие. Время Три-Бланки...

– И Аба-Ава.

Они помолчали.

– Гиблая Волна, если анналы говорят правду, выплеснется в Болото Первое, а оттуда во Второе, – сказал Жуперр. – Как раз напротив Скалы. Если она, конечно, располагается там, где показано на моей карте. Там, за Дорогой Страха глубокая ложбина. Могут пострадать люди.

– Не знаю, грозит ли это Аба-Аве, а вот Кемеш может по-
платиться. Он же пошёл к Дороге Страха.

– Не он один. Во Второе ринулись не только банды. Со
всех сторон, кому не сидится в городах.

– Видел...

– Копают и что-то находят... Но и тонут. А в устье Ренцы
на них нападают монстры... Фу!... Одно к одному. Голова
кругом.

– Что решил? – осторожно спросил Тлуман; Жуперр явно
не зря завёл с ним разговор о любителях покопаться на дне
Болота

– Решил... – Жуперр выпрямился. – Ты возьмёшь крин
бойцов, спустишься по Ренце до Болота и дальше. И... – Жу-
перр опять вздохнул и опал плечами. – Выгоняй из него всех!
Кого уговорами, а кого и взашей! Времени у тебя осталось
мало... Чем дальше, тем хуже, а за Краем воды накопилось
уже много.

– Дно Болота под Угаритом тоже копают?

– Тоже. Но там больше понимают опасность от многово-
дия Сенера... Собирайся! – резко бросил руководитель Тес-
кома

Он занялся своими руками и не отрывался от них, пока
Тлуман не вышел. Его мысли, думы вернулись к неожидан-
ному, как всегда, сеансу связи с агоровцем. Он-то и нари-
совал мрачную картину неприятностей, охвативших Сампа-
танию и соседние с ней бандеки. Засухи, участившиеся же-

сточайшие збуны... Дикие и полу разумные покидают насиженные ареалы обитания и устремляются к городам людей, ища спасения за койнами, и переполняя их. Клань и малаки вырождков, презрев все законы, вторгаются в населённые людьми пункты. Наладившиеся было связи между городами после столичного бунта батлана Зиберлана, обрываются...

Одно к одному...

Ренца оставалась полноводной, но насытить Болото Второе не могла. Во время весеннего половодья, необычно высокого в этом году, произошёл её прорыв в бухту Каперов, недалеко от Габуна, и большая часть речного стока теперь изливалась в Крапатский залив. Оттого-то так стремительно осушалось Болото. Дно его уже осваивала растительность, привнесённая сушей. Но глубокие ямы, длинные извилистые углубления всё ещё заполняла вода, кипевшая от существ, не успевших отступить вслед за новыми берегами. По зеленоющим перемычкам ползли, извиваясь, искавшие убежища рыбы, земноводные, насекомые. А вокруг рыскали дикие хищники и вырождки, привлечённые обилием пищи. Впрочем, люди тоже не отставали от них...

Три небольших судна с тескомовцами отделились медленному течению реки. Устье старого истока обмелевшей Ренцы, сделав крутой поворот по дну Болота, несло их теперь почти в противоположную сторону от Крапатского залива, постепенно углубляясь в пределы Болота и отрезая широ-

кую полосу осушенного дна. До бывшего берега простиралось ровное, словно выглаженное поле. В мутном мареве порой можно было видеть гряды возвышенностей, огибаемую рекой. Она не давала её водам прорваться в Болото коротким путём.

Тлуман долго не решался высадиться и начать облаву на любителей рискнуть и посмотреть воочию, что здесь, на осушенном дне, происходит, а то и чем-то поживиться. В душе даже не возникало стремление к тому. Одно, что пока на глаза никто не попался, чтобы применить силу или уговоры, а другое – так хотелось медленно и спокойно плыть в невесть, куда их вынесет древнее ложе реки. Вот она сделала резкий поворот к югу, и когда-то, по-видимому, крутой левый берег сейчас осушился покатыми горбами низких холмов.

И только к вечеру решено было высадиться на ночёвку. Небольшое возвышение уже основательно высохло, чтобы на нём расположиться более-менее комфортно. К тому же, ещё до высадки, оглядывая мутный горизонт, заметили расплывшиеся огоньки костров – кто-то тоже устраивался провести ночь недалеко от тескомовцев.

– С них и начнём? – кринеитор стоял плечо к плечу с Тлуманом и зевал. – Пугнём? Или будем уговаривать?

– Там их, похоже собралось немало... Не очень-то пугнёшь. Да и ночь... Н-да... – Тлуман подался чуть в сторону от кринеитора, но в тесноте судёнышка, по сути дела, большой лодке, для таких движений было тесновато, вокруг по-

чти крин бойцов. – Знать бы, так остановились бы раньше.

– А чего? Они нам не помешают... До утра.

Тлуман глянул на кринейтора, его слова ему показались легкомысленными. В конце концов, не для того он сюда направлялись, чтобы им никто не мешал.

– Они нам – да. Но мы им... Кто там? Костров много. Если сброд какой – одно... А банда?.. Поздно. Причаливаем! А ты своим крином обеспечь заслон с той стороны.

Высаживались неспешно. Тихое плавание расслабило бойцов, многие успели вздремнуть. И сейчас вяло реагировали на команды кринейторов и купоренов. Впрочем, последние находились в том же состоянии, что и их подчинённые. Лодки наполовину вытащили на берег. Вначале озадачились – откуда у неожиданных соседей топливо для костров. А, оглядевшись, сами заготовили дрова. Они были везде. Река в половодье нанесла целые завалы из хвороста и даже стволов деревьев, а участвовавшие збуны высушили их. Да и донная тина стала сухой.

Не прошло и полблеска, как запылали костры для каждого – не мелочились – купора.

– Что дров много – хорошо, – сказал Поликан, один из кринейторов. – Но збун, другой, и всё это вспыхнет. А огонь... Огонь пострашнее будет воды.

Тлуман, выслушав Поликана, понял, что его всё время тревожило. Обилие горючего материала его смутило при высадке, но не более того, а тревога появилась. И вот криней-

тор подсказал.

– Это ты точно подметил. Загорится, так бежать будет некуда. Ещё одна забота! – с досадой сказал Тлуман. – Надо предупредить и наших и тех, чтобы непотушенными хотя бы костры не оставляли.

– Ты думаешь, они нас послушают? – кивнул Поликан в сторону неведомых соседей. У тех костры, похоже, были разложены большими, оттого горели ярко. – Ещё один Кемеш найдётся...

– Не трави душу, сам о том думаю. Но и предупредить надо. На то мы и Теском.

– На то и Теском, – равнодушно поддакнул Поликан. – А они там не любопытные. Кто у них под боком расположился, узнать не спешат.

– Мы тоже... Утром узнаем... Сменишь крин Мунта своим в полночь. А пока поспите.

– За день отоспались, – сказал Поликан и тут же, как недавно Мунт, зевнул во весь рот. Засмеялся. – Чем больше спишь, тем больше спать хочется.

До утра и вправду никто из соседнего лагеря не поинтересовался стоянкой тескомовцев. Ночью, сменив крин Мунта, Поликан решил-таки посмотреть, кто есть кто рядом, но в темноте провалился в грязевую яму и едва не захлебнулся вытесненной им самим жижей. Благо, пошёл не один, бойцы помогли выбраться ему из западни. Возможно, этим, как меланхолично заметил Тлуман утром, заключалось нежелание

соседей общаться с тескомовцами.

Оставив крин охранять лодки и лагерь, Тлуман во главе двух направился к ночной стоянке разумных, порой вслух бормоча речь, приготовленную им при встрече. В этой речи была заминка и существенная – Тлуман не знал, с кем будет иметь дело. Если люди – надо уговаривать, а выродки – речь короче, просто припугнуть вначале...

Однако ни тех, ни других на месте не оказалось. Лишь кострищи на истоптанной и замаранной фекалиями высотке. Здесь ночевали и люди и выродки.

Тлуман с укоризной посмотрел на Поликана.

– Ни звука не было, – стал оправдываться кринейтор. – Ближе к ним стояли Лехон и Подрач. Они бы услышали...

– И не видел?.. Видишь, у них здесь находились и выродки. Те выяснили, пока вы тут... – с досадой сказал Тлуман. – Выяснили, кто мы и сбежали. И бежали... смотри, не к бывшему берегу, а вглубь Болота.

– Так мы что, догонять их будем?

Тлуман не отозвался. Казалось бы, благородная экспедиция тескомовцев по спасению разумных от возможного наводнения и, как он обнаружил, пожара, дала сбой при первом же соприкосновении с теми, кого они вознамерились спасти. И уходят всё дальше по осушённому дну Болота. На возвращение понадобятся дни. А округа может вспыхнуть при первом же збуне.

Впору самим бы спастись.

– Никого догонять не будем! – наконец, решительно сказал он.

Тескомовцы примолкли в ожидании, а что же будет? Но о том и сам Тлуман не знал.

Глава 28

– Нет, К”ньюша, зря я ввязался в этот поход к Скале! К”нъец мяукнул от неожиданного признания Свима.

Только что они шли рядом, К”ньяна с ними, обменивались ничего не значащими фразами, как обычно у них происходило в дороге по бандеке. Путь далёкий, округа примелькалась – о чём говорить? Идёшь и идёшь себе... И нежданно такое заявление. От кого? От Свима!.. От Свима, всегда жаждущего чего-то нового, необычного, а оно у них по пути к Скале встречается постоянно.

И вот – в его словах явное разочарование...

А Свим и вправду вдруг ощутил пустоту от ходьбы к Скале. Предсказание Индриса о некой его важной роли в некоем великом грядущем деле померкло. Казалось бы, всё так начиналось и продолжалось прекрасно: Камрат-мальчик, Клоуда, Малион с Невлоем, Шельма, чудесный вход в Примето, бабка Камрата и её наставления, проникновение за барьер вокруг Скалы, город развлечений, пропускной пункт... И вот – пустота. Он не туда попал, увлёкся, где-то свернул не туда и упустил шанс предсказаний Индриса. Идёт он теперь

не во главе, а просто в команде, где ни его суждения, ни его действия, по сути, никому не нужны, а то и не одобряемы. Да и предложить что-нибудь он не может, потому что не туда попал.

Всё чаще стал думать – он ушёл, а как там Кло?

– Но Свим... – К”нзец оглянулся на К”ньяну, словно ища в ней поддержку. – Мы же не просто так попали в команду Камрата... Аба-Ава. Нас отбирали. И тебя тоже. Мы все здесь для чего-то нужны.

– Вот-вот! Для чего-то. А для чего? Ты вот знаешь, для чего здесь ты?

– Не знаю... Пока не знаю. Но Р”япра тоже не знала. А она знала пароль. И, наверное, мы что-то знаем.

– Знала... Не знала... – отмахнулся Свим. В словах К”ннца ему стали чудиться нотки наставлений, которых он не любил, от кого бы они ни исходили, тем более от путра. – Ты, может быть, и знаешь, а я нет! Ничего не знаю, и знать не хочу!

Как он хотел, чтобы сейчас что-нибудь подвернулось такое, что можно было бы сломать, разбить, а тут вокруг ничего!

– Но, Свим... – сказала К”ньяна. (Свим удивился – голос её похож на голос К”ннца и это «Но, Свим...»). – Хотим ли мы знать или нет, но, по-видимому, всё-таки знаем. И наши знания должны проявиться, если не в дороге, так на подступах к Скале или уже на ней. Наше знание в нас.

К”нзец мяукнул, Свим хотел возмутиться – и эта его наставляет, но тот и другой были поражены её словами и тем, как она их произнесла. Словно она говорила с ним как с несмышлёнышами, ничего непонимающими. А она как бы объясняет им суть того, чего они не могут взять в толк.

Свим фыркнул, повеселел, засмеялся. На его смех отозвался Невлой, остальные стали оглядываться, и кое-кто придвинулся ближе к источнику смеха.

Команда, понуро бредущая по дороге, оживилась на некоторое время.

Уже третий день они шли без приключений по хорошо сохранившейся дороге. Вокруг ничего примечательного. Порой в мутной дали проступали размытые и неустойчивые очертания то ли строений, то ли неровностей рельефа. А так – идеально прямая как струна дорога, конец её уходил в марево.

Однако шлось всё-таки легко, хотя и утомительно, оттого команда походила на чуть растянутую группу разумных, поднимающихся в гору. На платформы, ведомые Сестерцием, заплечную ношу уложили так, что в их торцах оставались свободные места, чтобы на них можно было сесть. Так что практически почти четверть команды могла одновременно отдохнуть, за одно и поесть, не прекращая движения.

Неутомимыми оказались лишь Камрат, шедший впереди, и Невлой, замыкавший с Т”еварой команду. Да ещё Сестер-

ций. Светило солнце, а, значит, торну энергии хватало, чтобы идти без отдыха, двигать платформы и гордо нести свой, увенчанный чалмой, комп.

За день проходили свиджей тридцать. Ещё десяток дней и они окажутся на подступах к Скале.

Утром следующего дня путры стали проявлять беспокойство, ощущая какие-то перемены в атмосфере или в округе. Первой Ф"енту пожаловалась Х"вюся. Но тот и сам готов был поджать обрубок хвоста и завывать, подняв голову к небу.

– Надо сказать Камрату, – излял он.

– Что ты ему скажешь? – Х"вюся знала о нечувствительности людей к тому, что сейчас переживала она и Ф"ент. – Он же человек. Чурба.

– Камрат не чурба! – Ф"ент едва разжал сведённые челюсти от сравнения Х"вюси. – Он... Камрат!

Шедшая рядом с ними Р"япра, что-то проговорила плачущим голосом.

– Она тоже, – заметила Х"вюся.

– Да. Я к Камрату!

Труся в голову растянувшейся вдоль дороги команды, Ф"ент видел безмятежные лица людей, а он уже поджал хвост, даже не заметив этого. Его обогнал К"нзец.

– Что, кошка, к Камрату?

– А ты, собака?

– Тоже... Надо предупредить.

– Да.

Где-то позади тревожно захрюкал Т”евара.

Камрат уже сам заметил что-то неладное и остановил команду. А когда К”нзец и Ф”ент поделились с ним своими подозрениями, Камрат велел всем взять свои рюкзаки и быть готовыми к возможным неприятностям. Из людей только Малион и Невлой, пожалуй, поняли его распоряжение, для остальных оно прозвучало неожиданно и неприятно – заплечные мешки тяжёлые. Но зато обратили внимание на необычное поведение путров: вой, мяуканье, хрюканье и едва слышный непрерывный звук, издаваемый Р”япррой.

Ещё звучали недоуменные вопросы, а перемены уже начались.

– Давление падает, – подал голос Сестерций.

Откуда-то накатила волна холода и влаги, воздух загустел, сбивая дыхание, однако стал прозрачнее. Впереди наметилась светлая полоса, протянувшаяся поперёк дороги. На её фоне показались тёмные очертания человеческих фигур. Они передвигались относительно друг друга.

– Вот, наверное, и защитники, – высказал вслух почти общее мнение Малион.

Во всяком случае, с ним не согласился только Невлой.

– Я заметил... Давайте постоим без движений. Да, да, все постойте, где стоите... Видите, там тоже... стоят. Теперь смотрите, – Невлой сделал несколько шагов в сторону, впереди одна из фигур сделала то же самое.

– Наше отражение! – воскликнул Харан. – Я о таком явлении слышал.

– Зеркало!.. Мираж!...

Кто-то облегчённо рассмеялся, заухал Невлой.

Ф”ент придвинулся к К”нъцу.

– Кошка, ты видел, наших теней там нет.

– Видел, – уныло отозвался К”нъц.

– Что это тогда? – без надежды на ответ спросила К”ньяна. – Не зеркало?

– Может быть, мы себя просто не видели из-за людей, – с надеждой сказал К”нъц.

– Так оно, наверное, и было, а мы... – Х”вьюся не договорила.

– Авво!.. – только и мог выдать из себя Ф”ент; ничего хорошего хотя бы для себя он не ждал.

– Двинулись! – тем временем подал знак рукой Камрат.

Но отражение, несмотря на оживлённое перемещение, не изменилось и постепенно стало размываться. Кто-то уже приготовился сбросить заплечный мешок – стали привыкать, что можно нагрузить платформы и идти налегке. Вновь, было, наступила обыденность последних дней идти по бесконечной дороге.

Однако тени впереди снова обрели чёткие очертания, но это уже были фигуры отнюдь не людей. Воздух задрожал от басовитого звука.

Команда остановилась опять. Люди и путры скупились во-

круг Камрата.

– Я пойду и посмотрю, кто там, – вызвался Свим, осматриваясь вокруг себя – не выразит ли кто-либо желания составить ему компанию.

Таковых не нашлось. Впрочем, обдумать своё согласие пойти с Свимом никто не успел.

– Нет! – твёрдо произнёс Камрат. – Пойду я. И со мной...

– Я пойду с тобой, – не менее твёрдо сказал Малион и придвинулся ближе к Камрату, кого-то, оттеснив от него плечом.

– Да, ты... Но и Грения. Вдруг придётся вступить в переговоры. И... Сестерций!.. Пойдёшь со мной? Сдаётся мне, твоё чутьё понадобится нам.

– Пойду.

– А моё чутьё разве не пригодится? – задрал вверх обрубок хвоста Ф"ент и победоносно посмотрел на К"нъца.

– Хо-хо! – грохнул Невлой. – Мы там все можем пригодиться. А, Камрат?

Камрат растерянно осмотрелся, хмыкнул и засмеялся, подражая двумерину.

И вправду смешно получилось.

В который уже раз люди разряжали обстановку, смеясь взахлёб. Ну, право, чего они испугались? Теней? Да на их пути кого уже не побывало: гурты, бандиты, монстры, мавши, пресловутый харт...

Смех изменил настроение. Эти странные тени теперь представлялись нечто новым, может быть, даже интересным,

а то и забавным явлением.

– А! Идём все, – сказал Камрат. – А ты, Свим, если хочешь, можешь... впереди.

– Могу! – отрывисто отозвался Свим и, прежде чем люди и путры команды тронулись навстречу теням, затрусил вперёд, почти не сгибая в коленях свои толстые ноги.

За ним, пролаяв нечто не членораздельное, кинулся вдогонку с поднятым вверх хвостом Ф"ент.

Убежав берметов на сто, Свим вдруг остановился и медленно попятился назад под защиту команды. Отступая, едва не упал, споткнувшись о стехара, хвост которого уже был между ног, а сам он припал к земле и словно уменьшился вдвое.

А из теней выделились две антропоидные фигуры – копии Сестерция в тяжёлых пёстрых тюрбанах и с одеялами через левое плечо. Они источали ядовито-синюю ауру гнева. Следом за ними обозначилось ещё одно создание, удивительно похожее на стол – узкая плоская столешница на четырёх гнутых ножках.

– Сестерций! Торны?

Сестерций не отозвался. Перед ним и вправду объявились потомки Акарака – он чувствовал ошеломляющее их родство, отчего его системы управления сбились, и он едва устоял на ногах. Но и те, похоже, ощутили его присутствие, их поступь обрела неустойчивость. Зато стол легко словно скользнул между ними навстречу команде, а когда остано-

вился в берметах трёх от неё, то затуманился облаком, в котором проступили округлые черты лица человека.

– Приветствую вас... – начало оно торжественно, но тут же лицо видения дрогнуло, исказилось, будто скопировало Ольдима. – Кто вам позволил войти на территорию охраняемого Оазиса Обмена и Надежды? – закричало оно, широко разинув рот. – Как вы, жалкие, осмелились...

Голос пропал. Лицо оплыло струями цветных строчек. Облако колыхнулось как от порыва ветра.

– Я тебе покажу!.. – взъярился Свим, чувствуя поддержку команды. – Узнаешь, какие мы жалкие!

Он машинально хотел выхватить меч, но рука промахнулась – меча у него не было. Тогда он, разбежавшись, прыгнул ногами вперёд.

– Свим! – предостерегающе крикнул Камрат.

Он уже видел этот приём, когда на них напал беззубый вождь выроdkов. Прыжок ногами вперёд. Тогда Свиму удалось повалить наземь целый ряд, стоящих перед ним выроdkов.

Удар!.. Вспухающий в размерах стол закувыркался, превращаясь в шар. У него отвалились кривые ножки, но отрасли длинные ноги, он приподнялся на них и... пустился наутёк.

– А-а! – Свим развернулся к торнам, но дорогу ему перерезал Сестерций.

– Стой, потомок Обезьяна!

– Ах ты, кастрюля дырявая! – закрутился на месте Свим. – Я и тебе...

Всё происходило так быстро и странно, что никто из команды не успел вмешаться в перепалку. А три торна стали теснить Свима, грубо и болезненно толкая его руками.

Камрат встал между ними, К нему плечом к плечу – Невлой. С криком: – Сесик! подбежала Жариста и повисла у него на плече.

Неистовствующего Свима Камрат и Невлой ухватили с двух сторон и вытолкнули за свои спины. Люди окружили место стычки, всё ещё до конца не понимая, что происходит.

– Сестерций! – пытался обратить на себя внимание торна Камрат.

Сестерций же стоял в той, неповторимой своей позе превосходства над ними, с гордо откинутым назад компом. Разноцветная аура окутывала его и волнами стекала вниз. Он ничего не ощущал: ни зова Камрата, ни толчков Жаристы. Все его чувства слились с чувствами рецепторов встретившихся торнов в режиме *узнавания*: кто они и кто он?

Недавняя вспышка ярости на человека, осмелившегося напасть на идентичных ему биороботов, потускнела, растаяла в радостном единении всех трёх систем разума. Он узнавал, они узнавали.

Он: о миссии рода Акарака на планетах Солнечной системы и за её пределами – охранять Узел Перехода на его подходах.

Они: прикоснулись к уже легендарным для них истокам своего происхождения на Земле.

Их системы обменялись знаниями и воспоминаниями.

И когда Камрат, наконец, стал виден ему, и до него дошёл звук тревожного голоса, он смог уверенно сказать:

– Это стража и защита Узла Перехода. Внешняя составляющая. Их предупредили о нашествии неизвестных биологических существ, удивительно похожих на Великих Пётров, но неведомо откуда взявшихся в пределах Круга Жизни.

– Что стража и защита – ясно. А остальное... – Камрат повернулся к Невлюю. – О чём они?

– Я могу сказать то же самое. Сестерций, кто такие Великие Пётры?

– Пётры... Великие... Это люди!

Поясняя, Сестерций опять ощутил, что его системы стали работать неважно – что это он такое говорит людям о людях?

– Они там, похоже, все считают, что на Земле жизни не осталось, кроме как в этой её части, – предположил Харан. – Вот они и охраняют, и защищают этот Оазис Обмена и Надежды или, как сказал Сестерций, Круг Жизни.

– Если на Земле нет жизни, то от кого надо защищать этот Круг? – возразил Ольдим.

– Сестерций! Очнись! Ты слышал вопрос? – прикрикнул на торна Камрат. – От кого здесь установили защиту? И ещё. Мы можем идти дальше?

– Ото всех защита... А идти можем... Внешняя составляющая говорит можно... Торны...

– А из кого состоит внутренняя составляющая? – спросил Харан и пояснил: – Если есть внешняя?

– Давайте оставим пока Сестерция в покое, – сказал Невлой. – У него срыв... Пусть восстановится. А мы пойдём. Думаю, эти торны-защитники помогут нам встретиться с внутренней составляющей без помех.

– Так и сделаем. Вперёд! – подал команду Камрат.

Глава 29

Высушенное дно Болота загорелось сразу в нескольких местах. И хотя поднявшийся дым перекрыл пятна збуна, но огонь стелился, перебираясь то узкими огненными тропами, то, охватывая большие области, особенно в бывшей прибрежной полосе.

Всё живое бежало, а кому это не удавалось, попадали в огненную западню. Теперь каждый бочаг, каждая невысохшая лужа служила спасением, однако дышать становилось всё труднее – дым густел.

В Ренце, войдя в её воды, сидели люди и путры. Уже через день тескомовские суда нагрузились так, что случись даже невысокая волна, их могло бы захлестнуть. Зато все трудились проталкивать суда против течения Ренцы, а где появлялась возможность, то выходили на выжженный берег и

тянули на тросах. Что творилось ниже по течению, спросить было не у кого. Поэтому Тлуман, как только определил, что неожиданные пассажиры уже сами могут уйти от пожара, высадил их и вновь направил суда вглубь Болота.

Загорание высохших водорослей вдоль дороги Страха случилось по вине опритов – плохо затушили костры. И когда огонь стал догонять банду Кемеша, противостоять ему долго не удавалось. Да и средство для того нашлось только одно – вытаскивать из ям траву и выжимать из неё воду на узкие места между дорогой и влажной порослью кюветов, здесь ширина возможного возгорания едва превышала берметов пять.

С догоняющим пламенем стравились, потратив полдня, а вечером Кемеш выявил убавление своей банды не менее чем на десяток опритов. Где и как они затерялись, можно было только предполагать.

Кемеш готов был выплеснуть на их головы брань и угрозы, но его успокоил Ий-Сой:

– Хорошо, что их нет. Чем нас меньше, тем лучше... Много – заметнее. Меньше – проще.

– Но я им ещё устрою! – затаил злость и обиду вождь банды, и уже неоднократно по пути к Скале.

Именно, и обиду. Не хочешь идти – так предупреди, скажи о том открыто. Он ведь никого не держит. А то убегают тайком. И кто? Те, с кем десятки лет промышлял вместе!

Но из-за этого закрадывалась странная пугающая мысль: а не воздействует ли таким образом дорога Страха на тех, кто не мог или даже не имел права находиться рядом с ней? Его осторожные вопросы Знающему и Оконду, похоже, собеседников не тронули, они не видели в том роли дороги. Всем известно – некоторые оприты их банды убежали ещё до подхода к ней.

А Кемеш боялся и за себя. И везде, где это позволяла обочина, он старался идти дальше от дороги. Его не убеждал тот факт, что те оприты, сумевшие набраться храбрости выскочить и пройтись несколькими шагами по зеркально чистому полотну, оставались вместе со всеми. Но кто знает?

Вот Лакой словно дразнит себя. Перебежит дорогу, посмотрит, что за нею и – назад. А на вопрос об увиденном, один ответ:

– Всё то же самое, – капризно говорил он.

Но на следующий день к полудню его перебежка закончилась не так, как прежде. Он вдруг остановился посередине дороги и завертелся на месте, как если бы что-то уронил, а теперь ищет. Так всем вначале и подумалось. Но он стал что-то выкрикивать и вихляющей походкой пошёл вспять по дороге. На окрики и призывы не отвечал. Так и уходил.

Не растерялся только Оконд – Читатель, как его для себя называл Кемеш. Он тоже выскочил на дорогу и побежал вдогонку и силой, обхватив Лакоя сзади, вытолкнул его на обочину. Лакой смотрел на Оконда и подбежавших к нему

опритов безумными глазами, будто видел перед собой нечто ужасное, оттого пятился назад, выставив в их сторону руки. Лицо его налилось краской.

– Кто?! – вдруг закричал он. – Кто осмелился нарушить закон?!

И рухнул наземь.

Оприты, ошеломлённые выкриком немо окружили Лакоя, как будто не подающего признаков жизни, но Ий-Сой неторопливо приложил руку к его голове, пошевелил губами и успокоил всех:

– Он спит.

– Спит! И пусть проспится! – зло сказал Кемеш. – На дороге ни шагу! Слышите?.. По ней просто так ходить нельзя. Понятно?

Оприты охотно согласились с ограничением поведения у дороги, но это не прибавило им воодушевления. Лакой, выходя на дорогу, придавал всем уверенности, что она хотя и Страха, и Смерти, но уже не та, что была в стародавние времена. Но вот знак – она ещё могла преподнести неприятность.

Вынужденная остановка, когда заняться нечем, а запасы еды тают с устрашающей быстротой, внесла в банду разлад. Появились обособленные группки со своими мнениями, не совпадающими с другими.

Слово за слово...

Внезапный збун, покрывший небольшой участок усох-

шего Болота, не дал разрастись полному расколу банды, а опять объединил опритов, заставивший их надеть копольцы и сбиться в одну тесную группу. Кое-где вспыхнули высушенные водоросли. Дым притушил ярость збуна, но стало трудно дышать. А воздух, словно замер – ни дуновения, чтобы отогнать куда-нибудь густеющее облако дыма. Поминая Край, часть опритов во главе с Кемешем, подхватив под руки Лакоя, побежала вдоль дороги вперёд, к Скале. Другая – десятка полтора опритов – побежала назад...

Впереди, болтая ножками, плыл «стол». За ним торны-охранники, потеснившие назад Сестерция, пытающегося встать между ними. Он двигал за собой платформы с рюкзаками, Знающими и женщинами на них. Затем уже команда людей и путров во главе с Камратом и Малионом. А замыкал её по установившемуся порядку Невлой с тяжело топающим Т"еварой.

Шли не быстро. Пахло дымом.

Как выяснил Сестерций, до Скалы при такой скорости движения оставалось, как и предполагалось, ещё дней десять, а то и больше пути, так как внешние защитники сами никогда не то, что рядом, но и близко не бывали к ней.

Опять монотонная ходьба. А всё уже рассказано и пересказано друг другу, всё, казалось, передумано и решены все вопросы. Правда, порой, чтобы развеять скуку, повисшую над командой и угнетающей её, принимался хохотать Нев-

лой, а среди женщин вдруг разгорался никчёмный спор по такому же вопросу. Но и уханье Невлоя и сварливые голоса женщин быстро затихали и опять – только шорох шагов.

Команда уже собиралась остановиться – середина дня, пора поесть и отдохнуть. Как откуда-то стали доноситься странные звуки. Чуть позже оказалось – сверху.

– Сестерций, что это? Спроси у своих... этих. Чего молчишь? – бросился догонять торна Свим.

Торн не удостоил его ответом, даже не повернул в его сторону комп. И Свим... Свим растерянно оглянулся на Камрата и отстал от Сестерция.

А звуки усиливались. И когда, казалось, всё вокруг затрепетало, Сестерций выкрикнул:

– Птицы!.. Самаберсы!.. Лунные!..

Крикнул и пригнулся.

«Стол» перевернулся кверху ножками и, обогнув ведомую им команду, быстро помчался назад, а следом ретировались за ним и торны-охранники внешней защиты.

– Где?... Где?... – люди слышал, но не видели никаких птиц.

Проявили беспокойство путры.

– Ко мне!

Голос Камрата едва был различим, но его поняли, сплотились вокруг него; в центре оказались путры, кроме Т"евары, он, как и люди, пытался увидеть подлетающих птиц, но шея его плохо изгибалась вверх, и он не нашёл ничего лучшего,

как упасть на спину, вызвав сердитый окрик Невлоя.

– Что сказали защитники?... Почему убежали? – Камрат почти навалился на Сестерция.

– Это разведка... Да... Но у них... полномочия...

Камрат даже тряхнул головой, обдумывая ответ торна. Что бы это означало – разведка с полномочиями. Он пытался получить от Сестерция подробности, но тот не отвечал, создавалось впечатление, что на него будто бы нападают, а он защищается.

– Вон они!

Над командой появились силуэты птиц. Находились они высоко, оттого казались мелкими и не страшным. Клёкот их стих, и они стали кружить и снижаться, стремительно увеличиваясь в размерах.

– Неужели это те, что напали на кравелей?

– Это... Это... – лепетал Сестерций, обливаясь синюшной аурой. – Это торны... Они летают!

– Но ты говорил Самаберсы...

– Не говорил... Они летают... Они не хотят мне верить.

– Чему?

– Что я тоже торн... Что вы люди.

Новое напоминание – неверие видеть в них людей уже стало как бы установкой для забарьерных обитателей. Они тысячи лет не видели людей. Такое могло означать либо то, что Узел Перехода бездействует, либо нигде за пределами Земли людей не осталось.

Одна из птиц стала быстро снижаться, метя в середину команды, где расположились путры. От испуга пролаяла Х”вьюся, Ф”ент прильнул к ней – не защищал, а прятался, но мгновенно блеснули мечи в руках людей и чуть позже в лапине К”ньца.

Летающий торн широко раскинул крылья, тормозя падение, и с недовольным оглушительным криком над самыми головами людей, кинулся в сторону, сопровождаемый хохотом Невлоя. А торн приземлился, пританцовывая на ногах, сложил крылья. Внешне он резко отличался от Сестерция. Правда, может быть, по тому, что голый бугристый комп не был покрыт чалмой, и на нём практически отсутствовала одежда, а на ногах сапоги с движителями.

– Вы люди... – сказал Сестерций. – Они вас узнали. У вас оружие людей...

– То-то! – воскликнул Свим, дабы показать и своё присутствие, так как без меча сам он ничем помочь путрам не мог бы.

– ...но почему среди людей... притаились, – продолжал монотонно говорить Сестерций, – те, кому запрещено входить сюда?.. Кому мы запретили входить к нам?.. – Сестерций смолк и словно через силу повернулся к Камрату. – Они так говорят.

– Скажи им – это наши помощники.

– Нет, Камрат! – Харан всё ещё держал в руке меч. – Нельзя им потакать. Они не могут сами...

– Да, Камрат! – вмешался Свим. – Только люди! Мы! Только мы можем что-то запрещать. А они – самозванцы!

– Свим прав, – согласился Харан. – Они признали в нас людей. А их действия – самоуправство. Никто не может что-либо решать или запрещать, кроме нас, людей.

– Я думаю, – Малион смотрел в небо. К месту встречи подлетала ещё одна стая торнов, может быть, вызванная на подмогу первой, – не всё так просто. Это торны. А мы знаем...

– Вначале были торны, а потом люди! – вскинулся Сестерций.

– Заткнись, кастрюля! – цыкнул на него Свим. – Ты лучше слушай, что говорят люди.

Малион покачал головой.

– О том я и хотел напомнить. Торны имеют своё представление о себе и о мире. Но мы должны придерживаться версии, предложенной Хараном.

– Конечно, – тут же напомнил о себе Свим.

– Сестерций! Ты у нас единственный регламентированный торн. То есть торн настоящий. Твой инкубатор мог произвести только первозданного потомка Акарака. А эти, – Камрат перевёл дыхание, – искажённые копии.

От упоминания своего происхождения Сестерций налился розовой аурой и принял гордую позу. Лесть Камрата сделала своё дело.

– Этот так! – подтвердил Сестерций его вывод о своей ис-

ключительности и ничтожности копий.

Появление летающих торнов для него стало ударом, и только недоверие к очевидному факту их существования ещё поддерживали в нём равновесие всех систем. Камрат как бы придал ему уверенности в самом себе. Он и только он здесь – настоящий торн! А они... копии.

– Вот и поведай им, как это умеешь только ты, об их заблуждении устанавливая что-либо помимо людей. То есть нас. В том числе и тебя.

Сестерций застыл, входя в контакт со своими летающими подобиями. Комп его порой дёргался, когда он, похоже, с чем-то не соглашался; стекающая с него аура меняла цвета.

– На самой Скале всё будет ещё сложнее, – тихо проговорил Малион, наблюдая за Сестерцием. – Торны захватили власть. Копии они или нет, не столь суть важно. Вот почему, наверное, Узел Перехода не выполняет своего назначения.

– Но неужели с другой его стороны не осталось людей? – Лицо Ольдима исказилось, черты его стекли к подбородку. – Они бы могли...

– Закрытая дверь и с одной стороны не открывается, – сказал Свим.

Помолчали, поглядывая на Сестерция.

– Если закрытие с этой стороны, то людям сюда не пройти. Наверное, и вправду закрытая дверь, – невесело заключил Харан.

– Узел Перехода... – мечтательно произнёс Малион. –

Будто быходишь в комнату с одной стороны, а выходишь с другой, но уже не на Земле... Или в другом конце Земли.

– Я бы вначале на Луну, – сказал Ольдим. – Чем они там занимаются... Я однажды попал под их лучи. Вот узнать бы, что это?

– Я тоже видел, как они траву выжгли, – поделился весенним воспоминанием Свим. – Узнаешь, и что?

– На планету льда хочу посмотреть... И... Всё хочу!

– Я тоже хочу, но только после тебя, – вставил Свим.

– Почему?

– Где ты прошёл, там пройду и я. А где тебе не повезёт, я туда соваться не буду. Поберегусь.

Ольдим недовольно хмыкнул, Харан и Малион улыбнулись выходке Свима.

Камрат в разговоре не участвовал. Он лишь подтверждал каждую реплику мимикой или кивком головы. Его охватило ощущение своего соучастия между нелёгкой немой перепалкой, возникшей между Сестерцием и летающими торнами, а их над командой кружило уже десятка два, и каждая особь имела, оказывается, свою точку зрения на неожиданное для них событие – встречу с людьми. Кроме того, такими же соучастниками общения торнов, как и он, как будто были Невлой и... Орей. И если Невлой, похоже, знал о том, то Орей стоял в позе человека, придавленного тяжёлым грузом, и ничем не выдавал своего отношения ко всему, что происходило вокруг него.

Наполовину поредевшая банда Кемеша бежала вдоль дороги не долго. Дым остался позади, но впереди на их пути, как на самой дороге, так и по обочинам появилась цепочка странных созданий в виде чётких теней.

И занимались они странным делом – перебрасывали друг другу какие предметы различной конфигурации.

Глава 30

Тени от летающих торнов перекрывали солнце, потому рябило в глазах.

– Жаль, что люди после Войны Выродков наложили запрет на агреты. Мы бы их сейчас... влёт! – подняв голову вверх, высказал своё мнение к ним Свим.

– А они тебя слёту, – в тон ему сказал Ольдим.

Кружение над головой биороботов, безмолвные с ними переговоры, разговоры об Узле Перехода вдруг настроили Ольдима на воспоминания далёкой молодости, когда каждый день, как и на пути к Скале, мог преподнести нечто неожиданное, значимое. Тогда-то он и произнёс:

Открыл глаза...

И видишь – незнакомый мир,

Не тот, что был вчера, а новый...

Поистине! Летающие торны!.. Как в детской сказке.

– Они согласились, что вы настоящие люди, – проговорил, запинаясь, Сестерций. – Но почему среди вас, – повысил он голос, – и разумные нелюди и даже... даже фохты?.. Да, фохты!.. Настоящие фохты!.. Они среди вас!.. Как они могли попасть в стадо людей?.. Тут и Лейда... Тут и Сельда!.. Как?..

– О чём он? – растерянно спросил Малион

– Бредит...

– Комп у него поехал, – высказал Свим и свою точку зрения на странные выкрики Сестерция.

– Хо-хо! – раздался оглушительный хохот Невлоя. – Сельда! Сельда – это же я!.. А ну-ка, вы... там! Всем на землю! Я сказал всем! Иначе...

– Этого не может быть!.. Фохт Сельда! – казалось, кричали все торны, почти камнем падая наземь.

– Что происходит?

На вопрос Камрата Малион пожал плечами.

– Что-то... новое, – проговорил он глухим голосом, словно находился за перегородкой. – Невлой!

Двейрин отмахнулся.

– Сейчас...

– Фохтами называли биологов, якобы создавших биороботов, – сказал Харан. – И, похоже, один из них... Сельда. Возможно один из тех, кого Сестерций называет Великим Биологом.

– И что? Он дожил до наших дней? – почти с испугом

спросил Ольдим.

– Я помню рождение Невлоя, – задумчиво сказал Малион. – Здесь что-то иное... И среди нас находится ещё один фохт. Некто Лейда... А они, смотрите, ему повинуются!

– Сестерций! – позвал Камрат.

Торн оглянулся, вспыхнул едва подкрашенной белой, будто ранняя заря, аурой и, не ответив, резко отвернулся. Чалма едва не слетела его с копма.

– Сесик! – бросилась к нему Жариста, но словно наткнулась на раскалённую стену, ойкнула и отступила. – Сесик...

Движения людей терялись на фоне стремительного мельтешения летающих торнов, а их голоса тонули в шуме хлопанья крыльев.

Неугомонный Свим перебежал от молодых дурбов, плотно стоявших вокруг Зливана, к Камрату и обратно, подступал к Знающим, что безмолвно взирали на суматоху, поднятую вокруг них.

Однако команда в целом сосредоточилась на жестах Невлоя. Он взмахивал то одной, то другой рукой, то обеими – всё это заставляло торнов соблюдать относительный порядок в приземлении и расстановке. Ощущалась некоторая субординация между ними, хотя они постоянно перемещались. А пассы Невлоя то, словно подчищали их ряды, то уплотняли. Наконец, перед людьми оказалась большая толпа биороботов, внимавшая фохту. А тот витийствовал, обращаясь к

ним.

– Вы счастливо дождались моего прихода к вам. Я пришёл, и со мной пришли люди, чтобы восстановить назначение Узла Перехода и вновь связать всех разумных, где бы они ни находились. На Земле или на других планетах. Вот перед вами люди. И они хотят знать, как достичь Узла Перехода, что он собой представляет и почему не работает на благо разумных? Отвечайте людям!

Выкрикнув последнюю фразу, Невлой повернулся к Камрату.

– Они, я надеюсь, могут нам подсказать, хотя бы как без задержки дойти до Скалы, и что нас может ожидать до и после её достижения. Задавайте им вопросы. Что мы хотим сейчас знать?

Приглашение Невлоя застало людей врасплох. Вопросов долго не возникал.

– Они что, понимают сироче? – спросил Малион.

Невлой поджал губы, думал.

– Нет. Я им говорю, а они... Ну, конечно! Они общаются через Сестерция. То-то он стоит столбом.

– Сколько времени нам ещё добираться до Узла Перехода? – наконец, нашелся Свим, что спросить.

– Да, да! – поддержал его Лепток, выйдя вперёд из группы молодых дурбов.

– Человек спрашивает, как далеко ещё до Узла Перехода? – выкрикнул Невлой, так как они слушали только его.

После короткого выяснения, что, собственно, хотел узнать «человек», оказалось, что при том темпе движения команды, которого она придерживалась, оставалось ещё не менее десяти-двенадцати дней до достижения Скалы, если, конечно, ничто тому не помешает.

Пока обсуждался ответ Свиму, у людей появилось время, чтобы прийти в себя. Посыпались вопросы, так же передаваемые Невлоем через Сестерция.

...Скала – холм с плоской вершиной, на ней и располагаются строения Узла Перехода. Однако, что в них, кто в них обитает и как осуществляется сам переход, летающим торнам известно не было, так как им пребывание на вершине запрещено. Кем?.. Невлой так и не выяснил.

– Наверное, изначально, – сделал он вывод и не совсем уверенно завершил этот вопрос: – Там и разберёмся.

...Дорога, как всё-таки удалось выяснить, к Узлу никаких преград практически не имеет, кроме неширокой, но глубокой полосы воды – проток вокруг Скалы. Но в ней торны видели каких-то ужасных тварей.

– Монстры, – сразу определили Невлой и Малион, да и остальные о том подумали.

– Всё зависит, к какому роду они принадлежат, – сказал Малион Камрату. – Плохо, если к к”вузанам. Нам с ними не договориться.

– Кто бы ни был, а путры могут пострадать, – уточнил Невлой.

– Это – да, – согласился Малион. – Что к”вузаны, что в”ексалы, но путры для них только пища. И мы остановить их мирно не сможем.

– Был бы у меня меч... – вздохнул Свим.

– Ты же их видел. Что им твой, да и все наши мечи? Игрушки, – возразил Малион.

– Не оставлять же их здесь, – сказал Камрат, стараясь не смотреть в сторону присмиривших выродков. – Будем, как сказал Невлой, разбираться на месте. Что ещё? У кого есть вопросы?

– Во! – воскликнул Лепток, давно ожидавший момента, чтобы высказать свой вопрос. – А эти... торны разве не могут нас на себе перебросить через этот проток с монстрами? И выродков тоже, а?

– Невлой?

– Я понял. Сейчас я с ними...

Он быстро произнёс полу понятные фразы. Оказалось, могут.

– Они, – хохотнул Невлой, – когда-то для того и были созданы какими-то шутниками... для игры... спорта...

– Даже так?

– Могут хоть сейчас перенести нас. Недалеко, правда, с учётом полёта на полдня. А отдохнут, и опять на полдня. Но... Через протоку они нас перенести как будто не могут.

Последние слова Невлоя, похоже, никто не слышал.

– Что, можно просто сесть на одного из них и... он поле-

тит? – Харан показал на первого приземлившегося торна.

– Говорят, да.

– Вот это да-а... Они за полдня могут сократить нам дорогу на два, а то и на три дня. Вот что важно!

– Но... – Невлой стал оглядываться вокруг себя. – Разрешение на это может дать только другой фогт. Лейда... И он будто бы среди нас... Эй! Кто у нас Лейда?

Никто долго не отзывался. Как раздался неуверенный голос Орея:

– Наверное, я... Спроси их.

– Вот и Орей пригодился, – проговорил Ольдим, больше для себя, чем для остальных; он своего назначения в команде ещё не понял, хотя, конечно, пытался воскресить все те знания, которые могут понадобиться при движении к Скале.

Невлой оглушительно захохотал. Подошёл к Орею и за руку вывел его перед торнами.

– Вот он – Лейда...

– Лейда!.. Он – Лейда! – подтвердили торны.

– Они тебя узнали!.. Орей, ты разрешаешь им взять в полёт людей?

Орей робко пожал плечами.

– Я не против...

– Это ты сам им скажи... Ну, ну, не робей! Ты – Лейда! Это ты научил их летать.

– Да... Я могу... Я разрешаю брать людей в полёт.

– Хо, хо! Слышали?

Возможность покрывать расстояние в полёте вызвало бурное обсуждение. Правда, не у всей команды.

Женщины, так же как и путры, слышали переговоры со стражами границы, сопереживали, но не мешали им этого делать. Женщины из-за безотчётного страха, а путрам было не безразлично, когда говорили о них.

Знающие, так и не покинувшие платформу, словно ничего не видели и не слышали. Они сидели в оцепенелых позах с полузакрытыми глазами, опавшими усами и казались всеми забытыми. Впрочем, некоторое время так оно и было, пока к ним не обратился Камрат, нет ли у них каких-нибудь сведений о летающих торнах и уточняющих их ответы?

Ой-Мой как бы очнулся и неожиданно заявил, игнорируя вопрос Камрата:

– Мы летать не можем.

– Почему это?

– Мы дали клятву никогда не отрываться от земли.

– Кому?.. Зачем?..

– Неважно кому. Но тот, кто отрывается от земли – безумец!

– И совершает непозволительное деяние, – авторитетно добавил Ей-Фей и встопорщил усы.

– Но почему? – вырвался общий как выдох вопрос удивления подступивших к ним мужчин.

Знающие долго переглядывались, возбуждая любопытствующих – кто знает, может быть, полёт и вправду вреден?

Но многие уже летали на воздушных шарах и, возможно, совершали необдуманный для их здоровья поступок.

Однако Знающие рассказали, уточняя и подсказывая друг другу, разочаровавшую всех банальную историю. Некогда у них в поселении имелись шары, но те, кто ими воспользовался, навсегда исчезли из обиталища Знающих. Вот предки Ой-Моя и Ей-Фея пришли к выводу безумства и непозволительности полётов, а их потомки клялись никогда не летать.

– Пьфю! – недовольно буркнул Ольдим, его крайне разочаровали разъяснения Знающих о нежелании лететь.

У него уже складывалась каманама, в которой не хватало последних слов, чтобы её закончить:

Полёт безумцам дан в награду...

Полёт подобен звездопаду.

Был человек: взлетел и...

А тут, по сути, идиотские запреты, коими славятся изолированные поселения людей. Да уж если вспомнить, у каждого города свои запреты, заповеди, установки.

Зато Свим оскорбился.

– Вы что хотите сказать? Если я летал, так значит я безумец? И Камрат тоже?.. Сами вы безумцы! А монстры? Они таких, как вы, только и ждут... Мы-то на них сверху плюнем!.. А вас они сожрут! Вот!

Утихомирить его не удавалось долго. Тем более что Зна-

ющие внешне, слушая Свима, словно не слышали слов упрёка в свой адрес.

Молодые же дурбы посмеивались и рассказу Знающих и обиженности Свим. А что им – молодым? Да ещё перед лицом Грени и Думары? Для них полёт как будто не внове. Но эта бравада лишь подчёркивала их сомнения. Перспектива полёта на разумном существе, пусть даже специально для того созданного, смущала.

И не только дубров. Это выяснилось, когда Харан, наконец, прервал наступившую тишину после выступления Сви-ма.

– Давайте проверим, что они могут. Невлой, кто меня сможет...

– Любой!

– Ну... Скажи вот... этому, – Харан показал на стоящего с краю летающего торна, ничем не отличающегося от своих сородичей.

– Ты сам скажи.

– Что я ему скажу?

– Хо, хо!.. Я тоже не знаю. Орей, скажи, чтобы он слушал меня.

Казалось, через силу Орей проговорил:

– Слушайтесь все этого человека от моего имени. Я ему разрешаю назначать полёты с людьми.

– Хо, хо!.. Эй, ты?.. Да, да, ты! Человек хочет испытать тебя в полёте. Покажи, как на тебя сесть.

– И мне позови тоже, – вызвался Свим. – Харан что, пушинка. Пусть попробуют меня поднять.

– И мне! – закричал Лепток, подбегая к Невлюю.

– Хо, хо!... Кто ещё?

– Пока хватит! – смеясь, остановил Камрат молодых дурбов, пожелавших проверить не столько возможности летающих торнов, сколько самих себя.

Пока Харан и Лепток приглядывались, с какой стороны подступиться к торнам, Свим уже сидел на своём. Выбранные людьми торны покорно становились на четвереньки и слегка раздвигали крылья. Между ними находилось углубление с невысокой спинкой для седоков. Они могли в полёте чувствовать себя уверенно: сидение, опора для рук и ног. Торны разбег начинали медленно друг за другом, но делали не более двух десятков шагов, поджимали ноги и отрывались от земли подскоком, полого поднимаясь вверх, почти касаясь травы.

– А ведь взлетели! – восхищённо проговорил Малион под бодрящий хохот Невлюя и шум команды.

– Прекрасно! Лететь – не идти, – сказал Камрат. – Но не хотелось бы оставлять моблы. И ещё... Т"евара. Он по весу стоит пятерых. Да и вообще, путры. Захотят ли торны взять их на себе?.. И Сестерций... Ты заметил?

– Не будем его пока трогать. Его аура уже спокойнее. Приходит в себя. А путры... Думаю Орей и Невлой как фохты... Надо же! Никогда не подозревал в Невлое проявления како-

го-то представителя древних биологов.

– Закреплённое наследство?

– Возможно. Но как они определили в них это наследство? Сестерций общается с Невлоем уже несколько месяцев, и ничего не знал о нём.

– Да, похоже, Сестерций даже не предполагал, что кроме вьючных, есть ещё и летающие торны. Впрочем, так же как и мы, – продолжал рассуждать Камрат. – И мне, кажется, хотя я не могу утверждать, но воспоминаний о третьей ветви торнов не сохранилось. Даже в легендах... Странно, не кажется ли тебе?

– Я тоже не слышал... Да, вот... Ольдим?.. А ты что знаешь о торнах, предназначенных для полёта людей?

Ольдим, занятый необычным зрелищем, вначале коротко отозвался:

– Ничего! – Но тут же изобразил на лице игру глаз и рта и уже серьёзно и пространно рассказал: – Как-то в Габуне кто-то говорил, что торны могут летать. Не знаю, что он имел в виду, но они и точно могут приподниматься над поверхностью земли и скользить над ней. Это, в сущности, не полёт. Поэтому я тогда возразил, считая, что способность летать торнов просто подверглась переосмыслению. Максимизации. Да и не все они могут подниматься. Сестерцию вот это не удаётся. А поистине о летающих торнах, крылатых на моей памяти никто не упоминал. О них не вспоминает ни фольклор, ни поэзия...

– Камрат! – позвал Невлой. – Астаматасита говорит...

– Кто?

– Это его так зовут, – указал Невлой на летающего торна, первым подлетевшего к ним. – Астаматасита.

– Он что у них самый-самый многоимённый? – удивился Ольдим.

– Нет.

– Так что он говорит? – напомнил Камрат.

– Они видели людей... То есть кого-то, похожих на нас. А раз мы люди, значит, те тоже люди.

– Где они их видели? Это интересно!

– На дороге... Бегства.

– Невлой, – Камрат терял терпение, – ты можешь сказать, где это? Бегства кого?

– Сам пока не могу понять. Эта дорога когда-то была основной, ведущей к Узлу Перехода... Буду выяснять.

– Как далеко от нас? В свиджах?

– Они не знают такого измерения.

Рядом, урча от натуги, опустился летающий торн со Свином. Дурб легко соскочил с него на землю.

– Молодец! – похвалил он торна. – Камрат! Это даже... даже лучше, чем на шаре. И быстрее... Да, тут недалеко от нас, в свиджах десяти, остатки большого поселения. Через него идёт широкая дорога, делаая колено на юг.

– Дорога Страха, – предположил Малион. – Мы, в конце концов, должны на неё выйти.

– Может быть... А что? – у Ольдима глаза стекли вниз. – Это, по всему, и есть дорога Бегства!

– Неужели кто-то сунулся сюда по дороге Страх? – Камрат посмотрел в мутную даль, пытаясь в ней что-либо рассмотреть.

– Отчаянные! – сказал Малион. – Прошли!

– Но барьер? Или эта дорога открыта до самой Скалы? Тогда что же?.. – Камрат помолчал. – Никто об этом не знал?.. Ой-Мой!.. Ей-Фей!.. Что вы знаете. Там есть барьер?

– Есть, – уверенно отозвался Ей-Фей. – А вот пропускной режим для прохождения разных разумных может быть в его различных местах выборочным. Мы о том знали. Но там основным барьером служит сама дорога, кто бы по ней ни шёл.

– Тогда... – подражая Свиму, сказал Камрат, – если дорога Бегства есть дорога Страх, то кто-то по ней всё-таки прошёл... Правда, если там и вправду люди.

Приземлился Харан с тем же известием, что и Свим – о посёлке и дороге.

Третий участник пробного полёта – Лепток – ничего не видел, кроме как захватывающий дух уходящей из-под ног земли.

Молодые дурбы подступили к Орею – всем хотелось ощутить вкус необычного полёта. Их остановил окрик Невлоя:

– Стойте! Нельзя их использовать впустую. Они быстро выдыхаются. Камрат! Либо все, либо пока никто!

– На всех их сразу не хватит, – заметил Ольдим. – Да ещё

с рюкзаками. Тоже вес немалый.

– В две партии, пожалуй, получится, – сказал Малион. – Но путры... Моблы...

Молодые дурбы далеко от шеренги летающих торнов не отходили. Ждали, когда собравшиеся вокруг Камрата решат, и можно будет занять место на спине биороботов. Даже Зливан остался вместе с ними.

Глава 32

Свалившийся поистине с неба дар возможности покрывать без труда большие расстояния по воздуху вдохновлял, но и из-за новизны ограничивал желания. Оттого пришли к выводу – на летающих торнах добраться до посёлка, виденного Свимом и Хараном. И только после такой предварительной проверки результатов перелёта строить планы на будущее.

Казалось бы, полёт опробован, влезай на летающего торна и – лети. Просто! Просто?.. Отнюдь. Возникли пока что неразрешимые проблемы.

Знающие наотрез отказались лететь.

– Бросить их, пусть добираются пешком! – Свиму не терпелось ещё раз сесть в удобное место на спине торна и ощутить непередаваемое чувство полёта. – А лучше поднять их под руки и посадить. И привязать, чтобы слезть не могли, а летели!

Ей-Фей глянул на него из-под густых бровей, и Свим, только что вдохновлённый своими предложениями, поперхнулся и смолк, не понимая, что с ним произошло.

Знающих, конечно, пешком никто не собирался отправлять вслед улетающим. Их можно оставить на платформах, но они тоже создавали неурядицу – на торнов не взгромоздишь, а оставлять их не хотелось. Подступили по этому вопросу к Сестерцию...

А Сестерций до сих пор не мог прийти в себя.

Появление третьей ветви родственных ему созданий, да ещё способных летать постепенно проникали в его сознание как явь, отчего многие его системы выходили из равновесия. А общение с ними Невлоя через него, хотя он не принимал в этом чувственного участия, вообще выбило из него всякое представление, что же вокруг него происходит.

Вот он стоит, как древний истукан, вскинув комп, между людьми и братьями по происхождению, с него волнами опадает разноцветные ауры, показывающие борьбу его существа привести все его системы в норму, и бессмысленно глядит перед собой, даже глаз повернуть не может.

Впрочем, с существованием летающих собратьев он постепенно смирился. Может быть, это и есть *туки*, которым «не сиделось на месте, и их унёс ветер в неизвестность» – так было записано в его памяти.

Инкубаторы «высиживали» новых торнов с минимальной

программой, способной лишь дать им возможность двигаться без ущерба для себя и накапливать нужный объём энергии. Затем наступал недолгий, но ответственный период ввода новых программ и информации. И здесь-то на этом этапе происходило медленное, из века в век, отсеивание того, что не находило потребности в активной жизни биороботов в изменяющейся окружающей среде. Накладывалась новая, нужная информация, а прежняя, не находящая применения в новых поколениях торнов, вводилась как бы для повышения интеллекта, но в сокращённой, а, порой, фрагментарной форме. Таковыми, по-видимому, были сведения о туках. Возможно, тысячи лет назад сведения о летающих торнах считались актуальными, но «их унёс ветер», и настоящие торны никогда с ними больше не встречались.

«Это туки» – твердо решил Сестерций, избавивших его от одного шокирующего явления. Но имелось и второе, не менее сильное явление – воскрешение Великого Биолога в лице Невлоя и Орея.

Туки назвали их фохтом... Сельдой и Лейдой...

А настоящие торны имени своего Великого Биолога не помнили. Как будто даже на произнесение и знание его ещё изначально был наложен запрет из-за боязни появления прямого потомка их Создателя, могущего повлиять на жизнь и быт их клана, как Орей или Невлой.

Конечно, ни Невлой, ни Орей, не сам фохт, а прямой наследник естества фохта, обладающий всеми его качествами

и правом управлять своими творениями. А всё потому, что имя его и облик не потерялись в тысячелетиях. Туки назвали их, а Орей и Невлой «вспомнили», кто они есть.

А если фохт и их, настоящих торнов, Творец? И вдруг сейчас Орей начнёт понуждать его к каким-то действиям?

Понуждать его, Сестерция, свободного до сего времени в поступках и суждениях!

И тогда всё накопленное им извне, всё приведшее его к своей исключительности, как для него самого, так и для окружающих, рухнет, погребая под собой его независимое бытие в этом мире.

И он со страхом ждал...

Невлой со своим общением с туками словно пронизывал его, не касаясь чувств и естества. И всё-таки... Постепенно обретая устойчивость, он мгновениями будто со стороны получал пронизывающий его квант энергии: – Берегись!

Но настойчивость Камрата и Малиона, да обидные реплики Свима, наконец, стали успокаивать бешенный суматошный бег импульсов его системы управления вначале центра, а затем и тела... Он смог понимать смысл задаваемых ему вопросов со стороны людей и логично отвечать на них.

– Сестерций! Ты меня слышишь? – пробился в его сознание многократно прозвучавший голос Камрата.

– Слышу...

– Вот и хорошо.

– Наконец-то, – вздохнул и Малион.

– Надо бы давно по компу его стукнуть...

– Оставь, Свим!.. Сестерций, поверь, мы так же, как и ты, впервые видим... сельдов и тоже поражены...

– Они туки!

– Ага! – Камрат обрадовался поправке и многозначительно переглянулся с Малионом. – Значит, туки. Это они так сами себя назвали?

– Мы их так называем.

– Вы?.. Так ты о них знал?

– Нет!.. Их ветром унесло!.. Больше ничего не знаю!.. – отрывисто выкрикнул Сестерций

– Я же говорил... – Свим и впрямь хотел постучать кулаком по компу Сестерция.

– Свим!.. Сестерций, как оказалось, мы сможем на туках полететь, но не хотим оставлять моблы. Если ты их поведёшь без людей и путров, с какой скоростью они могут передвигаться? Самое большое?

– Десять свиджей в минт.

– Сколько?!.. – недоверчиво воскликнули, пожалуй, все, обступившие торна.

– Десять свиджей в минт, – монотонно повторил Сестерций.

– Это же... – задохнулся от негодования Свим. – Что же ты молчал? Ну, консервная банка!.. Чего мы тогда едва-едва идём?.. Да нет, Камрат, – возразил он на его знак помол-

чать, – ведь мы могли бы взять с собой не два, а пять... Да даже десять моблов. И мчатся!

– Надо нам было о том тогда спрашивать Сестерция. Не помнишь, как мы эти два сами толкали? – Харан встал между Свимом и Сестерцием.

– Это точно, – уныло подтвердил слова Харана Ольдим.

– Но нам такая скорость не нужна. При такой всё, что на поверхности мобла, ветром сдует, – сказал Камрат.

– Это точно...

– Но со скоростью полёта этих... туков, вполне будет нормально, – рассудил Малион. – Отпадает проблема Знающих и Т"евары. Пусть они сидят на моблах.

– Пусть, – согласился Камрат.

Однако оказалось, что лететь не горят желанием не только Знающие. Вообще, с появлением туков, путры старались быть от них подальше. Поэтому при распределении членов команды кто и когда полетит, а сделать это решили в два приёма, то Ф"ент, скуля, поджал хвост, а Р"япра спряталась за Т"евару и наотрез отказалась лететь. А Т"евара, опережая решение воспользоваться моблами, а не лететь, заявил:

– Я не полечу! Я лучше пробежусь. Мы так медленно идём, а я люблю бегать. Зачем мне лететь?

– Кто тебе не давал бегать, – как всегда теперь с вызовом спросил его Свим.

Т"евара хрюкнул от недогадливости человека.

– А куда здесь бежать? Бежать назад, а потом догонять? А

там, – он показал лапиной направо от дороги, – кто-то пляшет, а там, – повернулся он налево, – кто-то кувыркается. Так к ним бежать что ли?

Свим с удивлением осмотрел подёрнутые мглой горизонты по сторонам дороги, но ни прыгающих, ни кувыркающихся не увидел. Правда, там порой возникали светотени.

– Вот бы и узнал, кто они такие, – нашёлся он.

– Зачем?

– Всё! – отвлёк их Камрат. – Малион, отправляйтесь.

Первая партия забирала только мужчин, из них здесь оставались Камрат, Невлой и Орей. Первым из путров вывзвался лететь К”ньшец.

– Ты, К”ньюша, прочувствуй, как это подействует на тебя, и передай свои впечатления Зливану, – напутствовал его Камрат.

Зливан должен был вернуться с несколькими туками, чтобы доложить о переброске первой группы, а туки дополнить оставшихся летающих сородичей и забрать вторую партию.

Рюкзаки Камрат распорядился на всякий случай мужчинам взять с собой, а женщины полетят без них, сложив на моблы.

Первая партия улетела. Не прошло и блеска, как туки вернулись с Зливаном, восхищённым полётом.

– Никогда в жизни! – говорил он с придыханием. – Это как в сказках о древних!

К тому времени моблы со Знающими, Р”япрой и Жари-

стой, решительно усевшейся рядом с Сестерцием на первой платформе, были уже в пути. Т"евара, урча и хрюкая, бежал вдогонку за ними.

Женщинам и путрам оседлать туков пришлось помогать. Кроме Гелины. Она смело подошла к торну и, когда тот встал на четвереньки и услужливо подставил спину, внешне спокойно вспрыгнула на него. Так её действия виделись со стороны. Сама же канила едва перевела дух лишь после того, как почувствовала под собой надёжную опору.

Камрат успокаивал Грению, а она никак не могла оторвать рук от него. То же самое испытывал Зливан, усаживая и успокаивая Думару. Впрочем, с ними всё обошлось без эксцессов. Зато Илона надолго задержала отлёт второй партии. До того она отказалась ехать на моблах, а теперь с безумными глазами, визжа, бегала среди туков и увёртывалась от ловивших её Камрата и Зливана. А призывы Гелины не доходили до неё.

Илона вообще, казалось, пребывала вне команды, хотя порой выказывала свой капризный характер, а смирялась лишь только под взглядом Гелины и её слов увещевания. Если у многих уже проявились какие-то признаки необходимости пребывания при Аба-Ава для достижения Узла Перехода, то Илона «отличилась» лишь своей пропажей в городке развлечений с Лептоком. Лепток с тех пор обходил её стороной, да и молодые дурбы, возможно, со слов Лептока так же относились к ней с прохладцей.

Однако все понимали, что её появление в команде неспроста. Недавний пример с Ореем многих убедил не только в важности предназначения кого-то, но и самих себя в этом походе к Скале...

Громоподобно хохотал Невлой. Туки не понимали, что происходит у людей, с отсутствием Сестерция общение с ними усложнились.

– Мы тебя оставим здесь одну! – пообещал Камрат.

Наконец, Орей что-то донёс до Астаматаситы. Летающие торны перестроились, встав в круг. Илона оказалась в центре. Один из туков схватил её и вкинул себе на спину. Звонящий крик оборвался.

– Уф! – подошёл к Камрату запыхавшийся Зливан. – Все готовы.

– Я тоже.

Камрат подошёл к торну, сел на него, почувствовал, как под ним тело тука меняет свои очертания, подстраиваясь к его габаритам – сидеть удобно и надёжно. Помахал рукой Орею.

Взлетели...

Весенний полёт на воздушном шаре – медленный, тихий, спокойный – совершенно не походил на сегодняшней. Шар – мёртвое образование, а сейчас Камрат чувствовал под собой живое тело, оно меняло форму, ощущалось движение.

А сам полёт!.. Каждый взмах крыльев то поднимает вверх, то бросает вниз так, что захватывает дух от падения и лёг-

кости во всех членах. Но вот опять скачок вверх – тяжесть опускается на плечи, спина тука подаётся вглубь.

Рядом летит Грения. Радостно смеётся и машет ему рукой.

Три-четыре минта полёта, как внизу показался посёлок в виде звезды о трёх концах неравной длины.

Троичность диктовалась дорогами. Одна – та, ведущая от пропускного пункта, вливалась тонкой серой полоской в центре посёлка в другую, широкую, словно покрытую серебром. Сюда она подходила с востока и под углом уходила на юго-запад.

Поскольку летели невысоко, может быть, в двух канторах над поверхностью, то, обгоняя моблы, успели обменяться несколькими словами с Сестерцием. Они уже находились на подходе к посёлку. Т”евара не отставал от них.

На перекрёстке дорог первая группа шумно встретила прибывших во главе с Камратом. Сюда тут же влетели моблы. Теперь со всей определённой можно было говорить, что первый пробный перелёт совершён удачно и есть смысл его использовать впредь. Скорость передвижения увеличивалась в разы.

– Астаматасита просит отпустить их до завтра, – сказал Невлой Камрату сразу после приземления. – У них там, в Большом Гнезде сегодня что-то намечается серьёзное.

– А они завтра прилетят точно?

– Точно! Хо!.. Они вернуться, так как хотят взять с собой

Орея и показать его всем тукам. Он потомок того, кто научил их летать. Он – Лейда!

Камрат глянул вверх. Солнце едва достигло полудня.

– Спроси вот что у них... Да! Они же видели где-то людей.

– Я уже спрашивал. Здесь недалеко по дороге от Болота Первого.

– Вот-вот! Сегодня надо бы их увидеть. Спроси, могут ли они мне оставить одного тука. Я слетаю, посмотрю и сразу вернусь. Если близко, то это недолго.

Невлой пообщался с Астаматаситой.

– Они должны собраться в своём Гнезде к вечеру, поэтому могут ещё послужить людям. Хо-хо! – хохотнул довольно Невлой. – Послужить людям, а? Хорошо звучит!

– Они для того и созданы, – сказал присутствующий при разговоре Малион; он на полёт Камрата имел своё мнение. – Тебе одному лететь не следует. Я полечу с тобой.

– Камрат, возьми и меня, – подскочил Свим, оттолкнув Зливана, готового предложить себя в напарники Камрату.

Камрат засмеялся.

– Понравилось летать? Но... Полетим втроем. А ты Зливан со своими дурбями посмотрите, что здесь в посёлке осталось.

– Да ничего здесь не осталось! – повёл вокруг взглядом Зливан. – То ли смерчи тут прошли такие, что страшно подумать. То ли люди постарались...

Посёлок и вправду представлял собой картину полного

разгрома. Руины, словно кому-то понадобилось пробивать в них сквозные отверстия, сорванные крыши, разбросанные глыбы остатков вечных стен. Проходы между ними и подходы ко многим из них завалены вырванными дверями, обломками и частями каких-то устройств.

– Посмотрите всё же, – попросил Камрат, садясь на тука.

– Посмотрим, – без охоты пообещал Зливан.

Уже свиджа через три стали видны одинокие фигуры людей на обочине дороги.

– А ведь это... Кемеш! – узнал Свим.

– Кемеш! – крикнул Камрат.

Глава 31

Оприты продвигались вперёд, а во что-то играющие тени отступали, всё больше убеждая – это галлюцинация. К ней уже стали привыкать, оттого расслабились и пошли свободнее, лишь порой отмечая изменения в динамике игры теней.

– Берегись!.. Сверху!.. – душераздирающий крик застал Кемеша, когда он отвлёкся по нужде.

Оказавшись в неудобной позе, он глянул вверх и от увиденного выдавил из себя лишнее. Закрыв небо, на него падало нечто страшное: покрытые перьями ноги с отливающими синевой громадными когтями.

Кемеш упал набок и покатился по откосу дороги, перевернулся через голову и, обдирая оголённые части тела, вва-

лился в разлапистый куст. Над головой гаркнуло, как гром прогремел, и небо очистилось.

Сквозь ветви куста он мог видеть: стая чудовищных по размерам птиц атаковала его банду. Оприты отбивались мечами, некоторых из них уже терзали птицы, разрывая на куски. Иных хватали когтями и поднимали вверх, но ноша оказывалась тяжёлой, её выпускали, и жертва камнем падала вниз за дорогой.

Крики людей утонули в шуме крыльев и клёкота.

– А-а!

Кемеш бросился к ближайшему от него оприту, который готов был уже упасть и быть убитым. Нависшая над ним птица в два раза превышала его по размерам, а размах крыльев достигал не менее пяти берметов. Её вертикально поставленный хвост как у рыбы гнал воздух. «Неужели это самаберсы, что могут перелетать с планеты на планету?» – билось в голове Кемеша. А руки, ноги, всё его существо кинулось в схватку, преодолевая встречный ветер.

Он подпрыгнул, махнул мечом, но только дотянулся до перьев крыла. Сделал бросок вперёд к поверженному оприту, сильно, до боли в плече, размахнулся и когтистая лапа, нависшая уже для того, чтобы схватить, отлетела отрубленная в сторону. Самаберс издал звук, бросивший своей мощью Кемеша к земле. Упав, Кемеш лёжа выбросил руку с мечом и проколол твёрдую подошву второй ноги птицы. Кровь хлынула на Кемеша. Птица дёрнулась в бок, Кемеш, захлеб-

нулся и меча не удержал. Одежда, избавляясь от чуждой человеку органики, вскипела...

Он сидел рядом с опритом, не подающим признаков жизни, горло его было разорвано до позвонков. И тут же Лакой – целый и невредимый, но едва подающий признаки жизни и безумно вперивший свой взгляд в небо. Кемеш сидел и видел ещё три фигуры людей, пришедших с ним сюда. А остальные растерзаны до неузнаваемости, а то и унесены. Кто-то, по видимому, успел сбежать. А, машинально подсчитав, включая себя, обнаружил – спаслось только пять человек, в том числе и Оконд, чудом оставшийся в живых, так как был не вооружён, и отбиваться не мог.

Кемеш сидел, живые медленно подтягивались к нему, образовали кружок. Молчали, уставив взоры в землю. Селек, молодой, всего года два, как появившийся в банде, обхватил голову руками и раскачивался, словно не мог удержать равновесия. Рядом с ним могучий Поприн, казалось, до сих пор не мог отдышаться после схватки с самаберсами.

– Кемеш! – вдруг долетело до них сверху.

Оконд выдавил из себя хриплым стоном:

– Опять они... – и распластался на земле.

Птицы падали вниз.

Вождь разгромленной банды действовал инстинктивно, ибо в голове его стоял шум, а заговорившая вдруг птица, да ещё о его имени, вконец помутила его сознание. Ведь такое может послышаться перед неминуемой смертью, несо-

мой этими кровожадными созданиями. Навстречу птицам вскочили только он и Поприн. Кемеш махнул рукой, только сейчас заметил – меча в ней нет. Покрутился на месте, своего не нашёл, вырвал из рук растерзанного оприта его меч.

– Кемеш!

Птицы подлетали. Их оседлали люди.

Он кинулся с поднятым клинком навстречу им. Не добежал. Птицы сели, с них соскочили седоки. Дурбы... Рослые, сильные. Направились к нему.

– Кемеш, опусти меч! – крикнул Свим. – Мы прилетели не для того... Это Камрат... а я – Свим...

– А-хх-а! – выдохнул Поприн.

А для Кемеша вокруг как будто чуть посветлело. Он потрянул головой, пытаясь избавиться от клочков тьмы, мешающих ему воспринимать действительность.

И всё-таки он стоял в ожидании нападения. Уверения дурбов, прилетевших на птицах... других птицах, что ему как будто ничто не угрожает, он никак не воспринимал. Но ведь дурбы... Это и они не давали Кемешу объективно воспринимать обстановку. То, что от банды с ним осталось только четверо, воспринималось проще. За свою жизнь Кемеш испытал множество потерь. Бывало, и в одиночестве оставался.

А тут. Свим, Камрат – имена, набившие оскомину с весны. Всем они не давали покоя – Тескому, Фундаментальной Арене, с ними, похоже, встречались чуть ли ни все вожди банд. Сколько о том небылиц наслушался от каждого,

не счесть.

Камрат... Мальчик... Присмет искал мальчика. Знающие видели в нём Предвестника. А Свим с друбой от Хлена едва не перессорил вождей на Сажанее. С ними сбежал этот прохвост Ф"ент, а Хлен говорил о Сестерции...

Кемешу ни Камрат, ни Свим (третьего прилетевшего вместе с ними он не знал) не были врагами, тем более что подсказка Свима покинуть затерянную на краю Заповедника Выродков базу его банды, уберегла от неприятной встречи с тескомовцами. А они, безуспешно гоняясь за Камратом, настроены были решительно и могли неудачу погони выместить на нём и его опридах. Он тогда поверил. Можно ли верить сейчас?..

Дурной шум в голове не проходил, как ни старался Кемеш от него избавиться.

Свим скользнул взглядом по истерзанным телам убитых опритов. Давно он не видел ничего похожего. Обычно, прорубаясь сквозь людей или выродков, он оставлял поле боя за своей спиной, а сейчас наткнулся на подобное побоище. Плечи его дрогнули от холодка, пробежавшего по спине.

– С кем это вы здесь? – спросил он, и... глаза его загорелись, он разглядел мечи, которые, что ни говори, а уже никому не принадлежали.

Наконец-то! Свим, не слушая ответа, обошёл Кемеша и Лакоя. Наткнулся на качающегося Селека, обошёл и его. И оказался в центре недавней схватки. Только здесь понял, что

рубились не мечами, хотя у большинства тех, от кого осталось хоть что-то, в руке был зажат меч. Свим мог выбирать.

Кемеш, вначале отрывисто и сбивчиво, глотая воздух, но потом связно рассказал Камрату и Малиону, что здесь произошло с его бандой.

– Значит, самаберсы, – задумчиво сказал Камрат. – Вот что. Малион, ты вернись в посёлок и скажи Сестерцию, чтобы привёл сюда моблы. И захватил бы Харана. А мы их со Свимом подождём.

– Сестерций! – встрепенулся Кемеш. – Этот правдоискатель!.. Пройдоха!.. Хлен говорил... Так он так и остался у вас, уйдя от Хлена?

– Так и остался, – подтвердил Камрат, провожая взглядом летающего торна с Малионом.

– Он и у меня когда-то побывал. Я уж думал, что никогда с ним не встречусь. А встречусь так... И вот... – Кемеш покрутил головой и от вновь возникшего в ней шума и того, что он вспомнил. – Круг, похоже, замкнулся. Да-а... Мне когда-то предсказали... Темно, правда... Когда, мол, круг замкнётся, и торн вернётся, я узнаю, кто я и своё место в этом мире... Да-а...

– Не Индрис ли тебе такое предсказал? – спросил Свим, играя найденным мечом.

Кемеш нахмурился, вспоминая.

– Его как будто звали иначе... Давно было...

Сказал и надолго замолк.

Камрат и Свим оставили его в покое, осмотрели останки людей. Среди них уже копошились какие-то юркие зверьки.

– Скоро от них ничего не останется, – печально заметил Камрат.

– А чем мы можем помочь?

– Мы когда-то хоронили... – напомнил Камрат.

– Я смотрю на них и думаю о тех, кого мы убили. Да, Камрат, да! Убили, прокладывая себе дорогу через опритов, выроdkов и всякого сброда, что не давали нам пройти. Мы их не хоронили... А вот мечи надо собрать. Пригодятся.

Спустя прauзу после отлёта Малиона на дороге появились моблы. Свесив ноги с торца первого из них, сидели Сестерций и Жариста, на втором – Харан.

А Кемеш вновь впал в прoстpацию – не спиться ли ему едва ли не сказочный сон. Вначале пояснение Камрата, отнюдь не мальчика о летающих торнах, предназначение которых заключается в переброске людей на большие расстояния. Потом появление каких-то плоских образований, так же несущих людей по воздуху... С детства слышанные сказки...

И вот он – Сестерций, не подающий знака, что знаком с ним. Этот зануда когда-то побывал и в его банде, потом где-то пропал, а потом объявился у Хлена... Может быть, и Хлен здесь?

Кемеш моргал, встряхивал головой, но не мог избавиться от навязчивых мыслей, уносящих его далеко отсюда.

А вокруг...

– Харан, посмотри этого, – указал Камрат на кровоточащее плечо Оконда.

– Сейчас... – Харан развёл руки Селека, посмотрел ему в глаза. Строго приказал: – Очнись!... Вот так-то. Встань и пройди!

Селек поднялся, сделал несколько шагов.

– Теперь ты... – Харан склонился над Окондом. После беглого осмотра раны сказал: – Ничего страшного. В посёлке нашли закалочные... Заживёт.

Зато с Лакоем у него быстрого осмотра и диагноза не получилось.

– Странно... – порой приговаривал он. Наконец, поднялся с коленей. – Пусть его Невлой посмотрит. Потом закалочная... Не знаю что с ним.

– Он долго ходил по этой дороге, – подсказал Оконд.

– И что?

– Она как-то на него подействовала. С ним это как раз случилось, когда он находился на ней... Стал кричать. Упал. Нам пришлось его нести.

– Надо отсюда уходить. Самаберсы могут вернуться... Камрат, ты помнишь, кравели говорили, что самаберсы обязательно возвращаются?

– Помню, Свим, помню. Но там кравели, а здесь – люди, – с надрывом отозвался Камрат. – Никогда не думал, что такое увижу.

– Я там, – Свим кивнул в сторону схватки банды с птицами, – кое-кого прикрыл, но... Нам не закопать всех...

– Не повторяйся... Будем уходить. Сестерций, мобл к Лакою... Кемеш, ты с ним! Всем...

– Я же говорил!.. – плачущим голосом крикнул Оконд. – Вон они! Летят!

Усевшиеся, было, на платформах оприты сползли на землю. Помянул Край Харан. Камрат окинул быстрым взглядом мутное небо, заметил всего две птицы. Жариста прильнула к Сестерцию, а тот спокойно произнёс:

– Это туки... На них Невлой. Я знал...

– И молчал? – возмутился Свим.

Наглядевшись на обезображенные трупы опритов, Свим представил себя, вернее то, что могло остаться от него после налёта самаберсов, даже, несмотря на ворох мечей, что он собрал и теперь вновь мог постоять за себя. Но и оприты, тоже могли, а... что от них осталось...

Сестерций на выкрик Свима благоразумно промолчал. Одно, что не хотел услышать от него новых обвинений, но в основном, чтобы не привлекать к себе внимания Кемеша, время от времени останавливающего на нём свой недобрый, как ему казалось, взгляд. С Кемешем он расстался из-за несогласия порядками, установленными в банде. Чаще всего из-за нападения на вьючных торнов. Отобрали у них вьюки, и отобрали, но зачем некоторых из них калечить?

Невлой прилетел с Зливаном.

Зливан увидел разбросанные части тел опритов, на въедающихся в них проворных, похожих на мышей, зверьков и наотрез отказался уходить отсюда, пока останки не будут похоронены.

– Я сам...

Невлой, держа за руку Лакоя, которого осматривал вместе с Хараном, переглянулся с Камратом, требуя поддержки желанию молодого дурба. Камрат согласно кивнул в ответ. Сейчас их здесь много – справятся.

Общими усилиями собрали всё, что осталось от людей, в глубокий бочаг и забросали его травой, вырванной с землёй.

Кемеш долго стоял над ямой без движения и приходил к пониманию, что больше никогда не будет создавать банды, так как он подошёл к тому рубежу, к которому стремился всю жизнь. Теперь его одолевало смутное беспокойство – а что там, за рубежом? Обычно быстро мыслящий и принимающий решения, он чувствовал своё бессилие что-либо предпринять, потому что оказался в плену чужих представлений. И не только навязываемых со стороны, но и в нём самом.

Глава 33

Летающих торнов отпустили – всем нашлось место на моблах.

Камрат предупредил Сестерция об осторожности – оприты были не готовы к такому способу передвижения, а за Ла-

коем и Селеком вообще приходилось всё время присматривать. Лакой лежал на платформе пластом и при резком ускорении или торможении мог с неё соскользнуть, а Селек тоже порой норовил свалиться наземь. Поприн, примостившийся на краешке мобла, цеплялся ногами за землю. Да и Кемеш машинально шарил руками вокруг себя, словно не доверял устойчивости платформы.

Зато Оконд примостился между Хараном и Невлоем и с удовольствием отдался плавному полёту.

Наступил уже поздний вечер, когда моблы достигли посёлка.

За время отсутствия Камрата молодые дурбы во главе с Малионом и не без помощи путров обследовали большую территорию. Уничтожение поселения коснулось не только его поверхностной части, но и подземных помещений и сооружений. Но кое-где остались островки бывлой системы обеспечения древних разумных энергией, пищей и закалочными.

– Мы здесь отыскивали-таки несколько местечек. Одно совсем не плохое, – сказал Малион, встречая Камрата. И будто извинился: – Правда, под завалом и глубоко под землёй... Едва нашли Но там есть всё! Похоже какое-то специальное помещение.

– Хо, хо! – По запаху нашли? – ехидно спросил Невлой. – Под завалом и глубоко?

– Не по запаху, а по грохоту, – засмеявшись, ответил Ма-

лион. – Авех провалился. Полез...

– Как он? – обеспокоился Зливан.

– Синяки набил. Отсиделся в закалочной.

– Нам всем в них отсидеться надо, – сказал Харан. – Но этих, – повёл он рукой в сторону опритов, – в первую очередь.

Завал от рухнувшего когда-то строения был, но поверхностный: балки, плиты, а под ними в подzemелье вела обычная лестница, возможно, во время Оно подвижная, сильно замусоренная, но проходимая.

– Мы здесь немного почистили. Любопытный... мусор! – Малион отодвинул какой-то короб к стене. – Вот какая-то тара. Когда-то её не просто вскрывали, а рвали, вытаскивая содержимое.

Кемеш со всеми опускался вниз, и чем ниже, тем с большим нарастанием чувства окончательной потери прошлого – не было его у него! Хотя, смутно вспоминал он, с ним нечто подобное уже случалось. Это когда он, разочарованный бессмысленным бытием в родительском дуваре, впервые ушёл в оприты. Отец не понял его поступка и, встречая сына в предзимье, вернувшегося домой, старался, как можно меньше с ним общаться, да и вообще встречаться. Мать поступала как отец, и только после его смерти стала относиться более лояльно к увлечению сына.

Лестница всё-таки когда-то была подвижной, так как вела глубоко под землю. Ниже – меньше мусора. Сход с неё от-

крывал большое помещение. Несчётное число мелких светильников, а они часто покрывали стены, пол и потолок, создавали иллюзию прозрачности всему тому, что здесь находилось, в том числе людям и путрам. Вытянутая вперёд рука словно растворялась в воздухе.

Камрату долго не удавалось окинуть одним взглядом, как тут разместилась команда. Лишь слышен шум и говор.

– Здесь можно потеряться, – сказал он.

– Мы сюда пришли, был нормальный свет. Потом вот это. Но через блеск уже привыкнешь, – заверил Малион. – Это вначале всё плывёт перед глазами. До слёз.

Ф”ент при виде Кемеша поджал хвост и юркнул за Х”вьюсю, хотя Кемеш вообще ничего не видел. Взор его, куда бы ни падал, натыкался на яркий луч светильника, как будто специально встроенного так, чтобы ослепить вошедшего. Но всё это ему что-то напоминало, он даже вспомнил – видел совсем недавно во сне.

Все три закалочные были пока заняты молодыми дурбамми. До них там уже побывали женщины. Лакоя положили рядом с одной из закалочных, а Селека к другой, да и остальных опритов решили пропустить в первую очередь. С ними занялись Харан и Невлой.

Пришло немного времени и Камрат смог основательно осмотреться – россыпь светильников перестала мешать тому.

В центре помещения полукруг раздаточных, на стыке стен

и пола узкие скамьи или лежаки – их команда уже освоила и в том и другом назначении.

Навстречу Камрату поднялась Грения, доверчиво прильнула к нему.

– Здесь так хорошо, – прошептала она, хотя общий шум поглотил её слова, едва дойдя до Камрата.

– В закалочной была? – грубовато спросил Камрат.

– Да... Тебе тоже надо.

– Сначала их, – показал Камрат на незнакомых Грению людей. – На них самаберсы напали.

– Это... Ой!.. – округлила глаза и ещё ближе придвинулась Грения. – Большие птицы?

– Да уж. Людей много погибло.

Но Грению печаль Камрата не тронула, она была рада его близости. Они стояли в центре подземелья, обменивались краткими ничего не значащими фразами, забыв о том, что происходит вокруг них. Камрат чувствовал какое-то тепло, исходящее от Грению, оно умиротворяло. Вот только что в нём всё кипело, было в напряжении, одолевали какие-то заботы, а теперь смягчилось, ушло, уступив место безмятежности.

Кемеш с Лакоем покинули закалочные, восстановившие свойственную им бодрость и адекватного восприятия незнакомой обстановки, возникшей вокруг них. Лакой вообще долго не мог понять, где он и с кем, а Кемеш лишь сказал ему несколько мало объясняющих фраз. Чуть позже примкнув-

ший к ним Селек тоже находился в полном неведении, а Поприн любил не обсуждать что-либо, а молча слушать. Впрочем есть и знакомые имена – Камрат, Свим, Ф”ент ... Знающие... Но и женщины, дурбы, выродки. Все о чём-то говорят, что-то одни доказывают другим. Беспричинный смех. Мелькает Сестерций, а Ф”ент повернулся к ним спиной...

Свет множества светильников внезапно погас. Оборвался шум, поднятый командой, наступила насторожённая тишина. Обижено хрюкнул Т”евара. Люди и путры потянулись к центру помещения, где стояли Камрат и Грения – вместе можно не бояться возможных неприятностей.

Не успели обменяться мнением о случившемся, как дальняя стена, вначале тускло, засветилась. Свет быстро набирал силу, стену перечеркнули разноцветные линии, а потом появилось изображение. Это была не застывшая картинка, хотя несколько странная по сюжету – чей-то взгляд со стороны в проём узкой двери. Вдали стоял человек и совершал ритмично повторяющиеся пассы руками, а сразу за дверью – пара: приземистый мужчина в широких коротких штанах и высокая, на голову выше партнёра, стройная женщина в строгом чёрном платье до пят. Они танцевали под громкую ритмичную музыку... или ходили за дверью то в одну, то в другую сторону, раз за разом скрываясь за стенами – то отступала женщина, то мужчина. Ног от пола они не отрывали.

Вначале необычная сцена заморозила нечаянных зрителей, но уже вскоре ничего, кроме раздражения, не вызыва-

ла. Она не давала возможности на чём-либо сосредоточиться, а, то возрастающая, то спадающая громкость звука примитивной музыки давила (дум-дум-думдум) не только на слух, но и на поведение разумных. У каждого словно появилась своя какая-то забота, отдалявшая от общения с другими. Рассеянные взгляды, ненужные движения, порой поддающиеся тактам тупых звучных ударов, воспроизводимых от стены.

– Нас отсюда пытаются выгнать, – Малион, морщась от звуковой какофонии, притиснулся к Камрату. – Не находишь?

– Может быть... – неопределённо отозвался Камрат.

«Впрочем, – подумал он, – сколько времени здесь не было людей. Вечное... Оно тоже не вечное. И здесь, по сравнению с тем, что наверху, многое сохранилось, но и исказилось».

Танцующая пара замерла, стена померкла, гулкие удары стихли. Темнота и после неё вспыхнул нетерпимо яркий свет, заставивший всех зажмуриться.

Лакой встряхнул головой и с удивлением сказал, глядя на Кемеша:

– Вспомнил! Я всё время летал над Болотом...

Кемеш хмыкнул.

– Приземлился, наконец.

– ...а что внизу всё видно, – не заметил реплики Лакой и проговорил монотонно каждое слово: – Внизу посёлки... дороги... Узел Перехода... Купол... Вокруг вода и густые

упраны...

В наступившей тишине все слышали его неожиданное «воспоминание».

– Это... что-то новое о Скале, – сказал Харан.

– Он правду говорит! – воскликнул Оконд. – Это не просто Скала. Небольшое возвышение и купол!.. Я читал!

– Похоже, они к нам не так просто попали, – предположил Малион. – У них тоже какие-то знания. Но... – он прищурился от бьющего в глаза света, – здесь на ночь оставаться нельзя. Больше устанем, чем отдохнём.

– Зато здесь закалочные, – возразил Ольдим. – Не все прошли.

Бессмысленный танец пары вдохновила его на каманаму о суете и тщетности вырваться из круга постоянно повторяющихся явлений:

Вернись назад, иди туда –

Везде одно.

Там беда, здесь ерунда,

Как пустой чаши дно...

Но так думал не только Невлой.

Кумар напомнил, что рядом есть небольшое полуподвальное помещение, совершенно пустое, и там всего один вечный светильник.

Свет мигал, на стене возникали шумные сцены. Поэтому,

когда закалочные пропустили всех, команда, не без сожаления, всё-таки здесь можно было расположиться привольно, собрав свои пожитки, перебралась в тихую комнату, берментах в тридцати от дороги. Тесновато, конечно, но люди и путры уже привыкли к неудобствам, что сопровождали их по пути к Скале. Так что уже через праузу бóльшая часть команды спала.

Рано утром всех разбудил Сестерций – вернулся Орей с количеством летающих торнов, способных поднять в воздух и переместить сразу всю команду.

Сам Орей был как всегда немногословен, однако сведения, полученные им в Большом Гнезде туков, не порадовали. Само Гнездо – круг деревянных хижин на высоком взлобке с вросшим в землю инкубатором посередине Орея не впечатлил, так же как и его слушателей. Интересно, конечно, всё-таки Гнезду тысячи лет, но возможность скоро подступить к Узлу Перехода вызывала нетерпение. Тем более что путь к нему обретал некоторые подробности. Так выяснилось, что туки всё-таки пересекать водное кольцо не имеют права.

– Это что, запрет или завет самих торнов?

На вопрос Малиона Орей пожал плечами.

– Думаю, ни то, ни другое. Тут...

– Но ты можешь приказать им лететь? – поторопил его

Свим.

– Могу. Но они входят в общий поток защитников Узла

перехода. И имеют своё, выделенное им назначение. А внутренняя стража огненными струями уничтожает всё инородное, что пересекает протоку по воздуху и по мосту...

– Какому мосту? Там есть мост?

– А, да. Там как будто есть мост. Или бы...

– Лакой! – позвал Камрат. – Ты видел мост?

– Когда летал во сне? – с иронией в голосе добавил Свим.

Лакой наморщил лоб, вспоминая.

– Я больше смотрел на купол. А мост... Не знаю.

– Есть мост или нет, – сказал Ольдим, – а вот внутренняя стража с огненными струями... Не просто.

Вопросы к Орею о внутренней страже остались без ответов, так как летающие торны о них ничего не знали, и знать не хотели, так как ведали о наказании любопытных – они сгорели в этих струях. Впрочем, и к самой протоке они подлететь не могли ближе, чем на три-четыре сотни берметов, то есть имелись чёткие ограничения.

– Надо слетать и посмотреть подступы и к протоке, и к переправе через неё, – предложил Невлой. – Лететь сразу всем, значит, рисковать.

– Разумно. Со мной полетят... – Камрат запнулся. Как ни считай, а придётся брать с собой человек пять. – Невлой, Свим... Э-э... Оконд... Сестерций... И...

– И я! – шагнула к Камрату Жариста. – Я как будто что-то знаю.

– Что? – живо спросил Камрат.

Жариста задумалась.

– Когда сказали про мост, мне показалось... Это не мост... И – мост... – Жариста мучительно подбирала слова. – Есть мост... Но есть труба... Да, труба. И можно пройти...

Малион:

– Вот!

Невлой:

– Хо, хо! Ай да Жариста!

Камрат:

– Прекрасно! Слетаем, посмотрим, заглянем в эту трубу.

– Но я не знаю где она и как в неё войти! – в отчаянии выкрикнула Жариста со слезами на глазах. – Темно!

– Ну, ну, ты сказала главное. Успокойся? Полетишь, и, может быть, на месте что-нибудь увидишь. Орей! Нас шестеро. Скажи, что надо нас доставить как можно быстрее.

– Камрат, возьми меня! – сбиваясь на лай, крикнул Ф"ент. Он поджал хвост, его била дрожь. – Люди пройдут, а мы? Надо...

– Молодец, Ф"ент, что напомнил!.. Орей, нас семеро.

– Ну, собака! – восхищённо мяукнул К"нъец.

У него тоже появилась подобная мысль, но он не решился попроситься в полёт с Камратом.

Туки, отобранные Ореем, были уже знакомы со своими ездоками. Они покорно стали на четвереньки, принимая их на себя. Взлетели и низко над дорогой понеслись вдоль неё к неблизкой ещё протоке вокруг Скалы.

Глава 34

Камрат бессознательно сравнивал величественный плавный полёт на воздушном шаре и этот – стремительный, по его просьбе и приказу Орея. Глаз не успевает что-либо рассмотреть основательно – внизу все детали ландшафта сливаются в серое полотно: вот что-то промелькнуло, на мгновение оставило след и исчезло.

Но вот впереди появилась бледно серебристая полоса водной перемычки, отделившей Узел Перехода от округи. Не долетая до неё с полсвида, летающие торны опустились. Первым выпрыгнул Ф”ент и тут же припал земле, приняюхиваясь. Уже на подлёте он уловил ни с чем несравнимый родной запах, потому что оставлен он был явно собаками. Да и следы говорили о том же.

– Ф”ент, что? – заметил его беспокойство Камрат.

– Здесь были... недавно, – Ф”ент потянул носом воздух, проверяя своё предположение, – дикие собаки. Недавно и дикие... Они могут вернуться и напасть.

– Невлой, подойди-ка сюда... Ф”ент говорит...

– Собаки? И явно дикие?

– Да. Ты тоже почувствовал?

– Здесь, куда не повернись, везде они.

– Могут напасть?

Невлой осмотрелся. В поле видимости никого, кроме при-

летевших людей и торнов не было.

– Пока их нет...

– Спроси туков, что они знают о них?

Камрат вспомнил неприятную встречу с дикой собакой весной при выходе из Керпоса.

– Знают, – сказал Невлой и хохотнул. – Бегают... Вот и всё их знание... Эти собаки... ага, они не в потоке защитников

– О каком потоке они говорят? Орей тоже упоминал о нём.

Невлой пожал плечами.

– Не уверен, но, похоже, здесь властвует распределённый разум по защите Узла Перехода. И каждая группа защитников выполняет свою роль.

– Как пуриурки?

– Возможно... Здесь недалеко есть руины...

– На кого же они охотятся? – Свим вертел в руках меч, готовый отразить нападение кого бы то ни было.

– Значит, есть на кого. Ф"ент, здесь ещё кто-нибудь был?

– Да, – стехар сидел на хвосте, ему хотелось завывать. – Гараны!.. Запах...

– И они здесь? – вырвалось у Свима. – Но и они тоже на кого-то должны охотиться. Камрат, надо посмотреть сверху. Я поднимусь.

– Поднимемся все, и посмотрим. Я и Свим к руинам. А вы ищите мост. Он отсюда не просматривается.

Прежде чем взлететь, Свим напомнил:

– Камрат, помнишь тупую собаку под койной Керпоса.

– Сразу вспомнил. Я тогда испугался.

Свим хмыкнул, не поверил.

До остатков нескольких разрушенных зданий долетели быстро – не более свиджа. Летающие торны покружили над ними. Внизу никаких признаков какой-либо живности.

– Камрат! – Свим показал пальцем вниз, мол, спустимся?

Камрат повторил его жест – согласился.

Первый же дом с сорванной плитой кровли, куда заглянули прилетевшие, поразил их не столько странной планировкой, сколько идеальной чистотой нескольких нетронутых разрушением помещений, если их так можно назвать. От узкого и низкого входа – едва протолкнуться таким объёмистым фигурам, которыми обладали Камрат и Свим – вёл вниз крутой для обычного пандуса спуск. Он упирался в постамент с необработанной каменной глыбой, сдвинутой с заметным следом от центра к самому краю. За постаментом виднелась выполненная ступенями стена. В стороны уходили узкие проходы мимо пустых камор так же со ступенчатыми стенами; верхние ступени нависали и служили своеобразным сводом, придавая внутренним полостям вид колодецеобразных пузырей.

И – ни соринки... Ни на полу, ни на ступенях.

– Здесь диких собак точно не бывало, заглядывая в очередную каморку, заметил Свим.

Пройдя, вернее протиснувшись, в ту и другую сторону, Камрат и Свим вернулись и встретились у постамента с кам-

нем.

– Не кажется ли тебе, что эту штуку... – Камрат положил руку на постамент. – Её можно сдвинуть.

– Давай сдвинем! – обрадовался Свим, так как смотреть было не на что, и он заскучал.

Предлагая, Камрат не был настроен так решительно, как Свим. Но тот уже навалился плечом в угол постамента, который тут же со скрежетом отодвинулся к задней стене, а Свим едва не свалился в раскрывшийся под ним вход с уходящим вглубь спуском, по сути, продолжением пандуса. В глубине, как и там, где находились Свим и Камрат, горели вечные светильники. Однако, что там внизу, рассмотреть не удавалось. Похоже, спуск заканчивался площадкой.

– Что? Рискнём?

– Нет, – отрицательно качнул головой Камрат. – Одному спускаться не стоит, так как здесь кто-то должен остаться. Проверим... Потом. Думаю, сюда нам надо перебраться всем, ближе к протоку. Тогда и рискнём.

– Этот канал вокруг Скалы, наверное, древние устроили... Ну, отгородили Узел.

– Так, возможно, и есть. Пойдём, узнаем, что нашли наши. Нашёлся ли мост.

– А это? Поставим на место?

– Попробуй, – улыбнулся Камрат и стал подниматься к выходу.

– На месте! – донёсся до него весёлый голос Свима.

И тут же сверху скулящий лай Ф"ента:

– Камрат!.. Дикие собаки!.. Это не собаки! Они напали...

– стехар скатился к Камрата.

– Где остальные?

– Там... Скорее! – скулил не на шутку перепуганный Ф"ент, путаясь под ногами людей.

Ближе к выходу стали слышны крики. Вниз сбежали Жариста и Оконд.

– Камрат, быстрее! Сесик и Невлой...

Свим обогнал Камрата. Навстречу им отступали двейрин и торн. Их мечи мелькали перед большой стаей... собак. Они, пожалуй, выглядели не совсем дикими. О том говорили и намёки на одежду, цветным лоскутом прикрывающей их груди, и ножи в лапинах, которыми они владели, на взгляд со стороны, виртуозно. К тому же между ними шла явная переключка на незнакомом языке. Но появление Свима и Камрата они встретили воем и остановкой нападения, давшей возможность передышке Невлою. Сестерций, несмотря на его участие в схватке, словно мало интересовал собак, они на него не нападали.

Вдали столпились летающие торны и на помощь придти не собирались.

– Ты посмотри, Камрат, на это, – Невлой протянул клинок меча. – Какие они собаки? Монстры. У них голубая кровь. И просто так их не убить.... Вот! – Невлой дотянулся до ближайшей «собаки» и глубоко рассёк ей спину. Разрез поси-

нел, тут же сошёлся краями и – его как будто не бывало, а «собака» встряхнулась, оскалилась и прыгнула к Невлюю. – Их надо только вот так! – крикнул двейрин и отсёк монстру голову.

Отсечённая голова ещё долго угрожающе скалила крупные зубы, а, лишённое её туловище, прыгало на месте, пока, наконец, не свалилось и замерло.

Демонстрация Невлюя длилась минт-другой, но стоя оправилась от замешательства, в ней началось перестроение, какое-то упорядочивание. Наметились тройки. Тактический манёвр стаи сразу же поставил людей в неравные с ними условия. Тройки кинулись на них, а время, необходимое для отсечения головы первой собаке давали возможность двум другим напасть сразу с двух сторон на человека.

И первым поплатился Свим. Одна из собак сомкнула челюсти на его ноге, сильно дёрнула и повалила Свима, и тут же потащила его вглубь стаи. Свим махал мечом, пронизал собаку почти насквозь, но все его попытки подняться удавались. Он поминал Край и мутные звёзды. Тем временем вторая нога тоже оказалась в пасти монстра. На помощь ему пришли не сразу, подобная угроза подстерегала каждого. Конечно, два меча в руках Камрата не давали собакам близко подступиться к нему, а Невлюй успевал отбиваться одним мечом. Однако, несмотря на их успехи, а подступы к входу в руины уже были усыпаны трупами собак, число их в стае не уменьшалось, откуда-то подбегали новые, пополняя убыль.

И лишь Сестерций, словно не замечаемый монстрами, сумел отбить Свима, отрубив головы напавших на него собак. Но сколько Свим, отступив, не встряхивал ноги – головы не собирались покидать их. Свим кромсал мечом, рвал руками, но каждый зуб держался до последнего.

– Свим!.. Невлой!.. Отступаем!.. – решил Камрат.

– Ты тоже! – меч Невлоя замелькал живее. – Я прикрою.

И Сестерция...

Свим, затем Камрат, подтолкнув торна, скрылись за входом в руину. За ними спиной втиснулся Невлой.

Первая же собака, кинувшаяся в проём входа, поплатилась головой от взмаха меча Невлоем. Щёлкая зубами, голова покатила вниз. Жариста сморщилась от брезгливости, отбив её от себя ногой.

Во вход, напозая на обезглавленную тушу, сунулась очередная собака, и тоже осталось без головы. Ещё десяток попыток достать людей, и вход оказался плотно закупоренным телами обезглавленных собак. Голубая кровь ручьём стекала по пандусу, вызывая вой у Ф"ента.

– Хо, хо! – обозначил Невлой неожиданный результат схватки. – Им нас не достать. Пробка!

– А мы под ней! – со злостью выкрикнул Свим. – Мутные звёзды! Ведь сами себя заткнули!

А ситуация и вправду сложилась неприятная. Улетели на разведку, чтобы, естественно, вернуться с каким-то известием и во время, во всяком случае, без долгой задержки. А

сейчас оказались напрочь отрезанными от внешнего мира.

Долго прислушивались – что там твориться у входа по ту сторону. Своеобразная затычка порой вздрагивала, возможно, от попытки собак убрать её.

– Подождём, – наконец, после долгого молчания сказал Невлой. – Мне показалось... По их следам. Они, похоже, всегда бегут в одну сторону. А это значит, что они оббегают Скалу по кругу... Ф"ент, а ты что скажешь?

Стехар лежал, прижавшись к стене, закрыв уши и глаза лапынами. За всю свою жизнь, полную неожиданностями, порой на грани смерти, он не ощущал такого страха и ужаса, как сегодня. Такого нападения собак на людей и их избиения он никогда не видел. Конечно, он понимал – это не совсем собаки... У них не настоящая кровь, от них запах гаран, но они... собаки!

Во времена Войны Выродков погибали целые кланы. Но то – война. А здесь... «И люди в том не виноваты», – повторял он для себя.

И люди что-то хотят ему сказать...

Когда же до него дошла суть вопроса, он сразу же согласился с Невлоем – ему тоже показалось одностороннее движение стаи.

– Надо ждать, – уже уверенно сказал Невлой, но вопросительно посмотрел на Камрата.

– Сколько?.. Ты знаешь сколько?

– Не знаю! – отрезал Невлой на вспылчивый выпад Сви-

ма.

– Подождём, – негромко сказал Камрат, хотя был солидарен со Свимом. – Ждать, но и вправду как долго?

– Вот пусть Невлой и ждёт. А мы посмотрим там... – Свим махнул рукой, – внизу. А, Камрат? Ты наверху, у камня, а я... с Окондом пройду и посмотрю. А?.. Вдруг это и есть вход к Скале. Труба, как говорит Жариста. Жариста, ты не чувствуешь трубы?

– Нет! – резко отозвалась Жариста, её занимало одно – куда ступить, чтобы ноги не попали в струю голубой крови и не наступить бы на отрубленную голову собаки.

– Тогда мы, а Камрат?

– Хм... Пожалуй, так и сделаем, – помедлив, согласился Камрат. – Невлой...

Он в нескольких словах рассказал двейрину о найденном продолжении спуска под землю. Тут же распределились роли каждого. Невлой у входа. Жариста оставалась с ним для связи с Камратом. Оконд...

Оконд обрадовался хоть как-то поучаствовать в общем деле. С первого дня, как он случайно прибил к банде Кемеша и увидел вокруг себя вооружённых мечами и ножами людей и выроdkов, он дал себе зарок – оружие никогда в руки не брать. Тем более что он не умел им пользоваться. Но действительность оказалась не такой, как ему представлялась в начале похода к Узлу Перехода. Каждодневные стычки, иногда схожие с элементарной резнёй, а потом схватка с сама-

берсами, в которой он выжил случайно, заставили изменить его отношение к оружию. А сегодня нападение собак привело его даже к мысли, что он трус и прячется за спинами тех, кого осуждал, а им приходится защищать его, поскольку сам он сделать этого не способен.

А ведь он хотел покорить дорогу к Узлу Перехода знанием, иных препон он не видел. И вначале всё складывалось для него удачно, как и мыслилось. Путь его лежал через чужие бандеки. И даже входя в Сампатанию, где, как его предупредили, беспокойно, он не испытал никаких каких-либо неприятностей, что утвердило его в правильности своего поведения в иных, незнакомых ему землях. А правила эти он впитал с детства, вчитываясь в анналы, собранные его предками за тысячи лет, и слушая наставления хожалых и лесовиков.

Гордия – бандека крохотная, возникшая в незапамятные времена вокруг озера Артамика. Заселена густо, поселения людей разместились невдалеке друг от друга. Оттого здесь о бандах свободных опритов знали только понаслышке. Те, кому не сиделось за койной и хотелось вволю отвести душу в рискованных переделках, уходили в Дикие Земли других бандек. Среди них одной из самых привлекательных, числилась Сампатания, о которой ходили легенды. Она, де, богатая реками, лесами, дикими и разумными не людьми, граничащая с неведомой пустыней Снов, Суремными горами, а за Болотами, и того невероятнее, как будто с древней столицей

человечества до падения спутников.

Жажда знаний, а отнюдь не приключений, подвигла Оконда в дорогу...

И вот теперь только благодаря вооружённым людям и путрам, порой на его глазах погибающих, он остаётся в живых, не сделав для своих защитников ничего. Он о подобном читал, погружаясь в коллизии давних времён, в которых прежде наивные и безобидные обыватели, внезапно становились не просто дурбам, но и героями своих эпох. Да, читал, но никогда не примерял аналогичные ситуации к самому себе. А с ним здесь произошло удивительно именно так, как это случалось в истории со многими людьми, не ведающими своей истинной судьбы, своего предназначения.

Потрясающая последовательность: банда, рассеянная перипетиями дороги и нападением мифических, по сути, лунных птиц, Або-Ава и его команда избранных некими силами, в которой каждому отведено определённая, но и неведомая роль в достижении Узла Перехода. И он оказался как бы среди избранных неизвестно кем и для чего. Однако чтобы исполнить этот неожиданный долг, нельзя оставаться в этом мире беззащитным. Надо взять в руки меч...

Пьедестал с камнем легко подался нажиму рук Свима, открыв спуск вниз.

– Я впереди...

– Нет, я! – вызвался Ф"ент, опережая Свима.

– Да! Оконд, ты за ним. Я замыкаю.

– Не дольше прайзы, – напомнил Камрат уходящим о времени.

– Помню! – глухо донёлся голос Свима.

Камрат смотрел в спину дурбу, пока тот не скрылся под изломом свода прохода. Ему следовало бы пойти самому, а здесь отставить Свима, но что-то подсказывало не делать этого. Хотя в поиске Свима как будто просматривалась какая-то интрига, имеющая продолжение.

Глава 35

– Астаматасита говорит, что на тех, кто улетел, напали... – Орей помедлил, прежде чем продолжить, так как подыскивал слово, услышанное от тука. – Напали бегающие по земле...

– Я так и знал! – с досадой воскликнул Малион. – Предчувствовал... А точнее? Что за бегающие... по земле?

Орей передёрнул плечами, прислушался.

– Астаматасита говорит, они бегают... Ну, да! Они бегают вокруг Узла Перехода... вдоль берега... воды... Но они не защитники... И всё равно, никто не имеет права...

– Это мы уже слышали, – прервал Малион сбивчивую речь Орея. – Спроси, что с Камратом? И другими?

Орей на мгновение застыл.

– Астаматасита говорит... Они убивали бегающих... Потом спрятались.

– Край этих бегающих возьми! Зливан!.. Злива-ан!.. Собери своих дурбов. Быстро!

– Да они, – подошедший Зливан, не прикрывая рта, сладко зевнул. – Смотрят тут... Разошлись.

– Быстро! На Камрата напали!

– Напали? – преобразился дурб, только что сонно глядевший на Малион. – Эй! – заметил он Лептока в сопровождении Илоны. – Все ко мне!

Зливан побежал разыскивать своих любопытных подчинённых, от нечего делать проверяющих руины.

– Пусть всех зовут сюда! – крикнул ему вслед Малион.

Переключка людей суматошно продолжалась долго. Наконец, у Малиона собрались все, кроме Рувона. Никто из молодых дурбов не видели, куда тот забрёл. Зливан погрозил кулаком в сторону руин и, подражая Свиму даже в интонациях, выкрикнул:

– Ну, я ему... Мы готовы.

Малион огляделся.

– С вами пусть... Харан, тебе надо полететь. Вдруг нужна твоя помощь. – Встретил взгляд Кемеша, почувствовал неприязнь и нежелание куда-либо подаваться, оттого обращаться к нему не стал. – Орей! Скажи им. Пусть летят с людьми, но один из них должен сразу же вернуться, чтобы сказать... Зливан, пришлешь кого-нибудь сюда. А мы здесь... Летите!

Женщины и путры беспокойно толпились вокруг Малио-

на.

Объявился Рувон с радостным криком: – Я тут нашёл... Но замолк, увидев взлетающих туков с дурбами.

– Все вещи поднять наверх и сложить на моблы – распорядился Малион. – И быть всем вместе! Здесь!

– Камрат... – у Грении навернулись слёзы.

– Они спрятались, – мимоходом заметил состояние девушки Малион. – Не стой! Делай, что я сказал!

Казалось, всё он делает правильно, однако это походило больше на суету, чем на целесообразность принимаемых решений. Поступать именно так. Его угнетала неопределенность. Сейчас все соберутся у моблов и... Что? Двинуться, подталкивая моблы, к месту нападения или пока оставаться на месте? Туда добираться – дня не хватит. Здесь ждать – то чего?

Кемеш с опритами стоял чуть поодаль ото всех. Он и его мнение здесь никому не было нужным. Но и признавать верховенство кого бы то ни было над собой, он пока не созрел. Привык за годы распоряжаться собой и опритами банды сам, без нажима от кого-то, доминирующего над ним. Хотя... Ведь он знал, что так с ним должно случиться. Знал, но перебить себя было, ох, как трудно.

Тревожило – кому подчиняться?

Камрат – недавний мальчик, вдруг ставший неким Аба-Ава. Малион и Невлой – вообще непонятные личности... Орей... Ничтожество! Поймал бы чуть раньше, не церемо-

нился. Да и сейчас бы, пусть только попадётся под горячую руку... Ольдим – век бы эту морду не видеть... Харан... Куда ни шло. Врач...

И он теперь как будто на равных среди них, но... ничего не решает, а они за него! И его опреты, годы проведенные с ним в банде, находились в растерянности – кому подчиняться? Оттого каждый стал определяться сам. Если Лакой и Селин всё это держали в себе, то Поприн налился злобой на всех и ко всему. Несколько раз его приходилось даже одёргивать, но это могло его держать до поры... Впрочем, чего им злиться? Не понравиться, повернулись и ушли. Стороной от Камрата и его окружения самим добаться до Скалы. А если трезво смотреть, нужна ли ему эта Скала? Вокруг неё толпы защитников. Вот и сегодня... От банды осталось четверо, а кто ещё не дойдёт?

Мысли Кемеша не текли, а рвались, и каждая норовила как можно дальше отлететь от предыдущей. Незаметно их неустроенность, острое чувство ущемлённости разжигали в нём такую же, как у Поприна, озлоблённость. На Орея, ставшего, надо же! укротителем летающих торнов, на Знающих, что присели тихими мышками на моблы и с умилением поглядывают друг на друга. Как он сейчас с ними расквитался бы! Будь он не здесь...

Кемеш стиснул зубы, чтобы укротить охвативший его огонь мести.

Астаматасита оповестил Орея – тук с одним человеком

возвращается. Вскоре показался и он сам.

Лепток соскочил на землю, споткнулся, прихрамывая и морщась от боли, подбежал в Малиону.

– Что там?

– Там, – с одышкой начал Лепток, – какие-то дикие, похожие на собак. Стая... Туки показали, куда спрятались наши. Но там много... кучи убитых собак и... никакого входа не видно... И у этих собак нет крови...

– Такого не бывает! – усомнился Ольдим. – Тоже торны?

– Нет. Вместо крови у них какая-то синяя вода... Их сразу не убить.

– Так что там? – нетерпение Малиона нарастало.

– Там... Харан просил тебя прилететь.

Лепток тяжело задышал, считая свою миссию законченной

Малион кивнул.

– Кемеш! Я постараюсь скоро вернуться. Посмотри здесь, нет ли кого... бегающего... прыгающего... – отрывисто выкрикнул Малион и отвернулся, не ожидая согласия или хотя бы какого-то ответа со стороны Кемеша. – Орей! Мне и дурбам туков!

Ф"ент вначале осторожничал, поджимал хвост. Но уже берметов через пятьдесят побегал веселее. Подземный ход, извилистый и слабоосвещённый вечными светильниками, сильно напоминал точно такое же творение древних, каким

он весной вывел Свима и Камрата с базы Кемеша. Даже запахи казались знакомыми. Но если там он знал, где ход заканчивался, то здесь – нет. Да и есть ли где-то конец? Что-то нет никаких его признаков.

Они уже прошагали не меньше полусвиджа, заставляя Свима усомниться – надо ли идти дальше? Наверху Камрат ждёт. Здесь никаких перемен, а там, у входа в руину, могут быть... Впрочем перемена была, но Свим на то не обратил внимания – чистый до того пол прохода стал замусориваться песком, и чем дальше, тем больше.

Ф”ент вдруг остановился, будто наткнулся на стену, даже присел от неожиданности, потом отпрянул назад с дрожащим поджатым хвостом.

– Что?.. Стехар!

– Фу, фу!.. – закрутил носом Ф”ент, чихнул. – Запах... Я никогда такого... Противный. Ф-фу!

Свим тоже принялся. И вправду появился какой-то запах, но почему он так взбудоражил Ф”ента, не понял. Но, в чём-чём, а в способности стехара что-то по-собачьи унюхать, Свим не сомневался.

– Оконд, ты что-нибудь чувствуешь?

– Воняет чем-то, – брезгливо отозвался Оконд.

Ему надоела эта прогулка в никуда. Кому она нужна? А так хотелось быть полезным хотя бы в чём-нибудь.

Свим в нерешительности потоптался на месте.

– Давайте... ещё берметов сто... И если там всё также,

вернёмся... Ф"ент, сможешь.

– Смогу, конечно.

Шли медленно, словно крались. Песок скрадывал шум шагов. Свим считал шаги: «восемьдесят два... восемьдесят три...» Поворот, а за ним овальный проём выхода из подземелья. Свим похвалил себя за выдержку.

– Не зря пошли. Вот и выход.

Влажный песок здесь доходил до щиколоток и был изрыт бороздами вдоль хода.

– Здесь кто-то ползает, – предположил Оконд.

– Похоже... Но и ветром могло нанести. Конечно, ветер! – уже уверенно сказал Свим, оглядывая за выходом песчаный пляж, широкой полосой протянувшийся по берегу протока – к сожалению это был берег не с той стороны протока.

Противоположный берег также был песчаным, но над ним нависали кроны высоких деревьев, понизу укутанных густым кустарником.

Подшли ближе к протоку. Медленное течение несло на гладкой его поверхности лишь опавшие листья, да мимо как раз проплывала небольшая веточка. Тишь и умиротворение царили здесь.

– Тут на моблах за минт на той стороне, – бодро оценил Свим ширину протока. – А там...

Вода перед ними вскипела. Сквозь брызги и поднятые волны из воды высунулось страшная морда монстра с огромными глазами, устроенные, словно головы на длинных шеях.

От них исходила осязаемая угроза.

Взвизгнул Ф"ент и убежал в подземелье. Оконд, впервые увидевший такое страшилище, попятился. Ноги его зарылись в песке, он упал на спину. Охнув, перевернулся и пополз за Ф"ентом. Свим выхватил меч.

– Гра-а! – заревел монстр, освобождая из-под воды щупальца и выползая на берег, пасть его оскалилась острыми зубами, он уже возвышался над Свимом в два его роста.

Свим замахал перед собой мечом и стал отступать. У самого входа щупальце достало до него. Но ему повезло – слегка выступающий над входом навес не дал монстру ухватить его за руку, зато ему удалось отхватить кусок щупальца.

Страшный крик монстра оглушил Свима, а из отрубленного щупальца кровь облила его сверху до низу. Монстр кричал, неуклюже двигался тяжёлым телом по суше и тянулся к человеку ещё одной гибкой конечностью.

– Свим, бежим! – в отчаянии таякал Ф"ент, он вцепился ему в ногу и тянул от входа.

А Оконд, обезумев от страха, убежал.

Свим рассёк вторую щупальцу, но монстр наступал, втиснувшись в проход. Глаза его горели подобно светильникам, а из зубатой пасти вырывался рёв, заставляя содрогаться всё подземелье. Этот рёв сопровождал Свима и Ф"ента до возвращения к пьедесталу с камнем. Но до того к ним навстречу прибежал Камрат, так как Оконд поведал о нападении чудовища, но что случилось со Свимом, не мог сказать ничего опре-

делённого.

Невлой, выяснив у Свима описание монстра, определил:

– Это дикий к”вузан. С ним справиться трудно. И они обычно живут стаяй. Это вам повезло, что он был один. Да уж, проток поверху нам не перескочить. Придётся искать другие пути.

– Сидя здесь? – буркнул Свим.

Вот он – случай!

Вся жилка дрожала у Кемеша, пока он ожидал отлёта Малиона и дурбов. Пусть только улетят...

Первым кинулся Поприн на Орея. Но бывший оприт, по-видимому, ожидал от своих недавних товарищей такого развития событий. О том его предупредили и туки. Орей хотел передать их предостережение Малиону, но не сложилось из-за быстрого решения того полететь к Харану.

Уже после первого шага Поприна Орей сидел на туке, а другие торны на взлёте встретили оприта, выбили из его рук меч и бросили наземь, а затем потянулись вслед за Ореем, но много осталось и над остатками команды. Они кружили над головами и порой перекликались урчащими голосами.

Кемеш тоже с выхваченном мечом успел проворно отступить, и его не коснулась участь Поприна. После небольшого замешательства он, было, устремился к Знающим, но на его пути оказался Ольдим с таким лицом, что Кемеш внутренне содрогнулся. Рядом с Ольдимом с мечом в лапине встал

К”ньшец.

Лакой и Селек схватились за оружие, но остались на месте. Они не собирались нападать, а, глядя на Кемеша, ожидали нападения, но пока не могли понять – откуда?

«Эта рожа ещё пожалеет, что лезет не в своё дело!» – распалялся тем временем Кемеш, хотя понимал, что перед ним не какая-нибудь помеха, а умеющий мастерски владеть мечом воин.

Однако уж если начал...

Но какое-то сбоку движение, и Кемеш перед собой увидел Гелину.

– Я – канила гита, Правителя бандеки, главы Великого Ку-гурума, слуги Правдивого Сената и прочая – Гунака Гделина Гамарнака! И я говорю! Вы не только бандиты, но и трусы! – сказала она, чеканя каждое слово. А следом произнесла то, что озвучивалось в истории человечества, наверное, тысячи раз: – Вы изображаете из себя героев только против женщин и детей, и предаёте тех, кто вас спасал... И я – канила Правителя бандеки, говорю – пошёл прочь со своими трусливыми бандитами!

Всякое бывало в жизни Кемеша. Сколько раз он слышал в свой адрес укоры, презрительные реплики, вопли о пощаде... Но только не от безоружной женщины... Не от самой канилы Повелителя бандеки. Многоимённой, что много знатнее его – Добара Дынаки Доробы А за ней Ольдим – и тоже многоимённый...

Что бы кто-то о нём ни говорил или думал, но его родовитость обязывала чтить многоимённость. К банде его порой прибивались равные ему по нэму, но подавляющая часть – это ухрупы, швыхи и одноимённые. Такие, как Лакой, те же Поприн и Селек, поднявшие себя в банде до инегов.

И он обвинён в трусости! И кем?.. Женщиной!.. Многоимённой!..

Над головой, грозно урча, кружили торны... В ногах ползал Поприн, он чуть приподнимался, тянулся к обронённому мечу и опять падал, не дотянувшись до него... Презрительный взгляд Гелины... Искажённое лицо Ольдима с прыгающими по нему глазами...

Но для Кемеша показалось, что всё вокруг остановилось, замерло. Рука с мечом отяжелела и опустилась. Отвернувшись от Гелины, он помог подняться Поприну, крикнул Лакою и Селеку:

– Уходим! Нам с ними не по пути!

И повёл упиравшегося Поприна от дороги к руинам. И ко времени, когда на туках примчался Зливан со своими дурбамми, а за ними Малион с Хараном и Ореем, оприты уже где-то затерялись в сохранившихся подzemельях древнего посёлка.

Глава 36

– Пора эту пробку выколачивать и посмотреть, что снаружи, – сказал Камрат.

– Пора, – подтвердил Невлой.

– А если они опять? То опять пробка будет, – едва ли не пожаловался Свим.

– Не уверен. Эти собаки сообразят. Не полезут. – Впрочем, Невлой, похоже, и сам не был уверен в сказанном. От того добавил: – Но Малион тоже сообразит и придёт на помощь.

– На то и надеюсь. Начнём! – Камрат попробовал ногами освободить выход, но тела собак забили его плотно и не поддавались его усилиям вытолкнуть их наружу. – Помогайте!

– Хо, хо! Отойти-ка в сторону. Надо сделать так.

Невлой сделал разгон и плечом ударился в пробку. Помял её основательно, но не пробил. Свим прыгнул вперёд ногами, они застряли, так что Невлою и Камрату пришлось вытаскивать его. Зато появилась возможность, в конце концов, вытолкнуть несколько туш и выглянуть в образовавшуюся брешь. И первое, что увидели люди – это оскал зубов, подступивших к дыре собак. Но в образовавшуюся прореху они не полезли. По-видимому, и вправду сообразили, учтя судьбу тех, кто безрассудно пытался достать ускользнувшую добычу.

Свим несколько раз выбрасывал клинок меча, но ни одной морды не достал, отчего рассердился.

– Так что? Так и будем ждать? Надо выйти и...

– Не торопись! – попридержал его Камрат. – Вы заметили, что они на Сестерция так не нападали, как на нас. Может

быть...

– Сестерций! – нетерпеливо крикнул Свим. – Ты чего молчишь?

– Я не молчу, – гордо вскинулся торн, высвобождаясь от ухватившей его руку Жаристы. – Скоро прилетят туки с людьми. Тогда и скажу.

– Та-ак, – Свим ничего другого не нашёл, что сказать.

– Да уж, – Камрат качнул головой в знак осуждения за поздалым высказыванием Сестерция. – Ты сможешь им передать, где мы находимся?

– Нет!.. Но они уже летят.

– Хорошо. Скажешь, когда прилетят. А мы...

В дыру влетела собака. За ней вторая. Третьей Камрат успел отсечь голову, а первые две побежали вниз по пандусу, и пока люди отвлекались на отражение атаки извне, они скрылись из вида.

– Пусть их там сожрут монстры! – пожелал Свим

– Они прилетели, – монотонно произнёс Сестерций.

– Очищаем вход!

Свим и Невлой взялись за дело, но вновь образовавшаяся пробка из обезглавленных собак не подавалась. И тут внезапно погас свет, погружая всё в темноту. Единственный светоч – узкая трещина в кровле над головой.

– Мутные звёзды! – рычал Свим, стараясь вытащить, словно застывшую до каменной твёрдости, тушу собаки.

– Хо, хо! – приговаривал Невлой, то, стуча ногой, то, по-

могая Свиму. – Не знаю, как они это сделал, но нас замуровали, – наконец, сказал он.

– Кто-то из людей улетел, – добавил отчаяния Сестерций.

Заскулил Ф”ент:

– Они ползут... эти.

– Кто?

– Тот, что на берегу...

– К”вузан?

– Он... И не один.

Прислушались. Тихо.

– Камень! – крикнул Свим и, топая, побежал вниз, в темноту.

– Сделаем так... – Камрат, взглянув на светлую полосу в потолке, прищурился. – Вы здесь займитесь... А я... к Свиму. Ф”ент... Оконд... со мной... А вы... Пробивайте дыру. И светлее будет, и знак нашим сможете подать.

– Пробьёмся! – заверил Невлой.

Камрат по пандусу направился вниз. Дар видеть в темноте он познал ещё в детстве, и, спускаясь, увидел пьедестал берметов за двадцать. Кликнул Свима, посчитав, что тот его услышит. Но Свим не отозвался.

– Его там нет, – сказал Ф”ент.

– Свим! – во весь голос позвал Камрат.

Но и этот его зов остался без ответа. Камрат выхватил мечи.

– Куда же делись Свим и собаки? – вслух спросил он себя

– Они пошли сюда, – показав лапиной направление, Ф”ент присел.

– Но здесь же... стена! Как они могли... Что ты ещё нашёл?

– Свим ранил... собаку, – выдавил из себя последнее слово Ф”ент. – И они ушли туда.

– А...где к”вузаны?

– Ползут... Там, где мы были со Свимом.

Карат, натыкаясь на стехара и Оконда, заметался по тесной площадке перед пьедесталом. Сгоряча ткнул мечом стену, через которую якобы прошли собаки и Свим. Стена от удара загудела и рассыпалась мелкими искорками, гаснувшими в воздухе. Открылась хорошо освещённая вечными светильниками крутая, в профиль, лестница. Она двигалась – ступени бесшумно проваливались вниз.

Оконд из-под руки Камрата протиснулся вперёд, но опять спрятался за его спину и, заикаясь, сказал:

– Это она... Я её видел...уже.

– Где!?. Где ты её видел?

Оконд не ответил. Камрат обернулся к нему, тот стоял, закрыв ладонями лицо.

– Я видел, – глухим голосом, будто сквозь гулкую трубу, сказал Оконд. – Видел... Когда на нас напали самаберсы... Я упал и увидел... и побежал по ней... А там... туннель и опять наверх... И зелёные упраны. Густые...

– Выход за протоку?

– Не знаю, – Оконд отнял руки от лица.

– Но, может быть... ещё что-нибудь?

– Если она здесь идёт на спуск, то где-то есть и подъём, – уже без придыхания и остановок проговорил Оконд.

– Верно... Ф"ент, а ты что нашёл?

Стехар, пока люди говорили между собой, принюхивался, но не только запах привлекал его, хотя давал возможность определить, что Свим и дикие его сородичи точно воспользовались лестницей. Уже два раза мимо скользнули вниз ступени, на которых явно стоял Свим. Однако Камрату он ответил об ином:

– Они уже приползли. Они под нами.

Свим, почти ничего не видя в темноте, бежал к пьедесталу. Меч он держал перед собой, поводя им из стороны в сторону. Собак выдали глаза – будто фонари они горели у них, ожидая приближения человека. Бежать им было некуда. Они взвыли и заматались, ища укрытия.

– А-а! – прорычал Свим, метя острием клинка в глаза собаке.

Она отскочила к стене, и... стены не стало. Собаки взвизгнули и бросились от Свима. А он за ними, слепо размахивая мечом – внезапный яркий свет ослепил его. Собаки находились где-то рядом. Два-три шага... Он споткнулся, едва не упал... Шагнул... Земля под ним стала уходить вниз.

Наконец, он обрёл нормальное зрение, но долго не мог по-

нять, что с ним происходит. Под ногами лестница... Он стоит на одной из её ступеней, но и опускается. Это можно было заметить, как мимо от его ног вверх всплывают пятна вечных светильников, да и ощущение этого движения не подводило.

Лестница плавно перешла в горизонталь и вытолкнула Свима на небольшую площадку, словно с полированным полом – можно было видеть своё искажённое отображение. Другая сторона площадки упиралась в подземный ход. Собаки явно убежали куда-то по нему.

Свим покрутился на месте. Попытался взбежать вверх по лестнице, но вскоре отказался таким путём вернуться назад, к пьедесталу. Выход оставался один – войти в тоннель. Куда? Опять к диким к”вузанам?

А тут ещё одна неприятность – сильно хотелось есть. Полетели сюда налегке. Хорошо, что не оставили сарки. Свим отхлебнул из неё несколько глотков. Сбрасывая напряжение и неуверенность, несколько раз крикнул: – Эй!.. Прислушался – безответно.

Буркнул себе под нос, поминая Край и мутные звёзды, и шагнул в тоннель. Он оказался прямым, не то, что предыдущий, будто прорытый теряющим всё время направление червём; к тому шире и с высоким сводом. Идти по нему легко.

Не прошло и блеска, как Свим очутился перед новой площадкой и далее – новой лестницей, с ползущими вверх ступенями. Он даже не колебался – вверх не снова вниз – и ступил на неё.

Такое же бесшумное движение, окончание – площадка, а впереди двух арочный выход с близко подступившей к нему зеленым зарослей. Слева, не более как в двух берметах – лестница, скользящая под землю.

Свим всё это окинул быстрым взглядом и задохнулся от догадки – он пересёк протоку и вышел к упрямам вокруг Узла Перехода. Ноги, словно сами, понесли его к выходу. Он выскочил из-под арки, осмотрелся. Деревья и кусты близко окружили небольшой не заросший подход к аркам.

И всё же!.. Он мог видеть противоположный песчаный берег и руины, покинутые им.

– Ого-го! – это уже был крик радости.

Но тут же кто-то отозвался с угрозой:

– Уг-гу!.. Кто?.. Зачем?.. – будто бы именно так спросили

Свима.

Он прикрыл рот руками, отступил под арку. Меч вновь оказался в его руке.

Кто-то или нечто зашевелилось в зарослях и явно направилось в его сторону. Надо бы посмотреть на ожившее нечто, дабы знать, что оно собой представляет, но ноги его как будто вновь обрели самостоятельность и понесли его к лестнице, ведущей вниз, и даже подсказали – так надо.

«Так и надо!» – роилась мысль. Хотя... Нет, нет, он поступил правильно! Главное, есть, возможно, самый безопасный путь достижения острова, где располагался Узел Перехода, и по нему можно проникнуть на этот остров всей командой.

Тоннель, лестница, текущая вверх, площадка. Свим недолго думая, упёрся руками в стенку, и едва не свалился, столкнувшись с Окондом.

Малион ещё до приземления тука заметил отсутствие Кемеша с опритами. Поэтому первый вопрос его был обращён к оставшимся:

– Все целы?

Спросил, но не мог допустить даже мысли о том, что Кемеш мог угрожать кому-то в их команде и причинить физический вред. Он Кемеша знал давно, хотя сам вождь банды о том не догадывался. Кемеш – в жизни Добар Дынака Дороба – не мог перед лицом многоимённых, что были с Аба-Авой замарать свой нэм.

Зато весть Орея возмутила молодых дурбов, они жаждали отомстить бандитам.

А день уже к вечеру. Надо было что-то предпринимать. А тут...

Знающие сошли с платформы с заплечными мешками, встали плечом к плечу.

– Слушайте нас! – сказал Ей-Фей. – Я и оген Ой-Мой привели вас сюда. И тем самым выполнили свою миссию. Дальше мне и огену путь закрыт. Теперь только вы сами должны найти дорогу к Узлу Перехода... Прощайте!

Знающие поклонились ошеломлённым их заявлением слушателям и отступили от них, словно отмежевались.

– Но... Вы хотите остаться здесь? – после долгой паузы спросил Малион.

– Нет! – Ой-Мой поправил ляжку рюкзака на груди. – Мы возвращаемся назад, к себе. Прощайте!

– Пойдите! – остановил их Харан. – Вы уверены, что сможете в целости проделать обратный путь без нас?

– Нет! Но здесь мы не можем оставаться. Иначе помешаем вам. Прощайте!

– Пойдите! – это уже Малион пытался остановить Знающих. – Туки могут вам сократить время в пути и возвращения.

– Нам нельзя, – напомнил Ой-Мой о данном ими с Ей-Феем обете, но он явно колебался неожиданному предложению, так как покрыть часть пути по воздуху было уж очень заманчивым.

Он глянул на напарника, тот кивнул.

– Мы согласны, – с запинкой произнёс Ей-Фей. – Если они смогут...

– Об этом узнаем от Орея... Орей! Ты слышал. Узнай... И ещё вот о чём... Они могут донести их до места нашей встречи или ещё дальше?

Орей выяснял не долго, однако его ответ оказался неожиданным.

– Астаматасита говорит... Они могут... Да... Могут перенести хоть до бывшего берега Болота... Да... Но идёт большая вода. И скоро она может дойти и сюда. А бывший берег

затопит точно.

– Большая вода? Но откуда?

– Астаматасита говорит... Из другого Болота... Вода уже идёт!.. Здесь тоже будет.

– Но... – растерялся Малион. – Спроси, здесь уже бывало такое?

– Астаматасита говорит... Бывало, но давно.

– Если так, то отсюда надо уходить ближе к Скале. Там выше, чем здесь, – сказал Харан. – Уходить и сейчас.

– А не врёт ли этот... Астаматасита? – играя маской лица, с вызовом спросил Ольдим. – Сколько же это надо воды? Море!

– Точно море, – поддержал его Зливан. – Напугать нас хочет.

– Орей?

– А что я? Астаматасита говорит... Вода уже идёт.

– Что могло случиться? – обратился Малион к Знающим.

– Рухнул Край! – коротко отозвался Ой-Мой.

– Вы знали?

– Нет! Это не зависит от предсказаний. Край... Он – Край!

Кто может знать?

– Да, Край, – сокрушённо проговорил Малион. – Нам и вправду надо уходить. В сторону Скалы. Я тоже заметил, там повыше, чем здесь.

– А не лучше забраться вон туда? – Сулон показал на сильно разрушенное, но самое высокое строение посёлка. – Вол-

на пройдёт и уйдёт. А мы...

– А Камрат?! – выкрикнула Грения. – Волна... А они...

– Но, Грения, мы не знаем, где они, – попытался успокоить девушку Малион. – Только там надо их искать.

– Мы можем подняться на туках и пропустить волну, – сказал Харан. – Если она и вправду сюда дойдёт. Но прежде надо искать Камрата и тех, кто с ним. Предупредить. И прямо сейчас. И лететь туда всем!

– Моблы... – обмолвился Зливан.

– Да. Орей! – позвал Малион. – Туки те же торны. Они могут управлять моблами, как Сестерций? Спроси!

– Астаматасита говорит... Могут.

– Вот и пусть гонят их за нами! А мы...

– Мы на моблах, – Ей-Фей полез на платформу.

– Кто ещё?

– Я побегу, – хрюкнул Т"евара.

– Беги!.. А остальные на туках. Орей!

– Они летят... – Сестерций сделал паузу. – Летят все. И моблы... – он явно удивился, даже покрылся аурой. – Они тоже сюда... Что-то у них там случилось... Плохое.

Камрат, оставив внизу Свима и Ф"ента, как раз поднялся к Невлою. Тот уже от Оконда знал о находке Свимом пути к Скале.

– Если все и что-то плохое, нам надо их встречать, – сказал Камрат. – Выбиваем это... Очистим вход и покажем се-

бя. Будем пробиваться.

– Они там стерегут.

– Подлетают, – оповестил Сестерций.

– Пора! – И Камрат ухватил за лапы обезглавленной собаки, закупорившей в общей пробке вход в руину.

Она долго не подавалась. Но, в конце концов, общими усилиями – каждый тянул своё – образовалась дыра. Очистить вход от остальных трупов не составляло труда, хотя их куча основательно загромоздила пандус.

Стая собак сильно поредела. Вела она себя нервозно. То одна, то другая, взвывая, вдруг покидала стаю и куда-то убегала, другие на появление людей из руины, словно не заметила. К тому же в берметах двухстах приземлялись туки с людьми и путрами, возможно, отвлекая собак.

Невлой с мечом бросился на стаю. Но она разбежалась и покинула место недавней схватки.

Встреча. Радость. Короткие фразы. Спешка и даже толкотня перед входом на пандус. Волна подступала. Вздрагивала земля, и усиливался гул. Наконец, снаружи остались лишь моблы. Сестерций пытался их протолкнуть через протоку, но они его не слушались, отчего торн налился огненной аурой.

– Я их могу только звать... Они не хотят от меня уходить... – жаловался о Камрату.

– А если... Орей!.. Спроси туков, могут они перевести моблы за протоку?

– Астаматасита говорит... Только до воды.

– Вот и пусть это сделают. Передай! А ты, Сестерций, можешь с той стороны их позвать?

– Может быть...

– Тогда уходим!

Но Сестерций задержался. Он прощался с летающими со-родичами, а точнее обрывал связи. Туки тоже уже не проявляли желания к общению. Всё-таки, несмотря на то, что они были продуктом общих создателей, их ветви далеко отстояли друг от друга, точно так же как выючные их варианты.

Земля задрожала.

– Что за Край! – вяло ругнулся Поприн. Он лежал, привалившись спиной к стене. – Эй, Лакой! Что там ещё?

Лакой стоял в проёме двери разрушенного и лишённого кровли дома на окраине посёлка. До того он видел прилёт и отлёт туков, оповестил о том Кемеша. А Кемеш буркнул недовольно:

– Вот и пусть летят.

Возвращение дурбов вначале обеспокоило его, так как сулило неопрятности. Начнут их искать. А против всех не устоять. Значит, надо будет забиваться куда-нибудь под землю. Так что пришлось пережить почти праузу в настороженности. Зато после их отлёта оценивал своё состояние, чуть ли ни проявлением трусости.

Сейчас Лакой стоял и чувствовал, как под ногами дрожит

входная плита, слышал нарастающий гул, но ничего не видел, что могло бы всё это вызвать.

– Сам иди и посмотри! – огрызнулся он на капризный вопрос Поприна.

– И пойду! – почти с угрозой в голосе сказал Поприн и поднялся с пола.

Кемеш тоже встал. Прислушался.

– Землетрясение... Но странное. Будто что-то надвигается. Так было в недавнем наводнении на Ренце у Пертока. Помните?

– Вода? – обернулся к нему Поприн. – Здесь? Болото до дна пересохло. А ты – половодье...

– Кемеш! – выкрикнул Лакой. – Надо... – Он вбежал в тесную прихожую. – Вода! Волна!

Кемеш подался к двери.

Вал воды иссякал, превратясь уже в прибойную волну, плеснувшую далеко на берег, чтобы остановиться. Однако к посёлку он ещё надвигался стеной не менее двух берметов в высоту, круша на своём пути всё, что не могло устоять под его напором.

Вверх полетели брызги от столкновения с руинами. Гул перерос в грохот.

Оприты, отступив от входа, обречённо переглянулись. Волна накатилась, на мгновение перекрыла небо, залила нутро руины до уровня остатков кровли, тем самым, дав возможность людям не быть унесёнными, а зацепиться за верх

изломов стен, а затем взобраться на них. Одежда вытесняла воду, но ноги оставались в ней. Вокруг, кружа мусор, играли водовороты, из подземелий вырывались пузыри воздуха, на их месте возникали воронки – вода уходила в подземелья.

Кемеш поднял ноги, уткнулся в колени лицом, чтобы не видеть испуганных лиц своих опритов. Сквозь шум услышал крик Лакоя, зовущего его. На зов нехотя поднял голову. Лакой стоял и показывал рукой в сторону, откуда стремительно неслась вода. Оттуда надвигался целый остров сцепленных корнями и кронами деревьев.

– Мы можем... – кричал Лакой. – На нём к Скале... Через проток... Сразу!

– Да, да! – оживился Кемеш.

Ведь чем Край не шутит, и вправду вал воды может добросить их к подножию холма, где обосновался Узел Перехода.

Остров из деревьев, топорщась изломанными ветками и корневищами, медленно кружась, быстро мчал прямо на них и мог зацепить руины.

– Вы что, с ума сошли? – надрывал горло Поприн. – Жить надоело?... Не надо-о!

А коряги уже неслись мимо. Кемеш и Лакой прыгнули разом, как им показалось, на более ровное место. Но Лакой угодил между стволами, провалясь в щель по плечи. Селек замешкался, оттого его прыжок вверх в переплетение корней. А Поприн, потрясая перед собой от ярости кулаками,

остался на стене руины.

Его проклятий никто не слышал. Да и было не до него. Лакоя Кемеш вызволил из западни быстро, а вот с Селеком они оба провозились, когда посёлок уже остался далеко позади. Оттого, занятые собой, они не видели, как Поприн прыгнул в воду, схватился за небольшой обломок ствола и оседлал его.

Остров, то, цепляясь за неровности, и тогда его трясло так, что из него вырывало деревья, то его начинало раскручивать, однако не снижался его стремительный бег в потоке.

В туманной дали обозначилась возвышенность, но вода ринулась вниз, в протоку, и островок с опритами врезался в густые заросли упан вокруг Узла Перехода, и остановился, едва не сбросив с себя неожиданных пассажиров. Почти в полусвидже от них то же самое случилось и с Поприном.

Последствия обрушения Края оказались для городов на пути вала воды ужасными. Никогда он не представлял такой опасности как в этот раз. Волна, почти полусвижа высотой промчалась со страшной скоростью. И если городские койны выдержали, то там, где защита ослабела или её не было, она сокрушила здания, стёрла с лица земли ветхие руины, залила подземелья, уничтожила упаны. Погибло много людей, исчезли целые кланы вырожденков, стаи и стада диких...

Жуперр мрачно рассматривал свои руки, безвольно брошенные на столешницу. Керпос, переполненный беглецами, до сих пор жил ужасом, когда стена воды, казалось, до неба

пронеслась над городом. Она накрыла Туклу, Бофор и Кунш, и широким фронтом, краем захватив Угарунт, умчалась на юго-запад в пересохшее Болото Второе. Сенер долго входил в сои берега, изменённые до неузнаваемости.

Где-то пропала экспедиция Тлумана, во всяком случае, от него не приходило никаких известий. И хотя истоки Ренцы как будто под основной поток не попали, но и там он прошёлся, а что против него лодки людей?

Жуперр тяжело вздыхал от бессилия что-либо изменить. Погибли тескомовцы. Даже многоимённые, подавшиеся полюбопытствовать к пересыхающим Болотам. Неизвестна судьба многих лесовиков и хожалых, выучных торнов. Да и что можно сделать, ведь всех не охватишь, не предупредишь...

А тут ещё агоровец со своими вопросами о Три-Бланке. Край с ним, с Три-Бланкой! Что Три-Бланка, если большая часть Сампатании в руинах, особенно под его рукой?

Волной смыло этого Три-Бланку и Край с ним!

Правда, есть и небольшая отрада – количество банд уменьшится. Но в них подвизаются многоимённые.

Вот о чём мрачные мысли Жуперра.

Над головой завозился Сунда. Жуперр окликнул его:

– Иди, погуляй. Ко мне – никого!

Сунда кошкой скользнул вниз и скрылся за дверью, но тут же вернулся.

– Присмет, шейн. К тебе просится.

Жуперр покривил губы – этому-то что надо? Вздохнул.
– Зови.

Присмет ввалился в комнату, на лице его играла довольная улыбка.

– Будь здоров, шейн!

– Буду. Что у тебя?

– Я всё-таки нашёл! – гордо произнёс Присмет. – Узнал, кто такой Свим! – Но, заметив рассеянный незаинтересованный взгляд главы Тескома, уже без пафоса поведал: – Это Еменков... Ертон Естифа Еменков Естик Ермал. Его дувар...

– Знаю... Можно было подозревать, что Свим многоимённый. Но Еменков?... Мышь в норе...

Жуперр вспомнил о старшем Еменкове: рохля, углублённый в себя, такой же была его ауна. Вот и решили уйти из жизни добровольно. Поступок среди многоимённых – из ряда вон. Но поговорили, осудили и забыли. А сынок их, оказывается, что, совсем не в родителей?

– Где он сейчас?

– Будто бы побежал как все к Болоту.

– А Камрат?

Присмет пожал плечами. Идя к Жуперру, он надеялся на заинтересованный разговор. Случайно появившаяся ниточка от Еменкова могла, если подключить Теском, вывести на Камрата. Недаром же тескомовцы охотились за ним всю весну. Но у Жуперра, похоже, никакого желания дёрнуть эту

ниточку.

– Кто знает? У Болота я мальчиков не встречал. Где-то здесь, наверное, сидит.

– Наверное... Ну и пусть сидит!.. Я организую... – Жуперр помолчал. Мысль пришла только что, и он не успел её обдумать. – Надо пройти по дорогам. Помочь бежавшим и уцелевшим от воды. Надо найти Тлумана... Если у тебя остались связи с другими городами, выясни, что там у них твориться... Сопоставим с моими сведениями... А! – Жуперр с досадой хлопнул по столу ладонью. – Только и разговоров было о Болотах, а об океане воды за Краем никто даже не подумал!.. Сделай, как я сказал!

Он склонил голову к столешнице и не смотрел на Присмета. Тот тяжело покрутился на месте, засопел, но понял – пора уходить. Буркнул:

– Сделаю.

А Свим, Камрат – никому, похоже, не нужны.

События весны померкли...

Глава 37

Команда, теснясь, вывалилась из-под арочного выхода.

Сестерций тут же занялся поиском моблов, ведомых туками. Их чёрные контуры висели пятнами на мгlistом небе над берегом, оставленном людьми и путрами. По самому берегу мчалась небольшая стая диких собак. Протока покры-

лась волнами от выскакивающих на поверхность голов, хвостов, щупальцев – монстры торопились уйти от надвигающейся опасности.

– Нам надо отсюда уходить! Подняться выше, – обеспокоился Малион.

– Здесь и так высоко. Не достанет, – возразил Ольдим. Вид противоположного берега, руины, суматоха на суше и в воде вдохновили его на каманаму:

Здесь мир царил. И сотни лет
За годом год сплошное постоянство.
Но всё не вечно, так устроен свет...

– Сестерций! Нашёл?

На окрик Камрата торн будто очнулся, выпрямился. Чалма сдвинулась на затылок и затеплилась жёлтая аура.

– Я зову. Они где-то рядом, но...

А Свим в это время делился своими впечатлениями. До того он прислушивался, не раздастся ли вновь голос, вопрошающий: кто и зачем?

– Молчит... Нас испугался? Или как все? Убежал куда-нибудь.

Гул подступающей волны нарастал.

– Надо уходить? – напомнил Малион.

– Надо ли? – подождав реплики Ольдима, спросил Харан. А Ольдим промолчал, так как искал рифму для слова «по-

стоянство». «Пространство»... Но и «ясно». Или «безопасно»...

– Да вот они! – крикнула Думара.

Моблы, лавируя, выплыли из чаши леса, но с другой стороны, где их искал и поджидал Сестерций.

– Хо, хо! – отметил этот факт Невлой.

В ответ со стороны Узла Перехода долетело:

– Кто?.. Зачем?..

– Кто и зачем ещё узнаете! – погрозил кулаком Свим.

Он не мог простить себе, как ему теперь казалось, своей трусости при первом здесь появлении. Надо было бы тогда дождаться задающего вопросы – что бы это собой представляло, а он сбежал.

Харан подошёл к Камрату, что в задумчивости вглядывался в заросли. По-видимому, в былые времена от арки к Узлу Перехода вела какая-то дорога. Возможно, не из вечного турсуса, так как за годы на ней вырос пласт почвы, давший жизнь деревьям и кустарнику, но можно было вдеть цепочку свободных от растений участков, делая древнюю дорогу проходимой. И тому были подтверждения – видны какие-то следы, кто-то по ней ходил или ползал.

– Камрат!

– Здесь можно пройти.

– Да, можно. Но... – Харан оглянулся на шумевших членов команды, столпившихся вокруг моблов. – Скоро ночь. Думаю, надо остановиться у выхода... под крышей.

– Ты прав.

Решение устроить ночлег здесь, не выходя на дорогу, все восприняли как должное. Особенно Свим. Ему хотелось есть, а если бы пошли сейчас, то когда ещё он смог бы утолить голод. А ведь день целый не ел.

Команда вернулась под арку и не видела, как волна перевалила через естественный уступ, повышение, перед протоком, влилась в него и выплеснулась на излёте в прибрежные заросли.

Кемеш, помогая опритам, и сам, принимая помощь от них, наконец, выбрался их хаоса островка и смятой в клубы прибрежной растительности, и ступил на землю. Вокруг дебри. Стало темнеть.

Селек, почувствовав под ногами твердь, тут же сел.

– Никуда не пойду!.. Как хотите.

– Хотим, не хотим, – Лакой тоже сел напротив него. – Раз нас сюда занесло, значит так надо. Мы избранные...

– Не повторяй глупостей Знающих! Кто мог тебя избрать, если ты сам себя защитил, сам принимал решения? – настаивательно сказал Кемеш, опершись спиной о тонкий ствол дерева. – Это они там все... То же мне, избранные. Ф"ент что ли? Сестерций? Да и все они! Ольдим... Вот уж избранный, чтобы, наверное, перепугать всех, кто на Узле Перехода.

– Ты думаешь, там есть кого пугать? – Селек поменял позу, почти отвернувшись от Кемеша.

Со времени нападения на банду самаберсов он ощущал постоянный шум в голове, словно от топота большой чем-то возмущённой толпы. Порой даже как будто выделялись отдельные голоса. Закалочные в посёлке почему-то не устранили этот навязчивый шум.

– Нет там никого и не надо, – сказал Лакой. – Лишь бы раздаточные остались... Что есть будем? – уныло задал он вопрос.

– Поприн успел схватить свой мешок. Я видел.

– Я тоже видел, – подтвердил слова Селека Лакой. – Только нам от этого не легче.

– Да-а... – сокрушённо покрутил головой Кемеш. – Я до своего чуть не дотянулся, как меня подбросило, а его унесло.

Они не знали, что обсуждаемый мешок Поприна с едой, всего в трёх канторах от них, вверг своего хозяина в «смешную», случись это на виду опритов, ситуацию. Он зацепился за корень дерева, и Поприн беспомощно повис в бермете от земли. Все попытки избавиться от мешка не удавались, ремни натянулись, а дотянуться до замка Поприн не мог – его руки напрочь застряли в вычурном разветвлении корневища дерева, что принесло его сюда.

Поприн висел, надеясь, что разбухшая от воды одежда избавиться от неё и даст хотя бы небольшую свободу рукам. Волна схлынула. Вокруг шум и треск. Наконец, правая рука ощутила слабину и Поприн, пыхтя и ругаясь, с болью в плече вывернул её и стукнул по замку.

Ух-х!.. Он тяжело упал вниз, завалясь всем телом на грязное покрывало недавней травы. Встал, потоптался, снял с корня мешок...

Наступала ночь...

– Даже костра не разжечь, – посетовал Лакой

– Выше будет сушняк, – сказал Кемеш.

– Да здесь его никогда не было!.. Странно. – Селек потянул ветку куста. – Она даже... и-и... не ломается. Из вечных, наверное.

– Живое вечным не бывает, – изрёк Лакой и неожиданно засмеялся.

– Не смешно-о...

– Я не о том... Неужели мы и вправду на Скале?... Детям и внукам буду рассказывать.

– Ты ещё доживи до детей, – криво усмехнулся Селек.

– Доживу! Вы знаете... – Лакой помолчал, словно решая, поделиться или нет, что ему последнее время не давало покоя. – Мне тогда было лет тридцать. Был у меня друг. Да мы с ним и сейчас порой встречаемся. Зудер Зерева Зубровец...

Кемеш вскинул брови, а Селек насупился. То, что Лакой многоимённый подозревалось. И вот он проговорился. Для Кемеша – лишь подтверждение, а для Селека – обидная новость, так как уйдя в оприты, своего имени не менял – Селек. Селек Сковен Станс. Эти двое многоимённые, а о – всего инег.

Лакой кашлянул.

– Да ладно вам. Новость, что ли?.. Так вот мы с Зудером решили посмотреть, что собой представляет пустыня Снов и дойти до самого Города Снов. Вышли весной. За пол лета прошли... Северным путём. Побывали в Фосте, Пертоке, Керпосе. Наконец, добрались до Ритолы. Добрались, вот, думаем, какие мы. А там на таких, как мы с Зудером смотрят с презрением.

Кемеш кивнул.

– Тоже там побывал?

– Нет. Слышал.

Лакой явно не поверил – темнит вождь, наверное, побывал, но говорить не хочет. После небольшой паузы продолжил:

– Местные сами в пустыню не ходят, тем более в город, а таких, как мы с Зудером, перепивших коввды считают. Но за рахмы на обмен есть проводники. Их ритольцы тоже за нормальных не считают... Мы нашли одного такого... Косоглазого. Нет, правда. Глаза его будто в разные стороны смотрят. Как раз появились выючные торны. Мы обменяли рахмы на то, что просил проводник, нагрузили двух местных выючных торна. И пошли...

– Неужели дошли? – выражая нетерпение, спросил Селек. Кемеш усмехнулся.

– Нет. Уже через два дня Зудеру стало трудно идти. Пройдёт два-три свиджа и заваливается спать. Да и меня всё время клонило в сон. Щекель... Так звали нашего косоглазого

проводника. Так вот он говорил, что мы сами виноваты в том, а не Пустыня Снов. Раз, мол, вошли в неё, так себя и настроили.

Кемеш откровенно зевнул. Сколько небылиц ходит о самой пустыне и Городе Снов – не счесть. Так же как и о Дороге Страха. И рассказ Лакой, якобы ходившего туда, слово в слово повторяли многократно слышанное Кемешем. Лакой заметил его зевок.

– Я вот это рассказываю к чему. Этот Щекель на третий день нас разбудил и сказал, что дальше не пойдём.

Селек хмыкнул.

– Ну, и к чему?

– А к тому! – насупившись, твёрдо парировал Лакой. – Он разбудил и сказал... Сказал, что Зудер всю свою жизнь проведёт в своём дуваре. А вот мне... Сказал так. Готовься к тому, сказал, что случится время, когда я открою тайну древних. Но не один, так как буду знать только одно, а все – всё... Вот теперь я и думаю. Они и мы... Только вместе сможем открыть Узел Перехода.

Селек засмеялся.

– А ведь мне тоже было предсказано. Это же надо!.. Болтун Суперк! И злой! Меня как-то увидел, вперился в меня своими безумными глазами и говорит: «У древних побываешь, меня не забудь...» Я тогда ему чуть по шее не надавал... Да-а... А ты, Кемеш... У тебя тоже было?

– Нет! – резко отозвался Кемеш, но себя не обманешь.

Долго сидели молча оприты, погрузившись в свои мысли и воспоминания. Как вдруг из зарослей донеслось:

– Э-эй!

– Поприн! – определил Селек. – Эй, Поприн! Мы здесь. Эй!

Поприн шёл на зов напролом, оставляя после себя мятую траву и прорехи в кустах.

Глава 38

Утром следующего дня команда Аба-Авы просыпалась долго и нехотя. Вчера спать улеглись не сразу. Хорошо поели, поздравили друг друга с достижением Скалы. А молодые дурбы стали выяснять, подключив всех, своё возможное значение в походе к Узлу Перехода, но так и не определились. Но пришли к выводу, что кое-кто из команды уже, наверное, своё предназначение выполнил. Вот Орей с туками, например. Или Свим, нашедший проход на Скалу. Да и Р”япра, выведшая их из города развлечений...

– Ещё узнаете, – пытался успокоить не нашедших себя Невлой. – Спите! Завтра непростой день нас ожидает. Мы уже на подступах.

Из-под арки вышли на площадку. Внизу протока уже успокоилась после вчерашнего вливания. Заняли свои походные места. Впереди – Камрат, Малион, Ф”ент, Замыкающие – Невлой и Т”евара. Знающих чуть ли не силой усадили

на моблы.

Впрочем, ни Ой-Мой, ни Ей-Фей не сопротивлялись. Они на все обращения к ним молчали и сами ничего не предпринимали: сидели, их подняли и усадили. Харан обеспокоено осматривал их, а Невлой выдавал своё «Хо, хо!», зато Свим не стеснялся в своих выражениях.

– Мы с ними ещё наплачемся.

– Двинулись! – подал команду Камрат.

Ориентируясь на просветы, оставшихся от древних дорог, команда углубилась в упраны. Впереди бежал Ф”ент, принимавшийся, но ничего особенного не находил, отчего повеселел, хвост его поднялся вверх. Успокоились и люди, так как ожидали опять вопрошающих голосов.

Но вот замелькали какие-то тени, и вдруг прямо перед носом Ф”ента возникла голова человека с расплывчатым безобразным лицом. Гнев был написан на нём. Ф”ент взвизгнул и отскочил под ноги Камрата. А Свим кинулся вперёд с мечом наголо.

Лицо обиделось и исчезло.

– Что это было?

– Ничего не было! – твякнул Ф”ент, теперь бросаясь в сторону от Свима, готового наброситься на любого, кто стал на его пути.

– А? Я что – слепой? Понюхай, собака!

– Нюхал!.. Ни следов, ни запаха.

– А-а! – кричала и бежала к Камрату Думара.

За ней гналось громадное, похожее на паука чудовище. Но в двух шагах от команды оно опало до земли, сплющилось и растворилось в ней.

Люди и путры сплотились в тесную группу, а вокруг них возникали страшилища, но, словно показав все свои ужасные «прелести», исчезали, уступив место не менее жутким на вид созданиям. Отнести их для сравнения к болотным или крапатским монстрам не удавалось. У тех можно было увидеть хотя бы законченный образ, а здесь появлялись огромные, злые с оскалом острых зубов морды неведомых существ, порой лишённые туловища, многоногие и многоголовые создания, химеры, воплотившие в себя всё многообразие земных животных и придуманных разумными в своих фантастических легендах и сказаниях.

Свим метнул меч в безобразную рожу с раскрытой пастью. Меч пролетел сквозь неё, срубил ветку и затерялся в кустах и траве...

Налетела туча мелких насекомых, состоящих из одного жала и крыльев с намерением впиться в плоть людей...

Бесконечная по длине змея обвилась вокруг команды в бесчисленное количество витков и сжимала захваченное пространство...

С неба посыпались стрелы, заставив дурбов тоже вынуть мечи и яростно крутить их над собой...

– Их не-е-т! – истерический крик Илоны перекрыл все шумы. – Мы их сами придумали-и!

Сборище чудовищ дрогнуло, осело, замедлило мельтешение, замерло, будто в ожидании чего-то.

– Я же говорил, что их нет! – пролаял Ф”ент и с поднятым обрубком хвоста бросился на химеру с собачьей головой. Прыгнул и, как до того меч Свима, скрылся в кустах, правда, уничтожив химеру. Послышалось отчаянное: – Ав-во!

– Давайте все!.. Будем думать по-другому! – в полный голос кричала Илона. – Надо думать по-хорошему...

Малион положил руку ей на плечо.

– Что ты имеешь в виду думать по-хорошему?

– Мы их... Мы боялись. Думали о них. И как думали, так они и появились. Страшные.

– Ага!. И если думать... Все слышали? Выбросите страхи из головы!

– Да, да, – успокаивалась Илона. – Давайте думать...

– Представлять, – подсказал Малион.

– Да, представлять хорошее. Кого-нибудь... Думайте, что нам навстречу идёт... Гелина... Смотрите, смотрите!

Круг чудовищ распался, а на дорожке, набирая чёткость, замерцал облик Гелины. Но поскольку каждый представлял её по-своему, то она воплощалась в движении с рюкзаком, то сидящей на платформе мобла и даже под копыльцем.

Но это была Гелина...

– Надо забыть, что здесь кто-то есть вообще! – крикнул Харан и прикрыл глаза, чтобы не видеть призрака Гелины,

к тому же у некоторых, по-видимому, у молодых дурбов, её образ представлялся порой не совсем в приличном виде, вплоть до полной наготы.

Призыв Харана долго не находил отклика, хотя все понимали его разумность. Однако возможность увидеть кого-то знакомого или нечто невероятное вызывало появление всё новых и новых фантомов.

Свим, едва разыскавший свой меч, свирепел от бессмысленной, по его мнению, игры воображения людей и путров.

– Мутные звёзды! Вы что, не слышали Харана? Закройте глаза и забудьте всех!.. Всех...

И вдруг увидел Клоуду...

Она явилась ему такой, какой он её увидел в первый раз, в гондоле воздушного шара, но тут же преобразилась в обличье при их расставании: слёзы в глазах. Она стояла и в упор смотрела на него, осуждала за то, что покинул её, не взяв с собой.

– Кло... – со стоном выдавил опешивший Свим. – Не надо... Уйди!..

Видение заплаканной Клоуды стало расплываться, но на его место намечался какое-то другое.

– Не стой! – Ольдим подтолкнул дурба в плечо. – И чаще прикрывай глаза.

– Да, – очнулся Свим, насупился, опустил голову, чтобы не видеть сонма окружающих призраков.

А среди них стали возникать и тут же заканчивать свою

призрачную видимость комические фигуры, а то и целые фрагменты – плоды развлечения: вот важно вышагивают одни ноги, а здесь – голова катиться мячом, кривляющиеся рожицы...

Смех, нарушение порядка движения. И как следствие едва ли ни через сник в команде обнаружилось потери – куда-то подевались Овех и Рувон.

Дороги к Узлу Перехода после выхода из перехода под протоком как таковой не было, а сеть троп. И, по всему, увлечённые созданием фантомов, молодые дурбы куда-то шагнули в сторону, а команда, где каждый был занят своими видениями, не заметили их ухода с общей дороги.

Команда остановилась. Короткая перепалка – как же теперь поступить? Посылка отдельных групп на поиск – это всё равно, что всем потеряться в лабиринте троп. Повернуть назад всей команде – так никто не знает, где остановиться для поиска, даже если Ф”ент или Х”вьюся что-то и учуют. А тут ещё К”нъец подал голос:

– Камрат, мы идём не правильно.

Камрат огляделся.

– К”ньюша?.. Ты где?... Почему не правильно?

– Мы идём в обход, – К”нъец подошёл к Камрату, – а надо идти вон туда, – хопс показал лапиной. – Но для этого надо вернуться назад. Там есть правильная дорога. Я, Камрат, знаю...

Ф”ент присел на хвост – что это ещё придумала кошка?

Однако он и сам не был уверен, что, опережая команду, ведёт её непосредственно к Узлу Перехода. Тут столько троп, порой заросших, легко ли разобраться, куда они ведут. А кошка говорит – знает.

– Далеко назад?

– Может быть, свидж.

– Так надо было...

– Я разобрался только сейчас! Правда, Камрат, только сейчас понял.

– Разобрался и что? – спросил Малион.

– Да... Разобрался. Основная дорога к Узлу от нас далеко. А здесь, где мы идём когда-то разумные... Не знаю как сказать... Они выходили сюда погулять... Просто ходили...

– Это называлось парком. Место отдыха.

– Да! Я читал! – подтвердил Оконд. – Люди гуляли, отдыхали.

– Но странно, – задумчиво сказал Малион, – что подземный ход вёл сюда.

– Думаю, ничего странного. Наверное, это один из таких ходов. Мы прошли по тому, что вёл именно в парк, – предположил Харан.

Камрат приподнял руку.

– К”нюша, ты разобрался. И что видишь? Или представляешь?

– Эта дорога длинная, и напрямую не ведёт к Узлу.

– Хорошо. Будем возвращаться. И надо искать Рувона и

Овеха. Ф”ент и Х”выюся, вы вперед. Может быть, обнаружите, где они сошли с дороги. А ты, К”нюша...

– Я покажу... Я вижу.

Кемеш стряхнул с рукава какую-то букашку, нахмурился, разглядывая, куда она упала, сказал:

– Раз вы ... избранные, то и ведите меня к Узлу Перехода.

– Все мы избранные, – недовольно буркнул Селек. – Все и искать будем.

– Сначала надо поискать, где здесь пройти можно, – добавил Лакой, пытаясь в сплошной стене зарослей найти первую лазейку, чтобы начать поиски путей к Узлу Перехода.

– Пусть Поприн первым идёт. А мы за ним, – Селек отодвинулся за спину Лакоя. – У него это хорошо получается. Вон, смотрите, какую он вчера дорогу пробил.

Поприн исподлобья посмотрел на него.

– Если знаешь куда, покажи и я пойду... То-то!

– Если прямо к Узлу, то... – Лакой оглянулся на Кемеша, ему показалось, что вождь знает направление, но выжидает предложений других опритов. Кемеш промолчал. – То сюда! Мне кажется, я видел... тогда, когда мне привиделся купол, что где-то рядом есть дорога к нему.

Поприн тут же вломился в кустарник.

Шли, спотыкаясь и поминая Край, долго. Предположение Лакоя о дороге, похоже, не подтверждалось. Как вдруг Селек закричал:

– Поприн, стой!.. Остановись! Здесь... дорожка!

– Какая ещё дорожка? – обернулся Поприн.

– Да вот она. Ты её прошёл и не заметил. Затоптал.

Ломая перед собой ветви кустов, Поприн и вправду не заметил узкую, но чёткую под определённым углом зрения тропку, уходящую чуть вправо по ходу их движения.

– Ха!.. – Поприн глянул на Лакоя. – Это что, твоя дорога?

Лакой пожал плечами.

– Что-то на дорогу это не похоже, – сказал Кемеш, потирая щеку от жгучего удара хлестнувшей ветки. – Но хотя бы на пролом будем не идти.

– Так сюда?.. Лакой?

– Ну что ты пристал? Я видел дорогу! – с раздражением отозвался Лакой. – Но где она и где мы, откуда я знаю? Может быть, до неё свиджи, а, может быть, она где-то здесь рядом. И там могут быть неожиданности... Призраки.

– Ещё и это? Придумал?

– Ладно вам... Во всяком случае мы знаем направление, куда идти, – Кемеш махнул рукой. – Попетляем и придём.

Лакой опять подумал: Кемеш знает, как и где пройти к Узлу Перехода, но почему-то молчит о том.

Тропа в некоторых местах позволяла идти не только цепочкой, но и рядом друг с другом. Селек поравнялся с Поприном.

– Дороги... Тропы... О Скале я такого даже не слышал... Но кто-то же по ним когда-то ходил. Вот бы... Э-эт-то...

Селек едва не упал, отпрянув назад. Навстречу им вышел человек. На вид молодой, одет, как и они. Только ноги у него при наличии туловища и головы отсутствовали. Поприн выхватил меч. Человек сделал жест рукой, будто отмахнулся от его движения и скользнул в кусты, не шелохнув и листа.

Поприн выругался. Как ему хотелось наотмашь рубануть мечом! Отвести накопленную злость. Даже плечо заныло. Но некого! Не рубить же кусты.

– Ты это имел в виду? – спросил он Лакоя.

– Это... Но, думаю, Селек сказал, представил, вот он и появился. Надо забыть о них!

– Забудешь тут! Вон опять... А... Липа! – охнул Селек, узнав в ней недавнюю свою подругу.

Навстречу им бежала девушка со счастливой улыбкой на красивом лице. Она развела руки, словно хотела обнять их. Не добежала...

Фантомы, порой причудливые долго перекрывали опри-там дорогу, пока, по-видимому, примелькались и прискучили людям, оттого практически перестали возникать.

Но неожиданно перед ними появился человек, явно не похожий на призрак...

Ф"ент в сопровождении Зливана и Кумара трусил по следу Рувона.

До того, возвращаясь, команда вскоре, благодаря путрам, нашла, где Рувон и Овех сбились с общего пути. Обех на-

шёлся сразу, а Рувон явно заблудился, отыскивая тропу, по которой прошла команда.

Несколько раз он смутной тенью промелькнул перед дурбами и Ф"ентом. Стехар фыркал, а люди прикрывали глаза, отгоняя видение Рувона.

Но вот Ф"ент резко остановился, крутнулся на месте.

– Здесь... Он не один. Их много.

– Кого много?

– Людей... Много.

Дурбы переглянулись.

– Наши?

– Нет... Но я узнал... Авва!.. Это Кемеш!.. Кемеш и оприты. Лакой!.. Они!.. – Ф"ент лаял, называя имена, обрубок его хвоста дрожал под брюхом.

– Они, значит, тоже сюда пришли, – покачал головой Зливан. – А Рувон... Стехар, Рувон с ними?

Ф"ент, опустив нос, прошёлся вдоль по тропе.

– Нет... Рувон убежал от них.

– Они за ним гнались?

– Нет.

– Куда же он убежал? Стехар, ищи!

Ф"ент фыркнул и побежал по тропе, за ним дурбы...

Рувон выскочил из-за куста. Завидя стехара и людей, остановился. Что перед ним: реальность или новая иллюзия? Но и противоположная сторона, правда, только люди, тоже задалась тем же вопросом.

– Рувон?..

– Вы?..

– Мы, мы! Идём отсюда!

– Здесь Кемеш.

– Знаем... Стехар, веди нас назад!

– Я не удивляюсь их прорывом сюда, – сказа Малин после сбивчивого рассказа Рувона. – Так, может быть, и должно быть.

– Они где-то рядом, – Кемеш взгляделся в очередное ответвление тропы.

– Нам-то что? – небрежно кинул Поприн.

– А то! – повысил голос Лакой. – Они без нас... А мы без них, тем более, ничто. Только вместе!

– Вот и беги к ним! А я ещё посмотрю, нужны они нам или нет.

Лакой повернул голову к Кемешу, тот лишь повёл бровями. А Селек, идя позади, со вздохом сказал:

– Избранные...

Глава 39

– Скала, скала... А тут, похоже, пригорок, – посетовал Ольдим на следующий день после ночлега.

– Но вверх-таки поднимаемся, – возразил Харан, однако,

как и все в команде, думал подобно Ольдиму.

Порой даже появлялась неприятная мысль, что вот сейчас они идут по пологому подъёму, а потом вдруг... начнут опускаться. И – никакого Узла перехода.

Но в округе тропы стали появляться перемены. Практически исчезли фантомы, лишь иногда нечто возникало и тут же размывалось. Сама тропа расширилась, хотя древостой вдоль неё стал выше и чаще, потеснив кустарник, кроны нависли над головой. В воздухе ощутимо витал аромат невидимых цветов, с удовольствием вдыхаемый людьми; он придавал бодрости. А вот путрам он не понравился, почему – они не могли ответить.

Открытое пространство, чётко окантованное густой зарослью леса, возникло неожиданно. Даже Ф"ент пробежал несколько берметов, прежде чем заметил перемены – под ногами не тропа, а окраина большой площади.

Да, это представилось команде, после выхода из-под тени деревьев, в виде площади. Чуть позже в центре её обозначилась приземистая сфера с многочисленными арочными входами под неё.

– Вот и купол, – сказал Малион, но так, словно он только констатировал появление этого купола, а в голосе его сквозила усталость и разочарование.

– Дошли! – веселее отметил событие Харан.

И всё-таки вид купола у команды особого восторга не вызвал. Естественно, каждый понимал необыкновенность слу-

чившегося в его жизни – перед ним легендарный, мифический, сказочный, как ни назови, Узел Перехода, Скала...

Но что-то будто оборвалось и встало преградой, ибо одно – слышать небылицы, и иное – созерцать воочию. До этого основным руководящим стимулом было только достижение Узла Перехода, что, по сути, было ближе к обыденности. Всем им приходилось куда-то ходить и переживать перипетии дороги, чтобы добраться до нужного места. А дойдя, можно окунуться в обычную повседневную жизнь, где всё ясно и привычно.

И вот, наконец, дошли... Но ведь всё только начинается!..

Знающие сошли с моблов и наотрез отказались идти к куполу, даже отступили под сень деревьев. На все вопросы и увещевания отвечали:

– Нам нельзя!

Малион, наконец, с досадой сказал:

– Вами движет не разум, а тупое подчинение предрассудкам. Неужели вы не понимаете?

Знающие не понимали.

– Что мы с ними тут... – выпалил Свим. – Пусть остаются!

– Но они должны что-то есть, – обеспокоился Харан. – Мы уйдём, а здесь... пусто. Нельзя их бросать!

– Они сами выбрали свою судьбу, – играя страшной мимикой, воскликнул Ольдим и, никого не ожидая, направился к куполу.

Незамысловатая каманама готова была вот-вот оформить-

ся в слова, а знающие сбивали с настроения:

Скала, скала, а не пригорок,
Твердили мы как будто морок,
А оказалось всё не так...

– Оставим им моблы и... пусть наши запасы еды останутся с ними, – распорядился Комрат. – Под куполом должны быть раздаточные.

Не всем понравилось его решение.

– Хоть что-то надо взять, – Невлой уже держал в руках свой рюкзак, снятый с мобла.

– Они чудят, а нам приходится... – договорил свою реплику Свим и решительно направился за Ольдимом.

Правда, прошагав с десятков берметов, остановился, поджидая команду.

– Вот ходили мы с тобой, и никто нам не мешал, – сказал он, когда Камрат поравнялся с ним. – И никто не отставал. А у этих в головах запреты. Малион точно сказал. Ведь сами придумали, и сами бояться.

– Кто знает, Свим?.. Кто знает?.. Знали ли мы, когда ходили, что у нас будет впереди.

– Но они же говорили, что им нельзя даже появляться здесь. Через проток переходить нельзя. А перешли и... живы. Ничего с ними не произошло! И здесь упёрлись, словно в Край. А нам за них что-то придумывать.

– Не нам за них решать.

– Вот именно, – сказал Малин. – Где надо, они нам помогли. Теперь считают свою миссию исполненной.. А предрассудки... Это их дело.

– Или знают что-то такое, что под купол лучше не соваться. И нам тоже. А?

– Возможно, но думаю только для них, – отозвался Малин на вызывающий вопрос Свима. – Если для всех, сказали бы.

– Скажут они!.. Край их возьми!

А купол постепенно приближался...

Идущий впереди Поприн резко остановился.

Лакой с ходу уткнулся ему в спину.

– Чего ты? – недовольно воскликнул он, старая через широкие плечи Поприна рассмотреть, что там впереди.

Поприн отступил в сторону.

– Мы... Наверное... – выдавил он невнятно.

– Узел?.. – Лакой перешагнул низкорослый куст, за которым открывалось чистое пространство. – Узел! А вон... Ну да. Это же они идут!.. Кемеш! Они!

Едва ли в десятке канторов виднелась чуть растянувшаяся цепочка людей и путров команды Аба-Ава.

– Они... Идут. – Кемеш поравнялся с Лакоем. – Уже подходят.

Оприты долго в безмолвии наблюдали, как перед куполом команда стала уплотняться.

– Нам надо к ним, – наконец, сказал Лакой. – Мы должны быть вместе.

Поприн в ответ недовольно рыкнул, но и он перед лицом их конечной цели воспринимал разумность сказанного Лакоем. Конечно, всё будет не так просто с теми, кому он угрожал мечом, тем более что перед ним тогда были в основном женщины и дети.

И это случилось с ним. А ведь он считал себя чуть ли не образцом великодушия для большинства опритов, обычно смелых только перед слабым или беззащитным противником.

К тому же перед ним стояли многоимённые.

Ему самому не было нужды менять нэм.

Обычный инег, он вырос в захудалом городке на окраине бандеки. В оприты подался уже лет в двадцать пять, по сути, мальчишкой. Первые годы ещё возвращался на зиму домой, но вскоре знакомство с опритами из многоимённых позволило ему зимовать в их дуварах, приобщаться к их образу жизни. Правда из-за своего грубого невыдержанного нрава он редко надолго задерживался в той или иной банде. Только у Кемеша он как будто обрёл постоянство. И между ними установилось некое согласие, прощающее Поприну его порой дурные выходки.

Но что теперь вождь думает о его поступке? Он много-

имённый, его взгляды на отношения между людьми иные, чем у него, инега. Сколько раз убеждался в этом.

Вот и после ухода от команды Аба-Ава Кемеш не перекинулся с ним и словом одним.

В избранность свою, о которой твердил Селек, не верил, никогда ему не случалось слышать от кого-либо предсказания о некой своей скрытой предназначённости в будущем.

Однако что-то с ним происходящее не противоречит всем его представлениям. Неужели и вправду избранный?..

Вначале это слово и его содержание раздражало. А сейчас, глядя на тёмные фигуры, шествующие к куполу, людей и путров, он, пожалуй, впервые осознал о своей какой-то причастности к той реальности, что сохранили легенды и сказки о древних, бытующие в сознании его современников.

Осознал и даже задохнулся от мысли – он достиг, именно достиг Узла Перехода. Что думают и ощущают его спутники, он не знал, но слышал неровное дыхание Селека, шорканье ног Кемеша, видел порывистость Лакоя, готового броситься вдогонку команде. И вдруг из его гортани раздалось:

– За ними!

Их заметили не сразу, так как взоры команды были прикованы к куполу. Но вот тьякнула Х”вьяся, недовольно захрюкал Т”евара, хохотнул Невлой.

– Камрат! – окликнул Свим. – Кемеш!

– Они, – не удивился Камрат.

– Да, они, похоже, должны были дойти, – сказал Малион. –

Они что-то знают полезное нам.

– Подождём?

– Догонят... и потом... сами видите, – замедлил шаги Ка-мрат.

Будто до того монолитное покрытие площади перед под-ходом к куполу неожиданно стало опускаться, создавая пе-ред командой своеобразный жёлоб, а в его конце преобра-зовался край купола. Приплюснутые до того две арки вхо-дов под купол становились выше. Над ними то, загораясь, то угасая, мерцали разноцветные строки каких-то надпи-сей. Засветился простенок между арками, и в нём появилась миниатюрная фигурка миловидной девушки с пышной при-чёской. Она повела рукой, что-то проговорила, обрела объ-ёмные формы и выпрыгнула навстречу команде, заставив её остановиться.

Но сделав два-три шага, девушка растворилась, уступив место в простенке смеющемуся мужчине; на его неприхот-ливом одеянии висели какие-то предметы, а в руках у него увесистые сумки, под мышками пухлые свёртки, за плеча-ми топорщились какие-то палки. Мужчина стал что-то гово-рить, но тут сверху опустилась шторка серой дымки и смыла картинку.

Ненадолго.

Появился текст. Одна его буква стала разрастаться и пре-вратилась в строгие колонны массивного здания, а на его фо-не, повиснув в невесомости, заколебалось странное созда-

ние, похожее на спрута с многочисленными щупальцами. И это творение тоже заговорило, громко и чётко.

– Он...н...о... сказало... – задохнулась Грения. – Оно сказало. Вода Крапоса... чиста и полезна.

– Только в ней... здоровье, – тут же добавила Гелина. – Нас зовут всех... погрузиться...

– Хо, хо! – сочно рассмеялся Невлой. – Зовут!

Спрут отёк, словно омываемый струями дождя. Вместо него возник тёмный шар, вначале небольшой, он рос в размерах, создавая впечатление быстрого приближения. Взорвался и показал красивую картину – залитая солнцем долина, а по краям излом диких скал...

– Это Узел Перехода. Вот и зовут. Каждый к себе, – сказал Малион. – Я ожидал, но не такого примитива.

– Так и должно быть, – возразил Харан. – Вспомни закон Влияния. Только слух и зрение. И никакого иного давления.

– Так-то оно, может быть, и есть. Но примитив. Древние могли завлекать иначе.

– Перенастройка на примитив, – предположил Ольдим. – Возможно, сказался Век Деградации. Сейчас ведь тоже есть возможности. А как хожалых в руинах зазывают? Эй, заходи! У нас всё есть! Так и здесь. Ничего нового.

Команда вплотную подходила к высоким арочным входам под купол Узла Перехода. Их нагонял Кемеш с опритами.

– Рискнём? – Ей-Фей свесил ноги с мобла. – Ведь наш

замок от веков не входит в него, ничем не подтверждён.

Ой-Мой насупился, недовольно посмотрел на напарника.

– Мы поклялись...

Но Ей-Фей отметил его неуверенность. Если бы они покинули Аба-Аба до Скалы, то никаких чувств, кроме исполненного долга не испытывали бы. Но здесь, в преддверии Узла Перехода, их терзала мысль: быть рядом и не войти! Не увидеть! Не познать!

– Вспомни, сколько тебе было лет, когда ты давал Великие и Незыблемые Клятвы?

– М-м... – задумался Ой-Мой. – Первый раз... Я ведь родился в Хлязе.

– Ой-ё-ёй! – удивился Ей-Фей. – Это же... По ту сторону Суремных?

– Да... Там у нас прекрасные жилые и бытовые условия. Но вокруг на тысячи свиджей ледяная пустыня. Поэтому послать к Алтарю Великих Клятв меня пророчили только лет в десять. Но тогда случилось землетрясение... Так что лишь через пять лет я оказался перед Алтарём.

– А я предстал перед ним в семь лет. Вот и посуди, что мы – ты и тем более я? Были несмышлёнышами... Поклялись, даже не ведая чему. Потом узнали. Много, конечно, разумного, но и... непонятного. Как этот запрет входить в Узел Перехода. – Ей-Фей помолчал. – Никогда не думал, что эти для всех, по сути, пустые слова могут превратиться в реальность, и стать препятствием... Я пойду!

Он спрыгнул с мобла, вопрошающе глянул на Ой-Моя.

– Иди, – равнодушно сказал тот, будто отмахнулся от навязчивой затеи напарника.

– И пойду! Нельзя слепо преклоняться тому, когда надо решиться узнать новое.

Ей-Фей притопнул, как бы подкрепляя сказанное, и быстро направился к куполу. Правда, несколько раз оглянулся – не передумал ли Ой-Мой так здесь и остаться? Нет! Не передумал.

А Ой-Мой лёг ничком на мобле и заплакал. Ему было жаль Ей-Фея. Он знал, почему нельзя входить им под купол.

Он знал, но дал клятву...

Как будто знал.

Глава 40

Арочный вход под купол зиял тёмной шторой, и от него словно веяло холодом. Желания тут же войти в него в команде ни у кого не возникало. Но и стоять перед ним становилось уже не вмоготу. Вокруг что-то прыгало, мелькало, пело и подвывало; головы, ноги, руки, искажённые туловища неведомых существ... Испускающие свет громадные глаза... Быстрая смена декорации: водные просторы, лесные дебри, скалы

Гелина заткнула уши руками и придвинулась к Харану. Руки Грении дрожали в руке Камрата. С подвыванием зала-

ял Ф”ент...

Неожиданно всё стихло. Сверху опустились две громоздкие тумбы и стали так, что между ними можно было пройти одновременно, едва ли двоим из команды. На тумбах стояли, будто отлитые из металла, бюсты человекоподобных созданий. Но как только тумбы приземлились, бюсты ожили и повернули головы, их большие глаза рыскнули по людям и путрам. Остановились со вспышками, отвернулись, посмотрели друг на друга так, что между ними сверкнули молнии. Окрасились в розоватый цвет и заговорили громко и визгливо, явно что-то доказывая один другому.

– Это... торны! – закричал Сестерций, покрываясь так же розоватой аурой. – Они узнали меня! Они рады меня видеть! – Чалма его свалилась на ухо, оголяя комп. – И ждали... Они... – Он смолк, окаменел, аура его, начиная сверху, стала синеть.

– И дождался, – неодобрительно сказал Свим, зная цветовое значение ауры; она явно говорила о чём-то неприятном для Сестерция.

– Сестерций! – позвал Камрат. – Кто они и зачем они здесь?.. Сестерций!

– Я сейчас его!..

– Свим! Не трогай его. Сестерций!

Торн, наконец, вздрогнул, поправил чалму, отозвался на вопросы Камрата:

– Они всегда ждали, что придут люди... Уже тринадцать

периодов ждут... Они служба защиты Узла Перехода от плохих... людей.

– Что ты несёшь? – возмутился Свим. – Что они понимают в людях? Плохие или хорошие.

– Они говорят... Люди когда-то сами придумали условия входа, а потом сами... плохие стали нарушать их.

– Ну и что? Если сами придумали, то сами и могут нарушить! Им-то что?

Но Сестерций, похоже, не слышал его.

– Мы можем пройти, – сказал он. – Камрат, ты лучший. Иди первым.

– Невлой и Орей. Вы... – показалось, что Сестерций даже недоверчиво хмыкнул: – ...наши. Как торны.

– Хо, хо! – выразил своё отношение к происходящему Невлой. – Орей, ты слышал?

Орей отмолчался.

– ...и ты, Харан... и Малион...

– А путры? – остановился между тумбами Харан.

– Они могут пройти все, – после небольшой паузы сообщил Сестерций. – Свим... Ольдим...

Команда по одному без задержек проходила мимо стражей Узла Перехода. Сестерций монотонно называл имена, но споткнулся на Поприне.

– Они спрашивают, а ты зачем пришёл?

– Пришёл и пришёл. Им-то что? – негодуяще выкрикнул, хотя и озадачился Поприн,

– Они тебя могут не пустить.

– Это почему же?.. Я со всеми.

– Они думают, ты злой, и сюда пришёл делать зло.

Пожалуй, впервые в жизни Поприн растерялся. Назревающий скандал, который он намеревался устроить стражам и на виду у всех, увял, оставив после себя чувство обиды: как же так? Что бы там ни было, но у него никогда не возникали мысли учинить какое-то «зло» в Узле Перехода.

– Но я... Я же как все... Почему?

Его сбивчивый вопрос остался без ответа, а люди и путры ожидали его, последнего, не прошедшего к арке входа под купол. Кто-то из молодых дурбов уже предложил оставить его здесь.

– Сестерций. Скажи им, что мы ручаемся за этого человека, – сказал Камрат.

– Они тебе верят... Поприн, проходи.

Оприт не шагнул, а резким прыжком проскочил между тумбами.

Хрюкнув, первым кинулся под арку Т’евара, и будто порвал завесу: вход осветился, приглашая и остальных войти в него.

Появление Ей-Фея застало Сестерция уже под аркой. Его остановил призыв стражей. Они в подошедшем человеке нашли нечто невероятное – он, как передали стражи Сестерцию, не мог быть здесь, на Земле, а только... И тут у стражей произошёл сбой.

Сестерций обменялся сообщением коротко с Невлоем, замыкавшим команду.

– Так что у них?

– Они... отключились... У них... непонятное.

– Ей-Фей! Быстро ко мне! – крикнул Невлой. – Ну же!

Знающий сообразил сразу, что призыв Невлоя вызван чем-то грозящим ему, и прошмыгнул между тумбами стражей, которые запоздало поставили в известность Сестерция о заминке, приведшей к их сбою:

– Его код... Он вошёл дважды в Узел Перехода, не возвращаясь из него... Так не должно быть.

– Хо, хо! – раздался смех Невлоя. – Так и должно быть. Его предки, что выжили, вернулись на Землю при падении спутников, а не через Узел Перехода. Вот код и остался. Хо-хо!

– Как это?.. Ты думаешь?.. Так вот почему нам нельзя... – забормотал обескураженный Ей-Фей.

– Потому, – уже серьезно сказал Невлой. – Не стой! Иди от них подальше. Сестерций, а ты успокой их. Ишь, как они... разволновались.

Стражи метали друг в друга молнии...

Зал, если так можно назвать подкупольное пространство, казался пустым, лишь приземистые конструкции змеились в виде различной длины лент. Их протяжённость обозначалась цепочками мелких светильников красного и зелёного

цветов.

И немая тишина. Любой звук умирал, где родился.

Ей-Фей, благоразумно обогнавший опритов, и оприты, вошедшие с перебранкой и глухими угрозами в адрес знающего, остановились позади команды и тоже словно онемели.

Пол под ногами дрогнул, дёрнулся в конвульсиях и потом плавно и медленно двинулся вглубь зала. Над столообразными конструкциями заклебились надписи, набирающие чёткость. От них исходила человеческая речь. Перед каждой такой конструкцией пол останавливался, давая возможность прочесть надпись и прослушать сказанное. Но для команды они пока что никакой информации не давали.

...Камрат, как только очутился под куполом, ощутил сопричастность к тому, что увидел. Здесь всё ему было знакомо, правда, смутно, но он когда-то здесь побывал. Во сне или наяву – он не смог бы ответить. Однако крепла уверенность – он здесь был и мог что-то предвидеть и понимать.

Вот голоса и надписи, которые на остановках пытались расшифровать Гелина и Грения, ему как будто казались очевидными, но не по содержанию... И здесь не должно было быть такой суеты: крики, игры света. Должен быть порядок. И ещё... Все эти приглашения и навязывания своих услуг – надуманные. Хотя вот адресные направления создают впечатление правильной работы узла по переходу из одной точки пространства в другую. И всё-таки...

Вот вспышка. Будто бы какой-то Дейзен закрыт, именно

это слово повторяет голос... Кому это нужно?

О закрытии оповещалось там, где горели красные огни, и они преобладали. А где синие огни, то: «Павоск хоть сейчас...» «Познакомься с адресами. Или назови сам...»

Вскоре Гелина и Грения смогли озвучить перевод повторяющихся надписей и реплик. Но они, опять же, ничего не говорили ни людям, ни путрам.

И вдруг!

– Примето хоть сейчас!

– Да! – крикнул Поприн. – Дувар Заволоков!

Крикнул и дико захохотал, посчитав за шутку переместить кого-то в Примето. Он уже до этого пренебрежительно фыркал после очередного перевода звучащих голосов. Оттого сразу и среагировал, услышав название родного для него города. Это был чужой дувар, у него самого, как инега, никакого дувара, конечно, не имелось.

– Есть такой адрес! Дувар Заволоков готов к переходу! – оборвал хохот оприта голос. И следом перевод Грении: – Вход – в центре телепорта. Выход – дувар Заволоков... Время...

Поприна вне его желания вытолкнуло на край прохода между стойками конструкций, наметилась мерцающая дорожка, в конце которой образовалось площадку в виде золотистого круга, и поманила к себе Поприна.

– Э-э!.. Нет!.. – Оприт выкрикнул и бросился прочь по направлению далёкому уже выходу из-под купола.

– Отказ... Странный. С испугом. Учесть на будущее... – машинально перевела Грения.

А от стойки к стойке пронеслось предупреждение.

Команда, как это происходило в критические моменты, тесно сплотилась вокруг Камрата. Оприты, оглядываясь на отбежавшего Поприна, тоже подались ко всем.

– Неужели и вправду можно отсюда попасть в свой дувар? – шёпот Селека озвучил вопрос, готовый сорваться у каждого.

Узел Перехода... Они предполагали о его назначении. Легенды, мифы о нём всегда будоражили головы всех, кому не сиделось за городской койной. И вот мечты о мгновенном перемещении в пространстве как будто сбываются. Но мечты и реальное их воплощение не всегда совпадают, а порой даже пугают...

– Но и из дуvara попасть сюда! – громко подтвердил Селека Невлой и настроился, было, по привычке хохотнуть, но сдержался. Добавил: – Жаль, у меня не дуvara.

– Но тысячи лет! – выдохнул Ольдим. – Риск!.. Надо ли?

– Уважаемые переселенцы и перемещенцы! Не надо бояться телепортации. – Вдруг на понятном языке – сироче – произнёс голос. – Наши телепорты надёжны и без труда переместят вас в любую, доступную в настоящий момент, точку пространства на Земле и в... – Раздался скрип, после чего голос монотонно продолжал: ... город или поселение... – Опять скрип. – Мы к Вашим услугам. Только назовите адрес.

Люди долго молчали, думая об услышанном.

– Курга Снежных. Можно? – спросил Ей-Фей.

– Нет такого адреса!

– А-а... Курга Знающих?

– Нет такого адреса!

Ей-Фей конфузливо отступил.

– В Суремных горах их и не должно быть, – сказал Малион. – Только в древних поселениях.

– Дувар... Зуберкан... – осторожно поинтересовался Ольдим, но так, словно ожидал не просто отказа, а чего-то неприятного.

– Есть такой адрес! – выкрикнул голос, даже не дав Ольдиму уточнить местонахождение его дуvara.

– Тогда... – Ольдим со страшной гримасой на лице оглянулся на Камрата. – Я проверю... И если будет такая возможность, то вернусь... Дувар Зуберкан. Я готов!

– Дувар Зуберкан готов к переходу!.. Вход – в центре телепорта. Выход – дувар Зуберкан... Время...

– Пожелайте!..

Ольдим шагнул к центру площадки, на мгновение pokrылся желтизной и... исчез.

Ольдим исчез, отбрасывая сомнения Камрата, и он уже готов был объявить: «Кто желает...»

– Перемещение в дувар Зуберкан прошло успешно! – оповестил голос. – Следующий!.. – Что-то заскрипело, загудело. Голос вдруг с надрывом закричал: – Нет, нет!.. Нарушение

запрета!.. Нарушение!..

В роду Зуберкан имелось предание о кресле, в которое, сказать мягче, садиться строго не рекомендовалось. Кресло как кресло. Располагалось в углу одной из мало посещаемой комнаты дуvara. Его называли Кресло-вор. Особенно оно «воровало», как утверждалось в семейной памяти, детей, пренебрегших из-за любопытства рекомендацией, а то и жёсткого запрета. Правда случалось, и оно кого-то из них возвращало, испуганных и несущих такой бред, что взрослые помещали их в специальные закалочные дабы «выбить из их головы» ненужные воспоминания и пережитый испуг.

Однако в легендах рода Зуберкан сохранилось и нечто иное, малопонятное: «Сядь в кресло желанья и назначь ойкумену, где пожелаешь быть...»

Ольдим вдохнул в светлом круге Узла Перехода, а выдохнул, обнаружив себя в темноватом – всего один вечный светильник – месте, сидящим на холодном седалище. Несколько мгновений соображал: где он? Осознал, что сидит в кресле-воре. Вскочил. Опять сел, до конца ещё не воспринимая произошедшее с ним. Перемещение – да. Знать о таком из сказок или от оставшихся воспоминаний – почему бы и нет?

Древние могли всё!

Аксиома!

Но чтобы испытать это на себе...

Он тупо смотрел перед собой, видел решётчатую загород-

ку, устроенной предками перед креслом; у стен стеллажи с какими-то давным-давно забытыми вещами; дверь, в которую он входил, быть может, однажды в жизни, да и то случайно...

«Я дома!» – наконец, полностью осознал он. И тут же задался вопросом: – «И что теперь? Встать и выйти вон из этой комнаты, и вновь забыть о ней навсегда?..»

Но он обещал вернуться... Но как?

Он машинально ощупал подлокотники кресла. Ничего такого, что могло бы подсказать, как пользоваться переходом. Поёрзал на сидении. Покачался из стороны в сторону. Сердито выкрикнул:

– Ну, же! Край тебя возьми!

– Доставка по адресу, – кто-то шепнул ему прямо в ухо, пощекотав его.

Ольдим прижал ухо к плечу, потёрся.

Вернуть назад в Узел Перехода!

– Узел Перехода готов...

– То-то! – ухмыльнулся Ольдим.

Благо, никто не видел его ужасной ухмылки, иначе смог бы получить удар до обморока.

А он уже опять стоял в центре площадки Узла Перехода, покинутой несколькими минтами назад.

– Я вернулся! – оповестил он команду.

Его благополучный переход в фамильный дувар и обратно

расколол команду во мнении – как поступить дальше?

Одни жаждали тут же повторить опыт Ольдима, и если он удастся, то без усилий и долгого и опасного возвращения мгновенно оказаться дома. Другие считали свою миссию похода к Узлу Перехода не оконченной, хотя и у них уже тоже закрадывались сомнения, в чём она, эта миссия, заключается.

Однако всех объединяло одно – растерянность.

Жариста толкнула Сестерция в спину.

– Дувар Жиглов! – выкрикнула она.

– Есть адрес!

– Нас двое.

– Дувар готов к приёму.

– Сесик, идём!

Торн шагнул было к центру площадки перехода, однако остановился и отступил назад. Все попытки Жаристы подвинуть его вперёд оказались тщетными.

– Сесик! – перешла она на крик.

– Уже нельзя... Рано... – отзывался он на все её призывы и толчки.

– Что рано?... Почему нельзя? – бесновалась Жариста.

– Отказ! Преждевременная заявка, – подвёл эпизод голос.

Площадка и дорожка к ней исчезли. Жариста в истерике била торна кулаками.

– Сестерций, что-то не так? – спросил Камрат.

– Не так, – поправляя сползшую чалму, после долгой па-

узы отозвался Сестерций. – Так не должно быть.... Они нарушают запрет.

– Кто нарушает и что?

– Они все нарушают запрет, сделанный людьми на переходы!

– Но Ольдим-то смог.

Сестерций промолчал.

– Запрет сделали люди?

– Да. Они сказали... Там, где надо сказать...

– Ты можешь сказать, где надо сказать? – подступил к торну Свим.

Сестерций отшатнулся и, наливаясь ядовито синей аурой, опять промолчал.

– Свим, не трогай его, – громко остановил дурба Камрат. – Здесь должен быть центр Узла. Вот его нам надо бы найти.

– Ты знаешь, где он? – с надеждой спросил Малион.

Камрат отрицательно повёл головой.

– Надо этих... что с нами говорят, спросить, где этот центр, – неожиданно для себя посоветовал Селек.

– Точно! – воскликнул Харан. – Именно, спросить. Это, думаю, смогут Сестерций или Невлой.

Предложение Харана перекрыл громогласный голос:

– Эмиграция!.. В любой уголок Солнечной системы! Только назови адрес и условия!

Приглашение эмигрировать, словно разбудило подкупольное пространство. Если до этого голоса в основном по-

являлись при приближении команды к местам перехода, то сейчас загомонило всё вокруг:

– Экзотические места на всех планетах! Скафандры... вездеходы!..

– Деловые туры! Обслуживание!..

– Гостевые посещения!..

– Отдых на знаменитых курортах!..

Вдруг что-то заскрипело, загудело. Один голос с надрывом прокричал:

– Нет, нет!.. Нарушение запрета!.. Нарушение!..

Однако тут же вновь посыпались со всех сторон призывы.

– Приглашаем!.. Предлагаем!.. Обещаем!..

Малион придвинулся к Камрату:

– Неужели древние тоже терпели такой шум?

– Что-то не так, – повторился Камрат, потому что не понимал такой реакции систем обеспечения переходов.

– Да замолчите вы все! – истеричный выкрик Илоны заставил смолкнуть ближние конторки, а от них затихающая волна затерялась вдали.

– Так их! – восхитился Свим. – Ты, Илона, чаще на них покрикивай. Пусть знают, что люди здесь.

– Давно здесь люди не были, – сказал в тишине Орей. – Вот и соскучились они по нам.

– Хо, хо! Ты прав!

– Будем искать центр, – монотонно проговорил Камрат.

– Камрат, а нужен он нам, этот центр? – со страшной гри-

масой на лице спросил Ольдим. – Ну, узнаем. И что?.. В гости друг к другу ходить будем? Как это... Встретимся, о чем-нибудь поговорим. Не встретимся – судьбу поблагодарим...

– Мелко мыслишь, – недовольно отреагировал Харан. – Неужели не понимаешь? Ведь это может объединить людей.

– И что? Объединялись уже. И не раз. А результат?.. Проклятые Века!.. Судорожное Возрождение!.. И Полная Деградация!.. – зло перечислил Ольдим пережитые человечеством периоды его обитания на Земле.

– Когда это было, – опроверг Харан, но уныло, ведь так и остались в воспоминаниях людей, как они объединялись, чтобы со временем рассориться и подраться между собой за обжитые территории, за главенство над другими, а то и просто не уживались мирно с соседями.

– Ольдим, забери с собой в свой дувар желающих, и возвращайся с ними в Примето, – холодно сказал Камрат и отвернулся от него. – А вы, – обратился он к Сестерцию и «родственным» ему Невлою и Орею, – попробуйте узнать, как пройти в центр Узла Перехода... Мне кажется, он у нас под ногами. Но как войти, спуститься в него?

– Он точно где-то рядом. Может быть, и вправду под нами, – притопнул ногой Невлой.

– Кто сейчас знает, где он? – покачал головой Харан. – Возможно, его, как такового, вообще нет. Или центр – весь Узел Перехода.

– И такое может быть, – согласился Малион. – И всё-таки

стоит поискать. Сам говоришь – кто знает?

– Кто знает? – повысил голос Камрат, обращаясь уже ко всей команде.

Глава 41

Никто не знал.

На призывы Камрата подумать и, если что-то есть, вспомнить о наличии и расположении центра Узла Перехода, никто из команды не отозвался.

Попытки Сестерция вступить с кем-либо из находящихся в зале торнов по этому вопросу тоже оказались тщетными. Они даже не понимали его.

Оставалась лишь одна версия, которая вызревала в самом Аба-Аве: центр есть! Но где? Здесь в его помыслах таилась какая-то невязка, похожая на нелепость: – «Ищи и... найдёшь». Однако каких-либо ориентиров, где и как искать в громадном подкупольном пространстве он не находил. Куда ни глянь – одно и то же.

– Нам нужна... – начал он, и тут про себя: «Ну, конечно!» – схема Узла Перехода. – Да, да! Нам нужна схема Узла Перехода! – почти прокричал он, надеясь, что обращается к системе обслуживания Узла.

И сразу получил ответ:

– Вот она, схема. Что желаете найти?

Над ближайшим лотком высветился круг, разбитый на

несколько секторов, где каждый радиус или его усечённая часть, отделяющие сектора, означали проходы. Они начинались вне купола, что говорило о множестве входов под него.

– Покажите, где мы находимся?

На схеме мигнула розоватая точка. Она находилась почти в самом начале радиуса, ведущего к центру Узла Перехода.

– Пусть покажет, где и кто управляет... – хотел подсказать Ольдим, но Камрат остановил его.

– Не торопись... Хотя... Что гарантирует переход в нужный адрес?

Схема дрогнула, стала перестраиваться. Ожидалось что-то новое, но схема вновь обрела прежнее изображение, а голов оповестил:

– Всё гарантирует переход в нужный адрес.

– А кто гарант над всеми? – выкрикнул Свим.

Под куполом повисла тишина.

– Кто спрашивает? – прозвучал уже другой, строгий голос.

– Люди спрашивают, – сказал Камрат.

Вновь настороженная тишина.

– Люди?.. Люди могут... Пароль!

– Хо, хо! – выдавил Невлой, выражая общее разочарование.

И было от чего. Пароль – есть пароль. Его знают избранные. Так что можно не надеяться узнать что-либо, как только что представлялось команде.

Но команда, по всему, не просто так сформировалась. И

входящие в неё люди и путры, возможно, отбирались веками, пока не сгруппировались полным составом.

– Небо и земля едины, – похоже, к собственному удивлению проговорил Кемеш, так как прикрыл рот рукой и виновато оглянулся на рядом стоящего Лакоя.

– Первая формула истинна, – произнёс голос. – Вторая?

– Хо, хо!

Все затаили дыхание – кто скажет?

– Все разумные и космос едины, – заикаясь и в конце перехода на лай, выпалила Х”выюся.

– Вторая формула истинна. Третья?

– И это – пароль? – недоумённо шепнул Харан. – Неужели древние были такими наивными?

– Слава и... хвала... – хрюкнул Т”евара. – Слава и хвала тем, кто на Земле и в космосе!

Голос долго не отзывался, потом, как будто хмыкнул и сказал:

– Любопытно... Но в принципе правильно... Однако, – добавил строго, – надо говорить «Хвала и слава тем, кто на Земле и в космосе!»... Ответ принимается. Третья формула истинна!.. Ну и... – подстегнул он людей и путров, когда их молчание затянулось.

– Мы хотим знать где, кто и как управляет Узлом перехода? – сказал Камрат.

Этот вопрос висел у него на губах, чтобы спросить после каждой формулы пароля.

– Истинно! – провозгласил голос. – Но люди сами запретили это знать.

– Мы – люди! Мы снимаем этот запрет!

– Вам знать... – словно с неохотой уныло отозвался голос.

Дорожка прохода под ногами команды стала опускаться вниз. А верх над головой сомкнулся. Вокруг – туманная зыбь. Опускались недолго, марево рассеялось. Открылся просторный зал. Пустой, если не считать небольшую, чуть выше двух берметов, ступенчатую пирамиду в центре из прозрачной субстанции с россыпью множества тёмных вкраплений, они мигали, тускнели, уступая место таким же точкам.

Взглянув на пирамиду, Камрат почувствовал жжение во всех его членах от ожидания чего-то, что выпадет решать или воплощать только ему. Он замер. Сейчас... Сейчас...

– Камрат! – зывали к нему, то Малион, то Харан, Грения теребила за рукав.

– Сейчас!.. – сорвалось с его губ. – Сейчас!..

Пирамида чуть привспыхнула, раздался шорох и... вдруг раздался звенящий весёлый полудетский голос:

– Ну, вот, друзья!.. Мы снова собрались с вами, чтобы продолжить наши беседы... Садитесь там, где вам удобно... Расслабьтесь... И вновь подумаем о настоящем, вспомним прошлое, наметим будущее... Садитесь!.. Наставник уже готов появиться, чтобы наставить, как вернуть всё к началу...

Голос звенел, а команда обнаружила себя в зале-амфите-

атре с десятком рядов кресел вокруг пирамиды. Она тоже изменилась – расширилась верхняя площадка.

– Садитесь, друзья, садитесь! – требовал голос.

В нём появились нотки, заставившие людей и путров под собственное недоумение покорно сесть в кресла, полностью заняв первый ряд.

– Что это... с нами... – трепетно шептала Грения, прижимаясь к Камрату.

– Сейчас! – монотонно отзывался он.

– Встречайте! – в голосе сквозило восхищение. – Наставник!

На верхней площадке пирамиды появился человек. Старый, тощий...

– Индрис!.. – ахнул Свим, разглядев неказистую фигуру предсказателя. – Мутные звёзды!.. Ты?

– Я, Еменков... Я, Свим, – приседая, развёл руки Индрис, словно призывая всех повеселиться с ним над вопрошающими восклицаниями Свима.

– Так какого ты Края заставил нас... тащиться сюда? А сам...

– Это не я, Еменков, вас заставил. Это предопределение. А я только наставник.

– Чего? – с надрывом выкрикнул Ольдим.

– Мне бы, Зуберкан, знать самому чего я Наставник. Наставник, быть может, только подсказка, как поступить вам... Именно, вам, дошедшим сюда. Я такой же как и вы – лишь

избранный предопределением... И я уже не первый, как и вы. Сколько уже раз назревали и готовились попытки дойти до Узла Перехода. Не счесть! Только таких команд, как ваша, готовилось уже семнадцать. Вы – восемнадцатая. А я Наставник сорок седьмой... И не ведал даже во сне, что предстоит наставлять достигшим Узел Перехода... Мы все избранные... Да, да... Вот Еменков... Да, Свим, ты, как избранный, своё назначение выполнил блестяще. Да, да... Это тебе удалось довести Аба-Ава до Примето, сохранить его для великих дел – возрождения человечества... Хвала тебе, Еменков!

Свим от неожиданной хвалы приоткрыл рот и потупился, не зная, что ответить.

– Ну, ты... уж.

– И так я могу сказать о каждом из вас, – продолжал Индрис. Выпуклые его глаза метали лучи света. – Каждое ваше нужное слово, предположение, казалось бы, мелочь, но всё это позволило вам достичь Узла Перехода и разбудить его для общения всех разумных на Земле и за её пределами... Древние создавали надёжные творения. Они могли бесперебойно долгое время выполнять своё назначение. Таков и Узел Перехода. Но, к сожалению, прошли не века, а десятки тысячелетий. И Узел Перехода стал давать сбои, и система контроля практически остановила его деятельность, оставив лишь узкий перечень транспортных лучей перехода. Одним из них пользуюсь я. Да и то только сюда и обратно. А сколько людей, и вы о том слышали, порой вдруг пропадали, попав в

односторонние лучи и не возвращались. Исчезали...

Команда внимала Индрису молча, но по взглядам людей можно было понять – его слова будили в них переживания и догадки.

Ольдим: «Так вот почему кресло вором называется...»

Харан: «Ну и что теперь, если Узел не работает?..»

Свим: «Я его одного отсюда не выпущу! Пусть нас всех забирает с собой...»

Орей: «Так вот, что со мной случилось... Потому-то я тогда не домой вернулся, а выскочил, наверное, за тысячи свидетелей от него...»

У каждого своё восприятие услышанного, своё понимание...

А Индрис продолжал:

– Однако теперь появилась реальная возможность восстановить правильную работу Узла Перехода. И это может сделать только Аба-Ава. Только он...

– Не уверен, – сказал Камрат. – Пока не уверен. Будут подсказки с твоей стороны?

– Нет! – Индрис даже отстранился рукой от надежды Камрата получить от него какую-либо помощь. – Только у тебя на генном уровне сохранилось или задано знание, как заставить Узел Перехода подчиниться тебе, твоим действиям.

«Сейчас! – Опять пронеслось в сознании Камрата. – Да!»

Он встал, качнулся из стороны в сторону и сомнамбулой направился к пирамиде, словно вспухающей при его прибли-

жении.

Люди и путры застыли в немом переживании за каждый шаг, сделанный Камратом – что-то будет!..

А Камрат видел лицо бабки Калеи. Её остановившийся взгляд безумных глаз. И она говорит...

Она монотонно произносит одну из не понимаемых им, ещё в образе ребёнка, фразу:

– Подойди к ней и войди в неё. Там ты увидишь всё...

Он смотрел тогда на неё и не узнавал.

А Калея:

– Да, да, Камрат. Это я узнала... – Она помолчала, словно сомневаясь в том, что хотела сказать. – Я узнала... Ты подойди к ней... Это как коробки, поставленные друг на друга. Снизу большие, а сверху поменьше... Вот и войди...

Он ждал от бабки каких-нибудь разъяснений, но она отвернулась и как будто забыла о нём.

Камрат подходил к пирамиде, но видел не только её, но и бабуку. Она строго обращалась к нему:

– Подойди к ней и войди в неё...

И он вошёл...

Люди ахнули, путры залаяли, пискнули, захрюкали. Камрат погружался в недра пирамиды, превратясь в изломанную тень внутри неё.

Свим вскочил и бросился за ним, но поплатился ушиба-

ми о твёрдые углы пирамиды. Он помянул Край и мутные звёзды, и вновь попробовал одолеть грани, но лишь увеличил количество приобретённых синяков.

– Уймись, Свим! Он Аба-Ава. Он знает, – попытался его образумить Индрис.

– Мутные звёзды! Она же... – Свим в сердцах пнул носком сапога пирамиду и скривился от боли в ноге.

Пирамида перед ним словно растворилась, лишь лёгкая, едва ощутимая вязкость, да переливчатая игра света и...

Камрат недоверчиво огляделся – такое впечатление, что всё его естество превратилось в поток, пробивающий путь среди таких же, но значительно уступающих ему по мощности призрачных струй. Они текли, сливались и дробились. В некоторых из них возникали завихрения, отчего они меняли направление течения на противоположное, тем самым, сбивая и пересекая соседние струи. При этом каждая струя и струйка визжала, пищала, судорожно дрожала и двигалась рывками, но вливаясь с его потоком, смолкала.

«Потоки времени и пространства...» – догадался Камрат. Ведь Калея говорила однажды о них...

– Знай, Камрат, все потоки времени и пространства совпадают и текут в одну сторону. Или в будущее, или в прошлое.

– Назад текут? – удивился он.

– Может быть, и назад... Кто знает?.. Но ты знай!

– Ладно, – согласился он тогда и убежал во двор, где позабыл наставление Калеи.

И сейчас он, Камрат, как доминирующий поток увлекал их за собой, выравнивал и успокаивал...

Но вот он ощутил впереди какую-то преграду. Его спокойное течение наткнулось на сопротивление, сбивающее от прямой линии движения то в одну, то в другую сторону. Это врывались потоки со стороны, лишь немного уступающие ему по силе – и создавали грохот и режущий скрип, соприкасаясь с ним.

Постепенно шум стихал. И, наконец, наступил момент тишины. Поток Камрата вобрал в себя все потоки и струи и тихо, без судорог и рывков от прямого направления, катил вперёд.

Блаженная нега спокойствия и движения без усилий охватила Камрата. Так бы и плыл, позабыв обо всём.

И вздрогнул от бабкиного окрика...

– Стой и слушай! Не дай увлечь себя потоками времени и пространства. И выходи из них, пересекая их. И... – Она вздохнула, покачала головой, будто что-то услышала не то, что хотела. – И выход не там, где вход...

И опять он тогда с недоумением выслушал её изречение, в коем не находил для себя никакого смысла, тем более что

бабка тут же как бы забыла о сказанном и неожиданно спросила:

– Чего прибежал?

– Так ты позвала.

Она нахмурилась.

– Я?.. Потом скажу. Беги!

Окрик Калеи пробудил его. Он уже не был потоком, ощутив себя в плоти. Заныл одур, сидящий у него на плече.

И он знал, как следует поступить дальше.

Резкий бросок вправо, потом вперёд, к противоположной стороне пирамиды от той, в которую он входил.

Пирамида засияла ровным розоватым светом. Исчезли точки вкраплений. Тёмный изломанный контур Камрата в ней растаял, а сам он материализовался и оглядел притихшую команду – он ли это перед ними?

– Узел Перехода готов к нормальной работе, – произнёс Камрат. – Но не будем спешить... Наставник, всё ли сделано?

Негромкие слова Камрата перебил ликующий полудетский возглас:

– Прекрасно! Теперь мы с вами можем по настоящему приступить к изучению правил перехода!.. Так? Наставник!

– На все вопросы тебе ответит Аба-Ава.

– Аба-Ава?.. Он здесь?.. Это он?.. О-о!.. Будем изучать?

– Ни каких правил изучать не будем, – отозвался Камрат на настойчивый вопрос местного ни то распорядителя центра, ни то гида по изучению этих правил. Впрочем, его Индрис называл и смотрителем.

Казалось бы, люди и путры так же радостно должны были приветствовать выход Камрата с известием о восстановлении Узла Перехода и появление его целым и невредимым.

Но только Грения порывалась броситься навстречу Камрату, да Ольдим поднялся, безумно меняя маски лица. Остальные словно ждали чего-то – опять необыкновенного или какого-то продолжения действий Аба-Ава.

– Вначале будем... – Камрат хотел что-то сказать в продолжение, но его прервал выкрик Ольдим с вызовом:

– Я уже который раз спрашиваю, нужен ли он нам?!. И всем?

В другой стороне ряда кресел вскочил Селек.

– Что теперь будет твориться на Земле?!. Подумайте! Каждый захочет... Толпы! Это же безумство!.. Отстань! – откинул он руку Лакоя, пытающегося его усадить на место. – Жили мы без этого Узла мирно. А с ним опять придут Проклятые Века! Кому это надо?

Большую часть команды отчаянные вопросы Ольдима и Селека застали врасплох. Ведь уже у многих зудели обширные планы воспользоваться Узлом Перехода. Но и вправду, подобное может обуять любым разумным. А это грозит нашествием чужаков, жаждущих не только полюбопытство-

вать, побывав той или иной неведомой до того им бандеке, но и безнаказанно потешиться, а то и навредить.

У древних, всего вероятнее, существовали какие-то законы для наведения порядка в перемещении из-одной точки пространства в другую. Но кто их помнит? К тому же на Земле и за её пределами столько мест, сейчас забытых, где сохранились адреса телепорта – места скопления изгоев и бандитов.

Благо Узла Перехода отступило, навалились тревожные мгновения – как ответить на возникшие вопросы, что предпринять?

– Наставник! – Камрат поискал глазами, затерявшегося среди людей и путров, Индриса. – Они же правы?

– Да.

– Но... – Камрат ожидал от него разъяснения, но отнюдь не подтверждения. – Так что тогда? Забыть об Узле Перехода?

– Ни в коем случае. Он теперь может служить людям.

– Но... Ты же слышал их?

– Слышал. Но это уже не я. Это среди вас должны быть те, кто знает. Или вы все сможете принять какое-то решение, хотя бы на первоначальном этапе использования Узла, пока он не восстановит контроль перемещения в пространстве. А таковым он может обладать.

Переглядываясь, команда притихла, ожидая, кто возьмёт на себя смелость начать обсуждение разрешения неожидан-

но возникшей проблемы.

– Надо вначале... – неуверенно произнёс Поприн.

Голова его была опущена. После своего побега от предложения перехода он тяжело переживал свою трусость на виду у всех.

– Так что надо? – подстегнул его Малион.

– Ну-у... – отозвался, не поднимая головы, Поприн. – Вначале, наверное, надо оповестить правителей бандек и кугурумы городов.

– И Тескомы, – добавил Харан. – И начать не со всех бандек, а с Сампатании. Иначе и вправду начнётся то, о чём напомнил Селек.

– На Земле люди, я думаю, в конце концов, справятся, – уже негромко, с хрипцой в голосе, сказал Ольдим. – Но что там? – Он дёрнул головой вверх. – За пределами Земли? Кто там?.. Ведь тысячи лет изоляции...

– Вот именно, что тысячи лет. Если там кто-нибудь выжил. А если выжил... – Кемеш запнулся. – За тысячи лет они либо уже дикие или монстры. Нужны ли они здесь, на Земле?

– Но они уже знают! Наверное, знают. Или вскоре будут знать, – с надрывом сказал Орей. – У них там, может быть, свои Наставники. – Вот и... – он осёкся, то ли сказал всё, то ли подбирал слово.

– Хо, хо!.. Мы с вами сами себя запугали. Мы разумные... Да, мы люди можем запретить межпланетные переходы. Ка-

мрат... Аба-Ава, как ты считаешь?

Камрат посмотрел на Невлоя. Но не только двейрин ожидал его ответа. Однако ответа он не знал.

Вспыхнувшие опасения бесконтрольного использования Узла Перехода его задели за живое, но не как озабоченность, а как глухая обида: Узел Перехода восстановлен, им восстановлен, а теперь, оказывается, этого, наверное, не следовало делать. А раз так, то зачем они сюда пришли? И что ему имя – Аба-Ава, якобы, дающее человечеству возможность, уйти от деградации и вернуть себе активность?

Подобные чувства никчёмности длительного похода к Скале переживал не только он.

– Запретить все переходы. А самим отсюда уходить надо! – со злостью выпалил Сулон, и огляделся, ища поддержки у молодых дурбов.

Но у них было и своё мнение.

– Запретить, да, – задумчиво сказал Зливан. – Но только по некоторым адресам. Пока. А уж потом разрешить связи и на Земле и вне её.

– Разумно, – поддержал Малион.

– Вот и начнём с Сампатании, – подтвердил своё предложение Харан. – А уж потом другие бандеки через кугурумы, Тескомы или там они называются.

– Может быть и так... – только и мог сказать Ольдим, мимоходом сочиняя новую каманаму.

Кто ищет, тот найдёт такое
Сомнениям наперекор,
Что будь они как будто бы разумны,
Но кто откажется от риска,
Кому дана возможность рисковать.

– Но для этого нужна схема или перечень адресов, а не то, что предлагают там, наверху, – Кемеш в своём предложении не был настойчив. – Хотя бы перечень адресов кугурумов и руководства бандек.

– А ты знаешь, как познакомиться с перечнем адресов, – с надеждой спросил Камрат.

– Нет, конечно. Я просто подумал, что хорошо бы его иметь. Хотя, сам посуди. Если в этом перечне и вправду миллионы адресов, но что он нам даст? В нём разобраться всем нам до конца жизни не хватит.

– Да даже перечень бандек, что нам даст? – наконец, поднял голову Поприн. – Все ли мы их знаем?

– Это так, – уныло подтвердил Кемеш.

– Тогда разумно начать, как предлагает Харан – с кугурумов и Тескома Сампатании, – сказал Камрат. – У них должны быть какие-то сведения о связях хотя бы с сопредельными бандеками. И начать с Примето... Наставник, а что всё-таки предлагаешь ты?

– Да вы сами всё уже предложили, – отозвался Индрис. – Начать с малого.

– Мы начнём с малого, но Узел-то уже открыт для всех.

– Так вот и наложить временный запрет. И снимать его только по твоему разрешению или теми, кому ты доверишь это.

– Что?.. Я могу?.. Как?..

– Вызови зрителя и объяви ему свою волю. Ты теперь... – Индрис, похоже хмыкнул, – хозяин... повелитель Узла Перехода... Не удивляйся Аба-Ава. Не ты первый... – Индрис смол.

– И не последний, – досказал за него Свим. – Камрат будь Повелителем!

– Так и должно быть, – подтвердил Малион. – Вызывай, Камрат, зрителя и запрети пока что все переходы в пространстве, пока не наметишь определённых адресов для себя. И для кого-то из нас, естественно.

Камрат кивнул и, помедлив, позвал:

– Зритель! Слушай меня!

– Слушаю тебя, Аба-Ава, – раздался гулкий, словно сказанный в трубу, голос.

– Я, Аба-Ава, объявляю полный запрет на все переходы с данного момента!

– Слушаюсь, Аба-Ава!

Камрат перевёл дух.

А ведь он знал, что так оно и будет. Когда-то Калея обмолвилась:

– Повелевать будешь дорогами...

И сейчас он ощущал себя в единстве с пирамидой – что он скажет, то и произойдёт на дорогах телепорта. И мог бы не вызывать зрителя, а распорядиться сам.

– Давайте посидим и помолчим, – обратился он к команде. – Подумаем. Вспомним. Кто побывал в других бандеках?.. У кого есть адреса, чтобы уйти?.. Кто останется со мной?..

Думали и вспоминали вяло – насыщенный событиями день и наступившая во внешнем мире ночь принесли не только физическую усталость. Да и что-либо подсказать о других бандеках – как они называются, кто ими руководит – могли немногие. Лишь Харан, Орей и Оконд, как выходцы из них, да кое-чем могли поделиться Гелина и Ольдим. Остальные, в том числе Малион и Невлой сослались на незнание таких вещей. Поэтому опять вернулись к мысли всё начать с Сампатании.

Несколько оживлённее обсуждался вопрос, поставленный Камратом последним. По сути дела, он означал – кому в будущем доверить переговоры с кугурумами и Тескомом о восстановлении Узла Перехода? Понятно, что первым будет Камрат и кто-то с ним, однако ему одному всего не охватить.

Не всем хотелось этим заниматься. Молодые дурбы сразу отказались, как только заручились снятием запрета для

них пользоваться переходом. Путры как переговорщики отпадали. Свим и Орей не отказывались, но Свиму хотелось побыть дома с Клоудой, а Орей колебался, надеясь вначале найти адрес, чтобы тоже вернуться домой, а уж потом, испытая, может быть, переход, подсоединиться к остальным.

Впрочем, Свим по ходу обсуждения предложил, всеми сразу поддержанную идею – вернуться всей командой в Примето, кто по своим адресам, а кто в дувары многоимённых, большую часть к нему. Там проще можно было встречаться и принимать решения.

Однако первое что следовало сделать по возвращении – это обезопасить себя от Тескома.

– Так что, Камрат, поднимаемся...э-э... наверх, и – по адресам? – нетерпеливо спросил Свим.

– Подожди!

Камрат оглянулся на пирамиду.

У него появилась полная уверенность в своём соитии с процессами, происходящими в пирамиде, и ему ничего не стоит... Да, да, он может сам переместить людей и путров по адресам из любой точки пространства, только стоит им назвать его.

А сам он... В любой момент и куда пожелает!

Он даже тряхнул головой от охватившего его волнения.

– Что ещё? – забеспокоился Свим.

– Ничего... Никуда подниматься не будем. Ты заберёшь путров... И тех, кто у тебя уже побывал. Кто ещё со Свимом

в Примето?.. Гелина и Грения со мной... Итак. Тогда, Свим, до встречи!

Пирамида мигнула, и половина кресел перед ней опустела, вызвав смятение у оставшихся.

– Кемеш, заберёшь своих?

– Заберу, но мой адрес...

Не успел он закончить фразу, как он и его оприты исчезли.

– Ты поистине Повелитель Узла! – прокомментировал происходящее Индрис. – Меня не надо, я сам.

– Хорошо!.. Орей! Тебя вернуть домой?

Камрат видел место, где Орей оказался и случайно сел в кресло телепорта.

– Ты... знаешь мой адрес?!

– Знаю.

– И скажешь его мне?

– Конечно, скажу. Так что?

– Если буду знать, то сейчас я не хочу! С тобой интереснее.

– Хорошо! Тогда... Да, Ольдим? Ты?

– Я с тобой! С тобой и вправду интереснее.

– Хо, хо! – отметил Невлой ответы Орея и Ольдима.

Камрат, глянув на двейрина, вдруг понял, что начальные адреса, откуда появились Малион и Невлой или когда-либо имели их, не видит.

– Что ж... – с Камратом оставалась едва ли четверть недавней команды. – Малион, как думаешь, мы сможем...

или не нарушим каких-то запретов, если на время обоснуемся на Сажанее, там, где спрятана Шельма?

– Я так и предполагал, что ты предложишь побывать именно там. Тебе там понравилось... И если ты знаешь этот адрес, то это самое удачное место. Сможешь?

– Смогу! Готовы?

– Но Ой-Мой! – воскликнул Ей-Фей. – Он же остался там...

Ей-Фей всё время, пока шло обсуждение, как поступить с Узлом Перехода, молчал. Он был подавлен, поскольку как Знающий, почему-то адекватно не воспринимал происходящее. Вернее, не находил логики, так как терялись причины и следствия и пребывало в неясности течение последующих событий.

Камрат прикрыл глаза, напрягся – вот случай проверить обретенную способность. Но Знающие тоже не имели стартовых адресов. Оставалось одно...

Перепуганный Ой-Мой очутился рядом с Ей-Феем и долго приходил в себя после очередного перехода, но уже среди раритетов подземного хранилища Шельмы.

Глава 42

Калея встречала Камрата вопросом:

– Теперь ты всё умеешь и можешь?

– Может быть не всё, конечно, – после недолгого раздумья

сказал Камрат. – Но кое-что... уже могу.

– Тогда, Бланка, я больше ничего не могу тебе дать. И я теперь свободный человек и хочу вернуться в свой родной дом. В Канакию. Она на другой стороне Земли. В Корент...

– Куда? – слегка опешил Камрат.

Он, став взрослым, обрёл заложенные ему соответствующие возрасту понятия и представления. И, конечно, уже сознавал о временной роли Калеи в подготовке его в лице Аба-Ава, да и самой команды для достижения Узла Перехода. И подозревал о её появлении в Сампатании из каких-то других мест, но не с «другой стороны Земли».

– В Корент. Это город... Как я соскучилась по родному дому! Прошло уже больше двухсот лет, как мне пришлось... Нет, как меня обязали ... заставили пройти через полсвета, жестокое и долгое обучение, наставления и вживания в образ наставницы... Ах, мой дорогой мальчик... Как я хочу домой! – Голос Калеи дрожал. Она говорила и говорила. – А мой дом там, где нет зим. Там от древних осталось всё, что нужно людям. И там живут только люди. Там нет извращённых разумом биороботов и животных, а дикие мирно обитают с людьми.

Камрат никогда не видел плачущей бабки. А сейчас глаза её наполнились слезами, они скатывались по её щекам. Глядя на неё, он лишь теперь осознал необычную и жестокую миссию Калеи, лишившую её обычных радостей жизни. У неё здесь не было ни семьи, ни детей, ни настоящих друзей,

ни свободы выбора своих действий – её заставили, обязали подготовить Аба-Аву.

Впору было поплакать вместе с ней, тем более что он пока не видел её стартового пункта телепорта. И Камрат уже хотел воскликнуть: – «Да где же это может быть на той стороне Земли?», как Калея сказала:

– Мы ведь с тобой оба из Канакии. Мой дом Витвисов. И если ты можешь...

– Могу! – адрес перехода высветился в сознании Камрата.

– Ах! – Калея закрыла лицо ладонями. А когда она отняла их, слёз уже не было, глаза обрели знакомую Камрату строгость. Она сказала, и в голосе её исчезли тоскливые нотки. – Но не сейчас. Мне ещё надо...

– Ты только скажи.

– Скажу. Мне важно было только знать. Как-нибудь потом и тебе надо будет побывать в Коренте и взглянуть на дом, где ты появился на свет...

– Мои родители?.. – От волнения Камрат поперхнулся. – Они там?..

Калея помолчала, словно что-то вспоминая.

– Они там... – Она опять помолчала. – Но так случилось, что они не знают о тебе.

– Почему?

– Тебя не пропустил Круг Человечности... Ты ведь знаешь, чем это заканчивается.

– Наслышан. Но почему?

– В тебе разглядели как одного из возможных будущих Аба-Ава.

– Я ... Я не один Аба-Ава? А они... другие где?

– Ты один, а они не состоялись.

– Но... – Камрату не хватало воздуха. – Мои родители...

Они смогут обо мне узнать?.. И я смогу их назвать папой и мамой?

– Можешь, но не так скоро, как тебе хотелось бы. Их нужно подготовить к тому, что у них есть сын. Они же Бланка, а кому не хочется иметь такой нэм. Сколько проходимцев и здесь и там...

– Они могут от меня отказаться?

– Кому надо знать о тебе в Круге Человечности, оповестят твоих родителей. И они, твои родители, знают меня.

– Неужели я их увижу? И скажу... назову их папой и мамой. Но я никогда не думал о своих родителях. Правда. Ты у меня была одна.

– Тебе, как заложенному, не следовало о них знать, думать и как бы не видеть, что у других детей есть родители. Ты должен был стать Аба-Ава.

– Я их увижу...

– Да, но сейчас... А сейчас вот о чём. Я тебе теперь не наставляю, а подсказываю... Не улыбайся. – Заметив улыбку от её слов у Камрата, она сама улыбнулась. – У тебя впереди непростые встречи с людьми. А они, Бланка, ох, как разные. Тебе же с каждым надо встретиться, поговорить, убе-

дить. Конечно, Узел Перехода должен быть открыт для всех. Но вы, думаю, правильно решили начать с кугурумов и Тескома. И с Примето. В Габуне сейчас всё ещё беспокойно. Так вот... – Калея помолчала. – С Жавитайтом... Жуперром. Он сейчас стал главой южного Тескома. Так вот с ним можно сразу говорить серьёзно. А вот с кугером Примето, Иситой, всё не так просто. Он умён. Это так. И кугурум при нём делает всё правильно. Недаром он кугер уже лет сорок. Но порой, – Калея поджала губы, – у него случаются такие шутки... И тебя с твоим известием может встретить как очередную шутку. Тогда от него можно ожидать... даже не знаю чего. Так что имей это в виду, когда с ним встретишься.

– Его знает Гелина. Мы к нему появимся вместе с ней. К тескомовцу тоже.

– Они её тоже знают... Ну, а я тебе скажу о себе... Когда надо будет.

– Только скажи и будешь... дома.

Камея вздохнула.

– Скажу.

Жуперр предавался мрачным мыслям. К его неудовольствию они посещали его всё чаще, хотя, казалось бы, тому не было особых причин.

Волна от обрушившегося Края сошла, на удивление, не причинив особого вреда. Да, была высотой в несколько сот берметов, но в этот раз не вышла за пределы долины, про-

битой такими же сбросами воды за тысячи лет. Под ней оказалась только Тукла, слегка зацепила Кунш, а выплеснулась через Болото Второе в Крапатский залив. Полторы тысячи лет назад, как свидетельствуют анналы, она натворила куда больше бед. Конечно, и от нынешней волны пострадали люди и путры, но Тлуман нашёлся и вернулся в Примето. С потерями людей и судна, но вернулся. По дорогам восстанавливается движение...

Ко всем невесёлым раздумьям добавилась раздражительность по любому поводу: возня Сунды, визиты Присмета, претензии беженцев к кугуруму, а через него и к Тескому, то есть, по сути, к нему.

И агоровец со своими вопросами и наставлениями. Забился, поди, в какую-то щель и страдает от безделья, оттого и надоедает почти каждый день.

А хотелось каких-то перемен, движения, необычности, чтобы встряхнуться, обрести нечто, дающее радость жизни. Как в молодости податься по дороге с крином тескомовцев.

Его отвлѐк Сунда. Высунув голову, он странно шепнул:
– Шейн, у нас кто-то... в комнате переговоров.

Жуперр вздохнул, дёрнул щекой. Край его возьми? Ну, кто там может быть, если туда вход разрешѐн только ему? Шутник!

Но, чу!.. Шаги. Как раз там, в комнате переговоров.

Дверь резко открылась, и в проѐме появился молодой дурб потрясающей силы и красоты.

Сунда едва не выпал, пытаясь разглядеть неожиданного гостя и исполнить роль, ради которой его посадили над головой руководителя Тескома – предотвратить опасность нападения. Но высунувшись, Сунда никак не мог сразу вернуться в нужное положение, а арбалет остался где-то позади, в ногах.

Дурб коротко бросил взгляд вверх и, повернувшись к тескомовцу, чётко сказал:

– Жуперр Жмакен Жевитайт, Я Аба-Ава. Узел Перехода восстановлен. Я появился, чтобы обсудить правила его использования.

Безвольно до того брошенные на столешницу руки Жуперра задрожали, пальцы сжались в кулаки.

– Аба-Ава... – через силу выдавил он из себя, в горле запершило и перехватило дыхание. – Узел Перехода...

Пожалуй никогда в жизни Жуперр не испытывал такого чувства раздвоенности: растерянности, недоверия и... захлестнувшей радости.

Вот оно!..

Но не призрак ли перед ним? Галлюцинация? Но тогда не только у него, но и у Сунды, раз он от сказанного дурбом всё-таки с шумом упал на пол.

– Да, я – Аба-Ава! Узел Перехода готов перемещать людей в пространстве, – всё также чётко говорил дурб. – Но есть серьёзные вопросы пользования им. Я решил начать обсуждение с Тескома в Примето и следом кугурума.

Жуперр же видел, слышал, понимал, но словно дымка висела между ним и Аба-Авой. Она отвлекала его, мешала сосредоточиться. Всегда энергичный и быстро принимающий решения, он поражался своему состоянию, словно на него напустили дору.

Сунда, наконец, поднялся и с криком решил напасть на не прошеного визитёра, изображающего из себя невесть кого-то. Наслушался где-то сказок и пришёл... Что пришёл из комнаты переговоров, Сунда уже запомнил, главное исполнить долг. Конечно, он перед ним, чтомышь перед кошкой, но... тут же оказался за пределами кабинета Жуперра: дурб неуловимым движением парировал замах телохранителя и, схватив его за пояс, выставил вон.

Стук закрывшейся двери вывел Жуперра из оцепенения. А дурб продолжал:

– Я могу просить извинения за вторжение к тебе, Жуперр Жмакен Жевитайт, но иного способа у меня не было. Да и не нужно. Точка перехода находится здесь. Ты сейчас можешь воспользоваться Узлом Перехода и совершить перемещение в пространстве, чтобы мои слова не вызывали у тебя сомнения.

... Всё это походило на забавные сценки, разыгрываемые со времён древних. Некто, обличённый неуязвимостью, появляется для исполнения добрых дел, мимоходом избавляясь от помех делать это добро, хотя на самом деле творит зло. При этом он приторно вежлив и обещает невообразимое...

Жуперр встал.

– Вот что... а- бе-ве. Мне не интересна твоя болтовня...

Пошёл вон!.. Иначе...

Дверь комнаты переговоров опять открылась, и в рамке проёма появилась... Жуперр тряхнул головой, чтобы прогнать видение, ибо перед ним стояла Гелина, канила недавнего Правителя бандеки. Он с ней в Габуне встречался неоднократно и даже общался.

– Гелина-а...

– Я, Жуперр, я. Камрат... Аба-Ава говорит правду. Узел Перехода вновь в действии.

– Камрат?.. Мальчик?..

– Можешь называть меня Камратом или Три-Бланкой. Но давай поговорим серьёзно и определим...

Топот множества ног заглушил последние слова Камрата. Наружная дверь с треском распахнулась, в неё, теснясь, ворвались тескомовцы с мечами наголо.

– Камрат! – вскрикнула Гелина и кинулась к нему за спину лицом к тескомовцам.

Её появление внесло замешательство, а окрик Жуперра охладил пыл полукрина бойцов.

– Стойте!.. Выйти всем! Сунда, тебе тоже.

– Но, шейн...

– Я сказал, тебе тоже!

Сунда, оглядываясь – не позовёт ли его Жуперр, не без колебаний покинул кабинет последним.

Вторжение полукрина и принятое решение выдворить его, хотя он оставался рядом, стоит только крикнуть, прида-
ло Жуперру бодрости и уверенности.

– Так вы утверждаете, что Узел Перехода...

– Да. Узел Перехода стал выполнять своё предназначение. И ты можешь им воспользоваться для проверки нашего утверждения. Назови только адрес.

– Адрес?... Это... Адрес...

– Место назначения перехода. Городской кугурум. Правление Тескома... Дувар многоимённого... Мало ли куда. Лишь бы было желание побывать где-то.

Жуперр от убеждённого уже понимания возможности и вправду переместиться, куда он пожелает, даже задохнулся, так как ему не надо было что-то выбирать.

Адрес...

В мире есть только один адрес, где бы он хотел побывать и хотя бы на мгновение окунуться в родной уют именного хабулина, оглядеться, вдохнуть воздух детства.

Адрес... Если Край ещё не обрушил на него нависшие скалы... Если нет...то...

– Проверим! – с нажимом сказал он и требовательно посмотрел на Камрата.

– Тогда к точке перехода.

Войдя в комнату переговоров, Жуперр не удивился запахнутым шторам ниши забвения. В ней стоял причудливый диван.

– Я так и думал, что вы появились отсюда, – сказал тескомовец. – Сядем?

– Не важно.

– Сядем! – решительно настоял на своём Жуперр.

Камрат пожал плечами. В принципе в точке перехода можно сидеть и стоять. Правда, как уже знал Камрат, сам переход заканчивался либо в кресле, либо, как было в Тескоме, диване. Диван, по-видимому, для большей пропускной способности служб бандеки.

– Адрес, Жуперр, – Камрат решил не садиться, так как мог управлять своим телом во время перехода.

– Да... – тескомовец ещё колебался.

– Жуперр, не тяни, – подбодрила его Гелина.

– Да. Сейчас... Жмакен Жевитайт!

– Есть такой адрес!.. – произнёс глухой голос. – Готов к приёму... Перемещение!

После ярко освещённой комнаты переговоров все трое оказались в сумрачном помещении с одним тусклым вечным светильником.

– Неужели это... правда, – с надрывом произнёс Жуперр и приложил ладони к лицу, сжался в комок.

Камрат переглянулся с Гелиной, спросил:

– Жуперр, мы там, где ты пожелал побывать?

– Да... Да! Я здесь... Я выйду. Посмотрю... – в его тоне сказанного Камрату послышалась просьба.

– Конечно.

Жуперр встал и неуверенной походкой направился к выходу длинного коридора, в некоторых местах засыпанного щебнем и песком. Камрат и Гелина не оставили его одного и вышли с ним во двор прекрасно сохранившегося дома, но явно давно брошенного. Над ним нависала скала Края Суремных гор.

– Я здесь родился, – сказал Жуперр. – Но видите? Она уже скоро рухнет... Когда случился вон тот обвал, – он показал на груды каменных глыб примерно в двух канторах, – мои родители бежали отсюда. А там жили наши соседи... Погибли все. Если тряхнёт сильно...

Словно услышав его предположение, земля под ногами дрогнула. Сверху посыпались камни и пыль почти к ногам людей.

– Надо отсюда уходить, – прошептала Гелина и отступила на шаг в сторону, будто это могло обезопасить её, обвалилась скала сейчас вниз.

– Жуперр, уходим!

– Да, надо уходить, – печально согласился тескомовец. – И спасибо вам! Я побывал дома!

Камрат не стал осуществлять переброску в пространстве из точки перехода, а тут же, со двора, переместил себя и спутников в комнату переговоров Тескома в Примето.

Жуперр ещё раз поблагодарил Камрата после возвращения в его кабинет, но долго не мог настроиться на обсуждение использования Узла Перехода, навязываемое Камратом.

Впрочем, выслушав предложения Аба-Ава, он с ними согласился и не отказался на просьбу сопровождать к кугеру Примето.

Их появление в кугуруме стало неожиданностью. Правда, Жуперр, которого все хорошо знали, разрядил, конечно, настороженность сотрудников кугурума и быстро провёл Камрата и Гелину к кугеру.

Кугер, средних лет, из инегов, встретил их стоя. На округлом его лице читалась озабоченность. Жуперр обычно предупреждал кугурум и лично кугера о желании встречи. Кроме того, клерк, доложивший о его появлении в сопровождении неизвестных людей, в отчаянии заявил, что не знает, как они проникли в здание кугурума, так как дежурившие у входа стражники их не видели.

А узнав Гелину, кугер вообще перестал представлять и что подумать о таком странном визите.

– Ивон, здравствуй! – первой заговорила Гелина. – Мы пришли к тебе.

Всё-таки появление Гелины резко меняли обстановку встречи, как это произошло у Жуперра, так теперь и здесь, у кугера.

– Гелина... Вижу, что пришли, – приободрился кугер. – Однако ваш приход... Жуперр, что случилось?

На жестковатом лице Жуперра появилась усмешка.

А Гелина отвернулась, чтобы не видеть Ивона. Бывая в Габуне, он часто навещал её и был одним из тех, кто за глаза

открыто осуждал связь между нею и Хараном. Он и сейчас, глядя на неё и Камрата подозревал новое её увлечение.

– Поистине случилось, шейн. – Жуперр не имел права обращаться к главе города по имени. – Восстановлен Узел Перехода... Да, именно. Благодаря Аба-Ава, Три-Бланки, Камрату... Как ни назови, но он явился ко мне через нишу забвения... Да... Я совершил с ним переход для проверки. И вот мы у тебя, чтобы обсудить, как использовать Узел Перехода на начальном этапе его освоения.

Каждое утверждение тескомовца кугер отмечал поднятием бровей – удивлялся, а то едва уловимой гримасой – не верил

– Короче! – резко перебил он Жуперра. – Мне надо в Габун. Сейчас!.. Так как?

– Можно, – буднично сказал Камрат, до того безучастно ожидающий окончания переговоров между кугером и тескомовцем.

Вспышка Ивона его не тронула – бабка Калея предупредила.

– Если можно, то я готов! – с вызовом выкрикнул кугер. – Так как?

Переход их кабинета кугера Камрат не хотел производить, поэтому произнёс:

– Надо пройти в запретный бункер...

– А-а!.. Так вот вы откуда сюда попали... Идём!

Жуперр с беспокойством наблюдал за Ивоном. Обычно

при встречах он выглядел уравновешенным и внимательным к собеседнику, и докучливым, пока досконально не обсудит тему беседы. Оттого Жуперр так подробно объяснил цель их появления в кугуруме. Однако и знал, что за кугером тянулся шлейф молвы вплоть до безумных его поступков.

И сейчас Ивон словно сбросил должностные оковы, и весь его вид показывал о готовности броситься в любую авантюру. Не ожидая визитёров, он скорым шагом направился в запретный бункер, куда заглядывал лишь однажды, становясь кугером. По дороге, ничего не объясняя, прихватил с собой двух подвернувшихся под руку служащих кугурума.

Влетев в бункер, Ивон покрутился в середине. Капризно спросил, как только появился Камрат:

– Ну, и что надо сделать?.. Ну!

– Сесть! – грубо, как отрубил, отозвался Камрат, и указал на длинные, на несколько человек диваны у стен бункера.

Какой он шутник? Калея ошибалась, говоря о нём как о шутнике. Его высокий пост не вязался с поведением, тем более при незнакомых ему людях, Гелиной, да и своими сотрудниками.

Приказной окрик Камрата слегка смутил Ивона.

– Что... дальше?

– Всем сесть. Нужен адрес. Гелина!

– Дувар Правителя Габулина.

– Есть такой адрес, – отчётливо прозвучало в воздухе.

Позванные Ивоном молодые ещё мужчины ничего не по-

нимали, что происходит, а кугер ничего не пояснял, а лишь дёргался, будто готовился куда-то убежать.

Свет дрогнул, чуть потемнело. Появились чужие запахи. Люди так же сидели, но вид комнаты телепортации неузнаваемо изменился. Она стала просторнее, но сильно захламлённой, словно сюда выбрасывали ненужные вещи. Особенно бросался в глаза сапог у диванов, прямо под ногами сидящих на них.

Но этот сапог привёл Ивона ещё в более возбуждённое состояние. Он вскочил, стал что-то выкрикивать, пританцовывать и пинать сапог. Остальным оставалось присутствовать при его странном поведении.

– Мы перешли правильно?

На вопрос Камрата Гелина пожала плечами.

– Я сюда никогда не заглядывала.

– Жуперр, что с кугером? Неужели переход повлиял?

– У него бывает... – без интереса отозвался тескомовец. –

Но после коввды.

– Он сегодня не пил, – сказал один из сопровождавших Ивона, ничуть не удивляясь столь необычному поведению для Камрата кугера.

Калея предупредила, но не о таком же.

Гелина на все выкрутасы Ивона смотрела с улыбкой, ещё больше озадачивая Камрата. Наконец, он не выдержал.

– Остановись! – с силой дёрнул он за руку Ивона. – Ты чего это?

– Да это же мой сапог!.. Ха-ха-а... – закатился в смехе Ивон. – Я его лет двадцать назад подарил этим... Ну, кому сюда дорога заказана. Так вот он меня и встретил... Ха-а!.. И если бы не этот сапог, я бы вашей болтовне о переходе не сразу бы поверил. Сколько уже таких повидал... Не о вас речь.

Камрат только и мог, что покачать головой.

– Возвращаемся!

– Да, – уже без тени шутовства сказал Ивон. – А здесь почистить надо. А сапог... Я его возьму с собой... Да-а. Кто бы мог подумать? Сказка древних. Только скажи, и хоть на Луну... А что, и вправду теперь на Луну можно?

– Можно! Но не сейчас.

Глава 43

Сбор кугеров Сампатании назревал давно. А после бунтов и переворотов, когда бандека оказалась без центральной власти, стал необходимостью.

В стране царил хаос, терялись связи между городами и поселениями люде. Край Суременных гор рухнул не только на границе пустыни Снов, но и на западе Заповедника Выродков, едва не затопив Сопт. Пострадали толпы людей и путров, кинувшихся в обмелевшее Болото Второе. Банды опритов, гурты и малаки вышли к дорогам, творя безнаказанные проступки. Да и в самом Габуне не прекращались вы-

ступления группировок для захвата власти. Тескомовцы и командиры батланов находились в растерянности – к кому примкнуть, кого поддержать?

Но кугеры опасались поодиночке появляться в столице, к тому же добраться до неё по беспокойным дорогам нужны были время и надёжная охрана. Порой между кугурумами близких друг другу городов заключались договоры совместного похода в Габун, но связи были неустойчивыми...

Головная боль правителей городов и Тескома...

И вот появление некоего Аба-Ава в сопровождении кугера Примето, бывшей канилой Правителя бандеки и руководителя южного Тескома с известием о возможном использовании Узла Перехода, всколыхнуло весь кугурумат. А когда Камрат открыл каналы перехода между руководителями городов и поселений, то уже через месяц обстановка в Сампатаии резко изменилась. Теперь кугеры и тескомовцы могли общаться непосредственно и совместно готовить предложения по созданию в бандеке устойчивого правления.

Однако не везде в лучшую сторону. Это привело к тому, что Камрат, после очередной выходки одного из кугеров, выступившим с диктатом к главам небольших окрестных поселений, сказал:

– Я закрываю все каналы перехода до дня сбора кугеров в Габуне.

– И мне? – испугался Ивон, метивший уже ни много ни мало в Правители бандеки.

– Мы побывали с тобой везде и у всех, значит и тебе!

Камрату стали надоедать возрастающая заносчивость и непредсказуемость поведения Ивона. Он везде выгораживал свою персону, чуть ли не основную в деле будущего созыва кугеров, давал наставления, а порой даже не брезговал скрытыми угрозами.

Впрочем, к временному запрету пользования Узлом Перехода Камрат пришёл не без подсказки Индреса – Наставника.

– Так бывало и у древних, если переходы и общения людей превращались в предмет наживы, диктата или преступности.

Но вначале Камрат колебался, правильно ли он поступит, запретив переходы, но Индрис пояснил:

– Если не ты, то сам Узел Перехода имеет возможность оценки ситуации и право перекрыть все каналы телепортации. Иногда, правда, выборочно. Он отслеживает поступки людей, их замыслы.

– Ну, уж, – засомневался Харан, присутствующий при разговоре.

Они встретились у Индриса в его комнате в Керпосе.

– Так оно и было... Всё было, – уныло произнёс Индрис. – Люди порой словно обезумеют, и тогда случаются войны, перевороты. Зло овладевает людьми... Так было, так и есть. А Узел Перехода может усугубить зло, если предоставить бесконтрольное свободное перемещение в пространстве.

– Зачем же тогда древние люди ввели этот Узел Перехо-

да? – задался вопросом Харан. – Они же могли знать, чем это грозит.

– Узел Перехода во благо людей. Но древние, конечно, знали и о зле, вот почему и ввели в систему Узла Перехода всевозможные ограничения, вплоть для отдельных индивидуумов и даже закрытие всех каналов полностью.

– Ничего себе, – возмутился Ивон. – Он будет за меня решать, что я хочу сделать, так что ли?

– Не решать, а отсекать задуманное тобой зло, – пояснил Индрис.

– Ха!.. А кто знает, что такое зло, а что добро? Зло во благо! Слышали такое?

– Не нам решать, – спокойно проговорил Индрис на чуть ли не истеричные вопросы кугера.

– Но тогда, может быть, не надо вмешиваться в его работу? – сказал Камрат в надежде снять с себя обузу ответственности за ограничение, кому бы то ни было воспользоваться уникальной возможностью открыть для себя весь мир земной и побывать там, о чём не мог даже мечтать.

– Я не могу определённо сказать, как долго ты будешь... – Индрис пошевелил узкими губами, подыскивая слово. – Будешь полностью контролировать работу Узла Перехода. Он, в конце концов, выйдет из под твоего подчинения или влияния... Так уже было... Как будто. Поэтому не торопись отказываться от своей способности наладить нужные сейчас переходы.

Жуперр при встрече идею запрета перемещения поддержал. Он успел встретиться со всеми руководителями Тескома, с Марсьеком. Они обсудили вопросы, и пришли к выводу: скоропалительное открытие для всех Узла Перехода преждевременно. И не только из-за возможной неразберихи, когда все кинуться по каналам перемещения в пространстве.

Неожиданно обозначился любопытный, но неприятный для Тескома факт – это его не востребованность, не нужность. И то, а кого и что охранять? Если только поддерживать порядок в самих городах, да и то на улицах. Оттого между тескомовцами и кугурумами назревали трения.

И вообще, возникал такой же любопытный вопрос: древние пользовались Узлом перехода, но зачем при этом прокладывали вечные дороги? Ведь переход из одной точки пространства в другую не связан с дорогами. Вопрос надолго остался открытым, так ответа не находилось ни в анналах, ни в легендах, ни, пусть искажённой, памяти людей и путров.

Восстановление Узла Перехода недолго оставалось тайной для людей-обывателей городов и поселений. По Сампатании, да и по другим бандекам прокатились слухи, естественно, никакого отношения к реальным событиям не имеющие. На то они и слухи.

Члены команды, для них каналы перехода остались открытыми, стали появляться для встречи с Камратом и новостями. Новости были связаны в основном с нарастаю-

щей среди разумных теме разговоров о сказке, которая якобы стала былью. Даже появился Орей с таким же известием. Сам он никому не поведал о причинах своего исчезновения и способе возвращения, но с удивлением об Узле Перехода и его восстановлении узнал со стороны: люди и путры активно обсуждали событие.

Слухи, рассказы будто бы очевидцев, всколыхнули разумных. Стал нарастать ропот. Тескомовцы доносили о случаях захвата дуваров многоимённых в поисках точек телепортации. Банды спешно покидали свои базы и оприты устремились в населённые пункты, чтобы не прозевать воспользоваться Узлом Перехода. Впрочем, бóльшая часть желающих телепортироваться даже не представляла, как и куда они хотели бы совершить переход. Но сама возможность подогрела общий настрой.

Реально осведомлённые – кугурумы и руководители Тескома попытались было сбить волну недовольства, но безуспешно.

И наступил день, когда Камрат открыл Узел Перехода для всех, кроме связей с внеземными адресами.

Узел Перехода был открыт для всех. Правда, первыми узнали кугурумы и тескомовцы, но они не торопились оповестить о том всех. А все, все разумные на Земле и помимо них узнали эту радостную весть. Однако сразу воспользоваться таким удобным и заманчивым случаем отважились

немногие.

Наступило отрезвление.

Одно – я хочу, совсем иное – я могу.

Ропот разумных заглох. Теперь каждый присматривался к самому себе и вновь, но уже по-другому у него возникал вопрос – зачем мне Узел Перехода и куда я могу, а, главное, хочу осуществить переход?

Всё-таки многотысячелетнее разобщение людей, проживающих безвылазно в городах и населённых пунктах как в резервациях, диктовало их поведение, связанное с незнанием кого-либо, кроме соседа по улице, да и то не всегда.

Да и пункты телепортации имелись даже не во всех хабулинах. Кугурумы же не торопились пропагандировать и предоставлять некогда существовавшие общественные пункты перехода для всех желающих. Правда, порой память о таких всеобщих узлах давным-давно была утеряна, и предстояло их ещё отыскать.

Освоение Узла Перехода сразу же не обошлось без казусов. Кто-то попадал не туда, куда хотел. Впрочем, это как рядовое явление. Но иной адрес вдруг становился популярным настолько, что захлёстывал его столпотворением. Это создавало для местного населения неудобства – пришлые оттесняли их от раздаточных и закалочных, вели себя вопреки сложившимся здесь обычаям, вызываясь. Возникали стычки аборигенов с чужаками.

Вначале Камрат ощущал нервозность от подобных случа-

ев и несколько раз вмешивался в потоки телепортации. Но постепенно сам Узел Перехода стал выполнять свои функции управления, ограничения и упорядочивания всех процессов пространственного перемещения.

Камрат и его помощники из команды смогли заняться другими делами, основной частью которых являлось освоение связей с внеземными адресами...

Эпилог

Прошло десять лет...

Прекрасный летний день. Сажаней. Живописная площадка перед входом в хранилище Шельмы.

Три-Бланка встречает гостей.

Вначале предполагалось на десятилетие достижения и оживления Узла Перехода собрать только команду Камрата. Вспомнить, посмотреть друг на друга, поговорить. Обсудить, что удалось достигнуть за эти годы и наметить планы на будущее.

Однако узкого круга приглашённых не получилось.

Да и как можно обойтись без тех, кто способствовал команде, помогал освоению Узла Перехода. Появились многочисленные друзья, приобретённые на просторах бандек.

И дети, дети...

Целые выводки от К"нъца и Ф"ента, Т"евары и Р"япры, Х"вьюси. А между ними сын и дочь Камрата и Грении, сын

Орея, две дочери Харана и Гелины, два сына Свима и Клоуды, многочисленные отпрыски дурбов. И все вместе на равных.

Визг, писк, лай, мяуканье, верещание...

Взрослые вели себя солиднее, хотя дурбы устроили состязание, взяв в рефери Сестерция, и под хохот Невлоя колодили мечами друг друга по меленраям. Кугеры нашли общие темы, чтобы их обсудить, раз уж случилось увидеться в неофициальной обстановке. Степенные Кемеш и Хлен в окружении бывших опритов держались отдельно. Ольдим, наконец-то, исправил своё лицо, и теперь можно было не пугаться его искажённой улыбки. У женщин нашлись свои темы для разговора и дела.

И всё-таки...

В центре общего внимания находился невысокий щуплый человек с распущенной тяжёлой гривой тёмных волос, прикрывающих его спину почти до пят.

Звали его Тупа-как-Стека Семнадцатого Горизонта, которое располагалось в катакомбах Ганимеда.

Его появление на Земле – плод долгого поиска Камрата и примкнувших к нему в этом деле людей и путров за её пределами.

Но это уже другая история.

Написать автору: anawiwa@mail.ru

Глоссарий

Агреты – собирательное понятие стрелкового, метательного и иного оружия: арбалеты, луки, самострелы и т.д., огненного боя в описываемое время уже не знали.

Ауна – законная жена *многоимённого*, иногда вежливое обращение к женщине в присутствии её мужа.

Бандека – страна, территория, государственное образование – добровольное, но и исторически сложившиеся объединения городов с контролируемыми ими земельными пространствами под общим руководством столичных Правителей, иногда с соответствующим официальным языком (помимо всеобщего). Управление посредством полицейских организаций типа *Тескома*. Сампатания со столицей в Габуне – одна из таких бандек на земном шаре.

Батлан – крупное подразделение *Текскома*, создаётся на региональном уровне, состоит из *думов*.

Бермет – мера длины, двойной шаг, равная 1,4 ... 1,5 метра

Блеск – мера времени, равна $1/4$ *праузы*, примерно 18 минут.

Быкель – по сути своей – раб, существо, обычно путры, находящиеся у людей на правах раба, рабство преследуется властями, но в некоторых бандеках не является запретным, в Сампатании используется бандитами, жожальными, но вне тес-

комовских дорог.

Вечные – светильники, двигатели, энергоустановки, дороги, оборудование, одежда, обувь и т.п., способные выполнять свои функции в течение продолжительного времени (техника – тысячелетия), продукты древних, забытых со временем, технологий, воспроизводство в описываемый период лишь на бытовом уровне (одежда, пища, некоторые поделки, ...).

Вупертоки – единственный отряд псевдоразумных насекомых (саранчовые), несколько не контактирующих между собой видов и *кланов*, имеющих постоянное место зимовки, которую проводят в анабиозе.

Выродок – *путр*, в просторечии: всякий разумный-нечеловек биологического происхождения.

Глаудеры (двигатели веков) – движители из класса *вечных*, устанавливаются преимущественно на воздушных шарах *Тескома*.

Город – основное место проживания людей, обеспечивающий их выживание в деградирующей природе и обществе самих людей.

Гурт – стадо, толпа, большая группа кочующих вооруженных *путров* одного вида, обычно состоящих из одних самцов, исторгнутых *кланом*.

Дикие – неразумные, животные в отличие от *путров*.

Дикие Земли – заброшенные, необжитые человеком и даже выродками территории, прибежище бродяг, изгоев и бандитов, лишь в исключительных случаях пересекаемые *доро-*

гами, в основном *тропами*.

Дора – состояние разумного, когда он подчиняется чьей-то воле, чаще злой.

Дорога – основная, тескомовская, хожалая и т. п. – вид *вечных* древних дорог, соединяющих города между собой.

Древние – разумные (только люди), жившие до падения городов-спутников; обладали совершенными знаниями, технологиями, техникой; создатели *вечных* изделий, дорог и т.п., летавшие в Космос и освоившие планеты Солнечной системы с частичной их колонизацией, строго запретившие разработку, производство и применение *агретов*; жили примерно за 22 тысячи лет до описываемых событий.

Дум – подразделение (отряд) *Тескома*, полный дум насчитывает около двухсот бойцов (только людей), во главе дума – думерт.

Дурб – название и уважительное обращение к сильному, чаще вооруженному мечом человеку.

Дувар – подземелье, составная часть *хабулина*, образовалось благодаря нарастанию культурного слоя: древние постройки – здания, некоторые сооружения – постепенно погрузились под черту современного уровня почвенного горизонта, некоторые дувары имеют разветвленную сеть подземных залов и переходов. Часть дуваров может выступать городской собственностью.

Закалочные камеры – оставшаяся от *древних* система поддержания в исправном состоянии жизнедеятельности чело-

веческого организма путём его очищения и стимулирования, излечения некоторых болезней, исправления нарушений работы многих внутренних органов, залечивания ран, омолаживания. Посещение закалочных дело добровольное, однако, настоятельно рекомендуемое *Кругом Человечности*.

Збун – состояние атмосферы, лишенной озонового слоя, когда аэрозоли выметаются с некоторого участка земной поверхности и жёсткое излучение достигает дна атмосферы, обрушиваясь на флору и фауну.

Инеги – люди, имеющие трёхзвенное имя – нэм от буквы И до Т включительно.

Кавоть – персональное средство связи, дуплексное, переносное.

Канила – приёмная дочь многоимённого.

Кантар – мера длины, сорок *берметов* – около 60 метров.

Клан – общность *путров* одного какого-либо вида, ведут обычно оседлый образ жизни (на природе) со своими внутренними законами и порядком, историей, нравами, предками и атрибутами; в городах, где уставы разрешают находиться путрам ночью, организуются клановые дворы (не обязательно для каждого вида, чаще смешанные).

Коввта – алкогольный напиток с сильным специфическим запахом, желтоватый на цвет.

Когур – администратор во главе *кугурума*, руководитель, старшина города или населенного людьми пункта, выборно-добровольная должность из *многоимённых*.

Койна – составная часть городской стены, выполняет защитно-энергетические функции, отделяя экологическую среду города от внешней среды не только по периметру, но и в виде купола над городом. Горожане могут (в случае необходимости) беспрепятственно пересекать койну, предварительно предприняв меры по ее нейтрализации, например, перекинув через полосу койны доску или иной изолирующий материал, хотя можно обойтись даже без этого, но с неприятными ощущениями.

Комп – голова *торна*.

Копольц – индивидуальное средство защиты от *збуна* и дождя в виде складной шляпы с большими полями.

Крин – подразделение *Тескома* – десятая часть *дума*, насчитывает около двадцати бойцов, во главе крина – кринейтор.

Круг Человечности -

Кубры – дорожная одежда из класса *вечных*, грубые походные штаны.

Кугурум – администрация города или отдельного его района, а также здание, где она размещается.

Купор – подразделение *Тескома* – звено *крина*, обычно его четвёртая часть, но может насчитывать и больше бойцов в случае необходимости, во главе купора – купорен.

Лесовики – горожане, посещающие на свой страх и риск окресные городу леса – *упраны*, а порой уходящие вплоть до *Диких Земель*; те, кто на такое не отваживается, а это подав-

ляющая часть жителей городов, черпают сведения об окружающей среде от лесовиков, хотя их рассказы порой грешат вымыслом и фантастическими домыслами; поэтому иносказательно – лгуны.

Лапина – передняя конечность *пупра*, в процессе преобразования и эволюции приспособленная для выполнения той же роли, что и рука человека.

Личина – лицевая часть головы *пупра*.

Малак – смешанный *гурт*, *выродки* разных видов и полов.

Меленрай – защитный костюм *тескомовцев*, броня, изготовлен из *мелерона*, целиковый.

Мелерон – универсальный материал, заменитель металлов.

Минт – сотая часть *праузы*, примерно 40-45 секунд.

Многоименные – люди (семьи), ведущие свою родословную от далеких предков; каждый очередной потомок добавляет своё индивидуальное имя к общему их перечню – нэму; все имена начинаются на одну букву, чем длиннее имя, тем эта буква ближе к началу алфавита; элитным именам или нэмам счёт ведётся со *стоименных* и выше.

Ност – лицевая часть головы – *компа* – *торнов*.

Нэм – у людей, набор имён, начиная с личного, обычно три, в особых случаях – пять первых, *одноимемённые* нэма не имеют.

Одноименные – имеющие всего одно имя: *изгои*, не знающие своих родителей, по каким-то причинам скрывающие

свой *нэм* и т. д.

Одур – дикая обезьяна с зычным громоподобным голо-
сом, обитает вблизи городов в лесных окрестных зарослях –
упранах.

Оприт – член банды, самоназвание.

Ориалипия – обряд добровольного ухода из жизни в среде
многоименных; обычно главы семей, муж и жена вместе.

Прауза – мера времени, в сутках 20 прауз, примерно 70
– 72 минуты.

Проклятые Века -

Пукель – поясной походный мешок, кошель для мелочей,
необходимых в дороге.

Путры – общее (вежливое для них) название разум-
ных-нелюдей, потомков животных; обращение к путрам:
уважительное – куди, стехары, помелы, хилоны, раты, грубо-
ватое – стоки, бугры, уничижительное – хлюки.

Пуриурки – род змей, обладающий коллективным разу-
мом.

Разумные – люди и нелюди, обладающие разумом; к ним
относят собственно людей и *тронутых изменением*; *путров*:
выродков и *хонперсуксов*; *торнов*: *настоящих* (регламенти-
рованных) и *выючных*.

Рахмы обменные – род стоимостного эквивалента, по сути
деньги, но дающие ограниченные права их обладателям: по
определенному месту использования и неширокий обмен-
ный круг необходимых разумному вещей. Обычно исполь-

зуются *хожалыми* при переходах из города в город для получения еды в небольших поселениях, где собственных раздаточных не хватает.

Сарка – питьевая фляга, неизменный атрибут любого человека, иногда вещь именная, специальное устройство (с само заполнением) для конденсации экологически чистой воды.

Сатен – второй летний месяц.

Свидж – мера длины, равная примерно полутора километрам – тысяча *берметов*.

Стоименные – *многоименные*, у которых в перечне предков около ста имен.

Страм – имярек, бесстрашный до безумства, обычно после приема *харвы*.

Судорожное Возрождение – попытка людей восстановить свои блага после падения городов-спутников на землю. Термин, возможно, возник в те времена среди *древних* или чуть позже, когда стало ясно, что потуги человечества обречены на провал и началась эра *Полной Деградации*.

Тасмед – признанный вожак *гурта* или *малаки*.

Теском – организация, служба контроля и наблюдения за порядком в *бандеке Сампатани*, выполняет полицейские функции; в других бандеках может называться по иному. Структуру и построение (см.).

Тескомовцы – служащие, воины (бойцы) *Тескома*.

Торны – самовоспроизводящиеся, человекообразные био-

роботы, различают два вида (класса): настоящие или регламентированные торны и выючные торны; настоящие живут *кланами*, разумны; выючные управляются людьми, служат для переноски поклажи в городах и между ними (караваны), имеют программированный разум, но относятся к разумным, так как обладают некоторой долей мышления и воли.

Тронутые изменением – люди-мутанты, особый вид людей, обладающих некоторыми особенностями, недоступные обычным людям: телепатия, отказ от жизни в городе, умение жить в природе, вплоть до потребления пищи и воды.

Тупая собака – разновидность очень крупной и сильной *дикой* собаки, тем не менее, обладающей зачатками разума, направленного на бессмысленное убийство *путров*. Иногда привязывалась к человеку, видя в нем покровителя, иногда становясь для него верным защитником от других диких. Хожалые старались иметь в дороге такую собаку, но *Теском Сампатаниш* не позволяли собакам покидать отведенного им урочища в районе Сопта.

Упраны – лесные заросли вокруг городов, их возникновение связано с питательной средой за счет сточных вод города, удобряющих землю на многие *свиджи*, характерны мощные деревья, густой подлесок, выступают как прибежища основной массы *диких*.

Ухропы – люди, имеющие трёхзвенное имя – нэм от буквы У до Ч включительно.

Фундаментальная Арена (Фундарена) – одна из многочисленных тайных (якобы) организаций, ставящей перед собой ряд задач, отличных или не совпадающих с официальным курсом Правителей, в том числе и с *Тескомом*, дальняя цель – взять власть в бандеке с превалированием человеческой доминанты и возрождение ее культуры.

Фундаренец – член *Фундаментальной Арены*.

Хабулин – дом, территория, хозяйство *многоимённого*.

Хапра – психико-физическая подготовка человека для определенных целей: методы ведения боя, поведенческие реакции; в описываемое время запрещена *Тескомом* по причине невозможности следить за такими людьми и их превосходства над самими *тескомовцами*. Знаток хапры – хапрель.

Харва – наркотик из ягоды одноименного кустарника.

Хирис – школа подготовки *тескомовцев*.

Хожалые – посвятившие свою жизнь или ее часть на переходы из города в город ради интереса или изгойства.

Хопперсукс – хопс – *выродок* выродков, разумный *путр*, помесь различных видов животных – по сути, химера.

Чигир – боевое оружие в виде палки с насаженным каменным шаром на одном ее конце, булава.

Шейн – обращение к официальному лицу – начальнику, у *тескомовцев*.

Швыхи – люди, имеющие трёхзвенное имя – нэм от буквы

Ш до Я включительно.

Шивда – не тескомовец, бранное у *тескомовцев*.

Эра Полной Деградации – период времени в истории человечества, когда оно распрощалось с идеями *Судорожного Возрождения* и стало медленно уступать свой приоритет другим разумным, а само превращаться во всё больше тупеющее сообщество особей по имени – человек.

Написать автору: anawiwa@mail.ru